ISSN 2617-7544; eISSN 2617-7552
Индекс 75876; 25876

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Психология және социология сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия психологии и социологии

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

THE JOURNAL

of Psychology & Sociology

№2 (73)

Алматы
«Қазақ университеті»
2020

ISSN 2617-7544; eISSN 2617-7552
Индекс 75876; 25876

ХАБАРШЫ

ПСИХОЛОГИЯ ЖӘНЕ СОЦИОЛОГИЯ СЕРИЯСЫ

№2 (73) маусым

04. 05. 2017 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникация министрлігінде тіркелген

Куәлік № 16504-Ж

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады
(наурыз, маусым, қыркүйек, желтоқсан)

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ
Айдосова Жанерке *(Қазақстан)*
+7 701 452 1551, e-mail: aydosova.zhanerke@kaznu.kz

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:
Жаманбалаева Ш.Е., ғылыми редактор, социол. ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Аймағанбетова О.Х., ғылыми редактордың орынбасары, психол.ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Әбдірайымова Г.С., социол.ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Мадалиева З.Б., психол.ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Ахтаева Н.С., психол.ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Ерментаева А.Р., психол. ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Шаукенова З.К., әлеум.ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Шеденова Н.У., социол.ғ.д., доцент (*Қазақстан*)
Дүйсенбеков Д.Д., психол.ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Серікжанова С.С., PhD докторы, доцент м.а. (*Қазақстан*)
Бурханова Д.К., PhD доктор, доцент (*Қазақстан*)
Колева Ирина (Koleva Irina), педагог. ғ.д., профессор (*Болгария*)
Балихар Сангера, PhD доктор, профессор (*Ұлыбритания*)
Виктор Агаджанян, PhD докторы, профессор (*АҚШ*)
Фей Сан, PhD докторы, профессор (*АҚШ*)
Гаутам Н. Ядама, PhD докторы, профессор (*АҚШ*)
Ечевская О.Г., социол.ғ.к., доцент (*Ресей*)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ
Адилова Э.Т., докторант (*Қазақстан*)

Психология және социология сериясы журналының негізгі тақырыптары – теориялық, эксперименттік және практикалық-қолданбалы сипаттағы өзекті психологиялық, әлеуметтік-психологиялық жұмыстар, сонымен қатар әлеуметтану және әлеуметтік жұмыс саласындағы жұмыстар

Ғылыми басылымдар бөлімінің басшысы
Гульмира Шаккозова
Телефон: +7 747 125 6790
E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:
Гульмира Бекбердиева
Ағила Хасанқызы

Компьютерде беттеген
Айша Калиева

ИБ № 13627

Пішімі 60x84 $^{1}/_{8}$. Көлемі 12,3 б.т. Тапсырыс №4437.
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің «Қазақ университеті» баспа үйі.
050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.
«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2020

1-бөлім

ПСИХОЛОГИЯ

Section 1

PSYCHOLOGY

Раздел 1

ПСИХОЛОГИЯ

МРНТИ 15.81.35 . https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.01

Г.О. Тажина[1], К.Т. Таирова[2]

[1]PhD, центр социальных исследований, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: tazhina.g@uib.kz,
[2]Магистрант, Университет Международного Бизнеса, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: tkamila6131@gmail.com

КАРЬЕРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТОВ

В статье представлены результаты пилотного исследования феноменов организационной лояльности и карьерных ориентаций преподавателей иностранных языков университетов. Карьерные ценности рассматривались как предикторы организационной лояльности. Интернационализация, глобализация и полиязычие высшего образования влекут за собой востребованность преподавателей иностранных языков, которые часто преподают, в частности английский язык в нескольких рабочих местах. Выявление и формирование организационной лояльности (приверженности) является проблемой, элементом организационной культуры и академической политики университета. Понимание предикторов организационной лояльности через выявление и воздействие на карьерные ориентации педагогов актуализирует исследования, посвящённые изучению многомерных связей этих феноменов и путей формирования организационной приверженности преподавателей.

Объектом исследования являются преподаватели иностранных языков университетов. Предмет исследования – компоненты и уровни организационной лояльности и карьерных ориентаций. Цель исследования: изучение организационной лояльности преподавателей вузов и их карьерных ориентаций как предикторов. В качестве общей гипотезы выступает предположение, что существует взаимосвязь между организационной лояльностью и карьерными ориентациями преподавателей. В пилотном исследовании участвовали 66 преподавателей иностранных языков алматинских университетов. Выводы статьи отражают результаты проведенного исследования.

Ключевые слова: организационная лояльность, приверженность, карьерные ориентации, преподаватель вуза.

G.O. Tazhina[1], K.T. Tairova[2]

[1]PhD, Center for Social Research, Kazakhstan, Almaty
e-mail: tazhina.g@uib.kz
[2]graduate student, University of International Business,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: tkamila6131@gmail.com

Career anchors as predictors for organizational commitment of university teachers

The paper presents a pilot study for two phenomena, organizational commitment and career anchors of university foreign language teachers. Career values were seen as predictors of organizational commitment. Internationalization and multilingualism of higher education entail the demand for foreign language teachers, who often teach, particularly, English in several workplaces. Knowing multi-dimensional connections between those phenomena makes it possible to influence organizational commitment through career orientations of teachers. Identifying and building organizational commitment is an issue of the university organizational culture and academic policy.

The study objects are 66 university teachers for foreign languages from Almaty universities. The components of organizational loyalty and career orientations are the research subject matter. The study aimed at the organizational loyalty of university teachers and their career orientations as predictors. The research question focused on a relationship between organizational loyalty and career orientations of teachers. Conclusions reflect the results of the study.

Key words: organizational commitment, loyalty, career anchors, university teacher.

Г.О. Тажина[1], К.Т. Таирова[2]
[1]PhD, Әлеуметтік зерттеулер орталығы, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: tazhina.g@uib.kz
[2]магистрант, Халықаралық Бизнес Университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: tkamila6131@gmail.com

Жоғары оқу орны оқытушыларының ұйымдастырушылық адалдығының болжамшысы ретіндегі мансаптық бағдарлары

Мақалада университеттің шет тілі оқытушыларының ұйымдастырушылық адалдығы мен мансаптық бағдарлары құбылыстарын пилоттық зерттеу нәтижелері келтірілген. Мансаптық құндылықтар ұйымдық адалдықтың болжаушысы ретінде қарастырылды. Жоғары білімнің ұлтаралықтығы, жаһандануы және көптілділігі көбінесе бірнеше жұмыс орындарында ағылшын тілін оқытатын шет тілі оқытушыларына деген сұранысты тудырады. Ұйымдастырушылықты (адалдықты) анықтау және қалыптастыру проблемасы, университеттің ұйымдастырушылық мәдениеті мен академиялық саясатының элементі болып табылады. Оқытушылардың кәсіби бағдарларын айқындау және оларға әсер ету арқылы ұйымдастырушылық адалдықты болжаушыларды түсіну осы құбылыстардың көп өлшемді байланыстары мен оқытушылардың ұйымшылдықты қалыптастыру жолдарын зерттеу бойынша зерттеулерді өзектейді.

Зерттеу нысаны – университеттердегі шет тілдерінің оқытушылары. Зерттеу пәні – ұйымдастырушылық адалдық пен мансаптық бағдарлаудың компоненттері мен деңгейлері. Мақсаты: университет оқытушыларының ұйымдастырушылық адалдығын және олардың болжаушы ретінде мансаптық бағдарларын зерттеу. Жалпы гипотеза – бұл оқытушылардың ұйымдастырушылық адалдығы мен мансаптық бағдарлары арасында байланыс бар деген болжам. Пилоттық зерттеуге Алматы жоғары оқу орындарының 66 шет тілі оқытушысы қатысты. Мақаланың тұжырымдары зерттеу нәтижелерін көрсетеді.

Түйін сөздер: ұйымдық адалдық, жақтаушылық, мансаптық бағыт, университет оқытушысы.

Введение

Проблема организационной лояльности (приверженности) является актуальной с точки зрения имплементации в практике организационной культуры (Rocha et al, 2008), реализации потенциала социального капитала и ее решение может быть использовано для диагностики и управления приверженностью сотрудников организации (Берлизева, 2013).

Эта тема также актуальна для институтов высшего образования, где организационная лояльность (приверженность) преподавателя академической политике университета напрямую отражается на будущем человеческом капитале социума (Ghalavandi, 2010). Интернационализация, глобализация и полиязычие высшего образования влекут за собой востребованность преподавателей иностранных языков, которые часто преподают, в частности английский язык в нескольких рабочих местах. Выявление и формирование организационной лояльности (приверженности) преподавателя является проблемой, элементом организационной культуры и академической политики университета. Понимание предикторов организационной лояльности через выявление и воздействие на карьерные ориентации педагогов актуализирует исследования, посвящённые изучению многомерных связей этих феноменов и путей формирования организационной приверженности преподавателей.

Хотя исследования феномена организационной лояльности продолжаются более полувека, в научной литературе еще существуют разные подходы относительно понятия «приверженность», и не сформировано унитарное определение этого явления. В разных подходах конструкты лояльности частично идентичны, но иногда – противоречивы (Трофимова, Бондаренко, 2013). В частности, рассматривать феномен лояльности как аттитюд или как модель поведения.

Так, организационная лояльность интерпретируется как «привязанность сотрудника к организации и чувство включенности в рабочее место» (O'Reilly & Chatman, 1986), «степень восприятия работником организационных ценностей, целей и его вклада в них (Jans, 1989), «относительная сила идентификации личности и участия в организации» (Cohen, 1993).

Интересной является модель организационной лояльности из пяти элементов: соответствие и принадлежность, статус и индивидуальность, доверие и взаимность, эмоциональное вознаграждение, экономическая взаимозависимость, соответствующие потребностям работника: быть принятым, уважение, безопасность, развитие, материальные средства (O'Malley, 2000).

Еще одна модель предлагает изучать лояльность к организации как «установку держаться в границах законности, корректно и благожелательно относиться к организации, в которой сотрудник работает» (Почебут, Чикер, 2000)

Известное признание и распространение получила трехкомпонентная концепция, в которой конструкты лояльности подчиняются максимально гибкой схеме. Авторы развивали и пересматривали определение лояльности более 10 лет и в итоге определяют, что «лояльность – это сила, которая привязывает человека к образу действий, соответствующему одной или нескольким целям» (Allen & Meyer, 2000). Предложенные виды организационной лояльности: аффективная, продолженная и нормативная лояльность. Аффективный компонент подразумевает «идентификацию, вовлеченность и эмоциональную привязанность» к компании. Высокий уровень аффективной лояльности свидетельствует, что работник желает оставаться в данной организации. Под продолженной лояльностью авторы рассматривают те личные и профессиональные вложения, которые сотрудник уже инвестировал в организацию, и последствия и альтернативы, которые ожидают его или ее после увольнения из данной организации. При высокой продолженной лояльности сотрудник сохраняет свое место в организации, взвесив и проанализировав имеющиеся выгоды. Нормативная лояльность складывается на основе чувства долга, ответственности относительно данной организации. Показатели значительной нормативной лояльности сотрудника показывают, что такой человек в силу высокого уровня социальной ответственности и долженствования сохранит верность организации.

Более поздние исследования выявили, что в настоящее время сотрудники имеют меньшую организационную приверженность по сравнению с предыдущими поколениями (Benson & Brown, 2009), организационная лояльность зависит от возраста и образования (Ling & Yuen, 2014), организационная лояльность подразумевает «эмоциональную привязанность работника, которая формируется через предыдущий опыт работы, личностные характеристики работника и восприятие организации» (Иванова, 2019).

На сегодняшний день в русскоязычных публикациях на тему организационной лояльности наиболее известны работы В. Доминяк (2006), который считает, что организационная приверженность формируется на основе субъективного восприятия индивидом различных ситуаций, в том числе организационного, предыдущего поведения и их интерпретации, с учетом текущей индивидуальной мотивационной картины.

Рассмотренные подходы к организационной приверженности позволяют рекомендовать руководителям институтов высшего образования анализировать, прогнозировать и планировать действия, направленные на укрепление лояльности преподавателей и сотрудников. В этом контексте нас интересовал вопрос идентификации предикторов организационной лояльности сотрудников. В научной литературе имеются немногочисленные исследования, указывающие на наличие взаимосвязи между организационной приверженностью и карьерными ориентациями сотрудников. Результаты даже этих немногочисленных исследований неоднозначные. Поэтому выявление многомерных связей между феноменами организационной приверженности и карьерными ориентациями преподавателей вузов актуализирует исследовательские вопросы данного пилотного исследования. При этом изучение организационной приверженности проводится чаще всего на основе трехкомпонентной концепции (Allen & Meyer, 2000) и карьерных ориентаций – на основе якорной концепции (Schein, 1996). Известный своей теорией организационной культуры Э. Шейн считает, что якорная концепция карьеры естественна для любой культуры, но в то же время карьерные ориентации отличаются между разными культурами. Соответственно, система развития карьеры должна быть адаптирована к определенным особенностям культуры, и в частности к организационной культуре и академической политике университета: «для крупной многонациональной компании будет неэффективно применять одну и ту же систему или вести одинаковый диалог в своих дочерних компаниях по всему миру» (Schein, 1996).

В исследовании, проведенном в Сингапурском университете менеджмента, ученые выявили высокую степень взаимосвязи между карьерными якорями педагогов, их удовлетворенностью работой и намерениями оставить работу. Последние являются индикаторами организационной приверженности. Как утверждают авторы, результаты исследования «важны для понимания этой группы работников, формирующих будущее поколение человеческого капитала на своих рабочих местах» (Tan & Quek, 2001).

Аналогичное исследование, проведенное в Иране, обнаружило положительную значимую связь между компонентами якорей карьеры и

организационной приверженностью преподавателей университета. А именно, статистически доказано, что предикторами организационной приверженности являются профессиональная компетентность, менеджмент (управленческая компетентность), автономия, вызов и интеграция стилей жизни (Ghalavandi, et al., 2012).

Иные данные были получены в выборке работников южноафриканской компании: обнаружена значительная, но слабая связь между якорями карьеры и организационной приверженностью сотрудников. Автор указывает карьерные ориентации, предпринимательство, служение и интеграция стилей жизни как лучшие предикторы уровня организационной лояльности. В то же время выявлено, что участники эксперимента с высокой аффективной и нормативной приверженностью остаются в организации с большей вероятностью. Данное исследование подтвердило, что на взаимосвязь карьерных ориентаций и организационной приверженности влияет раса, занимаемая должность и возраст, но не влияет пол сотрудника (Clinton-Baker, 2013). С приведенным выше исследованием, проведенным в Иране, совпадает только фактор «интеграция стилей жизни» как предиктор организационной лояльности.

Последние исследования российских ученых с использованием конфирмативного факторного анализа свидетельствуют, что модератором связи объективного успеха с карьерным потенциалом работника является компетентность работника в организации решения рабочих задач. У работников с более высоким уровнем задачной (профессиональной) компетентности объективный успех зависит от сочетания адаптивности работника с его профессиональной мобильностью, т.е. готовностью сменить сферу деятельности и место работы. Последний фактор носит название «стабильность места работы» в концепции карьерных ориентаций (Маничев, Старикова, 2018).

Эти результаты частично подтверждают исследования других российских ученых, которые выявили, что такие карьерные ориентации как «профессиональная компетентность» и «интеграция стилей жизни» являются наиболее выраженными и преобладающими стимулами к развитию карьеры научно-педагогических работников и инструментом повышения их вовлечённости в организационные процессы (Давыдова, Карпова и Тарасова, 2018).

В контексте изучения организационной лояльности и карьерных ориентаций в российских условиях приведенное выше исследование является наиболее широко признанным (Доминяк, 2006). Автор разработал расширенную модель и формулу прогноза организационной лояльности сотрудника и установил наличие прямой связи данного феномена с занимаемой должностью и положительной нелинейной связи со стажем работы. В отличие от южноафриканской культуры, в российской культуре уровень организационной лояльности не изменяется с возрастом.

Таким образом, изучение литературы по проблемам организационной лояльности и карьерных ориентаций сотрудников различных организаций, и в том числе преподавателей университетов, позволяет анализировать перспективы сотрудничества работника и организации.

Методология

В данном пилотном проекте использован метод количественного исследования с использованием стандартизированных тестовых опросников. Целевая аудитория состояла из вузовских преподавателей иностранных языков и основывалась на вероятностной (случайной) выборке. Из 85 распространенных вопросников были отобраны 66 валидных анкет, что составляет 78,5% от общего числа, которые были подвергнуты интерпретации и анализу в качестве реальных ответов. Опросник состоял из 3-х частей. Часть 1 включает в себя методику диагностики ценностных ориентаций в карьере «Якоря карьеры», разработанную Э.Шейном (Shein, 1996) и адаптированную в русскоязычной версии (Почебут, Чикер, 2000). Часть 2 представляет собой опросник «Организационная лояльность сотрудников организации» (Allen, Meyer, 2000), адаптированный в русскоязычной культуре В. Доминяк (2006), состоящий из 18 утверждений. Часть 3 представляет собой вопросник, связанный с демографическими данными респондентов. В выборке представлены 4 респондента мужского и 62 – женского пола; в том числе 8 преподавателей в возрасте 21-25 лет, 32 респондента 26-30 лет и 26 – в возрасте 31-35 лет. Подавляющее большинство респондентов (55) имеют образование на уровне магистратуры, 5 преподавателей – закончили бакалавриат, и 6 имеют степень PhD; при этом 26 педагогов имеют общий педагогический стаж работы до 5 лет, 19 преподавателей – от 6 до 10 лет и 21 – от 11 и более лет. Один из вопросов касался стажа работы в данном университете: до 1 года – 16 педагогов, 1-2 года – 11 респондентов, 3-5 лет – 22 педагога, 6-10 лет – 11 преподавателей, и более 11 лет – 6 человек. Статистическая обработка данных проведена в

программе IBM SPSS-23. Описательные и логические статистические методы использованы, чтобы решить следующие задачи:

1) определить уровень проявлений организационной приверженности, карьерных ориентаций, и значимые корреляции между этими факторами в выборке респондентов, преподавателей иностранных языков вузов;

2) установить, какие компоненты карьерных ориентаций и демографических характеристик могут быть предикторами организационной лояльности преподавателей университетов;

3) сформулировать рекомендации для проведения экспериментального исследования карьерных ориентаций и организационной приверженности с расширенной выборкой преподавателей вузов для структурного моделирования стратегии организационной культуры вуза и имплементации выводов в соответствующие разделы организационной психологии.

Результаты и обсуждение

Результаты этого исследования представлены в соответствии с поставленными исследовательскими задачами.

Уровень карьерных ориентаций преподавателей университетов. Описательная статистика уровня карьерных ориентаций преподавателей университетов, участвовавших в исследовании, приводится в таблице 1.

Таблица 1 – Среднее, стандартное отклонение и уровень карьерных ориентаций

	Профессиональная компетенция	Менеджмент	Автономия	Стабильность работы	Стабильность места жительства	Служение	Вызов	Интеграция стилей жизни	Предпринимательство
Среднее (N=66)	6,47	5,43	7,5	8,06	4,91	8,15	5,79	7,81	6,09
Стандартное отклонение, SD	2,07	2,21	1,78	2,19	2,49	1,86	2,01	1,38	2,13
Уровень	Средний	Средний	Высокий	Высокий	Низкий	Высокий	Средний	Высокий	Средний

Уровни карьерных ориентаций «служение» (M=8,15 при SD – 1, 86), «стабильность работы» (M=8,06 при SD – 2, 19), «интеграция стилей жизни» (M=7,81 при SD – 1, 38) и «автономия» (M=7,5 при SD – 1, 78) являются высокими в данной выборке.

Наибольшая выраженность карьерной ориентации «служение» в изучаемой выборке преподавателей свидетельствует о преобладании у них таких ценностей как «работа с людьми», «служение человечеству», «помощь людям», «желание сделать мир лучше» (Shein, 1996: 88). Такие профессионалы стремятся реализовать свои навыки и опыт для социально значительной цели, быть полезными для сообщества, видеть определенные результаты своего труда, часто без акцента на материальное вознаграждение.

Выраженность карьерной ориентации «стабильность работы» определяется значительной потребностью преподавателей в определенности, устойчивости и предсказуемости. В сочетании с ценностью «служения», «стабильность места работы» подразумевает заинтересованность в преподавании в таком университете, который отличается стабильным положением и надежностью на рынке образовательных услуг. Для педагогов с преобладанием этой карьерной ориентации работа и карьера отождествляются.

Уровни карьерных ориентаций «интеграция стилей жизни» и «автономия» – высокие и приблизительно одинаковые, что свидетельствует о разнонаправленных ценностях карьеры. Для первой характерно стремление к балансу и уравновешенности потребностей карьеры, семейных и личных интересов с тенденцией к конформности, для второй – стремление работать самостоятельно, независимо, своим способом, темпом и по собственным стандартам.

Выявлены средние уровни карьерных ориентаций «профессиональная компетенция» (M=6,47 при SD – 2,07), «предпринимательство» (M=6,09 при SD – 2,13), «вызов» (M=5,79 при SD – 2,01) и «менеджмент» (M=5,43 при SD – 2,21).

Преподаватели университетов в изучаемой выборке, хотя и ориентированы на развитие «профессиональной компетенции» и навыков в области их специализации, проявляют эти стремления умеренно, на среднем уровне. Так же умеренно проявляется у преподавателей вузов стремление к созданию собственного бизнеса, новых товаров или услуг, к преодолению препятствий, «вызову» рискам, конкуренции, и к власти, управлению.

Карьерная ориентация «стабильность места жительства» имеет наименьший уровень (M=4,91 при SD-2,49), что означает, что переезды и частые командировки являются неприемлемыми у преподавателей вузов.

Полученные результаты подтверждают ранее проведенные исследования (Tan & Quek, 2001; Parker & Tazhina, 2012; Фадеева, 2012) о различных уровнях карьерных ориентаций работников в организациях. Также эти результаты частично согласуются с итогами другого исследования о карьерных ориентациях и профессиональной самореализации преподавателей высшей школы (Сабанчиева, 2010), в которой установлено, что высокий уровень якорей карьеры в российской выборке университетских педагогов характерен для «профессиональной компетенции», «стабильности работы» и «служения», низкий – для карьерной ориентации «предпринимательство».

Таким образом, в пилотном исследовании у преподавателей университетов преобладающей карьерной ориентацией оказалась главная гуманистическая ценность в профессии педагога – «служение». Преподаватели вузов указывают как приоритетное направление своей профессиональной карьеры – «служение» их творческого потенциала, чтобы приносить пользу студентам, университету, обществу. Высокий уровень и сочетание карьерной ориентации «служение» с карьерной ценностью «стабильность работы» могут быть основой для формирования организационной приверженности преподавателей вузов, предикторами создания привлекательной и сильной организационной культуры университета с гарантией реализации потенциала преподавателей и постоянной их занятости на одном рабочем месте.

Уровень организационной лояльности преподавателей университетов. Описательная статистика уровня организационной лояльности преподавателей университетов, участвовавших в исследовании, приводится в таблице 2.

Таблица 2 – Средняя, стандартное отклонение и уровень организационной лояльности

	Аффективная лояльность	Продолженная лояльность	Нормативная лояльность	Общая организационная лояльность
Среднее (N=66)	3,47	3,48	3,78	3,58
Стандартное отклонение, SD	0,89	1,32	1,40	1,01
Уровень	Средний	Средний	Высокий	Высокий

Результаты показывают, что показатели измеренных шкал аффективной и продолженной лояльности преподавателей университетов имеют средний уровень выраженности, а нормативная лояльность и общая организационная лояльность проявляются на высоком уровне. Так, уровень аффективной лояльности колеблется в пределах 1,33 – 6,33 баллов. Показатели продолженной лояльности варьируют в пределах 1,0 – 6,5 баллов, и нормативная лояльность изменяется от 1,17 до 6,83 баллов.

Полученные результаты подтверждают ранее приведенные исследования по компонентам организационной лояльности (Allen, Meyer, 2000: 297; Доминяк, 2006: 193), где авторы указывают на основную особенность трехкомпонентной модели. Эта особенность заключается в том, что компоненты развиваются независимо друг от друга на основе различных предпосылок и посредством различных процессов. Поэтому, полученные данные приблизительно одинакового среднего уровня аффективной и продолженной

лояльности преподавателей университетов объяснимы. Так, аффективная лояльность (M=3,46 при SD-0,89) формируется на основе опыта работы, вследствие взаимодействия сценариев «организационная поддержка и справедливость» и «личная значимость и компетентность».

Продолженная лояльность (M=3,48 при SD-1,32) вырабатывается на базе осмысления и анализа персональных инвестиций в организацию и понимания вероятных последствий, если работник покинет организацию.

Нормативная лояльность (M=3,78 при SD-1,40) развивается в процессе социализации в семье, социуме и организации. При этом различные виды и формы организационной социализации обусловливают достаточно высокий уровень нормативной приверженности сотрудника, стимулируя желание последнего отплатить организации.

Таким образом, изученная в данной выборке трехкомпонентная структура организационной лояльности соответствует «концепции социально-психологической установки, включающей эмоциональную, когнитивную и поведенческую (интенциональную) составляющие» (Доминяк, 2006: 197). С позиций исследуемых задач, аффективную лояльность преподавателей как форму психологической привязанности к организации следует развивать до высокого уровня для формирования сильных положительных установок к университету. Также инвестиции вузов в повышение квалификации педагогов и другие социализующие мероприятия могут еще более усилить продолженную и нормативную лояльность, что отразится на увеличении уровня общей организационной лояльности (Ghalavandi и др., 2012: 65). В свою очередь высокая организационная лояльность (приверженность) преподавателей к университету способствует достижениям и академической эффективности процесса преподавания.

Взаимосвязь между уровнем карьерных ориентаций и организационной лояльностью преподавателей университетов. Проведен анализ двустороннего типа связи (как положительной, так и отрицательной, по принципу «все со всеми») между уровнями карьерных ориентаций и организационной лояльности преподавателей университетов (табл. 3). Значимые коэффициенты корреляций отмечены в матрице.

Таблица 3 – Взаимосвязь между уровнем карьерных ориентаций и организационной лояльности

	Профессиональная компетенция	Менеджмент	Автономия	Стабильность работы	Стабильность места жительства	Служение	Вызов	Интеграция стилей жизни	Предпринимательство	Аффективная лояльность	Продолженная лояльность	Нормативная лояльность
Профессиональная компетенция	1	,111	,336**	,380**	,286*	,542**	,498**	,339**	,195	,215	,263*	,079
Менеджмент		1	-,090	,158	,115	,093	,512**	,212	,592**	,069	-,113	-,126
Автономия			1	,307*	,191	,452**	,130	,533**	,294*	,125	,240	,133
Стабильность работы				1	,205	,468**	,263*	,436**	-,054	,194	,296*	,273*
Стабильность места жительства					1	,167	,216	,231	,155	,516**	,324**	,101
Служение						1	,439**	,575**	,229	,135	,286*	,096
Вызов							1	,363**	,454**	,147	,136	,100
Интеграция стилей жизни								1	,383**	,117	,124	,022
Предпринимательство									1	,049	-,142	-,237
Аффективная лояльность										1	,537**	,409**
Продолженная лояльность											1	,735**
Нормативная лояльность												1
**. Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон).												
*. Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон).												

Шкалы организационной лояльности коррелируют между собой в пределах 0,324-0,537 при $p \leq 0,01$, и шкала «продолженная лояльность» показывает сильную степень связи с шкалой нормативной лояльности R=0,735 при $p \leq 0,01$. Большинство шкал карьерных ориентаций имеют положительную среднюю степень связи между собой (R=0,336-0,592 при $p \leq 0,01$).

Обнаружены значимые корреляционные связи уровне $p \leq 0,05$ между шкалами карьерных ориентаций и организационной лояльности: «профессиональная компетенция – продолженная лояльность» (0,263), «стабильность работы – нормативная лояльность» (0,273), «стабильность работы – продолженная лояльность» (0,296), «служение – продолженная лояльность» (0,286). Более значимые корреляционные связи уровне $p \leq 0,01$ установлены между шкалами «стабильность места жительства – аффективная лояльность» (0,516), «стабильность места жительства – продолженная лояльность» (0,324).

Полученные результаты в определенной степени согласуются с данными других исследователей (Allen, Meyer, 2000: 293; Доминяк, 2006: 183; Clinton-Baker, 2013: 167), которые установили тесную корреляцию между аффективной шкалой и общей организационной лояльностью, отсутствие существенной корреляции между продолженной шкалой и общей организационной лояльностью, и сильная связь между аффективной и нормативной лояльностью. В последующих исследованиях Мейер и его коллеги доказали, что два последних конструкта – это самостоятельные феномены, несмотря на высокие значения их корреляции. Исследователи также показали надежность по внутренней согласованности (коэффициент Кронбаха): для аффективной лояльности – 0,74-0,89 и на российской выборке – 0.84; для продолженной лояльности – 0,69-0,84 и на российской выборке – 0,49; для нормативной лояльности – 0,75 и на российской выборке – 0,79.

В нашем пилотном исследовании более тесная связь установлена между нормативными и продолжительными компонентами, чем между аффективной и нормативной лояльностью, что можно отнести к различиям культуры. Но в обоих случаях установленные коэффициенты корреляции – на значимом уровне $p \leq 0,01$.

Относительно взаимосвязи между лояльностью и показателями карьерных ориентаций данные также разноречивы. В одних исследованиях статистически значимых связей не обнаружено (Доминяк, 2006: 185), и автор полагает, что работники, обладающие различными карьерными ориентациями, могут быть как лояльными, так и нелояльными. В другом исследовании обнаружена значительная, но слабая связь между якорями карьеры и организационной приверженностью сотрудников (Clinton-Baker, 2013).

В то же время, в некоторых работах выявлено, что карьерные ориентации «профессиональная компетентность» и «интеграция стилей жизни» являются наиболее преобладающими стимулами научно-педагогических работников и инструментом повышения их вовлечённости в организационные процессы (Давыдова, Карпова и Тарасова, 2018). Аналогичное исследование, проведенное в Иране, обнаружило также положительную значимую связь между якорями карьеры «профессиональная компетентность», «менеджмент» (управленческая компетентность), «автономия», «вызов и интеграция стилей жизни» и организационной приверженностью преподавателей университета (Ghalavandi, et al., 2012).

Таким образом, корреляционный анализ Пирсона был проведен для изучения взаимосвязи между основными карьерными ориентациями преподавателей университетов и их организационной приверженностью. Частично данные подтверждаются результатами аналогичных исследований, проведенных в разных культурах, однако в определенной степени полученные данные являются новыми и оригинальными. В этом исследовании доказывается, что ценности карьерных ориентаций влияют на организационную лояльность преподавателей вузов. Полученные данные объясняют, что преподаватели с высоким уровнем карьерной ориентации «стабильность места жительства» продемонстрируют высокий уровень аффективной лояльности в преподавательской вузовской практике. Преподаватели с высоким уровнем карьерной ориентации «профессиональная компетентность», «стабильность работы», «стабильность места жительства» и «служение» проявят высокий уровень продолженной лояльности к вузу; и педагоги с высоким уровнем карьерной ориентации «стабильность работы» покажут высокий уровень нормативной лояльности к университету, в котором преподают.

Приведенные компоненты организационной лояльности преподавателей определяют эффективность университета, поскольку это явление имеет широкий диапазон воздействия на различные аспекты организационной культуры и академической политики вуза. Поэтому показатели личных карьерных ориентаций преподавателей

важны для понимания аффективной, продолженной и нормативной лояльности педагогов и формирования лояльного преподавательского состава университета.

В связи с тем, что корреляционный анализ не позволяет в полной мере установить однозначные связи между переменными, мы обратились к множественному регрессионному анализу, чтобы выявить основные предикторы организационной лояльности преподавателей университетов.

Основные предикторы уровня организационной лояльности преподавателей университетов. Из девяти шкал карьерных ориентаций только 4 шкалы, а именно, «стабильность места жительства, «стабильность работы», «служение» и «предпринимательство» и из демографических данных, только общий стаж работы вносит достоверный разной степени значимости вклад в проявления трех шкал организационной лояльности.

В таблице 4 показаны результаты множественного регрессионного анализа, где показатели шкалы аффективной лояльности приняты за зависимую переменную. Доминирующим предиктором аффективной лояльности преподавателей вузов является стабильность места жительства (β=0,477, t=4,514 при p=0,000). Стандартизированные коэффициенты регрессии (β) являются статистически достоверными, что позволяет интерпретировать относительную степень влияния другого предиктора, общего стажа работы (β=0,227, t=2,144 при p= 0,036).

Значение R^2 составляет 0,260 и 0,310 и показывает, что 26,0% и 31,0% дисперсии переменной «аффективная лояльность» обусловлено соответственно влиянием факторов – стабильность места жительства в отдельности и комбинацией факторов (стабильность места жительства+ общий стаж работы). Каждая из независимых переменных вносит вклад в оценку зависимой переменной и коррелирует с ней положительно.

Таблица 4 – Множественный регрессионный анализ (пошаговый метод) шкалы аффективной лояльности и карьерных ориентаций преподавателей университетов.

Модель аффективной лояльности	Нестандартизированный коэффициент регрессии	Стандартизированный коэффициент регрессии	Отношение коэффициента B к своей стандартной ошибке	Значимость	Коэффициент детерминации
	B	β	t	Sig. t	R^2
Стабильность места жительства	0,171	0,477	4,514	0,000	0,260
Стаж работы	0,238	0,227	2,144	0,036	0,310
Константа	2,169		7,828	0,000	

Результаты F-теста показали, что существует значительная связь между двумя указанными переменными предикторами и аффективной лояльностью преподавателей (F = 14,174) при значимом уровне p <0,05 (табл.5).

Таблица 5 – Множественный регрессионный анализ (пошаговый метод): ANOVA для шкалы аффективной лояльности.

Модель	Сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	Значимость
Регрессия	15,947	2	7,974	14,174	0,000
Остаток	35,442	63	0,563		
Всего	51,389	65			

Результаты этого множественного регрессионного анализа также показали, что сочетание карьерной ориентации «стабильность места жительства и общего стажа работы» составило 31% вклада в вариативность аффективной лояльности. Это означает, что до 69% изменений показателей аффективной лояльности преподавателей вузов невозможно предсказать с помощью карьерных ценностей, поскольку это может быть вызвано другими переменными (факторами), которые не рассматриваются в данном исследовании.

В таблице 6 приводятся результаты изменений характеристик регрессионного анализа при поэтапном включении новых предикторов в уравнение регрессии для модели продолженной лояльности. С возрастанием числа предикторов наблюдается тенденция возрастания значений R^2 и суммы квадратов (табл. 7), в то время как значение среднего квадратов убывает. Как можно видеть, в результате применения пошагового метода из 9 предикторов карьерных ориентаций в уравнение регрессии по продолженной лояльности включены три: стабильность места жительства, служение и предпринимательство. Также, как и в случае с аффективной лояльностью, вторым по значимости предиктором продолженной лояльности после стабильность места жительства является стаж работы.

Коэффициент множественной корреляции R отражает связь зависимой переменной «продолженная лояльность» с совокупностью четырех независимых переменных и равен 0,571. Значение R^2 составляет 0,325 и показывает, что 32,5 % дисперсии переменной «продолженная лояльность» обусловлено влиянием совокупности предикторов.

Таблица 6 – Множественный регрессионный анализ (пошаговый метод) шкалы продолженной лояльности и карьерных ориентаций преподавателей университетов.

Модель продолженной лояльности	Нестандартизированный коэффициент регрессии	Стандартный коэффициент регрессии	Отношение коэффициента B к своей стандартной ошибке	Значимость	Коэффициент детерминации
	B	β	t	Sig. t	R^2
Стабильность места жительства	0,136	0,254	2,337	0,023	0,106
Стаж работы	0,515	0,329	3,044	0,003	0,183
Служение	0,247	0,348	3,149	0,003	0,267
Предпринимательство	-0,156	-0,249	-2,293	0,025	0,325
Константа	0,758		0,950	0,346	

Стандартный коэффициенты регрессии β является статистически достоверным, что позволяет интерпретировать относительную степень влияния каждого из предикторов: для переменной «стабильность места жительства» β=0,254; для переменной «служение» β=0,348; для переменной «предпринимательство» β=-0,249; и для переменной «стаж работы» β=0,329.

Известно, что стандартный коэффициент регрессии β отражает частную корреляцию независимой и зависимой переменных. В случае с независимой переменной «предпринимательство» выявляется значимая обратная связь с зависимой переменной «продолженная лояльность» при фиксированных значениях других независимых переменных (с учетом влияния последних). Очевидно, что данная независимая переменная тесно коррелирует с другими независимыми переменными, т. к. абсолютное значение ее коэффициента β является наименьшим среди других показателей β. Приведенные стандартные коэффициенты регрессии β позволяют предположить, что наиболее существенное положительное воздействие на продолженную лояльность имеет переменная «служение».

Результаты F-теста показали, что существует значительная связь между указанными переменными предикторами и продолженной лояльностью преподавателей (F = 7,337) при значимом уровне $p < 0,05$ (табл. 7).

Таблица 7 – Множественный регрессионный анализ (пошаговый метод): ANOVA для шкалы продолженной лояльности.

Модель	Сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	Значимость
Регрессия	37,176	4	9,294	7,337	0,000
Остаток	77,272	61	1,267		
Всего	114,448	65			

Результаты множественного регрессионного анализа уровня нормативной лояльности и карьерных ориентаций преподавателей университетов приведены в таблице 8. Как видно, доминирующим предиктором нормативной лояльности является независимая переменная стабильность места работы (β=0,313, t=2,703 при p=0,009). Вторым предиктором определяется стаж работы (β=0,298, t=2,576 при p=0,012). Обе независимые переменные входят в уравнение регрессии с положительными коэффициентами, что свидетельствует о том, что с возрастанием независимой переменной значение зависимой переменной также возрастает.

Стандартизированный результат β-оценки позволяет прогнозировать, что увеличение на одну единицу стандартного отклонения переменной стабильности места работы отразится на увеличении уровня нормативной лояльности на 3,13 единиц стандартного отклонения. Доля дисперсии зависимой переменной «нормативная лояльность», обусловленная влиянием независимых переменных, R^2 =0,166. Для данного регрессионного анализа с двумя независимыми переменными это означает, что только 16,6 % дисперсии переменной (нормативная лояльность) определяется совокупным воздействием переменных «стабильность места работы» и «стаж работы».

Таблица 8 – Множественный регрессионный анализ (пошаговый метод) шкалы нормативной лояльности и карьерных ориентаций преподавателей университетов.

Модель нормативной лояльности	Нестандартизированный коэффициент регрессии	Стандартный коэффициент регрессии	Отношение коэффициента «**B**» к своей стандартной ошибке	Значимость	Коэффициент детерминации
	B	**β**	**t**	**Sig. t**	**R^2**
Стабильность места работы	0,198	0,313	2,703	0,009	0,078
Стаж работы	0,491	0,298	2,576	0,012	0,166
Константа	1,267		1,698	0,095	

Таким образом, каждая из независимых переменных вносит примерно одинаковый вклад в оценку зависимой переменной и коррелирует с ней положительно. На основании данных таблицы 9, результаты F-теста показали, что существует значительная связь между двумя переменными предикторами с уровнем нормативной лояльности преподавателей университетов (F = 6,265) при уровне значимости p <0,05. Результаты этого множественного регрессионного анализа также показали, что комбинация переменных «стабильность места работы» и «стаж работы» составила 16,6% различий в факторе нормативной лояльности. Это означает, что до 83,4% различий в уровне нормативной лояльности преподавателей вузов невозможно предсказать с помощью карьерных ориентаций и стажа работы, поскольку это может быть вызвано другими переменными (факторами), которые не рассматриваются в данном исследовании.

Таблица 9 – Множественный регрессионный анализ (пошаговый метод): ANOVA для шкалы нормативной лояльности.

Модель	Сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	Значимость
Регрессия	20,994	2	10,497	6,265	0,003
Остаток	105,549	63	1,675		
Всего	126,543	65			

Таким образом, в данном исследовании показано, что карьерная ориентация «стабильность места жительства» является предиктором аффективной и продолженной лояльности преподавателей вузов. Наряду со «стабильностью места жительства», для продолженной лояльности предикторами также выступают карьерные ориентации «служение» и «предпринимательство». Карьерная ориентация «стабильность места работы» оказалась предиктором нормативной лояльности педагогов. Эти результаты согласуются с ранее опубликованными данными (Доминяк, 2006; Clinton-Baker, 2013; Ghalavandi, et al., 2012). Из набора демографических характеристик, только общий стаж работы является предиктором и вносит вклад в вариативность всех 3-х компонентов организационной лояльности преподавателей университетов. Этот факт соответствует исследованиям, где отмечается нелинейный характер связи между организационной лояльностью и стажем работы в организации, с снижением уровня организационной лояльности на протяжении первых двух лет работы и последующим ростом (Доминяк, 2006).

Выводы

В пилотном исследовании был изучен уровень проявлений трех компонентов организационной приверженности и карьерных ориентаций преподавателей вузов; установлены ценности карьерных ориентаций и демографических характеристик, являющихся предикторами организационной лояльности этой профессиональной группы. Были использованы методы теоретического анализа современных научных источников литературы, количественного исследования с применением стандартизированных тестовых опросников, и статистические методы обработки и интерпретации данных.

Карьерная ориентация «стабильность места жительства» является предиктором аффективной и продолженной лояльности преподавателей вузов. Для продолженной лояльности предикторами дополнительно выступают карьерные ориентации «служение» и «предпринимательство». Карьерная ориентация «стабильность места работы» оказалась предиктором нормативной лояльности педагогов. Из демографических характеристик, только общий стаж работы является предиктором и вносит значимый вклад в вариативность всех 3-х компонентов организационной лояльности преподавателей университетов. Установлены достоверно значимые корреляции между этими факторами, что позволяет утверждать, что формирование организационной лояльности преподавателей университета возможно в проектах социального предпринимательства, через внедрение таких карьерных ценностей, как «служение» и «предпринимательство». Такие предикторы, как «стабильность места работы» и «стаж работы» могут внести вклад в формирование нормативной организационной лояльности преподавателя.

Изучение проблем организационной приверженности преподавателей иностранных языков важно в виду полилингвистической направленности образования в Казахстане и востребованности преподавателей иностранных языков, которые часто преподают, в частности английский язык в нескольких рабочих местах. Знание предикторов организационной лояльности (приверженности) преподавателя дает возможность планировать мероприятия, обращенные на ее укрепление и развитие организационной культуры и академической политики университета в целом.

Перспективы внедрения и применения полученных результатов заключаются в проведении экспериментального исследования, мониторинге организационной приверженности и карьерных ориентаций расширенной выборки преподавателей иностранных языков вузов для структурного моделирования стратегии организационной культуры вуза и имплементации выводов в соответствующие разделы организационной психологии.

Литература

Allen N., Meyer J. Construct Validation in Organizational Behavior Research: The Case of Organizational Commitment. – MA: Kluwer Academic Publishers. – 2000. – P. 285-314.

Benson J., Brown M. Generational Differences at Work: Do they Matter? // The International Journal of Human Resource Management. – 2009 – 22(9) – P. 1843-1865.

Берлизева Я.В. Интегральная модель организационной лояльности персонала // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 4 (56). – С. 174-178.

Ghalavandi H., Arbabisarjou A., Yarmohammadzadeh P., Soltanzadeh V., Iman S., Sokooti N. Relationship between Career Anchors and Organizational Commitment among Faculty Members // Journal of Studies in Education . -2012. – T. 2. – № 1. – P. 58-71.

Давыдова Л.Н., Карпова Г.Ф., Тарасова Т.Г. Современные подходы к разработке карьерных маршрутов научно-педагогических работников университета // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2018. – № 2. – С. 51-60.

Доминяк В. И. Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации: дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук (19.00.05) / СПбГУ. – СПб., 2006. – 280 с.

Иванова Н. Лояльность персонала как феномен // Вестник Инситута Буруджмунта. – 2019. – № 2. – С. 23-28.

Jans N. Organizational commitment, career factors and career/life stage. Journal of Organizational Behavior. -1989. – № 10. – P. 247-266.

Ling L., Yuen J. Organizational Commitment of White Collar Employees in Damansara Heights, Kuala Lumpur // Journal of Social Economics Research. – 2014. – № 1(7). – P. 156-168.

Маничев С.А., Старикова М. А. Личность в профессиональном контексте: профессиональная карьера // Материалы международной научной конференции «Ананьевские чтения-2018: Психология личности – традиции и современность». – СПб.: Айсинг, 2018. – С. 357.

Musto J. Organizational Commitment: A Comparison Between Two Generations of Employees in the Workplace: Baby Boomers and Generation X. Master dissertation in Education, Fisher Digital Publications at St. John Fisher College. – 2003. – 134 p. URL: https://fisherpub.sjfc.edu/education_ETD_masters

O'Malley M. Creating commitment: How to attract and retain talented employees by building relationships that last. – 2000. – 272 p.

O'Reilly C., Chatman J. Organizational Commitment and Psychological Attachment: The Effectsof Compliance, Identification, and Internalization on Prosocial Behavior // Journal of Applied psychology. – 1986. – P. 492-499.

Parker J., Tazhina G. Improving the Workforce in Kazakhstan through Distance Learning Technologies // Handbook of Research on Technologies for Improving the 21st Century Workforce: Tools for Lifelong Learning. – 2012. – P. 359-372.

Почебут Л.Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во "Речь", 2000. – 298 с.

Rocha F., Cardoso L., Todera N. The importance of organizational commitment to knowledge management // Comportamento Organizational E Gestao. – 2008. – № 14(2). – P. 211-232.

Сабанчиева Р.З. Карьерные ориентации и профессиональная самореализация преподавателей высшей школы // Вестник КГУ. – Алматы, 2010. – № 4 (16). – С. 280-284.

Clinton-Baker M. The Relationship Between Career Anchors, Organisational Commitment And Turnover Intention. Master dissertation in Industrial and Organisational Psychology. – 2013. – 248 p.

Cohen A. Organizational Commitment and Turnover: A Meta-Analysis // Academy of management. – 1993. – P. 1140-1157.

Schein E. Career anchors revisited: Implications for career development in the 21st centur // The Academy of Management Executive. – 1996. – № 10(4). – P. 80-88.

Tan H., Quek, B. An Exploratory Study on the Career Anchors for Educators in Singapore // Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. – 2001. – № 135(5). – P. 527-545.

Трофимова Е.Л., Бондаренко В. Ю. Проблема приверженности персонала к организации в отечественной и зарубежной литературе // Психология в экономике и управлении. – Алматы, 2013. – № 1. – С.28-36.

Фадеева Е.С. Карьерные ориентации преподавателей исследовательского университета // Регионология. – 2012. – №. 3 (80). – С. 117-121.

References

Allen N., Meyer J. (2000). Construct Validation in Organizational Behavior Research: The Case of Organizational Commitment. MA: Kluwer Academic Publishers. pp. 285-314.

Benson J., Brown M. (2009) Generational Differences at Work : Do they Matter ? *The International Journal of Human Resource Management,* 22(9), pp. 1843-1865.

Berliseva Y. (2013) Integral'naya model' organizatsionnoy loyal'nosti personala [Integral Model of Organizational Loyalty of Personnel]. *Bulletin of the Kemerovo State University*, vol. 2, No 4 (56). – P. 174-178.

Clinton-Baker M. (2013) The Relationship Between Career Anchors, Organisational Commitment And Turnover Intention. Master dissertation in Industrial and Organisational Psychology, 248 p. URL: http://uir.unisa.ac.za/bitstream/handle/10500/13098/dissertation_clintonbaker_m.pdf?sequence=1&isAllowed=y

Cohen A. (1993) Organizational Commitment and Turnover: A Meta-Analysis. *Academy of managment*, pp. 1140-1157.

Davydova L., Karpova G., Ryabova E., Tarasova T. (2018). Sovremennyye podkhody k razrabotke kar'yernykh marshrutov nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov universiteta [Modern approaches to the development of career routes for scientific and pedagogical workers of the university]. *Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, (2), pp. 51-60.

Dominyak V. (2006) Organizatsionnaya loyal'nost': model' realizatsii ozhidaniy rabotnika ot svoyey organizatsii: [Organizational loyalty: a model for realizing the employee's expectations from his organization: Doctoral dissertation]. SPb.: SPbSU, 280 p.

Fadeeva E. (2012) Kar'yernyye oriyentatsii prepodavateley issledovatel'skogo universiteta [Career Orientations of Research University Teachers]. *Regionology,* 3 (80), pp. 117-121.

Ghalavandi H., Arbabisarjou A., Yarmohammadzadeh P., Soltanzadeh V., Iman S., Sokooti N. (2012) Relationship between Career Anchors and Organizational Commitment among Faculty Members. *Journal of Studies in Education* , Vol 2, No 1, pp. 58-71

Ivanova N. (2019) Loyalnost personala kak fenomen [Staff loyalty as a phenomenon]. *Scientific bulletin of the Southern Institute of Management*, No 2, pp. 23-28.

Jans N. (1989) Organizational commitment, career factors and career/life stage. *Journal of Organizational Behavior*, no 10, pp. 247-266.

Ling L., Yuen J. (2014) Organizational Commitment of White Collar Employees in Damansara Heights, Kuala Lumpur. *Journal of Social Economics Research,* vol. 1(7), pp. 156-168.

Manichev S., Starikova M. (2018) Lichnost' v professional'nom kontekste: professional'naya kar'yera [Personality in a professional context: professional career]. Proceedings of the International Scientific Conference "Ananiev Readings: Personality Psychology – Traditions and the Present", SPb.: Iceing, p. 357.

Musto J. (2003) Organizational Commitment: A Comparison Between Two Generations of Employees in the Workplace: Baby Boomers and Generation X. Master dissertation in Education, Fisher Digital Publications at St. John Fisher College, 134 p. URL: https://fisherpub.sjfc.edu/education_ETD_masters

O'Malley M. (2000) Creating commitment: How to attract and retain talented employees by building relationships that last, 272 p.

O'Reilly C., Chatman J. (1986) Organizational Commitment and Psychological Attachment: The Effectsof Compliance, Identification, and Internalization on Prosocial Behavior. *Journal of Applied psychology*, pp. 492-499.

Parker J., Tazhina G. (2012) Improving the Workforce in Kazakhstan through Distance Learning Technologies. *Handbook of Research on Technologies for Improving the 21st Century Workforce: Tools for Lifelong Learning,* pp. 359-372.

Pochebut L., Chiker V. (2000) Organizatsionnaya sotsial'naya psikhologiya: [Organizational social psychology. Textbook]. – SPb.: Rech Publishing House, 298 p.

Rocha F., Cardoso L., Todera N. (2008) The importance of organizational commitment to knowledge management. *Comportamento Organizational E Gestao*, no 14(2), pp. 211-232.

Sabanchieva R. (2010) Kar'yernyye oriyentatsii i professional'naya samorealizatsiya prepodavateley vysshey shkoly [Career orientations and professional self-realization of higher education teachers]. *Bulletin of Kostroma State University*, no 16 (4), pp. 280-284.

Schein E. (1996) Career anchors revisited: Implications for career development in the 21st century. *The Academy of Management Executive*, no 10(4), pp. 80-88.

Tan H., Quek, B. (2001)An Exploratory Study on the Career Anchors for Educators in Singapore. *Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied,* 135(5), pp. 527-545.

Trofimova E., Bondarenko V. (2013) Problema priverzhennosti personala k organizatsii v otechestvennoy i zarubezhnoy literature [The problem of personnel commitment to organization in domestic and foreign literature]. *Psychology in Economics and Management*, no 1, pp. 28-36.

МРНТИ 15.21.51 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.02

А.М. Тургумбаева[1], О.Х. Аймаганбетова[2], Э.Т. Адилова[2], Ж. Сейтнур[2]

[1]Университет Туран, Казахстан, г. Алматы, e-mail: beknazarova_a@bk.ru
[2]Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: alnara25@mail.ru, e-mail: elnura.adilova@mail.ru, e-mail: Seitzharas@mail.ru

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ПРОЯВЛЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Даная статья посвящена изучению влияния культурных ценностей на проявления особенностей профессиональной мотивации преподавателей высших учебных заведений.

Исходя из предположения, что особенности профессиональной мотивации преподавателей высших учебных заведений – граждан России, РК и экспатов, приглашенных в высокорейтинговые высшие учебные заведения, обуславливаются их культурными особенностями, было проведено прикладное исследование. Для этого была использована методика «Международная анкета VSM – 13» (Модуль исследования ценностей), созданная американским психологом Г. Хофтстеде.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что у казахстанских педагогов более высокие показатели по таким культурным ценностям, как коллективизм, дистанция власти и избегание неопределенности. Для них характерно преобладание групповых целей над индивидуальными, они более заинтересованы в крепко связанных и сплочённых группах.

У российских педагогов более высокие показатели по таким культурным ценностям, как индивидуализм, дистанция власти. Для них индивидуальные цели не менее важны, чем групповые; российские педагоги имеют склонность объединяться в группы, несущие ответственность за человека в обмен на его лояльность группе.

Для экспатов характерна долгосрочная ориентация на будущее, что отражается в их планомерных долгосрочных инвестированиях в проекты, которые могут завершиться при жизни следующих поколений. При этом педагоги – экспаты более расчётливы, упорны в достижении целей.

Ключевые слова: культурные ценности, профессиональная мотивация, преподаватели высших учебных заведений, экспаты, индивидуализм, коллективизм.

A.M. Turgumbayeva[1], O.Kh. Aimaganbetova[2], E.T. Adilova[2], Zh.Seitnur[2]

[1]Turan University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: beknazarova_a@bk.ru
[2]Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: alnara25@mail.ru, e-mail: elnura.adilova@mail.ru, e-mail: Seitzharas@mail.ru

The influence of cultural values on the manifestations of the features of professional motivation of teachers of higher educational institutions

This article is devoted to the study of the influence of cultural values on the manifestations of the features of professional motivation of teachers of higher educational institutions.

Based on the assumption that the peculiarities of professional motivation of teachers of higher educational institutions – citizens of Russia, Kazakhstan and expats invited to high-ranking higher educational institutions, are determined by their cultural characteristics, an applied study was conducted. To conduct the study, the methodology "International Questionnaire VSM – 13" (Module for the Study of Values), created by the American psychologist G. Hoftstede, was used.

The study led to the conclusion that Kazakhstani teachers have higher indicators for such cultural values – collectivism, distance of power and avoidance of uncertainty. They are characterized by the predominance of group goals over individual ones; they are more interested in tightly connected and united groups.

Russian teachers have higher indicators for the following cultural values – individualism, distance of power. For them, the importance of individual goals is no less than group goals, Russian teachers tend to unite in certain groups that are responsible for the person in exchange for his loyalty to the group.

 © 2020 Al-Farabi Kazakh National University

Expats are characterized by a long-term orientation toward the future, which is reflected in the systematic long-term investments in some projects that will end in the lifetime of the next generations. At the same time, expat teachers are more prudent, persistent in achieving goals.

Key words: cultural values, professional motivation, teachers of higher educational institutions, expats, individualism, collectivism.

А.М. Турғумбаева[1], О.Х. Аймағанбетова[2], Э.Т. Адилова[2], Ж. Сейітнұр[2]

[1]Туран университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: beknazarova_a@bk.ru
[2]Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: alnara25@mail.ru, e-mail: elnura.adilova@mail.ru, e-mail: Seitzharas@mail.ru

Жоғары оқу орындары оқытушыларының кәсіби мотивациясы ерекшеліктерінің көріністеріне мәдени құндылықтардың әсері

Бұл мақала жоғары оқу орындары оқытушыларының кәсіби мотивациясы ерекшеліктерінің көріністеріне мәдени құндылықтардың әсерін зерттеуге арналған.

Жоғары оқу орындары оқытушылары – Ресей, Қазақстан азаматтары мен жоғарғы рейтингтегі жоғары оқу орындарына шақырылған экспаттардың кәсіби мотивациясы ерекшеліктерінің көрінісі олардың мәдени ерекшеліктерімен анықталады деген болжамға сүйене отырып, қолданбалы зерттеу жүргізілді. Зерттеуді жүргізу үшін американдық психолог Г. Хофстед жасаған «VSM-13 Халықаралық сауалнама» (Құндылықтарды зерттеу модулі) әдістемесі қолданылды.

Жүргізілген зерттеу бойынша қазақстандық оқытушыларда – ұжымшылдық, билік арақашықтығы және белгісіздікке жол бермеу сияқты мәдени құндылықтар жоғары көрсеткіштерге ие деген қорытындыға келді. Оларға жеке мақсаттардан гөрі топтық мақсаттардың басым болуы тән, олар мықты байланысты және біріккен топтарға көбірек қызығушылық танытады.

Ресей педагогтарында келесі мәдени құндылықтар – индивидуализм, билік арақашықтығы бойынша жоғары көрсеткіштер бар. Олар үшін жеке мақсаттардың маңыздылығы топтық мақсаттардан кем емес, ресейлік оқытушылар топқа деген адалдығы үшін жауап беретін белгілі бір топтарға бірігуге тырысады. Экспаттар болашаққа ұзақ мерзімді бағдарымен сипатталады, бұл кейінгі ұрпақтың өмірінде аяқталатын кейбір жобаларға жүйелі ұзақ мерзімді инвестицияларынан көрінеді. Сонымен бірге, экспат педагогтар ұқыпты, мақсатқа жетуде табанды.

Түйін сөздер: мәдени құндылықтар, кәсіби мотивация, жоғары оқу орындарының оқытушылары, экспаттар, индивидуализм, ұжымшылдық.

Введение

Исследование социально-психологических факторов развития мотивации профессиональной деятельности преподавателя вуза является в настоящий момент наиболее актуальным направлением социально-психологических исследований, поскольку знание и понимание мотивационной сферы любого специалиста позволяет развивать его способности, как на этапе выбора профессии, так и в процессе совершенствования его как профессионала.

В последние десятилетия данная тема не перестает волновать исследователей как в рамках психологических, педагогических, так и экономического подходов. Анализ современных исследований позволяет говорить о том, что вопросы профессиональной мотивации преподавателей высшей школы находятся на пике актуальных исследований (Скачкова и др., 2015).

Реформы образования и процессы глобализации вывели вопрос профессионализма педагогов на первый план. Однако исследования показывают противоречивые результаты, от хорошей сбалансированной внутренней мотивации, до демотивации педагогов. Такие противоречия во многом связаны со структурами вузов, на базе которых проводятся исследования (Сайтимова, 2008: 190-194).

Таким образом, несмотря на пристальное внимание психологической науки к проблеме мотивации профессиональной деятельности преподавателя высшей школы, она все же остается недостаточно изученной. В последние годы особую актуальность приобретает проблема изучения влияния культуры на различные социально-психологические феномены, в том числе и на организационную культуру, в том числе, и на мотивацию. Отметим, что, несмотря на наличие в зарубежной психологии кросс-культурных исследований мотивации педагогов, существенных данных по данной проблематике недостаточно, независимо от актуальности темы.

В связи с этим, **проблему исследования** составило изучение культурных ценностей у преподавателей, обусловливающих их профессиональную мотивацию.

Цель исследования: изучить влияние культурных ценностей на проявления особенностей мотивации преподавателей высших учебных заведений Казахстана, России и экспатов и ее влияние на успешность профессиональной деятельности в целом.

Объект исследования – преподаватели высших учебных заведений, приглашенные в высокорейтинговые высшие учебные заведения.

Предмет исследования – культурные ценности преподавателей высших учебных заведений, обусловливающие их профессиональную мотивацию.

В качестве **общей гипотезы** выступает предположение, что особенности профессиональной мотивации преподавателей высших учебных заведений – граждан России, РК и экспатов, приглашенных в высокорейтинговые высшие учебные заведения, обусловлены культурными особенностями.

Экспериментальная база исследования и характеристика выборки.

Исследование проводилось на базе казахстанских вузов Алматы, Астаны и России:

– Университет Туран;

– КазНУ им. аль Фараби;

– Назарбаев Университет;

– ЯрГУ им П. Демидова;

– ФГБОУ ВПО Волгоградский Государственный социально-педагогический университет (ВГСПУ).

Из рисунка 1 видно, что 44% респондентов это мужчины, 56% – женщины.

В исследовании приняло участие 225 педагогов высшей школы (см. рисунок 2):

– граждан РК (75 респондентов)

– экспатов (75 респондентов)

– граждан России (75 респондентов).

Средний возраст выборки составил 45,4 лет. Средний стаж работы – 17,8 лет.

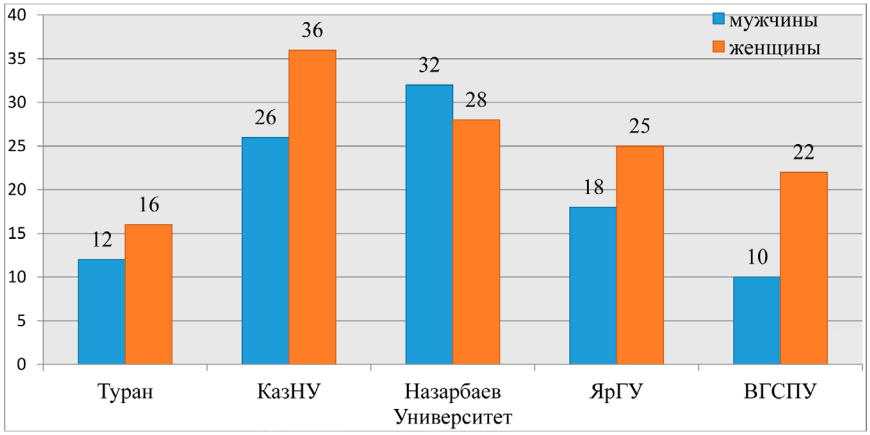


Рисунок 1 – Распределение выборки по полу в зависимости от места работы

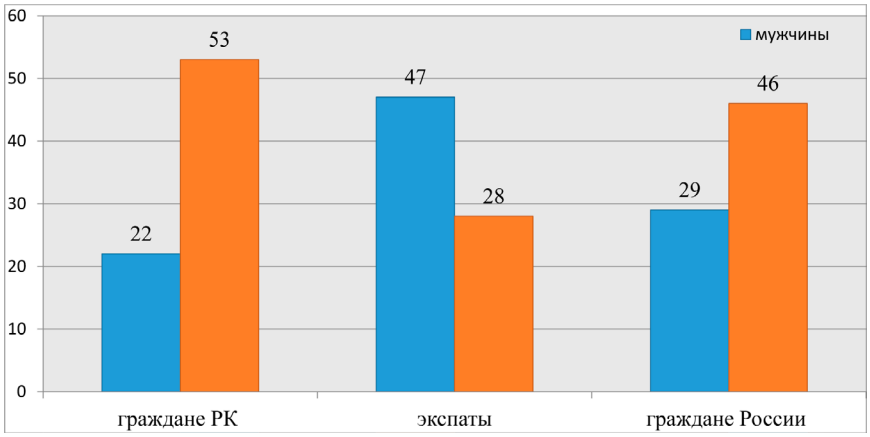


Рисунок 2 – Распределение выборки по полу в зависимости от гражданства

Респонденты были вовлечены в исследование по субъективным критериям – доступности, типичности и равного представительства.

Для организации исследования был использован «Метод поперечных срезов», предъявляющий жёсткие требования к формированию выборки испытуемых и обеспечивающий разумную сопоставимость групп.

Методы и материалы

Методы исследования: для диагностики культурных измерений была выбрана *Международная анкета VSM – 13 (Модуль исследования ценностей)* (Мацумото, 2012:384).

Модуль опроса ценностей 2013 (VSM 2013) представляет собой вопросник, разработанный для сравнения ценностей и настроений, зависящих от культуры. Он позволяет подсчитывать баллы по шести измерениям национальной культуры на основе четырех вопросов по измерению: таким образом, он составляет 6 x 4 = 24 вопроса о содержании. Остальные шесть вопросов касаются демографической информации: пол, возраст, уровень образования, вид работы, нынешнее гражданство и гражданство при рождении.

Шесть измерений были разработаны в работе Г. Хофстеде и соавторами и подробно описаны в 3-м издании Hofstede, Hofstede & Minkov (Hofstede, Minkov, 2016).

Типология культурных измерений, разработанная Г. Хофстеде, является основой для кросскультурной коммуникации. Используя информацию, полученную из анализа, она описывает влияние культуры общества на индивидуальные ценности своих членов, и как эти ценности влияют на их поведение. Типология основана на идее о том, что ценность может быть распределена по шести измерениям культуры. К этим измерениям относятся:

1. Дистанция власти (Power distance);
2. Соотношение индивидуализма и коллективизма (Individualism);
3. Соотношение мужественности и женственности (Masculinity – femininity);
4. Избегание неопределенности (Uncertainty avoidance);
5. Краткосрочная или долгосрочная ориентация на будущее (Long team orientation);
6. Допущение (индульгенция) или сдержанность (Indulgence versus Restraint). (Мацумото, 2012: 366-374).

Г. Хофстеде подчеркивает, что измерения культур являются лишь основой, помогающей оценить конкретную культуру для облегчения принятия решений. Существуют и другие факторы, подлежащие рассмотрению, например личные качества, семейная история и личное благосостояние. Однако предложенные измерения не могут предсказать поведения отдельных индивидов (Hofstede, Minkov, 2016).

Дистанция власти. Под дистанцией власти подразумевается степень неравенства в распределении власти в обществе или организации, которая воспринимается членами общества как нормальная и сама собой разумеющаяся и при которой члены общества чувствуют себя комфортно.

Культуры с высокой дистанцией власти обычно терпимо относятся к авторитарному стилю управления и чинопочитанию. Для них характерно подчеркнутое сохранение неравенства в статусе как в формальных, так и в неформальных отношениях.

Соотношение индивидуализма и коллективизма. В разных странах и национальных культурах в рамках семьи, школы и работы человек усваивает определенную систему ценностей. И всегда одной из составляющих этой системы выступает отношение к коллективизму и индивидуализму.

Этот показатель определяет степень желания людей действовать в группе или индивидуально. Здесь очень важен вопрос о связи индивида и общества. На одном конце шкалы помещаются культуры, где связи между людьми очень слабые. Это индивидуальные культуры, где каждый житель руководствуется личными интересами. Здесь личность выходит на первое место. На другом конце шкалы – культуры, где связи между людьми наиболее прочные. Это коллективные культуры, где каждый житель соблюдает интересы большинства. Здесь человек воспринимает себя, прежде всего, как часть группы, а уже затем как отдельную личность.

Соотношение мужественности и женственности. Здесь важен вопрос о распределении ролей. Социальное разделение ролей является следствием традиций культуры, истории страны. То, что принято считать мужскими делами в одной стране, может считаться женскими в другой. Общество классифицируется по тому принципу, насколько сильно в нем есть стремление уменьшить или увеличить разделение социальных ролей между полами. Во многих обществах одни и те же действия допустимы как для мужчин, так и для женщин (Лебедева, 2013: 60-62).

Избегание неопределенности. Этот показатель определяет степень восприятия и реагирования на незнакомые ситуации. Для стран с

большим значением показателя избегания неопределённости типично недопущение неопределённых, неясных ситуаций, стремление к установлению чётких правил поведения, доверие традициям, склонность к внутригрупповому согласию, нетерпимость по отношению к людям с иной жизненной позицией, образом мышления.

Краткосрочная или долгосрочная ориентация на будущее. Определяет ориентированность на решение долгосрочных целей, желание заглядывать в будущее.

Преобладание долгосрочной ориентации в национальной культуре означает готовность общества жить во имя будущего. Люди могут отказывать себе в удовлетворении потребностей в настоящем, соглашаясь на инвестирование каких-либо проектов, которые завершатся при жизни следующих поколений. Они готовы к изменениям и результатам, даже отрицательным. Это означает, что люди могут стойко переносить неудачи, надеясь на положительные изменения в будущем, отдаленном от жизни этого поколения. Для культур с большими значениями этого параметра характерны расчётливость, упорство в достижении целей, стойкость.

При краткосрочной ориентации высоко ценится прошлое и акцентируется внимание на настоящем. Большое значение имеют такие ценности, как уважение к традициям, выполнение общественного долга, соблюдение принятых социальных условностей. Из-за постоянного давления со стороны общества ощущается сильное стремление жить не хуже, чем другие, даже если это не по средствам, и никогда не терять чувство собственного достоинства. Культуры с малым значением являются нетерпеливыми и склонными к быстрому развитию.

Допущение (индульгенция) или сдержанность. По сути этот показатель является мерой счастья; степень удовлетворенности своих желаний. Общества с высокими показателями допущения определяются как позволяющие сиюминутно удовлетворять потребности и личные желания членов общества. Низкие показатели по данному параметру характеризуют «сдержанные» общества, которые контролирует удовлетворение потребностей и регулирует его с помощью строгих социальных норм (Hofstede, Minkov, 2016).

Результаты и Обсуждение

Рассмотрим данные по модулю исследования культурных ценностей преподавателей высших учебных заведений, обусловливающие их профессиональную мотивацию.

На рисунке 3 представлены средние значения показателей культурных ценностей преподавателей высших учебных заведений.

Из рисунка следует, что для казахстанских преподавателей характерна высокая дистанция власти, что проявляется в централизованном управлении в образовании и придании большого значения «статусу».

Показатели по индивидуализму снижены, что указывает на то, что Казахстан относится к коллективистским культурам. Коллективизм проявляется по отношению к семье, близким людям, друзьям, иногда может носить крайне негативный оттенок трайболизма. Большую роль в обществе играют связи и отношения, что в первую очередь отражается на бизнесе, и может, проявляться в негативном виде как коррупция или поступление на работу через связи.

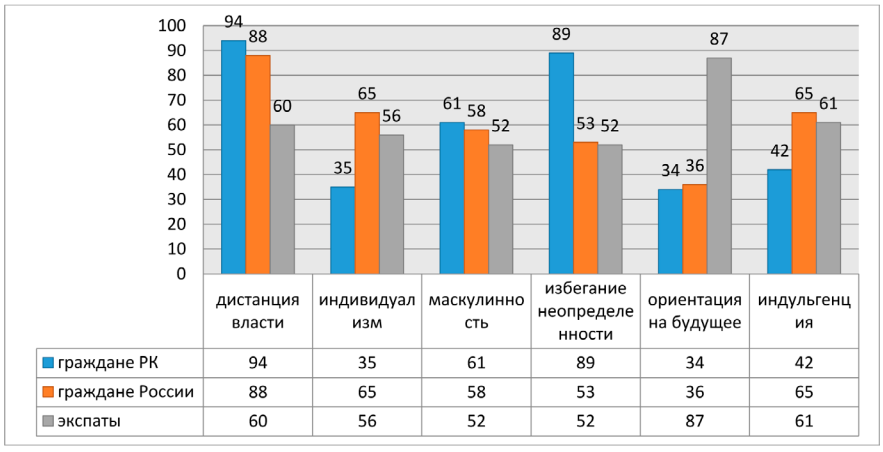


Рисунок 3 – Средние значения показателей культурных ценностей преподавателей высших учебных заведений

Как видим, показатели по маскулинности достаточно высокие, что указывает на проявления лидерских качеств, напористости, решительности, проявление статустности в приобретаемых вещах, на потребности рассказывать о своих достижениях и успехах. Важно отметить, что для маскулинных культур денежное вознаграждение играет важную роль в процесс их мотивации.

Высокий уровень избегания неопределенности, характерный для казахстанских преподавателей, демонстрирует очень высокий показатель избегания неопределенности, что является показателем боязни кардинальных изменений в будущем, желании быть подготовленными к изменениям и знать, что произойдет завтра. Характерная краткосрочная ориентация указывает на высокую ценность традиций и норм, и большую ориентируемость на краткосрочные результаты.

Казахстанские педагоги характеризуются сдержанностью, что проявляется в пессимизме и цинизме общества и настроениях людей, а также в сдерживании своих желаний. Люди с такой ориентацией имеют представление о том, что их действия сдерживаются социальными нормами и считают, что потворствовать себе – несколько неправильно.

Из рисунка 3 следует, что для российских преподавателей также характерна высокая дистанция власти, что проявляется в централизованном управлении в образовании и придании большого значения «статусу».

Показатели по индивидуализму – выше средних, что указывает на принадлежность к индивидуалистической культуре и на ценность таких качеств, как самоактуализация, инициативность, уверенность в себе. Показатели по маскулинности – достаточно средние.

Сниженный уровень избегания неопределенности указывает на то, что преподаватели российских вузов открыты новым идеям, инновационным подходам и всегда стремятся попробовать что-то новое, неизвестное.

Характерна краткосрочная ориентация, что указывает на высокую ценность традиций и норм, и большую ориентировку на краткосрочные результаты. Преподаватели российских вузов характеризуются индульгенцией – удовлетворением своих желаний.

Из рисунка 3 видно, что для преподавателей-экспатов характерна высокая дистанция власти, что проявляется в централизованном управлении в образовании и придании большого значения «статусу».

Показатели по маскулинности достаточно средние. Сниженый уровень избегания неопределенности указывает на то, что преподаватели-экспаты открыты новым идеям, инновационным подходам и всегда стремятся попробовать что-то неизвестное.

Характерна долгосрочная ориентация, что указывает на бережливость, инвестирование в будущее и настойчивость в получение результатов. Преподаватели-экспаты характеризуется индульгенцией – удовлетворением своих желаний.

Для более точного сравнения был проведен статистический анализ сравнения средних при помощи Н-критерий Краскела-Уоллиса (Наследов, 2012), представленный в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнение средних по показателям культурных ценностей преподавателей высших учебных заведений

Переменные	Группы	Средний ранг	Критерий Краскела-Уоллеса	Достоверность
Дистанция власти	Россия	805,02	36,270	0,000
	РК	835,88		
	Экспаты	617,04		
Соотношение индивидуализма и коллективизма	Россия	686,92	12,342	0,006
	РК	764,52		
	Экспаты	649,61		
Избегание неопределенности	Россия	587,05	42,746	0,000
	РК	761,33		
	Экспаты	620,98		
Краткосрочная или долгосрочная ориентация на будущее	Россия	601,83	34,192	0,000
	РК	605,02		
	Экспаты	835,88		

Достоверные различия выявлены по 4 из 6-ти культурных измерений:

– дистанция власти
– индивидуализм
– избегание неопределенности
– ориентация на будущее.

Заключение

Полученные результаты проведенного исследования показали, что у казахстанских педагогов достоверно выше показатели по следующим культурным ценностям: коллективизм, дистанция власти и избегание неопределенности. Так же, как и российские коллеги, казахстанские педагоги принимают неравномерность распределения власти в образовании, они лояльны к так называемой «властной вертикали», где основной объём власти концентрируется на верхних уровнях – в деканате и ректорате. Однако, для казахстанских педагогов характерно преобладание групповых целей над индивидуальными. Они более заинтересованы в крепко связанных и сплочённых группах. Лояльность к группе – одна из наиважнейших ценностей.

Для казахстанских педагогов характерна высокоэмоциональная культура, что выражается в привычках повышать голос и вообще открыто демонстрировать свои чувства и эмоции; такое поведение регулируется посредством ориентации на чёткие правила и формализованные указания. Кроме того, для них характерна низкая толерантность к отдельным личностям или группам, с отличающимися идеями или поведением. Полученные результаты соответствуют выше сделанным выводам, а также данным Д.М. Акижановой и С. К. Сатеновой (Акижанова, Сатенова, 2013:195-201).

Как показал анализ результатов исследования, у российских педагогов достоверно выше показатели по следующим культурным ценностям: индивидуализм, дистанция власти, что говорит о том, что педагоги принимают неравномерность распределения власти в образовании, они лояльны к так называемой «властной вертикали», где основной объём власти концентрируется на верхних уровнях – в деканате и ректорате. Для них важность индивидуальных целей не меньше, чем групповых, российские педагоги имеют склонность объединяться в некие группы, которые несут ответственность за человека в обмен на его лояльность группе.

Что касается экспатов, то, как показало исследование, для них характерна долгосрочная ориентация на будущее, что отражается в планомерных долгосрочных инвестированиях в какие-то проекты, которые завершатся при жизни следующих поколений. Они готовы к изменениям и результатам, даже отрицательным. Они стойко переносят неудачи, надеясь на положительные изменения в будущем, отдаленном от жизни этого поколения. При этом педагоги-экспаты более расчётливы, упорны в достижении целей. Полученные данные согласуются с нашими результатами с преобладанием ориентаций на менеджмент и достижение целей.

Таким образом, проведённое исследование влияния культурных ценностей преподавателей на их профессиональную мотивацию позволило сделать следующие выводы:

У казахстанских педагогов достоверно выше показатели по следующим культурным ценностям: коллективизм, дистанция власти и избегание неопределенности.

У российских педагогов достоверно выше показатели по следующим культурным ценностям – индивидуализм, дистанция власти.

Для экспатов характерна долгосрочная ориентация на будущее.

Литература

Акижанова Д.М., Сатенова С.К. Культурные ценности казахского народа и деловые переговоры в Казахстане // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 195-201.

Архипова М. В., Борисова Е.В. Зарубежные и отечественные подходы к проблеме мотивации // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – №55-8. – С.234-240.

Гафла Е. С. Психолого-педагогические подходы к сущности понятия «Мотивация» в научных исследованиях // Новые технологии. – 2012. – № 1. – С.244-247.

Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2016. – 512 с.

Hofstede G., Minkov M. Values Survey Module 2013 Manual. 17 с. URL: http://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf

Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М.: Изд. Дом «Ключ», 2013. – 224 с.

Марянина Л. А., Титова Е. А. Подходы к изучению мотивации в России и Германии: сравнительный анализ // Научный вестник волгоградского филиала Ранхигс. Серия: политология и социология. – 2018. – №2. – С.73-74.

Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Издательство: Питер, 2019. – 400 с.

Мацумото Д. Психология и культура. – СПб.: Изд.дом на Неве, 2012. – 500 с.

Наследов А.Д. IBM SPSS, Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. – СПб.: Питер, 2013. – 416 с.

Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. – СПб.: Речь, 2012. – 392 с.

Сайтимова Т.Н. Тенденции развития педагогического образования в Республике Казахстан // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Серия: Педагогические науки. – 2008. – № 9 (33). – С.190-194.

Скачкова Л.С., Костенко Е.П., Бутова С.В., Михалкина Е.В. Управление мотивацией персонала: подходы, модели, инструментарий. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Содействие – XX1 век», 2015. – 226 с.

Триандис Г. Культура и социальное поведение. – М.: ФОРУМ, 2012. – 340 с.

Turgumbayeva A.M., Aimaganbetova O.H. The process theories of motivation in cross-cultural context // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. – Алматы, 2017. – №1 (60). – С. 143-146.

Yanchuk V. A. Cultural-dialogical interdeterministic meta-approach to the analysis of psychological phenomenology: theoretical and applied possibilities // Theoretical Research in Psychology. – 2018. – Т. 4. – С. 21-82.

References

Akizhanova D.M., Satenova S.K. (2013) Kul'turnyye tsennosti kazakhskogo naroda i delovyye peregovory v Kazakhstane [Cultural values of the Kazakh people and business negotiations in Kazakhstan]. Prospects for science and education, no 5, pp. 195-201.

Arkhipova M.V., Borisova E.V. (2017) Zarubezhnyye i otechestvennyye podkhody k probleme motivatsii [Foreign and domestic approaches to the problem of motivation]. Problems of modern pedagogical education, no 55-8, pp. 234-240.

Gafla E. S. (2012) Psikhologo-pedagogicheskiye podkhody k sushchnosti ponyatiya «Motivatsiya» v nauchnykh issledovaniyakh [Psychological and pedagogical approaches to the essence of the concept of "Motivation" in scientific research]. New Technologies, no 1, pp. 244-247.

Ilyin E.P. (2016) Motivatsiya i motivy [Motivation and motives]. SPb.: Peter, 512 p.

Hofstede G., Minkov M. (2016) Rukovodstvo po issledovaniyu tsennostey [Values Survey Module Manual]. 17 sec. URL: http://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf

Lebedeva N.M. (2013) Vvedeniye v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psikhologiyu [An introduction to ethnic and cross-cultural psychology]. M.: Publishing «The Key House», 224 p.

Maryanina L. A., Titova E.A. (2018) Podkhody k izucheniyu motivatsii v Rossii i Germanii: sravnitel'nyy analiz [Approaches to the study of motivation in Russia and Germany: a comparative analysis]. Scientific Herald of the Volgograd branch of Ranchigs. Series: political science and sociology, no 2, pp. 73-74.

Maslow A. (2019) Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality]. SPb.: Publisher: Peter, 400 p.

Matsumoto D. (2012) Psikhologiya i kul'tura [Psychology and culture]. SPb.: Publishing house on the Neva, 500 p.

Nasledov A. D. (2013) IBM SPSS, Statistika 20 i AMOS: professional'nyy statisticheskiy analiz dannykh [IBM SPSS, Statistics 20 and AMOS: professional statistical data analysis]. St. Petersburg: Peter, 416 p.

Nasledov A. D. (2012) Matematicheskiye metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh [Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data]. SPb.: Speech, 392 p.

Saytimova T.N. (2008) Tendentsii razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya v Respublike Kazakhstan [Trends in the development of teacher education in the Republic of Kazakhstan]. Izv. Volgogr. state ped un-that. Ser.: Pedagogical sciences, no 9 (33), pp.190-194.

Skachkova L.S., Kostenko E.P., Butova S.V., Mikhalkina E.V. (2015) Upravleniye motivatsiyey personala: podkhody, modeli, instrumentariy [Management of staff motivation: approaches, models, tools]. Rostov-on-Don: Publishing House "Assistance – XXI Century", 226 p.

Triandis G. (2012) Kul'tura i sotsial'noye povedeniye [Culture and social behavior]. M.: FORUM, 340 p.

Turgumbayeva A.M., Aimaganbetova O.H. (2017) Teorii protsessa motivatsii v mezhkul'turnom kontekste [The process theories of motivation in cross-cultural context]. Bulletin of KazNU. Series of psychology and sociology, Almaty, no 1 (60), pp. 143-146.

Yanchuk V. A. (2018) Kul'turno-dialogicheskiy mezhdeterministskiy podkhod k analizu psikhologicheskoy fenomenologii: teoreticheskiye i prikladnyye vozmozhnosti [Cultural-dialogical interdeterministic meta-approach to the analysis of psychological phenomenology: theoretical and applied possibilities]. Theoretical Research in Psychology, T. 4, pp. 21-82.

IRSTI 15.41.21 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.03

B.Zh. Issakozha, N.M. Sadykova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazkhsatan, Almaty,
e-mail: balgyni@gmail.com, e-mail: sadikova.nazira@mail.ru

THE INFLUENCE OF GENDER ON PROFESSIONAL IDENTITY

In the field of psychology, gender has always played an important role in many processes, including in the process of forming a professional identity. Today, the issue of gender is one of the urgent, especially its impact on the identity of the individual. The purpose of the research was to review the impact of gender characteristics on professional identity. The scientific and practical significance of the study consists in the analysis of theoretical studies revealing the importance of the role of gender on professional identity. The obtained data can be used in training courses for the training of specialists in personality psychology. The study used methods of collecting material, a theoretical analysis of studies on the problems of professional identity in women and men. The results of the study will deepen the content of psychological and pedagogical work on career guidance. The results of a theoretical analysis are given, indicating the presence of statistically significant differences in professional identity in women and men. In conclusion, it is concluded that gender characteristics have a great influence on professional identity and the importance of sociocultural assessment and interpretation of existing differences is emphasized.

Key words: gender, professional identity, gender features, identification, sex.

Б.Ж. Исақожа, Н.М. Садықова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: balgyni@gmail.com, e-mail: sadikova.nazira@mail.ru

Гендерлік ерекшеліктердің кәсіби идентификацияға (сәйкестілікке) әсері

Психология саласында гендер үнемі көптеген процестерде, соның ішінде кәсіби бірегейлікті қалыптастыру процесінде маңызды рөл атқарды. Бүгінгі күні гендер мәселесі өзекті мәселелердің бірі болып табылады, әсіресе оның тұлғаның бірегейлігіне әсері. Зерттеу жұмысының мақсаты гендерлік ерекшеліктердің кәсіби бірегейлікке әсерін шолу. Зерттеудің ғылыми және практикалық маңыздылығы гендердің кәсіби бірегейлікке рөлінің мәнін ашатын теориялық зерттеулерді талдау болып табылады. Алынған мәліметтер жеке тұлға психологиясы бойынша мамандарды даярлау кезінде оқу курстарында қолданылуы мүмкін. Зерттеу барысында материал жинау әдістері, әйелдер мен ерлердің кәсіби ұқсастығы мәселелері бойынша зерттеулердің теориялық талдауы қолданылды. Зерттеу нәтижелері кәсіптік бағдар беру бойынша психологиялық-педагогикалық жұмыстың мазмұнын тереңдетуге мүмкіндік береді. Әйелдер мен ерлерде кәсіби бірегейлікте статистикалық маңызды айырмашылықтардың болуын куәландыратын теоритикалық талдаудың нәтижелері келтіріледі. Қорытындыда гендерлік ерекшеліктер кәсіби бірегейлікке үлкен әсер етеді және әлеуметтік-мәдени бағалау мен бар айырмашылықтарды түсіндірудің маңыздылығына баса назар аударылады.

Түйін сөздер: кәсіби бірегейлік, гендер, гендерлік ерекшеліктер, идентификация, жыныс.

Б.Ж. Исакожа, Н.М. Садыкова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: balgyni@gmail.com, e-mail: sadikova.nazira@mail.ru

Влияние гендерных особенностей на профессиональную идентификацию

В области психологии гендер всегда играл важную роль во многих процессах, в том числе и в процессе формирования профессиональной идентичности. Сегодня вопрос гендера является одним из актуальных, в особенности, его влияние на идентичность личности. Цель данного исследования заключалась в проведении обзорного анализа влияния гендерных особенностей на профессиональную идентичность. Научная и практическая значимость исследования определялась проведенным анализом теоретических исследований, раскрывающих значимость роли гендера на профессиональную идентичность. В ходе исследования использовались методы сбора материала, теоретический анализ исследований по проблемам профессиональной идентичности у женщин и мужчин. Приводятся результаты теоретического анализа, свиде-

 © 2020 Al-Farabi Kazakh National University

тельствующие о наличии статистически значимых различий в профессиональной идентичности у женщин и мужчин. В заключение делается вывод, что гендерные особенности оказывают большое влияние на профессиональную идентичность и подчеркивается важность социокультурной оценки и интерпретации существующих различий. Полученные данные могут быть использованы в учебных курсах при подготовке специалистов по психологии личности. Результаты исследования позволят углубить содержание психолого-педагогической работы по профориентации.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, гендер, гендерные особенности, идентификация, пол.

Introduction

The process of formation of professional identity proceeds more efficiently if the multivariance of the influence of factors of the biological and social sex, psychological and social aspects of the processes of gender socialization are taken into account. Professional work, which is preceded by the right choice, is one of the most important factors that determine a lot in the life of a modern person, so the study of these factors is an important of problem for a lot of people.

Relevance of the topic: the study of psychological problems arising in the system of personality psychology was prepared by studying gender differences and determining the significance of the biological sex in relation to verbal, mathematical and spatial-visual abilities. The intensification of gender research was observed in the middle of the last century, largely due to the feminist movement and discussion of issues of discrimination against women, including in the professional sphere. Professional identity, on the one hand, is the result of the influence of many interconnected external and internal factors, which also include gender.

The purpose of the research is to analyze the influence of gender characteristics on professional identity. To achieve this goal, you must complete the following tasks:

– consider studies on the problems of professional identity in different sexes;

– provide a theoretical analysis of studies of the impact of gender on the formation of professional identity;

– define research methods;

– identify the relationship between the characteristics of professional identity and gender.

The subject of the study is the formation of professional identity and the peculiarity of gender differences in this process.

The object of the research is professional identity of men and women.

The hypothesis of the study suggests that gender characteristics are one of the main factors that affect professional identity.

Theoretical and methodological basis of the research: the main research facilities are defined in accordance with the object and subject of the study. The bases for the study of identity were: the theory of personal identity and identity status E. Erickson, J. Marcia, as well as work on the problem of gender and professional identity J. Spence, S. M. Burn, I. S. Kon, Ye. A. Klimov. An analysis of professional identity issues was based on the work of E.A. Klimov, I.S. Cohn, D. Super, personality aspect of Bukreyeva I. A., Pryazhnikov N. S., T. V. Bendas, A. Zherebkina.

The problem is that the available data in the literature do not allow us to draw an unambiguous conclusion on how gender characteristics affect professional identity. The reviews note the small number of studies on the impact of gender characteristics on professional activities. Research most often concerns the detection of differences in the profile of professional interests of men and women, in professional effectiveness, career, and leadership. There is a need to deepen ideas about how gender is related to professional identity. Research Method**:** the study used a comparative method of theoretical analysis and a review of the literature on this problem.

Materials and methods of the research

As a research method, a review analysis of scientific articles on the impact of gender characteristics in professional identity was carried out. For the secondary analysis, the works of such authors as E. Erickson, J. Spence, S. M. Burn, I. S. Kon, Ye. A. Klimov, S.L. Rubinstein, E.A. Klimov, I.S. Cohn, D. Super and others.

The study is descriptive and based on some indicators of an empirical study of the authors. The study mainly focuses on the context of gender issues in professional identity.

Results and discussion

Professional identity is the process of developing the internal positions of a professional, that is, the motivation of professional activity, a person's attitude to his future profession and to himself as a

potential subject of professional activity (Rubinstein, 2015: 713). The internal position becomes the internal condition through which external influences are refracted.

Psychology began its movement along the path of gender studies with the formulation of the problem of individual and gender differences. The concept of "gender" as a social or sociocultural sex entered in the late 60s – early 70s (Popova, 2014: 245)."Gender" in translation from English means – sex. In psychology gender it is a socio-biological characteristic, with the help of which people define the concepts of "man" and "woman". Since "gender" is a biological category, social psychologists often refer to biologically related gender differences as "gender differences".

The process of formation of professional identity, which, of course, includes the formation of professional inclinations, is complex and multi-stage; therefore, despite a lot of research in this area, a large number of unexplored or insufficiently studied aspects of this important, significant problem can be distinguished. In particular, at present, the gender aspect of professional orientation is a new and poorly developed scientific field. The problems of forming gender identity, achieving gender status, and subordinating a person to the expectations of society are considered in a number of studies studying gender differences in behavior depending on sociocultural conditions (Burn, 2016: 233). The problem of gender features of professional identity has not been studied enough, there are very few reliable facts obtained using scientific methods, so this study addresses one of the important tasks – collecting new facts and trying to interpret them.

Considering the formation of professional identity among different sexes, I. S. Kon identifies aspects related to the social usefulness of future professional activity, with the individual characteristics of an emerging personality that make up a lifestyle, establishing a balance between the interests, inclinations, personality abilities and the need of society for representatives of one or another profession (Kon, 2013: 192). A person's professional identity is influenced by many different factors, both biological and social. In this article, this problem is considered from the point of view of studying the gender characteristics of the formation of professional inclinations, which are an expression of the characteristics of an individual lifestyle.

According to studies conducted by V. Vdovin, I. A. Zaborskoy, E. A. Klimov, O. P. Nemenova and L. A. Khramtsova, N. S. Pryazhnikov, a number of factors influence the formation of professional identity, such as a system of universal values, socio-economic conditions, social environment, individual psychological characteristics of a person, degree of awareness. But the author also notes that in recent years, gender characteristics also have a great influence on the formation of professional identity, which subsequently led to the fact that some types of professional activity are assigned to certain sexes.

The process of the formation of professional identity in the wounded sexes was studied by many authors, taking into account the prerequisites formulated by E.A. Klimov on the basis of the principle of the unity of consciousness and activity accepted in Russian psychology (Klimov, 2006: 512). Scientists recognize the existence of innate psychological qualities that are resistant to social impact: these are the so-called inclinations, which undoubtedly affect the success of an activity. Nevertheless, the human psyche has significant plasticity and the ability to adapt.

Abilities are developed and improved through training, offset by other abilities. It is believed that it is necessary to develop professional identity in both women and men, taking into account the individual characteristics of a person that arose in the process of personality development under the influence of external and internal factors and conditions. The process under consideration of the formation of professional identity in general and professional inclinations in particular is carried out consciously and is expressed in the desire to satisfy not only personal needs in work, in engaging in interesting activities that contribute to self-realization, but also to benefit other people. The chosen profession should correspond to the interests, inclinations, abilities of the individual and at the same time the needs of society in the personnel of a certain profession, this expresses the relationship of the personal and social aspects of choosing a profession (meaningful and adaptive components). In this case, the author wants to show that there are common components of the development of professional identity in both genders.

The process of forming professional identity in different sexes is multifaceted and active. In it, the advice of authoritative people for both men and women plays a large role, as well as professional experience, media exposure, practice during labor and vocational training and much more. However, identity in the professional sphere for men is greatly influenced by the available information on the amount of future earnings, the possibility of increasing it proportionally the growth of professional experience and skill, the ability to satisfy housing needs,

maintain health, rest, and improve their cultural and educational level (Bukreyeva, 2013: 158). Of course, for women this aspect is important, but it is inferior to such factors as a convenient schedule, provision of labor conditions and social security. In this connection, these factors directly affect professional identity and this identity can associate them with a certain profession.

Let us determine the place occupied by professional inclinations in the system of professional identity in women and men. We proceeded from an analysis of the literature that professional identity is a complex structure and represents a combination of motives, interests, dominant relationships that are characteristic of a particular gender. The indicated relations of a different sex are determined by the system of personal value orientations and are differentiated by a person's attitude to himself and to people around him in professional activity, and to the content of professional activity.

Based on the foregoing, the following components of professional identity and their gender feature can be distinguished: firstly, it is a system of value orientations, i.e. the totality of attitudes, beliefs, and personal preferences in the professional sphere has a pronounced difference between women and men. Their value system has been shared by gender since birth. For example, girls have always been taught that they should be feminine, be able to cook, take care of the house, husband and children. Although the wave of Feminist movement led to the fact that these beliefs began to change, but nevertheless the singing still dominated. For men, other values are characteristic, they assumed the role of breadwinner and protection, tend to form in themselves an identity associated with these criteria, which also affect their professional identity.

However, there is a contradictory opinion that gender is not the main factor that determines professional identity. According to E. Erickson, J. Marcia, and the results of their research, representatives of both sexes in their interior views showed that their professional identity was based on their personal values, which the gender did not have as much influence as other factors. Based on personal values and attitudes, the attitude of the individual to the profession is formed. It consists of relationships to activities, forms of professional training, to people who are representatives of a given profession, as well as the prestige of a particular profession as a whole. In addition, a person forms an attitude towards himself as a future representative of this profession: assesses the adequacy of the level of claims, determines the possible change in self-esteem, self-esteem (Erickson, Marcia, 2017: 136). The following are professional interests as an expression of the emotional attractiveness of a particular profession for a person. The central element of the orientation is motive – subjective motivations that determine the choice of a particular pattern of behavior. Professional inclinations are desires, motivations, and needs for certain types of activities. The attractiveness for a person of this or that work, interest in its content depends on inclinations. Thus, the formation of professional inclinations is influenced by all the elements of a professional orientation discussed above, which are formed not on the basis of belonging to gender, but on the basis of values in society and the individual himself.

According to other sources of analysis, the process of the formation of professional identity cannot be considered without recognizing the existence of stereotypes of masculinity and femininity, reflecting differences in the purpose of men and women, their psychological characteristics (Pryazhnikov, 2016: 256). The concept of "gender" means a set of social and cultural norms, the expectations of society, depending on the biological sex of the individual. It is the expectations of society that determine the psychological qualities, patterns of behavior, and preferred types of professional activity that are formed in the process of educating future women and men. Researchers note some objective differences in the psyche of men and women, which ultimately affect the choice of profession. For example, women are quicker than men in mastering their native and foreign languages and are better at performing verbal tests. Men perform tasks on orientation in space and spatial thinking faster and more efficiently. But on the whole, the gender-role identity is formed and changes depending on the conditions of upbringing, training, and the degree of influence of stereotypes prevailing in society, instilled in the social environment and the media. The development of an adequate gender identity is an important factor for successful adaptation to the fulfillment of future social roles (Bendas, 2005: 431). According to research, survivors of patriarchal stereotypes are preserved in the content of images of modern men and women, this is especially true for residents of rural regions. When studying ideas about the components of personal happiness, skills of men and women, about their psychological qualities and properties, it was found that kindness, economic skills, love for men are the highest in the ranking of ideas about the image of a real woman (Zherebkina, 2015: 708).

The main content of the role of men is to achieve success in professional activities, material wealth, therefore, for men it is important to choose a profession and search for a job. The traditional "masculine" attitude towards the role of the wife is traced in the analysis of the role expectations of men. According to their ideas, the wife should be beautiful and hardworking, cope well with the roles of a housewife and mother, men are not considered to be engaged in professional, social activities, sports or hobbies. In the girls' ideas about female personal happiness, two opposing trends can be traced, which under certain conditions are the cause of intrapersonal conflict. On the one hand, girls strive to get a good education, a highly paid profession, on the other hand, they want to realize themselves as women — to get married, take care of her husband, and raise children. Of great importance when choosing a model of behavior is the example of the parental family (Wilson, 2018: 147).

Professional identity occurs simultaneously with the assimilation of male and female patterns of behavior. At present, the traditional division of labor by gender has lost its relevance: most professional roles are not differentiated by gender at all. Co-education of boys and girls, general labor activity erase significantly the differences in the norms of behavior of women and men. Nevertheless, there are still typically female and typically male professions, which is a consequence of the existence of gender stereotypes in the public mind. Typically female professions are associated with the presence of communication skills, high emotionality, soulfulness; men's professions require activity, rational thinking, and professional competence. Summarizing the above, it is important to note that the gender approach in psychology means not so much an analysis of the stereotypes that have developed in relation to men and women, but rather the creation of favorable conditions for the self-realization of a person. In relation to the choice of a professional career, a gender approach means not only determining the expectations of society ("should"), but to a greater extent determining the interests and inclinations ("I want"), abilities and opportunities ("I can") of a future professional (Zucker, 2015: 74). As a result, we get that our hypothesis that gender is the main factor in the development of professional identity is disproved, but not absolute. Gender still remains as one of the factors that influence the development of professional identity, but it is not the main factor.

The traditional gender division of labor has lost rigidity and formativeness; most social roles are not differentiated by gender at all. General labor activity and joint training to a large extent offset the differences in the norms of behavior and psychology of women and men. The advantage of the gender approach as a whole is that it allows you to take into account the interests of both socio-sexual groups of society. In modern Kazakhstani society, despite the many changes taking place in it, traditional ideas about male and female destinations are still strong, which are derived exclusively from the biological differences of people.

Conclusion

So, we examined various theories and approaches to studying the gender characteristics of professional identity. It was revealed that gender features professional identity and activities, which are preceded by the right choice, is one of the factors that determine a lot in the life of a modern person, but is no longer as important as he was before. According to the purpose of the study, we also showed the meaning of the concept of gender and professional identity.

All scientists involved in this problem note that the advantage of the gender approach as a whole is that it allows you to take into account the interests of both socio-sexual groups of society. A gender approach to the professional identity of a person should be carried out on the basis of the formation of readiness for understanding, accepting and fulfilling various social roles, taking into account the diversity of manifestations of gender behavior. Based on the analysis of literary sources, we tried to most fully track the concepts of designing professional identity and gender characteristics. We believe that studies in the field of gender features of professional identity will be continued in the studies of modern psychologists, since the relevance of this topic is obvious and practically significant.

The research goal has been achieved and the tasks have been completed, these values partially confirm the correctness of our assumption that professional identities differ among different sexes. However, we still have to note that the hypothesis itself has not been confirmed, since already in recent years, many authors have noted the fact that gender features no longer have such an important role in shaping professional identity.

In the conclusion of our research, we can conclude that the formation of professional identity is a complex and multifaceted process of comparing a person with the needs and expectations of society and their own motives, interests, inclinations and abilities. This process from the standpoint of the

activity approach is conscious and active. Modern psychological science recognizes a change in the social status of men and women, dictated by changes in society. The process of the destruction of traditional gender stereotypes helps to level many aspects of the natural differentiation of sexes, however, gender characteristics affect professional identity, but not as much as it was expressed earlier. Recognizing the existence of social, psychological differences between women and men, it should be noted that at the present stage the task of psychological science is not to state these differences, but to identify the psychological mechanisms of their formation and influence on behavior.

References

Bendas T. (2005) Gendernaya psikhologiya: [Gender psychology: Textbook]. St. Petersburg: Peter, 431 p.

Bukreyeva I. (2009) Problema osoznannogo professionalnogo vybora. Professionalnaya oriyentatsiya molodezhi v sovremennykh sotsialno-ekonomicheskikh usloviyakh: sostoyaniye, problemy, perspektivy. [The problem informed professional choice. Professional orientation of young people in modern socio-economic conditions: condition, problems, prospects]. Slavyansk-na Kubani, pp. 158–160.

Burn S. M. (2016) The Social Psychology of Gender. New York, no 3 (5), 233 p.

Erickson E., Marcia. J. (2017) Is gender the main factor in professional activity, or is it a representation of the past? Journal of Gender, no 2(2), 136 p.

Klimov Ye. A. (2016) Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya [Psychology of professional self-determination]. Rostov-on-Don, no 17 (6), 512 p.

Kobazova Yu. V. (2014) Gender aspect in the process of professional identity. Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University, no 2, 56 p.

Kobazova Yu. V. (2015) The impact of gender socialization in professional identity. Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University, no 6, pp. 53–63.

Rubinstein, S.L. (2015) Osnovy obshchey psikhologii: [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg: Peter, 713 p.

Popova J.B. (2014) Psychological research and gender. Women Gender Culture. M., p. 245

Spence, J. (2014) Gender Identity and Professional values. Nebraska Simposium on Motivation, University of Nebraska, no 32. Lincoln and London, 121 p.

Kon I. S. (2013) Psikhologiya starsheklassnika [High school student psychology]. Moscow, no 3 (11), 192 p.

Pryazhnikov N. S. (2016) Professional'noye i lichnoye samoopredeleniye [Professional and personal self-de termination]. Voronezh, no2 (3), 256 p.

Wilson K. (2018) The Disparate Classification of Gender and Sexual Orientation in America. – Washington D.C., no 17, 147 p.

Zherebkina A. (2015) Vvedeniye v gendernyye issledovaniya [Introduction to gender studies]. Ed. I. A. Zherebkina. Kharkov; St.-Petersburg, 708 p.

Zucker K.F. (2015) Gender Identity Disorder. Ed. by M. Rutter and E. Taylor. Oxford: Blackwell, 4th ed., P. 74

МРНТИ 15.41.43. https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.04

У. Рахымбаев

Академия Комитета национальной безопасности Республики Казахстан,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: Ulan-0101@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНОСТИ С ПОЗИЦИИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Осмысление религиозности через фундаментальные науки на сегодняшний день не дает полного представления о ее месте и роли в общественном устройстве. Попытки интегрального понимания часто приводят к столкновению интересов и позиций различных дисциплин науки. Содержание статьи нацелено на выяснение причин наличия обязательного условия признака религиозности как отказа или отторжения существующего социального порядка. Кроме того, проводится разграничение в понимании религиозности как субъективной индивидуальной духовности и религиозности, ощущаемой на основе групповой (конфессиональной) принадлежности. Данное разграничение, как покажет статья, имеет принципиальное значение для внесения ясности в вопросах правильного осмысления и адекватного восприятия религии как неотъемлемого смыслообразующего компонента сознания человека. Интригующим и новым, на наш взгляд, будет рассмотрение религиозности не через ее сущностное определение, а с точки зрения того, что сама религиозность и принадлежность к определённой конфессии является несамостоятельным и производным элементом совершенно других процессов. Выводы статьи, по мнению авторов, могут стать отправной точкой для совершенно новых подходов по изучению религии, отличающихся контрастностью и отчетливостью в прояснении свойств повседневности.

Ключевые слова: религия, религиозность, конфессиональная принадлежность, социальная среда, фрейм, социальная потребность, стигматизация.

U. Rakhymbayev

Academy of Committee of national security of the Republic of Kazakhstan,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: Ulan-0101@mail.ru

Socio-psychological analysis of religiosity from the position of confessional affiliation

At present, the understanding of religiosity through fundamental sciences does not give a complete picture of its place and role in the social structure. Attempts at integral understanding often lead to a clash of interests and positions of various disciplines of science. The content of the article is aimed at finding out the reasons for the presence of a mandatory condition for the sign of religiosity as a rejection or rejection of the existing social order. In addition, a distinction is made in the understanding of religiosity as a subjective individual spirituality and religiosity felt on the basis of group (confessional) affiliation. This distinction as the article will show is of fundamental importance for making clear the issues of correct understanding and adequate perception of religion as an integral meaning-forming component of human consciousness. It is intriguing and new, in our opinion, to consider religiosity not through its essential definition, but from the point of view of the fact that religiosity itself and belonging to a particular denomination is an independent and derivative element of completely different processes. The article's conclusions, according to the authors, can become a starting point for completely new approaches to the study of religion, characterized by contrast and clarity in clarifying the properties of everyday life.

Key words: religion, religiosity, religious affiliation, social environment, frame, social need, stigmatization.

Ұ. Рахымбаев

Қазақстан Республикасы Ұлттық қауіпсіздік комитеті Академиясы, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: Ulan-0101@mail.ru

Конфессиялық тиістілік тұрғысынан діндарлықты әлеуметтік-психологиялық талдау

Бүгінгі күні діндарлықты іргелі ғылымдар арқылы ұғыну қоғамдық құрылымда оның орны мен рөлі жайлы толық түсінік бере алмайды. Мұны тұтас кешенді түсінуге талпыну әркез түрлі ғылым салаларының мүдделері мен ұстанымдарының қақтығысына алып келеді. Мақаланың мазмұны діндарлық белгілерінің міндетті шарттарының болу себептерін бүгінгі бар әлеуметтік тәртіптен бас тарту немесе қабылдамау ретінде түсіндіруге бағытталған.

 © 2020 Al-Farabi Kazakh National University

Бұдан бөлек, діндарлықты топтық (конфессиялық) тиістілік негізінде түйсінілетін субъективті жеке дара руханилық пен діндарлық ретінде түсінудегі шектеулер келтіріледі. Мұндай шектеу мақала көрсеткендей, адам санасының ажырамас мағына құрушы бөлшектері ретінде дінді дұрыс ұғыну мен барабар қабылдау мәселелерінде айқындылықты енгізу үшін қатаң қағидаға ие. Біздің қызғылықты және жаңаша көзқарасымызша, діндарлықты оның маңызды анықтамасы арқылы емес, керісінше, діндарлықтың өзі және белгілі бір конфессияға тиістілік дербес емес және мүлдем басқа үдерістердің туынды бөлшектері болып табылатындығы қарастырылады. Мақаланың қорытындылары авторлардың пікірінше, күнделікті өмір жағдайларын түсіндіруде айқындылықпен және ерекшелігімен айрықшаланатын, дінді зерделеу бойынша мүлдем жаңа бағыттар үшін бастапқы қадам болуы мүмкін.

Түйін сөздер: дін, діндарлық, конфессиялық тиістілік, әлеуметтік орта, фрейм, әлеуметтік қажеттілік, стигматизация.

Введение

Оценка места, роли и перспективы религии в современном обществе при ее нынешнем положении вызывает множество противоречий. Глубокие и необратимые изменения, происходящие в религии, свидетельствуют о заметной роли, которую играет религия в настоящее время. Возможность постижения религии через ее сущностные характеристики в отрыве от социально-психологических контекстов жизненных ситуаций, как показал опыт, не дает понять ее основные каноны, предназначенные именно для осмысления сущности бытия. В данной ситуации ясно только одно, что религия связана с духовными и материальными особенностями разных народов и создание феномена религии является результатом труда человека. Поэтому религия проявляется через понятие «религиозность», как особое мироощущение личности, как индивидуальное отражение психики, действий, поступков и мотиваций отдельной личности. Данное утверждение отмечено в определении О. Лобазова, где «религиозность есть частная форма существования религии в жизни отдельного индивида» (Лобазова, 2010:46). В связи с этим целесообразным подходом будет обращение к понятию «религиозность», понимание которого в связи с многоплановостью трактовок термина «религия» является достаточно сложным процессом.

Различные конфессии придают разные оттенки понятию «вероисповедание». От классификации религиозности как просто субъективной индивидуальной духовности до полного отторжения от всего социального, светского. Неоднозначность и сложность интерпретаций данного понятия вызывают конкуренцию среди различных традиций в истинности своих положений. Данная неопределённость может и, к сожалению, приводит к недопониманию и конфликтности в обществе, так как борьба за истинность может способствовать возникновению чувства агрессии к иным толкованиям сущности бытия. К тому же вызывает противоречие простая идентификация себя с определенной традицией, выраженная в следовании установленных конфессией правил и процедур, и религиозности, реализующей себя в поведении и поступках человека в повседневной жизни. По этому поводу протестантский исследователь К. Боа писал: «Мы знаем людей, утверждающих, что они христиане, а ведущих себя как варвары. Целые народы, называющие себя христианами, являются закоренелыми язычниками» (Боа, 1992:308).

Обеспокоенность вызывает еще тот факт, что практически в любом светском государстве существуют гарантии свободы вероисповедания, означающие возможность принятия человеком любой религиозной традиции. Проблема возникает тогда, когда та же самая религиозность становится вне закона и преследуется им, если она нарушает права других людей. При этом происходит нарушение прав по двум аспектам. Первый аспект – это нарушение прав, попадающее под категорию административно-уголовной ответственности, а второй аспект – это нарушение прав, задевающих основополагающие принципы и ценности жизни определённого социума (класса, корпорации, семьи, нации, государства населения), то есть попытка изменения уклада жизни. К элементам уклада жизни относятся, например, тип собственности и хозяйства, характерные принципы взаимоотношений между людьми, моральные устои, табу, эстетические представления, ценности, правовые нормы и т.д. Сложность ситуации заключается в том, что если по первому аспекту есть четкие критерии, по которым данная проблема решается и регулируется, то второй аспект вызывает множество затруднений. Делая небольшой срез нашей статьи, мы можем с уверенностью определить нынеш-

нее состояние и положение религии. Нам становится понятным, почему в рамках конфессий не сложилось единого понимания религиозности.

Материалы исследования

В существующих мировых конфессиях отсутствует единое толкование понятия религиозности, отсутствует интерпретация данного термина, удовлетворяющая всех и в научном мире. Классификация религиозности базируется на множественных критериях, обобщая все существующие на сегодняшний момент параметры, можно выделить основные три направления трактовки религиозности. Направление, разработанное И. Н. Яблоковым, определяет религиозность через сознание, поведение и отношение, принимающее форму социального качества, группы или индивида (Яблоков, 1979:13). Такой же позиции придерживаются П. С. Гуревич, М. П. Мчедлов, Л. Н. Митрохин, Е. Г. Балагушкин, рассматривающие религиозность через призму социальной ситуации, ее изменения и движения. Более психологического взгляда придерживается Е. Г. Балагушкин, берущий за основу религиозности интересы людей, вступающих порой в плоскость противоречия (Балагушкин, 1999:244).

Третья группа исследователей представлена российскими учеными, выражающими свою точку зрения с позиции, близкой для казахстанского общества, с учетом историко-географических общностей наших стран. Так, по результатам исследований Ю. Синелиной, религиозность взаимосвязана с общественным мировоззрением, которая на сегодняшнем этапе имеет тенденцию к постоянному изменению, в результате чего мы можем видеть частое появление новых религиозных организаций (Синелина, 2004:98).

Исследования О. Лобазовой говорят о стремлении народностей к постоянной этнокультурной самоидентификации, с одной стороны, и глобализацией культурной и политической жизни мирового сообщества, с другой стороны. Как итог, именно они становятся условием и результатом современной религиозности (Лобазова, 2010:33). У. Джемс расставлял акценты на разницу в переживаниях, оставляя без внимания особенности самой религии, тем самым, давая понять, что в рамках светской «обыденности» невозможно правильно воспринять религиозность как нечто возвышенное. В данном контексте, по мнению У. Джемса, возникает главный критерий религиозности – это конфессиональная принадлежность, то есть самоидентификация личности (Джемс, 1993:187).

Принципиально важным и, возможно, одним из главных способов выхода из кризисного состояния религии в целом является рассмотрение религиозности через призму конфессиональной принадлежности. Здесь усматривается мотивационный аспект религиозности через ее основной компонент как социальная потребность. Сюда входит и сопричастность к чему-то большему, чувство признания, социальные связи, одобрение, статус, групповая принадлежность, внимание к себе, потребность проявления заботы о других и т.д. Данный аспект должен привлечь внимание государственного сектора к эффективности действия в целом социальных институтов по реализации указанных социальных потребностей. Имеется ввиду, что конфессия, приобретшая институционализированную системную форму, могла полностью заменить функцию государственных социальных институтов. В таком случае может возникнуть вполне тривиальный вопрос «Кто выстраивает общественное мировоззрение, культуру и уклад жизни в государстве?». В этом плане можно рассмотреть взаимодействие системы государственных органов с конфессиями по вопросам форм реализации данных потребностей, лежащих в основе мотивов, определяющих в целом действия человека. Дальнейшее углубление в проблематику конфессиональной принадлежности приводит нас к рассмотрению теории фреймов, разработанной американским социологом И. Гофманом. Английский термин «фрейм» обозначает широкий круг понятий, участвующих в структурировании реальности человеком, в более общем смысле это «форма». Гофман объясняет перспективу восприятия, которая создает способ прочтения ситуации. То есть фрейм – это процедурное знание – «знание как» или последовательность действий, описывающих либо креативный аспект предмета, либо его функциональный аспект (Гофман, 2004:24).

Будучи ментальным процессом, фрейм тяжело поддается осознанию субъектом. Попытка экспликации и уяснения фрейма часто дезорганизует восприятие. К примеру, ребенок 3 лет активно подражает причесыванию волос. И даже может произвести данное действие по указанию. Но когда тому же ребенку говорят дотронуться рукой до своих волос, он не может выполнить это действие. Другой пример – это когда ребенок может показать нос на лице человека, а отдельно нарисованный нос в отрыве от лица не может

идентифицировать. То есть действия в данных случаях являются несамостоятельными элементами целостных ситуаций: нос является несамостоятельным элементом лица, а прикосновение к волосам – несамостоятельным элементом процесса причёсывания. Соответственно вычленение элемента с целостного процесса разрушает ее правильное восприятие и понимание.

Синонимами фрейма являются понятия сценарий рамка, схема, паттерн, гештальт и дисциплинарная матрица. В психологической науке это формальные схемы, позволяющие за счет правильной организации восприятия и памяти выходить за пределы получаемой информации. Функцией фрейма является преобразование рассыпанной на фрагменты и отрезки эмпирическую реальность в четкую осмысленную ситуацию. На основе фрейма строится социальное взаимодействие, связанное с пониманием. То есть это способ, шаблон или схема для понимания ситуации.

Таким образом, мы обладаем естественной способностью выстраивать из кусков поглощающего нас с головой, яркого, живого опыта определённую реальность с широко различающимися статусами участия в ней. Чтобы наглядно увидеть разницу воздействий фрейма, которая обладает силой изменения восприятия ситуации, мы можем привести пример о поведении пациентов в психиатрической больнице, так как именно там можно обнаружить яркие примеры широко различающихся статусов участия и других элементов фрейма.

Показательно следующее:

1. Пациент, который не разговаривает в повседневном общении и стремится уйти с дороги, чтобы не столкнуться с кем-нибудь из персонала, вдруг на танцах, устраиваемых для пациентов, становится разговорчивым и контактным.

2. Пациент, который заикается в обычной речи, но чисто говорит, принимая на себя какую-либо роль в психодраме (как и сценический актер, обычно заикающийся, может переставать заикаться, когда ему приходится произносить текст с акцентом).

3. Пациент, который манерничает и которому все время что-то мерещится во время обычного разговора, но вполне здраво и с большим успехом исполняет главную роль в театральной самодеятельности.

4. Пациентка, которая обычно замкнута и не отвечает на попытки завязать беседу, но реагирует на письменные и устные обращения на ее родном языке.

5. Пациент, разыгрывающий сцены с участием лиц, которых нет в живых, но так, что слушатели явственно ощущают, что он играет для них (Гофман, 2004:93).

Уместным будет в связи с этим задаться логически вытекающим вопросом «что же происходит?», что может так кардинально менять поведение и мысли человека. Для этого нам необходимо обратить внимание к одному из центральных понятий анализа фреймов – «ключ» (key). Данное понятие представляется как набор правил, с помощью которых любая деятельность может трансформироваться, будучи уже осмысленной в терминах одной системы фреймов в иной, с точки зрения участников, вид деятельности. Этот процесс можно назвать переключением. Основная цель переключения – это радикальное преобразование смысла происходящего. И речь здесь идет не о простой перемене взгляда на вещи, а о преобразовании смысла. В протекающую деятельность или ситуацию можно привнести разные схемы интерпретации и тем самым отыскать в них разные «мотивационные релевантности». К примеру, при наблюдении за тем, как человек колит дрова, мы можем сказать, что осуществляются определенные действия, и даже можем описать и дать некоторую оценку данным действиям. Но главный вопрос здесь состоит в том, что эта колка дров для отдыха или по предписанию врача. Здесь принципиальным является смысл действия и соответственно мотивация и статус участника действия. Или определённые опыты по выявлению эффективности работника, где ключевым является то, что здесь может задаваться совершенно различная реальность в зависимости от того, чувствует ли себя испытуемый в ходе опыта в качестве «испытуемого» или держится относительно «естественно» и свободно. То, что в каждом из этих случаев мы имеем дело с состояниями действительно разных типов, которые соответственно приводят к совершено различным мотивационным основам понимания и восприятия ситуации. Исходя из теоретических представлений о теории фрейма, мы можем подойти к одному из ключевых методологических вопросов о религиозности, в частности, к вопросу нашего исследования – «конфессиональная принадлежность». Почему в рамках исследования мы акцентируем на этом внимание. Данный вопрос на сегодняшний день вызывает много споров. Учитывая, что с одной стороны мы можем говорить о личной религиозности как субъективного, духовного мироощущения личности, существующего в каждом

отдельном индивиде и религиозности, принимающей институализированную форму, где критерием определения религиозности является принадлежность к определённой конфессии.

В таком ракурсе на поверхность всплывают такие проблемы, как влияние конфессий на радикализацию личности, выработка отчуждающего ощущения и настроя на светский образ жизни, неприятие существующего исторически сложившегося уклада жизни региона. Религиозность, за которой стоит определённая конфессия, может трансформироваться в так называемый тотальный институт, где вся организация пространства, образ жизни (распорядок дня), техники обращения, постоянное наблюдение, консультирование и т.д. направлены на подавление личностной идентичности. В этом ключе можно говорить о социальной девиации, в центре которой определение религиозной нормы или патологии зависит от этих институциональных норм социального контроля. Можно говорить о так называемой «стигматизации», когда человек становится заложником объективированных «исполнений», как, например, заложник своего внешнего вида, что социально одобряемые качества, принятые в данном институте, и их отношения к лицу превращают человека в его собственного «тюремщика». Кроме того, принадлежность к определённой группе, принявшей институализированную форму, дает индивиду чувство защищенности и своего рода санкционированности действий.

Определение адекватности и правомерности существующих конфессий является достаточно сложным процессом. В рамках нашего теоретического анализа необходимо понять, чем привлекают людей определенные конфессии, что в некоторых случаях человек, даже осознав существующую опасность и неадекватность нахождения в данной конфессии, не в состоянии покинуть ее. Что предпринимают в корыстных целях определённые конфессии, чтобы происходящее было воспринято в нужном фрейме. При изучении какого-либо явления, например, «влиянии религиозных организаций на радикализацию личности», мы преимущественно акцентируем внимание на процессуальных, при этом изолированных, оторванных от контекста действиях, а тогда как каждый такой случай необходимо изучать не как изолированный факт, а как факт, происходящий внутри соответствующей целостности события, в его полоном психическом окружении. В нашем исследовании было указано, что основным компонентом мотивации является социальная потребность. Обобщая данное утверждение, мы можем предварительно сказать, что конфессия как группа обладает психологической силой, которая буквально притягивает и не отпускает человека. Здесь мы сталкиваемся с фактом фундаментальной психологической важности, а именно, с наличием прямой связи между текущим состоянием индивида и структурой его психологического окружения. То, что психологическое окружение, даже если объективно оно остается одним и тем же, зависит не только от индивидуального характера, от возрастных особенностей, предпочтений и мировоззрения, но и текущего состояния, в таком случае становится ясным, если мы рассмотрим отношение между окружением и потребностями. Интерес к религии у человека возникает не сам по себе, этот интерес обычно является, так или иначе, «производным». Например, если говорить о случаях, когда ребенок проявляет интерес к цифрам, назвать этот интерес «естественным» можно лишь с оговоркой. Он мог развиваться, например, в результате жизни ребенка в городской среде и может основываться на том, что ему интересны различные маршруты трамвая, номера домов, вывески магазинов. То есть всегда он каким-то образом опосредован и произведен от некоторых исходных потребностей. Как говорят специалисты по теории фрейма, причиной течения процесса считается не цепь сцеплений звена за звеном, а именно эта связь внутри целого (контекста) (Левин, 2001:233).

При полном вовлечении субъекта в конфессию, сопровождаемом отталкивающим характером от всего остального, мы имеем дело с конфликтом между человеком и средой. К примеру, если взять признание того, что всякий ребенок – прирожденный моральный преступник, уже в силу одного того, что он рождается на свет с заведомо не приспособленными к данной среде реакциями, становится очевидно, что религиозность, приобретшая антисоциальную форму, имеет опытное происхождение и означает недостаток не врожденных реакций и инстинктов, то есть не дефект организма и поведения, а недостаток приспособительных к условиям среды условных связей, дефект, выработанный в среде. И так как в условиях современного общественного строя мы наблюдаем фрагменты того, что социальная среда порою организована самым дисгармоничным образом, следовательно, в силу заключенных в ней противоречий неизбежно должны возникать люди, подпадающие под влияние этих неблагоприятных условий и вырабатывающие в себе антисоциальные формы

поведения, что, в свою очередь, к сожалению, является одной из причин вступления человека в конфессию именно деструктивного толка.

Как мы знаем, в целом, жизнь людей основана на приспособлении природы к своим потребностям. В свою очередь, процесс приспособления носит коллективный характер и всегда нуждается в некой организации коллективных сил, приводящих к определенной деятельности. В совместной деятельности, основанной на общности целей, возникают определённые, необходимые, уже независящие от воли самого человека, отношения. То есть, можно сказать, что отношения вырабатываются необходимостью. На совокупности этих отношений образуется структура, реальный базис с нормативными надстройками к нему *(юридическими, политическими, экономическими*). И в соответствии с данными надстройками формируется общественное сознание (Выготский.1991:178). Примеряя историческую и антропологическую интерпретацию в осмыслении религиозности, мы можем предварительно заключить, что мировоззрение, характер воспитания человека всецело определяются общественной средой, в которой он растет и развивается. Те социальные раздражители, которые установились в данной среде ввиду моральных правил, художественных вкусов норм поведения и т.д. и определяют его установку. Отсюда следует, что поведение индивидуума есть производная поведения соответствующей группы.

Результатом данной статьи, по нашему мнению, должен стать методологический сдвиг в вопросе решения проблемы разности толкования и изучения религиозности, принявшей конфессиональную форму. Существующие методологические ошибки в изучении религии, как мы видим, создают в обществе некий дисбаланс, а порой и противоборство взглядов и убеждений в отношении религии, которые, как мы знаем, могут приобрести острую форму.

В статье изложен один из ключевых вопросов поведенческих наук: о связности человеческого поведения, о наличии в нем закономерностей и о возможности на основе этих закономерностей предсказывать поведение. Основной пафос авторов заключается в демонстрации всей сложности этого вопроса и ошибочности распространенных ответов на него.

Авторы убеждены, что трудно, а чаще всего невозможно, говорить о религиозности человека, о ее причинах, тем более предсказать поведение человека на основании знаний о его чертах личности. И эта наша позиция, возможно, бросает вызов здравому смыслу, привычным убеждениям о том, что причины действий человека надо искать в самом человеке. Мы приглашаем обратиться к результатам знаменитого Беннингтонского исследования, предпринятого Теодором Ньюкомбом в конце 30-х годов (Newcomb, 1943).

Основные открытия, сделанные в ходе данного исследования, могут быть обобщены довольно просто. В период с 1935 по 1939 гг. в Беннингтонский колледж поступали молодые девушки, в основном, принадлежавшие к семьям, относящимся к сегменту выше среднего класса. Все они придерживались республиканских политических взглядов, охарактеризованных консервативностью. Данные взгляды были основаны на предпочтении их родителей. Через пару лет, как было установлено, под влиянием университетской среды, их взгляды и предпочтения изменились, к тому же, в разрез со взглядами членов их семей и американцев, принадлежавших к одному с ними социальному слою. Об этом свидетельствуют результаты выборочного опроса, проведенного в студенческом городке накануне президентских выборов. Если в первом году обучения более 80% студенток поддерживали республиканца Лэндона, а правящего демократического президента Рузвельта поддерживали всего лишь менее 20%, то к третьему курсу данное соотношение сохранялось, только не в пользу республиканцев. Данное процентное распределение иллюстрирует тот факт, что социальная ситуация может порождать фундаментальное смещение основных взглядов и предпочтений большого числа людей, и феноменальным здесь является то, что изменение такого рода не может быть вызвано к жизни политической агитацией, газетными статьями или публичными дебатами. Более того, весьма примечательно, что эти изменения происходят несмотря на противостоящие им семейные аттитюды и ценности, а также на некоторого рода «объективные» факторы, имеющие отношение к личной экономической заинтересованности и классовым интересам, на которые столь сильно акцентируют внимание ученые современной ориентации.

Открытия Ньюкомба позволили ему предложить всеобщему вниманию ряд важных наблюдений относительно социальной среды Беннингтона и проверить несколько конкретных гипотез о природе группового влияния. Из его исследований мы узнаем, что Беннингтон 30 лет являлся сообществом, тесно спаянным внутренне, самодостаточным и изолированным от окружающей социальной среды во многих важ-

ных отношениях. Его профессора были молоды, динамичны, политически либеральны стремились к развитию социального самосознания привилегированных молодых женщин, с которыми они общались как в пределах, так и вне учебных аудиторий, и к их вовлечению в социальную жизнь. Корпоративный дух был достаточно силен, имелись очевидные признаки группового давления в направлении единообразия, в особенности в сторону принятых в Беннингтоне норм либерализма и социальной активности.

Ньюкомб показал, что по сравнению с их консервативными подругами политически активные, либеральные студентки имели больше шансов завести дружеские отношения, а также быть избранными на должности, дававшие право на лидерство и социальное признание. Либералы образовали нечто вроде внутренней группы, чья деятельность вела к изменениям в студенческом коллективе, представлявшем собой в некоторых отношениях вполне сформировавшееся общественное движение. Для многих, возможно, даже для большинства вновь поступающих студенток, «однокашники» по Беннингтону становились первой по значимости референтной группой, принятия и одобрения со стороны которой они горячо добивались и ценности которой усваивали.

Становится понятным, что социальная ситуация в Беннингтоне (внутригрупповая сплоченность, относительная изолированность от конкурирующих влияний и, конечно, давление в направлении единообразия подкрепляемое обещанием социального принятия и угрозой отвержения) была необходимым фактором радикального изменения предпочтений. Ибо те же самые мировые события и те же аргументы в пользу необходимости установления большей социальной справедливости и проведения экономической реформы относительно мало влияли на их братьев, сестер и других равных по социальному положению сверстников, испытывавших на себе иное социальное давление в другой социальной обстановке.

Иными словами, он отмечает связь между принятием ими либеральных или радикальных убеждений и желанием получить одобрение со стороны окружающих, то есть удовлетворение социальных потребностей. В своем анализе Ньюкомб делает сильный акцент на адаптивной социальной функции процесса изменения студентками своих политических убеждений (Росс, Нисбет, 1999:418).

Новым для специалистов, имеющих дело с социальными процессами, происходящими в обществе – а сюда мы относим и государственный аппарат, и сферу образования и правоохранительную сферу, тот факт, что сформированность взглядов, убеждений и предпочтений индивида (в том числе радикальных и антисоциальных) является результатом воздействия социальной ситуации внутри группы, а не реальность с объективными аргументами и доводами. В данном контексте человеку не важно, какой взгляд и какое убеждение он примет и возьмет за основу своего поведения, для него важным становится социальная среда, где он находится. Соответственно, на первый план должен выступить принцип изучения того или иного поведения человека с точки зрения среды его обитания.

Ошибкой в определении смысла поведения и мыслей человека является его изучение в отрыве от контекста социальной ситуации. За операциональными действиями и поведением, порою затуманивающим взгляд исследователя, лежат такие социальные потребности как: наличие положительных коммуникативных связей, признание компетентности и успехов в выполнении социально значимых ролей (признание как профессионала, родителя, представителя определённого возраста и статуса и т.д.). И насколько эти потребности сталкиваются с принципом реальности, насколько их реализация находится в коллизии с обязательствами и требованиями окружающей действительности, имеющими порой дезорганизующий характер, вследствие чего выдавливающих и вытесняющих эти потребности в состояние голодного потенциального напряжения. Анализ должен начинаться со сравнения, насколько приспособительными функциями владеет социальная среда под названием конфессия в отличии от имеющейся среды, в которой находится человек.

В современных книгах по менеджменту и коммерческим продажам хорошо иллюстрируются моменты в отношении побудительных мотивов, которые питают решения. В них отлично представлены доказательства того, что причиной выбора решения является не рациональный аргумент, а эмоциональное обрамление ситуации. Основной постулат звучит так: если вы сможете понять, что люди действительно покупают, то вы сможете продать им решение их проблем, которое выглядит в вашем представлении как идеальное предложение. Например, хорошая няня продает не уход за ребенком, а ваш свободный вечер, продавец каминов – уют в комнате для семейных посиделок, слесарь – чувство безопасности. То есть вещь продается

не в прямом функциональном значении, а в производном от некоторых других потребностей, а именно социальных. Важнейшим фактором при изучении социальных процессов является учет такой социальной потребности как чувство справедливости. В проводимых экспериментах специалистами фрейм-анализа по рациональности принятия решения показано, что отрицательная эмоциональная ценность несправедливости перевешивает позитивную рациональную ценность даже денег. Если предложенная сумма человеку составляет меньше половины от всех денег, большинство принимающих неизменно отклоняют данное предложение. Выражаясь простым языком, если вы предложите принимающему четверть денег от общей суммы, дальше договариваться не будет смысла, потому что принимающий обидится. Большинство людей делают иррациональный выбор и предпочитают совсем упустить деньги, нежели принять смехотворное предложение. Можно задуматься, над тем, как предлагаемая государством социальная поддержка в виде выплат определённой суммы денег порою воспринимается отрицательно и выглядит оскорбляющей чувство собственного достоинства, потому что выплачиваемая сумма исчисляется человеком от общей выделенной суммы для всех. И когда мы говорим о среде, организованной дисгармоничным образом, мы имеем в виду вышеперечисленный факт.

Заключение

В заключение отмечаем, что психологически важным и решающим при интерпретации и соответственно на этой основе классификации религиозности является изучение *конфигурации сил,* не только действующих внутри психологических систем субъекта, а также в тех социальных системах, частью которых он является. Необходимо знать, как именно осуществляется анализ.

Вместо того, чтобы вычленять из ситуации тот или иной изолированный элемент, оценка значимости которой приводит к ошибочным результатам, необходимо начинать с характеристики ситуации в целом. А уже после такого «анализа в первом приближении» различные аспекты и части ситуации подвергаются все более и более конкретному и детальному анализу. Разумеется, такой метод предполагает, что существуют определенные свойства целого. Некоторые из этих общих свойств (например, величина «пространства свободного передвижения» или «дружелюбная атмосфера») описываются терминами, которые человеку, привыкшему думать в терминах физики, могут показаться весьма ненаучными. Однако если такой человек вспомнит, то фундаментальное значение, которое имеют для физических событий гравитационное и физическое поля или величина давления, он с меньшим удивлением отнесется к тому, что проблемы атмосферы столь же значимы для психологии. На деле психологическую атмосферу можно определить и измерить довольно точно. Любой ребенок чувствителен даже к очень небольшим изменениям социальной атмосферы, таким как изменение степени дружелюбия и безопасности. Многим опытным педагогам известно, что успех в обучении во многом зависит от той атмосферы, которую ему удается создать на уроке. И то, что до сих пор этим проблемам не уделялось должного внимания, обусловлено не их малой важностью и не какими-либо трудностями эмпирического определения атмосферы, а в основном некоторыми философскими предрассудками, навеянными представителями бихевиоризма.

Во всех приведенных примерах тонкой нитью проходит понятие «атмосфера», реализующее социальные потребности индивида. Каким бы странным не казалось утверждение того, что принятие какого-либо индивидом взгляда, оценки, социальной нормы не является результатом личной убежденности или объективно существующих доводов и фактов, все содержание статьи было нацелено на разрушение такого устоявшегося взгляда. Смещение акцента с индивидуально-личностных характеристик и причинно-следственных связей поведения на основе операциональных действий на познание его среды (в нашем случае конфессии) дает более перспективные надежды в научном и житейском представлении субъекта в религии как неотъемлемой части его мироощущения. Изучая конфессию, нам нужно определить, как выстроены отношения между индивидом и ценностью групповых стандартов, обладают они или нет культурной ценностью для него, какова эффективность групповых процедур по изменению поведения и социальных установок. Используемые аналитические средства должны быть применимы к культурным, экономическим, социологическим и психологическим аспектам групповой жизни. Такой анализ признает равную реальность всех аспектов жизни групп и социальных образований любого размера. Его применение зависит от структурных особенностей процесса и той целостной ситуации, в которой этот процесс протекает.

Литература

Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии современной России: Морфологический анализ. – М.: ИФРА-М, 1999. – 358 с.
Боа К., Литтл. П. Лабиринты веры. – М.: Знание,1992. – 420 с.
Восс К. Никаких компромиссов. – М.: Наше слово, 2017. – 432 с.
Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1991. – 210 с.
Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт РАН, 2004. – С. 510.
Джемс У. Многообразие религиозного опыта. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993. – 195 с.
Кови С., Линк Г. Разумное доверие. – М.: Попурри, 2013. – 390 с.
Коффка К. Основы психического развития – М.: Академический проект, 2017. – 534 с.
Левин К. Динамическая психология. – М.: Смысл, 2001. – 540 с.
Леонтьев Д.А. Психология смысла. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.
Лобазова О.Ф. Религиозность современного российского общества: дисс… – М.: РГСУ, 2010. – 171 с.
Росс Л., Нисбет Р. Человек и ситуация: Уроки социальной психологии. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 475.
Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России. – М.: Академия, 2004. – 138 с.
Талер Р. Новая поведенческая экономика. – М.: Издательство «Э», 2017. – 229 с.
Яблоков И.Н. Методологические проблемы социологии религии. – М.: МГУ, 1979. – 154 с.

References

Balagushkin Ye.G. (1999) Netraditsionnyye religii sovremennoy Rossii: Morfologicheskiy analiz [Non-traditional religions of modern Russia: Morphological analysis]. M.: IFRA-M, p. 358
Boa K., Littl. P. (1992) Labirinty very [Labyrinths of faith]. M.: Knowledge, p. 420
Voss K. (2017) Nikakikh kompromissov [No compromise]. M.: Our word, p. 432
Vygotskiy L.S. (1991) Pedagogicheskaya psikhologiya [Pedagogical psychology]. M.: Pedagogika, p. 210
Gofman I. (2004) Analiz freymov. Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta [Analysis of frames. Essay on organizing everyday experience]. M.: Institut RAN, p. 510.
Dzhems U. (1993) Mnogoobraziye religioznogo opyta [Diversity of Religious Experience]. SPb.: Andreev and Sons, p. 195
Kovi S., Link G. (2013) Razumnoye doveriye [Reasonable Trust]. M.: Popurri, p. 390
Koffka K. (2017) Osnovy psikhicheskogo razvitiya [Fundamentals of Mental Development]. M.: Academic Project, p. 534
Levin K. (2001) Dinamicheskaya psikhologiya [Dynamic Psychology]. M.: Smysl, p. 540
Leont'yev D.A. (2007) Psikhologiya smysla [The psychology of meaning]. M.: Smysl, p. 511
Lobazova O.F. (2010) Religioznost' sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Religiosity of modern Russian society]. – Moscow: RSCU, p.171
Ross L., Nisbet R. (1999.) Chelovek i situatsiya: Uroki sotsial'noy psikhologii. [Man and Situation: Lessons from Social Psychology]. M.: Aspekt Press, p. 475.
Sinelina Yu. (2004) Sekulyarizatsiya v sotsial'noy istorii Rossii [Secularization in the social history of Russia]. M.: Academy, p. 138
Taler R. (2017) Novaya povedencheskaya ekonomika [New Behavioral Economics]. M.: Publishing house «E», p. 229
Yablokov I.N. (1979) Metodologicheskiye problemy sotsiologii religii [Methodological problems of the sociology of religion]. M.: MGU, p.154

IRSTI 15.21.41 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.05

A.R. Rizulla[1], F.S. Tashimova[2], M.P. Kabakova[2]

[1]University of International Business, Kazakhstan, Almaty, e-mail: arizulla@mail.ru
[2]Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: fatima_tashimova@mail.ru, e-mail: pobedovna_70@mail.ru

THE ANALYSES OF THE STRESS RESILIENCE CONCEPTS' IN THE WORLD PSYCHOLOGY

This paper aims to make an analyses and systemization об /им f stress resilience concepts in the framework of world psychology. Authors begin with the defining the role of stress in humans' life referring to the dual nature of the stress. On the one hand as a power that trigger humans' development and survivance, on the other hand as a power that can destroy humans. The second nature of the stress emphasizes the necessity to cope with it in order to thrive. The ability to cope was referred to the stress resilience ability. Authors analyzed and systemized Russian, Kazakhstani, and the far-abroad countries' concepts of stress resilience. The concepts include both theoretical and experimental world studies of such scientists as Avdulova T.P., Dyakov S.I., Tashimova F.S., Mynabyeva A.K., Garmezy, Luthar, Zigler, Gest, Reed, Masten, and others. The analyses starts from the history of stress resilience studies that primarily were revealed in the literature about schizophrenia. Then early studies of patients with severe disorders focused primarily on understanding maladaptive behavior, and a subgroup of patients with relatively adaptive models that was considered as atypical for them and thus, paved the way to study this atypical behavior as an ability to confront the stress. Authors focused on drawing up a holistic understanding of stress resilience phenomena referring to the world concepts and explaining the mechanisms and main factors of stress resilience. As a summary and referring to the abovementioned concepts this paper offers the definition of stress resilience and a holistic understanding of mechanism and factors of stress resilience.

Key words: stress, coping, resilience, adaptation, pdychological health.

А.Р. Ризулла[1], Ф.С. Ташимова[2], М.П. Кабакова[2]

[1]Халықаралық бизнес университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: arizulla@mail.ru
[2]Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: fatima_tashimova@mail.ru, e-mail: pobedovna_70@mail.ru

Әлемдік психологиядағы стресске төзімділік тұжырымдамаларын талдау

Бұл мақала әлемдік психология шеңберіндегі стресске қарсы тұру тұжырымдамасын талдау мен жүйелеуге арналған. Авторлар мақаланы стресстің адамдар өміріндегі рөлін ашудан бастайды, бұл стресстің қосарлы табиғатын атап көрсетеді, мұнда бір жағынан адамзаттың түр ретінде дамып, өмір сүруіне қозғаушы күш (эволюциялық тәсіл), ал екінші жағынан адамды жоя алатын күш (ситуациялық тәсіл) ретінде. Стрессті жеңудің маңыздылығы адам өмірінің сәттілігін анықтайтын механизм ретінде де атап өтілген. Қиын өмірлік жағдайлармен тіл табыса білу адамның стресске төзімділігін білдіреді. Авторлар қазақстандық, орыс және батыстық стресстерге төзімділік тұжырымдамаларын, соның ішінде Авдулова, Дьяков, Ташимова Ф.С., Мынбаева А.К., Гармези, Лутхар, Зиглер, Гест, Рид, Мастен және басқаларын қоса алғанда, эмпирикалық және эксперименттік зерттеулерді талдайды және жүйелейді. Мақалада шизофрения туралы әдебиетте пайда болған стресстік төзімділікті зерттеу тарихы талданады. Содан кейін ол психикалық ауытқулары бар пациенттердің зерттеу материалдарында дамиды, онда бастапқы назар осы пациенттердің зиянды мінез-құлқын түсінуге бағытталды, олардың арасында бейімделушілік мінез-құлықпен ерекшеленетін топтар бөлінді, бұл әртүрлі бұзылулардан зардап шегетін осы топқа тән емес еді, нәтижесінде бұл анықтама қызығушылықтың пайда болуының бастауы болды. Мақалада күйзеліске төзімділіктің маңызды белгілері және оны ынталандырушы факторлар қарастырылады. Қорытынды ретінде авторлар әлемдік тұжырымдамаларды талдау негізінде стресске төзімділік анықтамасын ұсынды, бұл құбылыс туралы және стресске тұрақтылықты оңтайландыратын негізгі факторлар туралы толық түсінік берді.

Түйін сөздер: стресс, копинг, тұрақтылық, бейімделу, психологиялық денсаулық.

© 2020 Al-Farabi Kazakh National University

А.Р. Ризулла[1], Ф.С. Ташимова[2], М.П. Кабакова[2]
[1]Университет Международного Бизнеса, Казахстан, г. Алматы, e-mail: arizulla@mail.ru
[2]Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: fatima_tashimova@mail.ru, e-mail: pobedovna_70@mail.ru

Анализ концепций стрессоустойчивости в мировой психологии

Настоящая статья посвящена анализу и систематизации концепций стрессоустойчивости в рамках мировой психологии. Авторы начинают статью с раскрытия роли стресса в жизни людей, подчеркивая двойственную природу стресса, где, с одной стороны, он является триггером развития и выживания человечества как вида (эволюционный подход), с другой стороны, как сила, способная уничтожить человека (ситуационный подход). Также подчеркивается важность совладания над стрессом, как механизма, определяющего успешность жизнедеятельности человека. Способность совладать с трудными жизненными ситуациями относится к стрессоустойчивости личности. Авторы анализируют и систематизируют казахстанские, российские и западные концепции стрессоустойчивости, включающие эмпирические и экспериментальные исследования, среди которых Авдулова Т.П., Дьяков С.И., Ташимова Ф.С., Мынбаева А.К., Garmezy N., Luthar S., Zigler E., Gest S., Reed M., Masten A. и другие. В статье анализируется история изучения стрессоустойчивости, которая берет свое начало в литературе о шизофрении. Затем развивается в материалах исследований пациентов с психическими нарушениями, где изначальное внимание акцентировалось на понимании дезадаптивного поведения этих пациентов, среди которых выделялись группы, отличающиеся адаптивным поведением, что являлось атипичным для данной группы людей, страдающих различными нарушениями, в итоге данная находка явилась началом появления интереса к феномену стрессоустойчивости и ее исследованию. В статье рассмотрены наиболее значимые концепции стрессоустойчивости и факторы ее стимулирующих. В качестве вывода авторы на основе анализа мировых концепций выдвигают определение стрессоустойчивости, дающее целостное понимание данного феномена, и основных факторов, оптимизирующих стрессоустойчивость.

Ключевые слова: stress, coping, resilience, adaptation, pdychological health.

Introduction

Stress phenomena is ambiguous in psychology. Some perceive stress as a threatening event (for example, work with great stress, overpopulation), which entails negative consequences for the mental and physiological state of the body. Such conceptualizations are known as stimulus-based definitions because they characterize stress as a stimulus that triggers certain reactions. However, the definitions of stress based on incentives are problematic, since there is one caveat, the difference in the perception and response of people to complex life events and situations. From this point of view, Lazarus and Folkman emphasize that stress is the process by which a person perceives and reacts to events that he/she assesses as overwhelming or threatening his/her well-being (Lazarus, Folkman, 1984). A person perceives stress in accordance with one's own adaptation to the world, which may differ from the point of view of another person.

Stress is accompanied by physiological reactions of the body and emotional experiences that cause tension and excitement, the long duration of which can cause negative consequences for the human body and health. To maintain an optimal level of physical and psychological well-being, a person should be able to adequately tolerate stress or a threatening situation, which is an indicator of stress resistance.

Main body

In Russian psychology, there are various concepts for understanding the phenomenon of "stress tolerance." So according to the concept of Avdulova T.P. and colleagues (Avdulova, Vitkovskaya, Ponevazh, 2013) stress tolerance refers to the personal characteristic of a person, which determines its ability to reveal its potential and direct it in the right direction. In this regard, I would like to turn to the theory of B. Frederickson (broaden and build theory), which emphasized that the potential of the individual is formed on the basis of positive emotions experienced by the individual. Positive emotions form a person's resistance bank, which helps to overcome difficulties and solve problems productively. If in most cases a person is positively tuned, then the level of stress resistance becomes higher. People in a negative mood are not able to effectively solve problems and tasks. B. Frederickson conducted a series of experiments that showed that a negative mood negatively affects cognitive processes (memory, thinking,

imagination), which in turn reduces the individual's ability to effectively solve problems.

Dyakov I.S. noted the importance of self-regulation and self-organization of the personality, the psychological core of which is the individual's values, through the prism of which the individual makes an assessment of life events (Dyakov, 2016). Subbotin S.V. considered stress resistance as psychological and emotional resistance to a stressful situation, resistance and tolerance (Subbotin, 1992)

Returning to the concept of Avdulova T.P., Vitkovskaya E.V., Ponevazh E.V., Dyakov I.S., and others who offer a characteristic of stress resistance as: willingness to take risks, locus of control, tolerant attitude to uncertainties, self-esteem and ability to make decisions.

Dyakov I.S. on the basis of an experimental study, revealed that a person's productive adaptation to stressful conditions depends on semantic interest, including the motivational sphere of the personality (for example, the interest in receiving any benefit from quick adaptation and solving a problem) (Dyakov, 2016). The semantic interest depends on a personality trait, where he distinguishes two types of personality subjectivity - with an internal and external locus of control, which determine the personality's stress resistance strategy. People with an external locus of control are more risk averse, patient with respect to uncertainty, motivated for success, socially adapted, and low level of rationality. People with an internal locus of control are rational, prefer order and impatient with respect to uncertainty, organized, which expresses a high level of stress tolerance and success in life.

Among the psychological factors affecting stress resistance Khutornaya M.L. in her research revealed such as experiencing distress, expecting failures as a result of experienced failures, health problems, low self-esteem, and lack of time (Khutornaya, 2007).

In the works of leading Russian psychologists (Vygotsky, 1960; Dikaya, 2007; Antsiferova, 1994; Lomov, 1989), sustainability is associated with the maturity of a person and her ability to focus on specific goals, highlighting priorities and building activities to achieve them. Investigations of personality behavior in the face of life difficulties, in other words, coping strategies, which include both productive (problem-oriented, emotionally-oriented) and unproductive (avoidance) (Lazarus, 1984; Thoits, 2010; Kessler, 2000).

In Kazakhstan psychology, stress resistance was studied by such scientists as F.S. Tashimova, N.K. Toksanbaeva, V.A. Ermekbay, D.D. Duysenbekov, E.K. Kalymbetova, A.K. Mynbaeva. F.S. Tashimova emphasized the importance of studying coping strategies as determining the stress resistance of a person, while coping was studied in the framework of its three types such as problem-oriented, emotionally-oriented and socially-oriented. In her studies, she revealed the influence of society on coping with life's difficulties. At the same time, society was considered by her in the framework of the teachings of al-Farabi, where the person was presented as a carrier of significant people in her life, who determined the vital meaning, thoughts of the person and her behavior. The results of her research showed that the positive representation of significant people positively influenced the stress resistance of the individual and copying personality strategies.

Mynbaeva A.K. studied the diagnosis of anxiety levels in the process of body-oriented therapy (Mynbaeva, 2019). The author emphasized that manifestations of bodily behavior carry a significant part of information and personality, including about the state of anxiety. A person being in a conscious state controls his speech for the most part and can hide his emotional state, while the body at the level of the unconscious gives true information about the emotional state of the person.

V.A. Ermekbay and colleagues studied the effect of stress on the emotional stability of health workers (Ermekbay, Duisenbekov, Kalymbetova, 2019). They found that healthcare providers are prone to emotional burnout due to work with sick patients who exhibit different behaviors often negatively associated with their illnesses.

A.V. Lee studied the diagnosis and prevention of suicidal behavior in adolescents (Lee, 2019). Suicidal behavior is the result of a teenager's low level of stress tolerance, his inability to cope with life's difficulties and the decision to commit suicide as the only possible way to solve his problems. In this aspect, a study by John Koopman, who examined Americans who survived a suicide attempt, is interesting (Koopman, 2005). The survivors claimed that they decided to commit suicide due to the fact that they could not cope with constant problems and stress. However, when they jumped off the bridge for the purpose of suicide, they realized that this act was wrong and regretted. J. Koopman revealed a low level of stress resistance in them and emphasized the importance of psychological assistance at this stage.

In foreign psychology, stress tolerance is a dynamic process that manifests itself as a positive adaptation in the context of significant difficulties and includes two critical conditions: (1) exposure to significant threat or serious disasters; and (2)

achieving positive adaptation, despite the significant difficulty of the situation (Garmezy, 1990; Luthar, Zigler, 1991; Masten, Best, Garmezy, 1990). The study of factors that lead to adaptive results in the presence of life difficulties has attracted the minds of many scientists. The beginning of interest in this problem originated in the empirical literature on schizophrenia (Masten et al., 1990). Early studies of patients with severe disorders focused primarily on understanding maladaptive behavior, and a subgroup of patients with relatively adaptive models was considered atypical. By the 1970s, researchers found that patients with schizophrenia with the least severe course of the disease had a premorbid history of relative competency in work, social relationships, marriage, and their ability to fulfill responsibility (Garmezy, 1970; Zigler and Glick, 1986). Although sustainability was not part of the descriptive picture of this atypical schizophrenia, these aspects of premorbid social competence can today be seen as prognostic, relatively stable trajectories.

At the same time, interest in psychological stability was revealed in studies of children whose mothers suffered from schizophrenia (Garmezy, 1974; Garmezy, Streiman, 1974; Masten, 1990). Evidence that many of these children thrived and productively adapted to their environment, despite their high-risk status, led to increased empirical attempts to understand individual differences in stress tolerance.

The next step in the development of stress tolerance studies was the innovative research by Emmy Werner on children in Hawaii (Werner, 1971, 1977). Thanks to her research, the understanding of stress tolerance was expanded to include many unfavorable conditions that were factors affecting the stability of the individual, among which were the socio-economic and associated risks (Garmezy, 1991, 1995; Rutter, 1979; Werner, Smith, 1982, 1992), parental mental illness (Masten, Coatsworth, 1995, 1998), abuse (Beeghly, Cicchetti, 1994; Cicchetti, Rogosch, 1997; Cicchetti, Rogosch, Lynch, Holt, 1993; Moran, Eckenrode, 1992), urban poverty and community violence (Luthar, 1999; Richters, Martinez, 1993), chronic diseases (Wells, Schwebel, 1987) and astroficheskie life events (O'Dougherty-Wright, Masten, Northwood, Hubbard, 1997). The essence of her research was a systematic search for the defenses, resources, and sustainability that distinguished children with a healthy adaptation profile from those who were relatively less fit.

Early research focused mainly on the personal qualities of "happy children," such as self-reliance or high self-esteem (Masten, Garmezy, 1985). However, over time, researchers began to increasingly recognize that sustainability could also be due to factors external to the child. Subsequent studies led to the identification of three groups of factors involved in the development of sustainability: (1) characteristics of the children themselves, (2) aspects of their family, (3) characteristics of their social environment (Masten, Garmezy, 1985; Werner, Smith, 1982, 1992).

Over the past two decades, the focus of empirical study of this phenomenon has shifted from defining protective factors to understanding basic defense processes. Scientists seek to understand how factors such as the personality of a child, family, and the environment can contribute to stress tolerance (Cowen , 1997; Luthar, 1999). Such attention to the main mechanisms is a significant shift in the development of theory and research in this area, as well as for the development of appropriate strategies for the prevention and adjustment of therapy for people with difficulties (Cicchetti, Toth, 1991, 1992; Luthar, 1993; Masten, 1990; Rutter, 1990).

In the definition of «sustainability» there is a wide variety of designs. In theoretical terms, for example, Ratter (1987, 1990), for example, characterized sustainability as a positive end, the outcome of the use of personal resources by a person who was in a high-risk zone. Masten and her colleagues (Masten, 1994; Masten, 1990) distinguish between three groups of persistent phenomena: those in which (1) people at higher risk show better results than expected, (2) positive adaptation persists despite stressful experiences and (3) quick recovery from injury.

In empirical studies, the approaches used to understand sustainability also varied across laboratories (Cicchetti, Garmezy, 1993; Gordon, Song, 1994; Kaufman, Cook, Arny, Jones, Pittinsky, 1994; Luthar, Cushing, 1999; Stouthamer-Loeber, 1993; Tarter, Vanyukov, 1999; Tolan, 1996). Some scientists noted that sustainability is expressed in successful adaptation in several areas of life (Tolan, 1996), while others noted that successful adaptation in one significant area is sufficient with at least average indicators in other areas (Luthar, 1991 ; Luthar, Doernberger, Zigler, 1993; Egeland, Farber, 1987; Radke-Yarrow, Sherman, 1990). This understanding of sustainability suggests that sustainability does not necessarily cover all areas of human activity, but the most important / important area for this person.

Resilience researchers also have a different understanding of the relationship between risk conditions and competency. Some researchers emphasized the relationship between the level of problems and the level of sustainability (for example, having

a low level of problems in life is a sign of high competence) based on an analysis of biographical data. Other researchers used variable-based analysis and relied either on models of the main effects or on models related to interaction effects (Luthar, Cushing, 1999). This variety of dimensions has sparked controversy in the scientific community about a common understanding of this phenomenon (Kaplan, 1999).

However, a review of the literature (Cicchetti, Garmezy, 1993; Luthar, Zigler, 1991; Masten, 1990; Masten, Coatsworth, 1995, 1998; Rutter, 1990; Werner, 1990, 1995) revealed synchronous data on many correlates sustainability in several studies that have used different measurement strategies. In these studies, the importance of close and high-quality relationships with adults (parents), effective schools and the presence of communication with prosocial adults in society was revealed.

There are also concepts that emphasize the importance of personality traits in determining stress tolerance. Thus, the theory of "ego sustainability" developed by Gene and Jack Block (1980) notes that the stability of the ego includes a set of traits that reflect the general resourcefulness and tenacity of character, as well as the flexibility of functioning in response to changing environmental circumstances. Illustrative descriptors for the California Q-sort measure

(Block, 1969) include "interaction with the world, but not submission to it" and "integrated characteristics under stress".

On the other hand, Luthar (Luthar, 1996) emphasized that stress tolerance is a dynamic process that develops depending on the experience gained. However, personality characteristics, such as for example consciousness and openness to experience (Big Fives) play a significant role in the productive development of this sustainability. For example, openness to new experience allows an individual to leave the comfort zone and apply the most effective coping strategies, which in turn increases the individual's resistance to stress. Consciousness correctly systematize information and develop an effective coping strategy in a difficult life situation, which also indicates the importance of personality traits in the development of stress tolerance.

Luthar also advocates the inclusion of more differentiated terms to refer to stress tolerance as a process (Luthar, 1993). He offers terms such as "protective and stabilizing" (when the attribute in question provides stability in competence, despite the increasing risk); "Strengthening protection" (a person copes with stress, so that his competence increases with increasing risk); or "protective, but responsive" (when a stressful situation motivates a person to solve a problem, however, if the level of stress increases, then resistance begins to subside); "Vulnerable-stable" person remains at a stable level, despite the change in stress level; and "vulnerable and responsive," when vulnerability increases with stress.

The next important aspect concerns the sustainability label, what is the acceptable level? According to Gest, Reed, Masten the assessment should be based on the nature of the risk being studied and the consequences that this risk may entail (severe or catastrophic events), the emphasis should be on maintaining the optimal functioning of the person (close to average) (Gest, Reed, Masten, 1999).

Thus, summarizing the above assessment of stress resistance is based on the following criteria:

1) the priority domains of life for the individual at this stage of its psychological development;

2) consideration of these domains jointly or separately, depending on the possibility of their coexistence;

3) sustainability criteria should provide for optimal functioning.

Conclusion

Based on the analysis of the literature, we define stress tolerance as the psychological stability of a person in a stressful situation, which allows to efficiently solve problems / problems and to establish the optimal functioning of this person. Effective problem solving involves productive coping strategies of the individual.

Productive coping strategies are problem-oriented (POC) and emotionally - oriented coping (EOC), since both strategies are aimed at solving a problem (POC - finding information and solving a problem; EOC - managing emotions and thereby solving a problem) and relieving stress. All three strategies can interact with each other and even work simultaneously (Kryukova, 2001).

An analysis of global concepts of stress tolerance, including Kazakhstani, allows us to emphasize that stress resilience depends on such factors as self-regulation, personality potential, emotional and psychological stability, semantic determinants, behavioral aspects of the personality, coping strategies, productive and unproductive protective mechanisms, and personality competencies in in the event of a stressful situation, external factors (discrimination, culture) and internal factors (personal characteristics, values and beliefs).

References

Almukhambetova B.Zh., Toksanbaeva N.K. (2018). Poyavlenie trevojnosti u studentov s osobimi obrazovatlnimi potrebnostyami v processe obucheniya [Anxiety formation of students with special needs in education process]. *Psychology and Sociology Bulletin of KazNU*, **no** 4(67), pp. 11-21.

Antsiferova L.L. (1994). Lichnost v trudnih zhiznennih usloviyah: pereosmislenie, preobrazovanie situacii I psihologicheskaya zashita [Person in difficult life circumstances: rethinking, reframing of the situation and psychological defense]. *Psychological journal*, Vol. 15, no 1, pp. 3-18.

Avdulova T.P., Vitkovskaya E.V., Ponevazh E.V. (2013). Riskovoe povedenie v yunosti: otklonenie ili norma? [Risk behavior in adolescence: pathology or norn?]. *Clinical and special psychology*, no 3, pp. 36-44.

Beeghly M., Cicchetti D. (1994). Child maltreatment, attachment, and the self system: emergence of an internal state lexicon in toddlers at high social risk. *Development and Psychology*, Vol. 6(1), pp.5-30.

Block J. (1969). Parents of schizophrenic, neurotic, asthmatic, and congenitally ill children. *Archives of General Psychiatry*, no 20, pp. 659–674.

Cicchetti D., Rogosch F.A. (1997). The Role of Self-Organisation in the Promotion of Resilience in Maltreated Children. *Developmental Psychopathology*, Vol. 9, pp. 797-815.

Cicchetti D., Toth S.L. (1991). *Rochester Symposium on Developmental Psychopathology, Vol. 2. Internalizing and externalizing expressions of dysfunction.* Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 215 p.

Cicchetti D., Rogosch F.A., Lynch M., Holt K.D. (1993). Resilience in maltreated children: Processes leading to adaptive outcome. Development and Psychopathology, no 5(4), pp. 629-647.

Koopman R., Wagenmakers A. J., Manders R. J., Zorenc A. H., Senden J. M., Gorselink M. (2005). Combined ingestion of protein and free leucine with carbohydrate increases postexercise muscle protein synthesis in vivo in male subjects. *American Journal of Physiology and Endocrinology*, no 288, pp. 645–653.

Cowen E. L., Wyman P. A., Work W. C., Kim J., Fagen D. B., Magnus K. B. (1997). Followup study of young stress affected and stress resilient urban children. *Development and Psychopathology*, no 9, pp. 565-577.

Dikaya L.G. (2007). Adaptaciya: metodologicheskie problemy I osnovniye napravleniya issledovanii [Adaptation: methodological problems and basic attitudes in the research]. M.: Psychology Institute RAS, Vol.3, pp. 17-42.

Dyakov S. I. (2016). Stressoustoichivost studentov. Paradigma subektnoi samoorganizacii lichnosti [Stress resilience of students. Paradigm of personality self-organization]. *Education and Science*, no 6, pp. 97-109.

Farber E. A., Egeland B. (1987). Invulnerability among abused and neglected children. In E. J. Anthony, B. J. Cohler (Eds.), *The Guilford psychiatry series. The invulnerable child,* Guilford Press, pp. 253–288.

Ermekbay V.A., Duysenbekov D.D., Kalymbetova E.K. Sailinova K.K. (2019). The problem of occupational stress as one of the factors of the deterioration of the psycho-emotional state of medical workers. *Psychology and Sociology Bulletin of KazNU*, no 1(68), pp. 56-69.

Fredrickson B. L. (2001). The role of positive emotions in positivepsychology: The broaden-and-build theory of positive emotions. *American Psychologist: Special Issue*, no 56, pp. 218–226.

Garmezy N. (1991). Resilience in children's adaptation to negative life events and stressed environments. Pediatrics, No 20, pp. 459–466.

Garmezy N, Streitman S. (1974). Children at risk: The search for the antecedents of schizophrenia: Conceptual models and research methods. *Schizophrenia Bulletin*, no 8, pp. 14–90.

Block J.H., Block J. (1980). The role of ego-control and ego resiliency in the organization of behavior. *Minnesota Symposium on Child Psychology*, Vol. 13, pp. 39–101.

Gest S.D., Reed M., Masten A.S. (1999). Measuring developmental changes in exposure to adversity: A life chart and rating scale approach. *Development and Psychopathology*, no 11, pp. 171–192.

Gordon E.W., Song L.D. (1994). Variations in the experience of resilience. In: Wang M.C., Gordon E.W., editors. Educational resilience in inner-city America: Challenges and prospects. Erlbaum: Hillsdale, NJ, pp. 27–43.

Kaplan H.B. (1999). Toward an understanding of resilience: A critical review of definitions and models. In: Glantz M.D., Johnson J.R., editors. Resilience and development: Positive life adaptations. Plenum: New York, pp. 17–83.

Kaufman J., Cook A., Arny L., Jones B., Pittinsky T. (1994). Problems defining resiliency: Illustrations from the study of maltreated children. *Development and Psychopathology,* no 6, pp. 215–229.

Kessler R.C. (2000). Posttraumatic stress disorder: the burden to the individual and to society. *Journal of Clinical Psychiatry*, no 61 (5), pp. 4 - 12.

Khutornaya M.L. (2007). Razvitie stressoustoichivosti studentov v usloviyah intellektualnih ispitanii [Development of stress resilience of the students in the conditions of intellectual trials]. Moscow Government University, 175 p.

Kryukova T.L. (2001). Psichologiya sovladayushego povedeniya [Psychology of coping behavior]. Kostroma, 265 p.

Lazarus, R. S., Folkman, S. (1984). Stress, appraisal, and coping. New York: Springer, 365 p.

Lee A.V., Kadyrzhan D.E., Kozlov V.V., Aimaganbetova O.Kh., Faizulina A.K. (2019). Diagnostics and prevention of suicidal behavior among teenagers. *Psychology and Sociology Bulletin of KazNU*, no 4(71), pp. 116-123.

Lomov B.F. (1989). Sistemnii podhod I sistema determinizma v psihologii [System approach and system of determinism in psychology]. *Psychology Journal,* no 4, pp. 19-33.

Luthar S.S., Cushing G. Measurement issues in the empirical study of resilience: An overview. In: Glantz M.D., Johnson J.L., editors. Resilience and development: Positive life adaptations. Plenum, New York, pp. 129–160.

Luthar S.S. (1999). Poverty and children's adjustment. Sage: Newbury Park, CA, 235 p.

Luthar S.S., Zigler E. (1991). Vulnerability and competence: A review of research on resilience in childhood. *American Journal of Orthopsychiatry*, no 61, pp. 6–22.

Masten A, Coatsworth J.D. (1998). The development of competence in favorable and unfavorable environments: Lessons from research on successful children. *American Psychologist*, no 53, pp. 205–220.

Masten A, Garmezy N. (1985). Risk, vulnerability, and protective factors in developmental psychopathology. In: Lahey B, Kazdin A, editors. Advances in clinical child psychology, Vol. 8, Plenum Press: New York, pp. 1–52.

Masten A.S. (1994). Resilience in individual development: Successful adaptation despite risk and adversity. In: Wang M.C., Gordon E.W., editors. Educational resilience in inner-city America: Challenges and prospects, Erlbaum, NJ, pp. 3–25.

Masten A., Best K., Garmezy N. (1990). Resilience and development: Contributions from the study of children who overcome adversity. *Development and Psychopathology*, no 2, pp. 425–444.

Moran P.B., Eckenrode J. (1992). Protective personality characteristics among adolescent victims of maltreatment. *Child Abuse and Neglect*, no 16, pp. 743–754.

Mynbaeva A.K., Batanova A., Frshlova B.N. (2019). Diagnosing anxiety and using body-oriented therapy: a study of 5th grade pupils. *Psychology and Sociology Bulletin of KazNU*, no 4(71), pp. 4-15.

O'Dougherty-Wright M., Masten A.S., Northwood A., Hubbard J.J. (1997). Long-term effects of massive trauma: Developmental and psychobiological perspectives. In: Cicchetti D., Toth S.L., editors. Rochester Symposium on Developmental Psychopathology: Vol. 8. Developmental perspectives on trauma. University of Rochester Press: Rochester, NY, pp. 181–225.

Radke-Yarrow M., Sherman T. (1990). Hard growing: Children who survive. In: Rolf J., Masten A., Cicchetti D., Nuechterlein K., Weintraub S., editors. Risk and protective factors in the development of psychopathology. Cambridge University Press, New York, pp. 97–119.

Richters J.E., Martinez P.E. (1993). Violent communities, family choices, and children's chances: An algorithm for improving the odds. *Development and Psychopathology*, no 5, pp. 609–627.

Rutter M. (1990). Psychosocial resilience and protective mechanisms. In: Rolf J., Masten A.S., Cicchetti D., Nuechterlein K.H., Weintraub S., editors. Risk and protective factors in the development of psychopathology. Cambridge, New York, pp. 181–214.

Stouthamer-Loeber M., Loeber R., Farrington D.P., Zhang Q., van Kammen W., Maguin E. (1993). The double edge of protective and risk factors for delinquency: Interrelations and developmental patterns. *Development and Psychopathology,* no 5, pp. 683–701.

Subbotin S.V. (1992). Ustoichivost k psichicheskomu stress kak harakeristiki metaindividualnosti uchitelya [Psychological stress resilience as a meta-individualistic characteristic of a teacher]. Dissertation of candidate of psychology science, Perm, 152 p.

Tarter R.E., Vanyukov M. (1999). Re-visiting the validity of the construct of resilience. In: Glantz M.D., Johnson J.L., editors. Resiliency and development: Positive life adaptations. Plenum, New York, pp. 85–100.

Tashimova F.S., Rizulla A.R. (2012). K problem smisloobrazovaniya subekta kak mnogolikogo mira [The meaning formation os a person as a many faced world]. Saarbrucken, Deutschland: LAPLAMBERT Academic Publishing GmbH&Co, 385 p.

Thoits P.A. (2010). Stress and Health: Major Findings and Policy Implications. *Journal of Health and Social Behavior*, Vol. 51, pp. 41-53.

Tolan P.T. (1996). How resilient is the concept of resilience? *The Community Psychologist,* no 29, pp. 12–15.

Vygotsky L.S. (1960). Razvitiye vishich psihicheskih funkcii [Development of high psyche functions]. Big Soviet Encyclopedia, 560 p.

Wells R.D., Schwebel A.I. (1987). Chronically ill children and their mothers: Predictors of resilience and vulnerability to hospitalization and surgical stress. *Journal of Developmental and Behavioral Pediatrics*, no 18, pp. 83–89.

Werner E.E., Smith R.S. (1992). Overcoming the odds: High risk children from birth to adulthood. Cornell University Press, Ithaca, 315 p.

Werner E.E., Bierman J.M., French F.E. (1971). The children of Kauai Honolulu. University of Hawaii Press, Hawaii, 247 p.

Werner E.E. (1995). Resilience in development. *Current Directions in Psychological Science*, Vol. 3, pp. 81–85.

Zigler E., Glick M. (1986). A developmental approach to adult psychopathology. Wiley, New York, 256 p.

МРНТИ 15.41.43. HTTPS://DOI.ORG/10.26577/JPSS.2020.V73.I2.06

Л.С. Шакимова

Академия Комитета национальной безопасности Республики Казахстан,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: shakimova.lola@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В последнее время в нашей стране увеличилось количество преступлений, совершаемых современной молодежью. События в Кордайском регионе подтвердили данный фактор, где участниками групповой драки в основном были представители молодого возраста. Не секрет, что самому молодому террористу, пребывающему в местах лишения свободы, всего 17 лет. Миссионеры религиозно-экстремистских и террористических организаций все чаще вербуют в свои ряды лиц молодого возраста через Интернет, социальные сети. В статье рассматриваются психологические особенности преступного поведения молодых людей, их мотивационной направленности личности, а также внешних и внутренних причин, побуждающих молодежь к совершению противоправного деяния. Автор на основе анализа научных исследований отечественных и зарубежных специалистов криминальной психологии ракрывает социально-психологический профиль личности преступника либо террориста. Большой акцент автором уделяется раскрытию психологических типов преступников, обусловленных мотивацией преступного поведения. В статье также освещается методика психокоррекционной работы психолога, предназначенная для реабилитации молодых людей с нарушениями (девиацией) в поведении. Раскрываются также некоторые приоритетные направления Государственной программы по вопросам молодежной политики, в рамках профилактики преступлений среди лиц молодого возраста.

Ключевые слова: аддикция, девиация, самоутверждение, психокоррекция, тренинг.

L.S. Shakimova

The Academy of NSC Republic of Kazakhstan,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: shakimova.lola@mail.ru

Features of criminal behavior of modern youth from criminal psychology

Recently, the number of crimes committed by modern youth has increased in our country. Events in the Kordai region confirmed this factor, where the participants of the group fight were mostly young people. It is no secret that the youngest terrorist in prison is only 17 years old. Missionaries of religious extremists and terrorist organizations are increasingly recruiting young people through the Internet and social networks. This article examines the psychological features of young people's criminal behavior, their motivational orientation as the individual, as well as external and internal reasons that encourage young people to commit an illegal act. The author reveals the socio-psychological profile of the criminal or terrorist based on the analysis of scientific research of domestic and foreign experts in criminal psychology. The author also pays great attention to the disclosure of psychological types of criminals caused by the motivation of criminal behavior. The article also highlights the method of psychocorrective work of a psychologist, intended for the rehabilitation of young people with behavioral disorders (deviation). It also reveals some of the priorities of the State program on youth policy, as part of the prevention of crimes among young people.

Key words: addiction, deviation, self-affirmation, psychocorrection, training.

Л.С. Шакимова

Қазақстан Республикасы Ұлттық қауіпсіздік комитеті Академиясы,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: shakimova.lola@mail.ru

Қылмыстық психология тұрғысынан қазіргі жастардың қылмыстық мінез-құлқының ерекшеліктері

Соңғы кезде елімізде жастар жасайтын қылмыстар саны артты. Қордай өңіріндегі оқиғаларда топтық төбелеске қатысушылар негізінен жасөспірімдер болғаны осы факторды растады. Бас

 © 2020 Al-Farabi Kazakh National University

бостандығынан айыру мекемесінде отырған ең жас терроршы небәрі 17-де екені құпия емес. Діни-экстремистік және террористік ұйымдардың миссионерлері жасөспірімдерді интернет, әлеуметтік желілер арқылы өз қатарына жиі-жиі тартуда. Мақалада жастардың қылмыстық мінез-құлқының психологиялық ерекшеліктері, олардың жеке басының мотивациялық бағыттылығы, сондай-ақ, жастарды құқыққа қарсы әрекет жасауға итермелейтін сыртқы және ішкі себептер қарастырылады. Автор қылмыстық психологияның отандық және шетелдік мамандарының ғылыми зерттеулерін талдау негізінде қылмыскердің немесе террористің әлеуметтік-психологиялық бейінін ашады. Сонымен қатар, қылмыстық мінез-құлықтың уәждемесіне байланысты қылмыскерлердің психологиялық түрлерін ашуға үлкен назар аударады. Мінез-құлқы бұзылған (девиациясы бар) жастарды оңалтуға арналған психологтың психокоррекциялық жұмысының әдістемесі де баяндалады. Сондай-ақ, жастар саясаты мәселелері жөніндегі мемлекеттік бағдарламаның кейбір басым бағыттары ашылады.

Түйін сөздер: аддикция, девиация, өзін-өзі таныту, психокоррекция, тренинг.

Введение

Философские воззрения великого мыслителя Аль-Фараби освещают приоритетные направления всестороннего развития личности человека, в частности молодежи. В трактате «О взглядах жителей добродетельного города» ученый отметил, что «величайшее благо может быть достигнуто обществом, где люди помогают другу другу в целях достижения счастья». По мнению восточного философа, «люди должны жить в мире добра, справедливости, стремиться к развитию нравственности, научного познания» (аль-Фараби, 1970).

К сожалению, последние события, произошедшие в Кордае Жамбылской области, свидетельствуют об обратном. На почве бытового конфликта произошла групповая драка, последствия которой имеют плачевные результаты: убийство 11 человек, поджог жилых домов, разгром торговых центров. Более 200 человек обратились в больницы для оказания медицинской помощи. Основными участниками конфликта были молодые лица в возрасте от 19 лет до 28 лет (informburo. kz , 2020).

Как отмечают аналитики Центра «ИМЭП» при фонде Первого Президента РК, Жамбылская область занимает первое место в РК по безработице среди молодежи. Тысячи молодых людей не трудоустроены, большая часть из которых занимается «самозанятостью». 24 000 человек еще обучаются в колледжах. По рейтингу, в рамках по выявлению уровня жизни населения, данный регион занимает предпоследнее 15-ое место (Kaz.news, 2020).

Численность молодых людей (от 16 лет до 29 лет) в Республике Казахстан составляет 4 млн. человек, из которых в городской местности проживают 2,3 млн. человек, а в сельской – 1,7 млн. человек (kazpravda, 2019). Среди представителей молодого поколения много талантливых ученых, профессиональных спорстменов, уникальных деятелей культуры и искусства, которые прославили нашу страну во всех уголках мира. Но, к сожалению, существует и другая статистика. В реалиях сегодняшнего дня увеличивается количество преступлений, совершаемых молодыми людьми. Ежегодно нарушают законы, в среднем, 50 тысяч молодых людей (365. Info. kz, 2019).

Такие специалисты, как юристы, психологи, социологи, проводят ряд научных исследований, чтобы выявить этиологию мотивов совершения преступления, внешние и внутренние факторы, побуждающие человека на осуществление данного деяния.

Психолог Н.Самохвалов утверждает, что с появлением социальной прослойки в молодежной среде ассоциальной молодежи стали проявляться важные негативные аспекты, отражающиеся на сознании и поведении лиц молодого возраста:

1) отсутствие сформированного мировоззрения, основанного на позитивных ценностях, инноваций, патриотизма, нравственности;

2) снижение общего уровня здоровья молодых людей, сформированной культуры, здорового образа жизни, сохранение на высоком уровне заболеваемости среди молодежи, потребление наркотиков, алкоголя, табакокурения;

3) рост националистического настроя, экстремистских проявлений, маргинализации и криминализации молодежной среды в областных регионах, с выраженными признаками безработицы (Самохвалов, 2015).

Не секрет, что безработица, рост криминализации и радикализации в молодежной среде выступают одним из факторов проявлений антиобщественных акций в областных центрах нашей страны. Явным примером являются Кордайские события в Жамбылской области, произошедшие в феврале 2020 года.

Также участились факты вымогательства, избиений и даже убийств среди несовершенно-

летних. Групповые драки с поножовщиной и использованием огнестрельных оружий превратились в неотъемлемую часть суровой молодежной действительности.

Из анализа социологических исследований С. Бейсембаева было выделено, что 40% от общего количества преступлений были совершены представителями молодого поколения (Бейсембаев, 2017).

Профессор юстиции Е. Алауханов фиксирует «сензитивные» (кризисные) показатели криминальной пораженности населения в возрасте 14-17 лет и 18-29 лет, демонстрируют определенную стабильность и сходство тенденций их изменений, что обусловлено существованием общих причин преступлений в целом (Алауханов, 2010).

Помолодели также и ряды террористических группировок, завербованных миссионерами через Интернет и социальные сети. В настоящее время, в местах лишения свободы пребывают 1000 преступников, осужденных по статье «религиозный экстремизм» и «терроризм». Самому молодому террористу – 17 лет. Молодые люди, по своим психологическим особенностям характера, всегда относились к группе «риска», наиболее подверженной негативному воздействию со стороны террористов и других преступных элементов (Шакимова, 2019).

По мнению психолога А. Акажановой, лица молодого возраста обладают признаками эмоциональной неустойчивости, возбудимости, быстрого реагирования на внешние раздражители, стремления к нигилизму самостоятельности, независимости в принятии решений (Акажанова, 2008). Немаловажное значение имеют и другие факторы, как внешние, так и внутренние, побуждающие некоторых молодых людей на совершение противоправного деяния.

Российский психолог М.Кравцова выделяет определенные социально-психологические блоки, влияющие на формирование преступного поведения среди молодежи:

– семейное неблагополучие;
– безнадзорность;
– школьная и трудовая незанятость;
– серьезные проблемы в состоянии здоровья;
– ранняя алкоголизация;
– приобщение к наркотикам;
– трудности общения со сверстниками;
– деструктивное социальное окружение;
– влияние Интернета и социальных сетей, демонстрирующих сцены бытового насилия, а также пропагандирующих религиозный экстремизм и терроризм;
– наличие внутриличностных конфликтов, повышенного уровня личностной тревожности в эмоциональном состоянии молодого человека.

Психолог также определил и мотивационную направленность криминального поведения среди молодых преступников:

– неудовлетворенность в реализации материальных потребностей;
– неограниченность в самоутверждении;
– агрессивность в эмоциональном состоянии;
– безответственность в поступках,
– неограниченность свободы своего «Я» (Кравцова, 2010).

Психолог А. Смагулова, изучавшая личностные особенности преступника в нашей стране, перечисляет основные причины, порождающие криминальное поведение в молодежной среде:

1) проявление признаков правового нигилизма у молодежи;
2) снижение интеллектуального потенциала (до 6% учащихся школ и колледжей не в состоянии усвоить учебные дисциплины);
3) присутствие в обществе акцентуированных личностей, в частности, среди молодых людей;
4) противоречия социального и экономического состояния современного общества (Смагулова, 2013).

По результатам научных исследований психолога Г.Нурмухамедовой были выявлены наиболее типичные виды преступлений, довольно часто приемлемые для современной молодежи в (%):

1) хулиганство – 50%;
2) кражи – 45%;
3) вымогательство денег – 35%;
4) разбой – 15%;
5) мошенничество – 14%;
6) убийства – 8%;
7) другие преступления – 3% (Нурмухамедова, 2014).

Юридический психолог Н. Петров констатирует, что в молодежной среде стали распространяться новые виды правонарушений, которые были раннее присущи только взрослым:

– торговля оружием, наркотиками, людьми;
– разбойные нападения на бизнесменов;
– похищение и рекрутство людей;
– различные формы вымогательства;
– мошеннические действия с валютой и ценными бумагами;
– компьютерные преступления;
– рэкет в молодежной среде;
– участие в азартных играх (Петров, 2018).

Изучая демографические особенности преступного поведения, социолог Т.Айсаутов иллюстрирует в своих публикациях тот факт, что чаще всего совершаются преступления в промышленных и урбанизированных областях Казахстана, таких как:

– Атырауская область;
– ВКО (Восточно-Казахстанская);
– Акмолинская и Карагандинская;
– Актюбинская;
– Алматинская область (Айсаутов, 2017).

Казахстанские психологи и теологи, изучавшие мотивационную направленность террористов, пребывающих в местах лишения свободы, подтвердили, что, в основном, выходцы данных регионов нашей страны совершили преступления террористического характера и оказались «за решеткой» (Омаров, 2015). Многие террористы были вовлечены в религиозно-экстремисткие и террористические организации по причине психологических и семейно-бытовых проблем: плохая успеваемость в школе; трудности общения с социальным окружением; модель поведения «изгоя» в обществе; сложности в семье. Миссионеры им внушали, что источник их проблем порождается «светкостью» нашего государства (Бекбосынов, 2015).

Политолог Е. Карин подчеркнул, что 500 000 человек, оказавшись в «ловушке» деструктивных религиозных и террористических организаций, выехали в зоны террористической активности, 80% из которых были лица молодого возраста. На основе полученных результатов психологического и социального исследований политолог составил социально-психологический портрет современного террориста (преступника): молодой человек в возрасте от 17 до 29 лет; имеющий среднее, или средне-специальное образование; относящийся к маргинальной части населения, чаще всего обладающий признаками психологической аддикции (зависимости) – алкогольной, наркотической, игровой (Джундибаева, 2014).

Как считает психолог А.Пастухов, присутствие психологической аддикции в профиле личности молодых людей часто чревато негативными последствиями для их дальнейшего поведения:

– снижается критичность мышления;
– проявляются трудности в общении с ближним окружением;
– детерминируется апатия, безразличие ко всему;
– фиксируются суицидальные намерения;
– отсутствует мотивация к осуществлению профессиональной деятельности;
– присутствуют ярко выраженные признаки лености в поведении;
– иллюстрируется «скудность» в эмоциональных проявлениях, но в нестандартных ситуациях может демонстрироваться агрессивность, враждебность;
– формируются предпосылки для совершения правонарушений (Пастухов, 2018).

При составлении психологического портрета преступника либо террориста целесообразно рассматривать следующие признаки:

1. Социально-демографические – сведения о социальном статусе, связях, социальном окружении, которые определяют личность преступника:

А) пол;
Б) возраст;
В) образование;
Г) семейное положение;
Д) социальный статус;

2. Психологические – отклонения в психике;

3. Анатомические и физиологические – состояние здоровья, особенности конституции, психических процессов личности, природные свойства нервной системы;

4. Криминалистические – характер преступления и мотивационная направленность личности преступника (Shihansol, 2006).

Исходя из указанных признаков преступного поведения, учеными была сформулирована традиционная классификация психологических особенностей преступников молодого возраста:

1. Антисоциально-корыстный психотип преступника:

А) корыстно-хозяйственный – фальсификация товаров, документов, игнорирование уплаты налогов;
Б) корыстно-служебный – взятка, злоупотребление служебным положением;
В) воры;
Г) мошенники;
Д) наркодиллеры.

2. Корыстно-насильственный психотип преступника, совершающего такие виды преступлений, как:

А) грабежи;
Б) вымогательство денег;
В) разбойное нападение с целью ограбления людей.

3. Психотипы преступников с агрессивной направленностью преступления:

А) хулиганство;
Б) злостное хулиганство;

В) убийства;

Г) изнасилования;

Д) причинение телесных повреждений;

Е) организация и участие в антиобщественных проявлениях;

Ж) террористические акты (Уварова, 2012).

Данная класификация психологических особенностей преступного поведения освещает только некоторую часть нашей молодежи, входящую в группу «риска». Социологи утверждают, что уже давно существует категория молодых людей, входящая в эту группу под названием «NEET» (в переводе с английского языка – «нигде не работающие», «не обучающиеся личности»):

1) иждивенцы – имеющие образование, с отсутствием мотивации к осуществлению профессиональной деятельности;

2) молодые женщины, у которых малолетние дети, нуждающиеся в материальном подкреплении со стороны органов власти;

3) матери–одиночки, у которых нет возможности заработать большую сумму денег для дальнейшего получения образования;

4) «фрилансеры» («свободно работающие») – предпочитающие гибкий график трудовой деятельности, в их поведении присутствуют признаки лености;

5) молодые люди из сельской местности – по причине слабого образования у них формируются неотработанные профессиональные умения и навыки;

6) дети из малообеспеченных семей – без престижного образования и материальных ресурсов;

7) асоциальная группа – бывшие осужденные, лица с признаками алкогольной, наркотической, игровой аддикции (зависимости) (Змановская, 2010).

Учитывая данный фактор, в целях профилактики совершения преступлений в молодежной среде психологи рекомендуют периодически осуществлять психокоррекционную и профилактическую работу с молодыми людьми с участием многих специалистов: религиоведов, теологов, социологов, юристов, педагогов. Целесообразно подключать и групповую терапевтическую работу, предназначенную для реабилитации лиц молодого возраста, с нарушениями (девиацией) поведения – агрессивной, деструктивной и асоциальной направленности.

Основные технологии, применяемые психологами на тренингах, в основном направлены на:

1) использование прямого отказа от нежелательного поведения;

2) обучение оценке социальных ситуаций;

3) подкрепление, торможение и угашение агрессивных стереотипов поведения;

4) неподкрепление отклоняющегося поведения и формирование более адаптивных поведенческих паттернов (движений);

5) усиление и расширение продуктивных поведенческих реакций;

6) минимизацию тревожности (Петров, 2014).

В программе тренинга можно использовать модель пошагового изменения агрессивного поведения:

1 шаг – «Сознавание»: расширение информации о собственной личности и проблеме агрессивного поведения;

2 шаг – «Переоценка собственной личности»: оценка того, что молодой человек чувствует и думает о себе и собственном поведении;

3 шаг – «Переоценка окружения»: оценка того, как агрессивное поведение молодого лица влияет на социальное окружение;

4 шаг – «Внутригрупповая поддержка»: открытость, доверие и сочувствие группы при обсуждении проблемы агрессивного поведения;

5 шаг – «Катарсис»: ощущение и выражение собственного отношения к проблеме агрессивного поведения;

6 шаг – «Укрепление» – «Я»: поиск, выбор и принятие решения действовать, формирование уверенности в способности изменить поведение;

7 шаг – «Поиск альтернативы»: обсуждение возможных замен агрессивному поведению;

8 шаг – «Контроль за стимулами»: избегание или противостояние стимулам, провоцирующим агрессивное поведение;

9 шаг – «Подкрепление»: самопоощрение или поощрение со стороны окружающих за измененное поведение;

10 шаг – «Социализация»: расширение возможностей в социальной жизни, в связи с отказом от агрессивного поведения (Панин, 2014).

Данная социально-психологическая программа по успешной адаптации в социуме предназначена и для несовершеннолетних детей, имеющих признаки деструктивной аддикции. Сложные условия, в которых происходит взросление современной молодежи: нестабильность семейного института, размытость моральных ценностей, диктуют необходимость использования специальных мер для развития и усиления «Я» подростка, формирования жизнеспособности личности, обладающей достаточными вну-

тренними ресурсами для успешного воздействия и адаптации в социуме (Алиева, 2011).

В рамках профилактики по предотвращению совершения преступлений представителями молодого поколения Правительством Республики Казахстан реализуется Государственная программа по вопросам молодежной политики. В стране функционируют 208 молодежных ресурсных центров, 936 молодежных организаций, 105 молодежных центров здоровья, деятельность которых направлена на создание благоприятных условий для реализации основных задач данной Государственной программы (Государственная программа развития «Казахстан – 2020» о молодежной политике РК, 2015).

Главными приоритетами Государственной программы выступают следующие направления:

1) развитие спорта и массовой физической культуры;

2) улучшение качества образования и профессиональной подготовки молодых специалистов;

3) формирование здорового образа жизни;

4) повышение правовой культуры и формирование у молодых людей уважения к основополагающим ценностям государства;

5) обеспечение молодежи доступным жильем;

6) создание преемственности морально-нравственных ориентиров в молодежной среде;

7) формирование чувства патриотизма и гражданской позиции в сознании молодых людей, нулевой терпимости и толерантности к радикальным проявлениям в обществе (Государственная программа развития «Казахстан – 2020» о молодежной политике РК, 2015).

Таким образом, мы пришли к выводу, что выявление психологической структуры личности преступника, его мотивационной направленности позволит более глубже определить пути осуществления психокоррекционной и профилактической работы в молодежной среде, с включением технологий перевоспитания лиц, уже совершивших правонарушения. Криминально-психологический и социальный анализ преступного поведения должен подвести к определениям закономерностей и средств ликвидации причин, побуждающих молодых людей совершать различные виды преступлений (Blakborn, 2010).

Ведь наша молодежь – это будущее нации, и мы должны приложить все усилия, чтобы у молодых казахстанцев была сформирована четкая жизненная позиция и глубокая вера в великое будущее нашего государства, без проявлений преступности и терроризма в современном обществе.

Литература

Аль-Фараби. Философские труды. – Алма-Ата: Наука, 1970. – 429 с.

Курдайские события // Kaz. News: интернет-ресурсы –Казахстан, 8.02. 2020.

События в Кордае // informburo, 8.02.2020.

Молодежная статистика // Kazpravda, 09.2019.

О молодежной преступности в РК //365.info.kz, 01.2019.

Самохвалов Н. Причины молодежной преступности. – М., 2015.

Бейсембаев С. Криминальная обстановка в РК // 365/ info.kz, 01.2019.

Алауханов Е. Криминология: учебное пособие для вузов. – Алматы, 2010.

Шакимова Л. Лидеры террористических организаций: статья в сборнике трудов областного семинара «Светское государство: единство религий». – Талдыкурган, 2019. – С. 5 -9.

Акажанова А. Практикум по девиантологии. – Алматы, 2008.

Кравцова М. Психологическая работа с проблемой. – М., 2010.

Смагулова А. Профилактика преступлений в молодежной среде // журнал «Вестник КРМУ». – Актобе, 2013 – С. 13 -18.

Нурмухамедова Г. Молодежь и преступление // журнал «Вестник КЭУ». – Караганда, 2014 – С. 24 -28.

Петров Н. Профилактика правонарушений среди молодежи: учебное пособие. – М., 2018.

Айсаутов Т. Молодежь в РК // 365. Inform.kz, 01.2019.

Омаров А. О тенденции распространения псевдоисламских течений. Сборник трудов областного семинара «Актуальные проблемы в религиозной сфере». – Актобе, 2015. – С. 40 -42.

Бекбосынов Е. Информационно-пропагандистская работа// Сборник трудов областного семинара «Актуальные проблемы в религиозной сфере». – Актобе, 2015. – С. 10-12

Джундыбаева Н. Социально-психологический портрет личности террориста. – Астана, 2014.

Пастухов А. Казахстан: преступления среди молодежи. – Алматы, 2018.

Shihansol Criminal kharakteristika prestupnika – Minsk, 2006.

Уварова Г. Психологические проблемы формирования криминального поведения. – Благовещенск, 2012.

Змановская Е. Девиантология: психология отклоняющего поведения. – М., 2010.

Петров В. Психологическая коррекция эмоциональных состояний // Журнал «Вопросы психологии и экстремальных ситуаций», №2. – М., 2014. – С. 24 -28.

Панина Е. Формирование психологической готовности персонала к напряженным условиям работы // Журнал «Вопросы психологии и экстремальных ситуаций», №3. – М., 2014. – С. 10 -14.

Алиева М. Тренинг развития жизненных целей. Программа психологического содействия социальной адаптации. – СПб.: Речь, 2010

Государственная программа развития «Казахстан – 2020» о молодежной политике РК. – Астана, 2015. – С.56 -58.

Государственная программа развития «Казахстан – 2020» о молодежной политике РК. – Астана, 2015. – С. 58 -60.

Blakborn R. (2010) Criminal psychology. Amsterdarm

References

Al-Farabi Philosofskie Trudy [Philosophical works]. Alma – Ata, 1970.

Kurdaiskie sobytiya [Kordai events] // Kaz. News: Internet Resources – Kazakhstan, 8.02. 2020

Sobytiya v Kordae [Events in Kordai]//informburo, 8.02.2020.

Molodezhnaya statistika [Youth statistics] // Kazpravda, 09.2019.

O molodezhnoi prestupnosti v RK [On youth crime in the Republic of Kazakhstan] //365.info.kz, 01.2019.

Samohvalov N. (2015) Prichiny molodezhnoi prestupnosti [Reasons for youth crime]. M.

Beisembaev S. (2019) Kriminalnaya obstanovka v RK [Criminal situation in the Republic of Kazakhstan]// 365/ info.kz, 01.2019.

Alauhanov E. (2010) Kriminologiya: uchebnoe posobie dlya vuzov [Criminology: a textbook for universities]. Almaty.

Shakimova L. (2019) Lidery terroristicheskih organizatsiy: statiya v sbornike trudov oblastnogo seminara «Svetskoe gosudarstvo: edinstvo religiy» [The leaders of terrorist organizations: an article in the proceedings of the regional seminar «Secular state: the unity of religions»]. Taldykurgan, P. 5-9.

Akazhanova A. (2008) Praktikum po deviantologii [Deviant Workshop]. Almaty

Kravtsova M. (2010) Psihologicheskaya rabota s problemoi [Psychological work with the problem] M.

Smagulova A. (2013) Profilaktika prestupleniy v molodezhnoi srede [Prevention of crimes in the youth environment]. Vestnik KRMU, Aktobe, P. 13 -18.

Nurmuhamedova G. (2014) Molodezh i prestuplenie [Youth and crime]. Vestnik KEU. Karaganda, P. 24 -28.

Petrov N. (2018) Profilaktika pravonarusheniy sredi molodezhi: uchebnoe posobie [Prevention of delinquency among youth: a training manual] M.

Aisautov T. (2019) Molodezh v RK [Youth in the Republic of Kazakhstan] // 365. Inform.kz, 01.2019.

Omarov A. (2015) O tendentsiyakh rasprostraneniya psevdoislamskikh tekhnologiy [On the trend of the spread of pseudo-Islamic trends]. Proceedings of the regional seminar «Actual problems in the religious sphere», Aktobe, P. 40 -42.

Bekbosynov Ye. (2015) Informatsionno-propagandistskaya rabota [Information and propaganda work]. Proceedings of the regional seminar «Actual problems in the religious sphere», Aktobe, P. 10-12

Dzhundybayeva N. (2014) Sotsial'no – psikhologicheskiy portret lichnosti terrorista [Socio – psychological portrait of a terrorist personality] Astana

Pastukhov A. (2018) Kazakhstan: prestupleniye sredi molodezhi [Kazakhstan: crimes among youth]. Almaty

Shihansol (2006) Kriminal'naya kharakteristika prestupnika [Criminal characteristics of a criminal]. Minsk

Uvarova G. (2012) Psikhologicheskiye problemy formirovaniya kriminal'nogo povedeniya [Psychological problems of the formation of criminal behavior]. Blagoveshchensk

Zmanovskaya Ye. (2010) Deviantologiya: psikhologiya otklonyayushchego povedeniya [Deviantology: psychology of deviant behavior]. M.

Petrov V. (2014) Psikhologicheskaya korrektsiya emotsional'nogo sostoyaniya [Psychological correction of emotional states]. Journal « Issues of Psychology and Extreme Situations», no 2, Moscow, P. 24 -28.

Panina Ye. (2014) Formirovaniye psikhologicheskoy gotovnosti personala k napryazhennym usloviyam raboty [Formation of the psychological readiness of staff for stressful working conditions]. Journal «Issues of Psychology and Extreme Situations», no 3, Moscow, P. 10 -14

Aliyeva M. (2010) Trening razvitiya zhiznennykh tseley. Programma psikhologicheskogo sodeystviya sotsial'noy adaptatsii [Life development training. The program of psychological assistance for social adaptation]. St. Petersburg: Speech

Gosudarstvennaya programma razvitiya «Kazakhstan – 2020» o molodezhnoy podderzhke RK (2015) [The state development program "Kazakhstan 2020" on the youth policy of the Republic of Kazakhstan]. Astana, P. 56 -58.

Gosudarstvennaya programma razvitiya «Kazakhstan – 2020» o molodezhnoy podderzhke RK (2015) [The state development program "Kazakhstan 2020" on the youth policy of the Republic of Kazakhstan]. Astana, P. 58 -60

Blakborn R. (2010) Criminal psychology. Amsterdarm

IRSTI 15.01.21 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.07

E.K. Kalymbetova , G.A. Kassen ,
D.I. Mukhatayeva A.B. Bekaidar

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: elmira.kalymbetova@mail.ru, e-mail: gulmira.kassen@mail.ru

STUDYING AND PREVENTION OF BULLYING IN THE SCHOOL ENVIRONMENT: RESULTS OF A MINI RESEARCH

The article discusses the problem of studying and preventing bullying based on the analysis of foreign and domestic programs about countering bullying in a school environment.

The results of a mini-study dedicated to identifying bullying at school are presented.

According to the results of the methods performed, some common features of children that are capable of falling into the risk group of bullying are noted: high level of anxiety, emotional lability, emotional volitional instability, shyness, low self-esteem, inadequate level of claims, lack of communication, low locus of control, tendency of being driven, avoidance - as the main strategy for overcoming conflict situations.

Based on the diagnostic results, a "risk group" was identified - "potential bullying victims", with which the emotional development program named "World of Emotions" and training on the formation of anti-bullying skills were conducted. The results of this work demonstrated positive dynamics, which confirmed the assumption that it is necessary for students to form skills to counter bullying - anti-bullying skills, which include: emotional stability, resilience, poise, willpower, mental strength, etc.

As a result, it is noted that the silence, suppressed stress and impotence of teachers and psychologists regarding bullying situations can be transformed into competent and open ways of responding, but for this it is necessary to work on the formation of a clear, coordinated and, worked out to the level of certain actions, position of school staff broadcasting the value of respectful relationships and the need to stop bullying.

Key words: bullying, victimization, anti-bullying skills, potential victims of bullying, emotional lability, emotional volitional instability, emotional stability, resilience, emotional strength.

Э.К. Қалымбетова, Г.А. Қасен, Д.И. Мухатаева, А.Б. Бекайдар

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: elmira.kalymbetova@mail.ru, e-mail: gulmira.kassen@mail.ru

Мектеп ортасында буллингті алдын алу және зерттеу: шағын зерттеулердің нәтижелері

Мақалада мектеп ортасындағы буллингке қарсы тұрудың шетелдік және отандық бағдарламаларын талдау негізінде буллингтің алдын алу және зерттеу мәселесі қарастырылады.

Мектепте буллингті анықтау бойынша шағын-зерттеу нәтижелері келтіріледі.

Жүргізілген әдістемелердің нәтижелері бойынша буллинг объектілерінің тәуекел тобына жататын балаларға тән кейбір жалпы ерекшеліктер атап өтіледі: мазасыздықтың жоғары деңгейі, эмоциялық лабильділік, эмоциялық-ерік тұрақсыздығы, өзін-өзі бағалаудың төмендігі, талаптанудың барабар емес деңгейі, азшылдықты, бақылаудың төмен локусы, ведомость, қашу-жанжалды жағдайлардан шығудың негізгі стратегиясы ретінде.

Диагностиканың нәтижелері бойынша «тәуекел тобы» – «буллингтің әлеуетті құрбандары» анықталып, онымен «эмоция әлемі» эмоциялық даму деңгейін арттыру бағдарламасы және антибуллингтік біліктілікті қалыптастыру тренингі өткізілді. Бұл жұмыстың нәтижелері оң динамиканы көрсетті, бұл оқушылардың буллингке қарсы іс-әрекет жасау дағдыларын қалыптастыру қажеттілігі туралы болжамды растады, оларға: эмоционалдық тұрақтылық, тұрақтылық, тепе-теңдік, ерік күші, психикалық күш және т.б. жатады.

Нәтижесінде, буллинг жағдайына қатысты педагогтар мен психологтардың батылдығы, басылуы және ұйқысыздығы күш-жігері ден қоюдың құзыретті және ашық тәсілдеріне өзгеруі мүмкін, бірақ ол үшін белгілі бір іс-әрекеттер деңгейіне дейін анық, келісілген және пысықталған, мектеп қызметкерлерінің орынды қарым-қатынас құндылығын және буллингті тоқтату қажеттілігін көрсететін позициясын қалыптастыру бойынша жұмыс жүргізу қажет.

© 2020 Al-Farabi Kazakh National University

Түйін сөздер: буллинг, виктимизация, антибуллингті дағдылар, буллингтің құрбандары, эмоционалды лабильділік, эмоционалды-ерікті тұрақсыздық, эмоционалды тұрақтылық, тұрақтылық, байсалдылық, психикалық күш.

Э.К. Қалымбетова, Г.А. Қасен, Д.И. Мухатаева, А.Б. Бекайдар
Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: elmira.kalymbetova@mail.ru, e-mail: gulmira.kassen@mail.ru

Изучение и профилактика буллинга в школьной среде: результаты мини-исследования

В статье рассматривается проблема изучения и профилактики буллинга на основе анализа зарубежных и отечественных программ противостояния буллингу в школьной среде.

Приводятся результаты мини-исследования по выявлению буллинга в школе.

По результатам проведенных методик отмечаются некоторые общие черты, характерные для детей, попадающих в группу риска объектов буллинга: высокий уровень тревожности, эмоциональная лабильность, эмоционально-волевая неустойчивость, робость, низкая самооценка, неадекватный уровень притязаний, малообщительность, низкий локус контроля, ведомость, избегание – как основная стратегия выхода из конфликтных ситуаций.

По результатам диагностики была выявлена «группа риска» – «потенциальные жертвы буллинга», с которой были проведены Программа повышения уровня эмоционального развития «Мир эмоций» и тренинг на формирование антибуллинговых умений. Результаты данной работы продемонстрировали позитивную динамику, что подтвердило предположение о необходимости формирования у школьников умений противодействия буллингу – антибуллинговых умений, к которым относятся: эмоциональная устойчивость, стабильность, уравновешенность, сила воли, психическая сила и др.

В итоге отмечается, что замалчивание, подавленное напряжение и бессилие педагогов и психологов в отношении ситуаций буллинга могут трансформироваться в компетентные и открытые способы реагирования, но для этого нужно проводить работу по формированию ясной, согласованной и проработанной до уровня определенных действий позиции сотрудников школы, транслирующей ценность уважительных отношений и необходимость прекращения буллинга.

Ключевые слова: буллинг, виктимизация, антибуллинговые умения, потенциальные жертвы буллинга, эмоциональная лабильность, эмоционально-волевая неустойчивость, эмоциональная устойчивость, стабильность, уравновешенность, психическая сила.

Introduction

Bullying in school is a widespread phenomenon, and in its various manifestations are already found in the primary school. With this, there is not only bullying among schoolchildren, but bullying, carried out by teachers towards the schoolchildren, and vice versa. There is also bullying among the teachers themselves. Everyone turns out to be involved in bullying: some as aggressors, some as victims, some as observers.

The problem of violence at school began to worry psychologists and teachers for a relatively long time. Works on this subject began to appear in print in 1905. Today, bullying has become the topic of research, conferences, articles and national projects. Bullying by girls is especially dangerous according to British psychologists. Valerie Besag, who monitored the behavior of 11-year-old elementary school graduates for 16 months, found that boys, choosing a child as a scapegoat, demonstrate only their physical superiority, while the girls begin a real psychological war against their victims. Gossip, verbal abuse and boycotts are the most common forms of bullying among girls. Such repeated abusive actions can harm the physical and emotional development of the child against whom it is directed.

Studies of bullying began in the 70s of the twentieth century in many countries. In those years, bullying (although the term has not yet been in the territory of the USSR) was understood as intimidation, humiliation, hounding, physical or psychological terror, aimed at causing fear in another and thereby subjugate him (Krivtsova, 2011).

From a psychological point of view, the term “bullying” is the rejection, non-acceptance of a person by other members of a social group, accompanied by psychological (and in extreme cases physical) attacks, mockery, ignoring (Krivtsova, 2011).

Summarizing, bullying can be considered intentional, not self-defensive and not sanctioned by state regulations, long-term (repeated) physical

or psychological violence by an individual or group that has certain advantages (physical, psychological, administrative, etc.) relative to the individual, and which occurs mainly in organized groups with a specific personal goal (for example, the desire to earn authority among some individuals). Also, summarizing all the characteristics of bullying, we have established that it is a unique complex manifestation of aggression; bullying takes different forms and performs various functions; bullying is not just a dyadic phenomenon that exists only between the aggressor and the victim, this is a group phenomenon.

Only in the late 90s of the 20th century, the term "bullying" was used to refer to aggressive, violent behavior in all of the post-Soviet territory countries.

According to the World Health Organization, 64% of 11-year-old Lithuanian schoolchildren are bullied periodically, 50% are Russian, 46% are Belgian. In Austria, Luxembourg and Scotland, this indicator is equal to 32%, Canada and Switzerland - 30%, France - 25%.

As for our country, according to the results of a UN Children's Fund (UNICEF) study conducted in 2011, 66.2% of Kazakhstani schoolchildren faced school violence, of which 63.6% as a witness, 44.7% as a victim, and 24.2% admitted committing violent acts.

Foreign researchers distinguish two types of school bullying: direct, where physical beatings are directly inflicted on the victim, and indirect, which includes the spread of negative gossip, cyberbullying, emotional manipulation by a person, as well as the social isolation of the victim, which is also called social aggression (Aavik, 2011).According to the Austrian psychiatrist Helmut Figdor, one of the factors provoking violence in educational institutions is the reduction of social relations. t manifests itself in the fact that the school focuses on the formation of a rigid character, demanding and reinforcing certain features in students or even provoking a lot of conflicts, expressed in school problems.

To overcome this pathogenic factor, the pedagogical community needs to move to a broad look at the causes of school difficulties, which involves understanding the school's own participation in the emergence and resolution of these problems, rather than shifting responsibility to the "bad" parents or school psychologists.

An adequate understanding of the measure of one's responsibility for provoking violence in an educational institution will allow the school to realize the ideas of non-violent education and upbringing.

However, in order to prevent bullying efficiently, both working with the beliefs of individual members of the teaching staff and coordinating personal pedagogical and administrative strategies and putting them in a single consistent structure of the prevention system, in which students and their parents can also take part, is necessary.

Foreign and domestic programs to counter bullying in the school environment

The first to study the problems of school bullying were Scandinavian scientists. According to the first large-scale studies conducted by D. Olveus, in which about 586,000 Norwegian students took part, one seventh of the students surveyed (autumn of 1983) were harassed by their classmates or were victims themselves. Of these, approximately one ninth were victims and one tenth were aggressors and harassed their classmates regularly (Olweus, 1993).

In accordance with the results of these studies, Scandinavian researchers were the first to create special programs to solve this problem. An example of this is the program of D. Olveus (Olweus, 1993), created in Norway in the 1980s. The basic principles of this program included the creation of a school environment characterized by warmth, positive interest and adult involvement; firm boundaries and limitations of unacceptable behavior; consistent application of non-punitive, non-physical sanctions for unacceptable behavior and violation of the rules; the presence of adults acting as authorities and role models. This program received the status of a priority national program in Norway in 2001 and was also applied in England and the USA.

It can also be stated that bullying prevention programs appeared abroad firstly, therefore the experience and the system of dealing with this problem in Russia were built based on the experience of the USA and Europe. Most bullying prevention programs among adolescents are based on the principles of Olveus's anti-bullying program, but are more focused and specific. This prevention program is aimed at developing adolescents' self-regulation, understanding of the feelings of others and their dynamics, emotional management, the ability to solve problems, the development of communication skills and friendly interaction skills. Both teachers and teenagers and their parents take part in the training, in addition, it involves the training of coaches working one-on-one with both victims and offenders.

Similar programs are being created in Russia, but they do not have the same scale as in the USA and Europe. In the Republic of Kazakhstan, scientists only declare the existence of this problem and begin

to look for approaches to its solution (Irgaliev, Gabdrakhmanova, 2016), although journalists massively write about bullying in the media.

Researchers are more likely to consider the problems of child abuse and violence (Sarkisyan, 2017 and others), or the facts of violence in residential institutions (Robin, Haarr and others), or violence in a teenage environment is considered as a destructive factor in the socialization of a schoolboy (Dusmanbetov, Sheryazdanova, 2003 and others) in the Republic of Kazakhstan. The problem of school bullying is only indicated in these works.

Based on the foregoing, we can conclude that Kazakhstani initiatives to address the problem of bullying are less ambitious. This is largely due to the relatively recent formation of the school psychological service of Kazakhstan, on which the climate within the walls of the school largely depends. The first specialists appeared in the late 1980s in some schools. Officially, the position of educational psychologist was introduced only in 2008. For comparison, in Denmark, the school psychological service began its work in 1934, in Hong Kong (China) in 1959.

Nevertheless, the importance of the psychological support of school education in our country has significantly increased in recent years.

In order for our state to become one of the 30 developed countries of the world, consistent measures are planned at the state level to provide and equip schools with new equipment and a video surveillance system necessary for child safety. The Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan supports the work of psychologists to reduce the level of aggression, violence and discrimination in schools. Thematic seminars, trainings, and master classes are held as part of long-term and short-term advanced training courses for educational psychologists.

The National Telephone Line for Children and Youth №150 has been operating in Kazakhstan since 2008, which is one of the first and important links in the system of preventing child abuse. The helpline provides round-the-clock anonymous psychological and legal assistance to all callers. In addition, since 2011, under the auspices of supervisory authorities (the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, etc.), mobile groups for the prevention of juvenile delinquency have been operating actively, whose activities are aimed at combating extortion, violence in schools, and absenteeism. Ehe number of mobile groups amounted to more than 700 in 2015. The number of juvenile delinquency cases decreased from 4,670 in 2012 to 3,651 in 2014.

One of the most notable initiatives to combat bullying is the model "Prevention and Responsiveness to Violence in East Kazakhstan". This project has been implemented since 2013 in the framework of cooperation between the Authorized Person for Human Rights, UNICEF, the Ministry of Foreign Affairs of Norway and the Regional Education Authorities. The implementation of this project is planned in all schools of the country in the future.

Since 2015, the realization of the Interdepartmental Plan of joint actions to ensure the safety of children in educational institutions for 2015-2016 has begun. Its purpose is to provide all schools with psychologists, social educators, medical workers, school inspectors, as well as creating a database of these disadvantaged families for personalized preventive care.

As an analysis of the experience of other countries in the prevention of bullying and consideration of known anti-bullying programs showed, many of these programs are aimed at attracting all members of the teaching staff and administration to this work, and creating an anti-bullying barrier based on external obstacles: work systems of school inspectors, class managers and administrators on the basis of punitive methods, preventing aggressors, increasing the time taken for adolescents due to faculties, etc. (Ktotova 2015; Shalaginova, Kulikova, 2014 and others). Also, one of the priority areas of socio-pedagogical work to overcome school bullying is the implementation of a comprehensive correctional program for the development of students' skills in constructive management of aggression (Petrova, 2011 and others).

However, there are many works that establish the specifics of abuse or bullying in the educational environment and offer integration aspects of the prevention of this problem (Mosina, Usteneko, 2016, Popova, Pchelintseva, 2014 et al.).

That is, it can be said that, nevertheless, the majority of programs do not take into account the potential of the "internal" resources of potential bullying victims, do not consider that the victimization of a teenager arises from a low level of development of the volitional qualities of a person, stress resistance, and other anti-bullying skills that develop from childhood.

Materials and methods of mini-research used to identify bullying at school

The analysis of the results showed that more than 60.0% of students experienced bullying (27.38%

- bullying cases I and 33.33% - bullying cases II), this phenomenon is more typical for girls. By class, these indicators range from 20.0% to 80.0%. For sixth grades, the results are comparable (total at 58.0%, 24.4% bullying I and 37.6% bullying II), the tendency is more pronounced for boys.

The average value of the class indicator (the degree of severity of bullying, which is determined by dividing the total number of actions by the total number of respondents) is 7.17. This result varies considerably depending on the class.

Special observations of the classes showed that in different situations, the percentage of adolescents demonstrating willingness to obey the group can range from 15 to 80. This allows us to consider conformism an important factor in human social behavior. From the point of view of the above mentioned school problems, conformism is bad also because it translates bullying into a so-called latent form, which is difficult to detect by teachers and parents. And the destructive influence on the emerging personality of a teenager, uncompensated by the appropriate pedagogical or psychotherapeutic influence, can be especially strong later, during the next age crisis. Among the types of bullying in all classes, verbal aggression prevails.

Also, during the observation, we identified both external and internal factors that negatively affect the development and behavior of adolescents.

External risk factors: come from the organization of the internal life of the school: professional incompetence of teachers, expressed in the lack of knowledge of social, child, age psychology; authoritarian or permissive style of «adult-child" relationships system; hanging labels; suppression of child's personality by teachers (threats, insults, etc.).

The internal risk factors we attributed: the child's sense of their own uselessness, low self-esteem, self-doubt, lack of self-control, lack of knowledge and acceptance of social norms and values, the inability to think critically and make adequate decisions in various situations, the inability to express feelings, to respond to one's own actions and the actions of others.

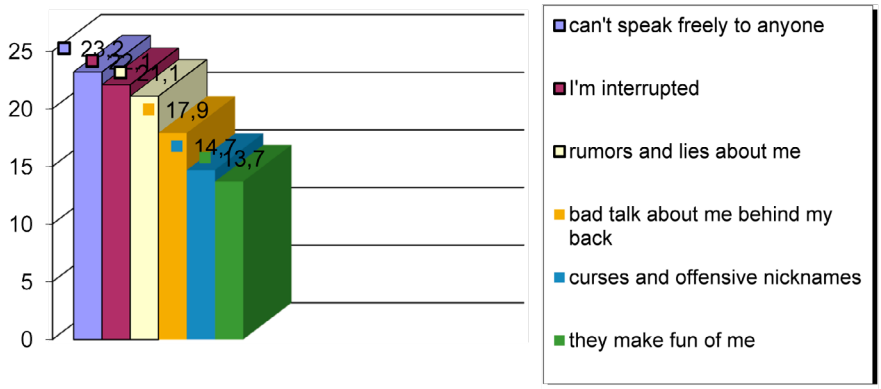


Figure 1 – Types of bullying that are common in the school according to respondents (General sample)

The prevailing frequency of occurrence are the following statements: others prevent me from talking freely with someone (23.2%); others interrupt me when I want to say something (22.1%); others spread rumors and lies about me (21.1%); others speak badly about me behind my back (17.9%); curses and offensive nicknames towards me (14.7%); some guys make fun of me 13.7%). This information is clearly shown in the histogram in figure 1.

As can be seen in Figure 2, most of the 6th and 7th grade students noted that experienced bullying from 2 to 4 people. Over 45% of the seventh-graders and 53% of the six-graders experienced bullying from their classmates.

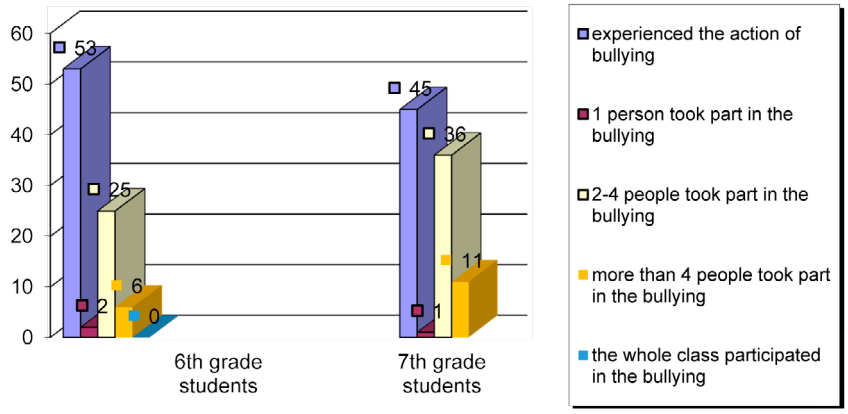


Figure 2 – Responses to the question of whether you have experienced bullying and how many people took part in it

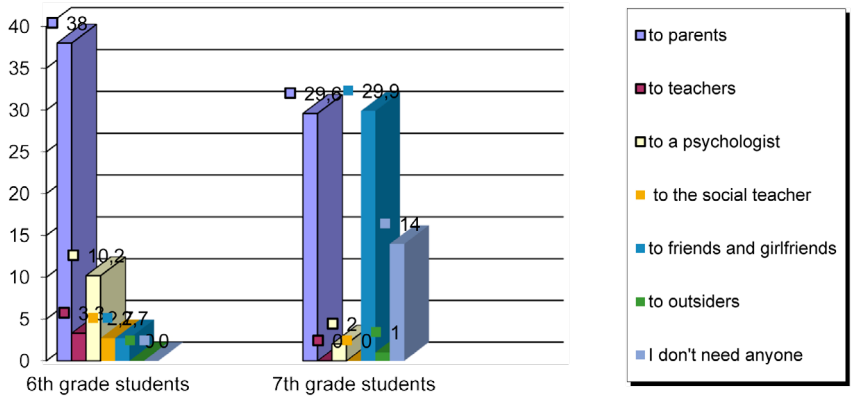


Figure 3 – Responses to the question: «who will reach out to talk about it?»

As you can see from the histogram (figure 3) on the question « who will you reach out to talk about it?»the first positions among 7th grade students are taken basic answers: to friends and girlfriends (29,9%); to parents (29,6%); i have no one to reach out to, but i do not need anyone; (14%). For sixth-graders in the first place among the answers was to reach out to parents (38%), the second place is dominated by teachers (3.3%) and a psychologist (10.2%), the rest of the choice of answers has the same trends.

The study of the structure of interpersonal relations showed that in classes with a greater severity of bullying in the structure of interpersonal relations a group of isolated and outcasted ones (these are sixth classes) is more numerous. The total number of children who made up this group was 12 people out of 78 surveyed.

Most of the students in the classes studied by us are included in the group of "accepted" (middle-class). The group of "stars" and "preferred" is not numerous. The structure of interpersonal relationships varies depending on the selection criteria. The most unstable group, as a matter of composition, as well as the number - is the group of "unaccepted." More stable sympathy from classmates is seen towards the "stars".

A study of the psychological climate in the classroom showed that more than 55% of students rated the climate as favorable in their classes, about 35% as variable, unstable favorable, and about 11% as negative or unfavorable (in classes with high bulling scores, this figure rises to 18.5 %).

Thus, the data obtained from sociometric research and evaluation of psycho-emotional climate in the classroom can serve as criteria for assessing the degree of well-being interpersonal relations in the classroom, can be used to identify the degree of risk manifestation of bullying in the classroom and be used to identify risk groups of bullying, as well as to serve as criteria of efficiency of the carried out works on development of interpersonal relations

in the classroom. The study, conducted six months later, showed that in classes with high bullying scores, the number of children rating the climate in the classroom as unfavorable fell from 18.5% to 11.1%.

Identification of risk groups as "Potential victims of bullying" was also carried out on the basis of observation, in which the following signs were identified:

– persistent violations of self-regulation and self-control;

– difficulties in regulation of own behavior and forecasting of consequences of own actions;

– self-esteem issues;

– low capacity for reflection and self-care

– persistent violations of the affective (emotional) sphere, manifested by the phenomena of alexithymia, high emotional lability, "negative" affectivity;

– chronic emotional discomfort;

– tendency to regressive behavior;

– depression;

– loss of life meaning;

– lack of desire to be in the society of other people, inability to build healthy interpersonal communication;

– subordination to the environment;

– weak adaptive capacity, non-adaptive strategies of coping behavior;

– school absenteeism, etc.

Further, with adolescents who are at risk as "potential victims of bullying" (identified by the questionnaire "Bullying situation in school" by V. R. Petrosyants) – experimental group (17 people) the following methods were used to identify the psycho-emotional state of the child, his personal characteristics, the formation of communication skills: Luscher color test, assessment of personal and situational anxiety Spielberger-Hanin), determination of self-esteem and level of claims, determination of accentuations of the character of Leonhard-Schmishek, "Assessment of strategies of behavior in conflict situations" questionnaire by K. Thomas, "Sociability" test, methods of diagnostics of dominant defensive strategy in communication by V. V. Boyko, projective technique "Man in the rain".

Since at the individual level, the victimization of a person depends on temperament and some other characterological properties, on the genetic predisposition to self – destructive or deviant behavior, we found it necessary to study the specifics of the types of accentuations of personality with the help of the personal questionnaire of Leonhard-Schmischek. This revealed that the" victims " are most often found pedantic and exalted types of accentuation, followed by an anxious type and emotive. While" offenders " most often have a hyperthymic type, in the second place – demonstrative type, on the third - stuck and excitable types of accentuations. Thus, the most common emotive type of accentuation of personality if found among "victims", "offenders" are mostly hyperthymic, stuck, excitable and demonstrative types.

According to the results of the methods performed, some common features of children that are capable of falling into the risk group of bullying are noted: high level of anxiety, emotional lability, emotional volitional instability, shyness, low self-esteem, inadequate level of claims, lack of communication, low locus of control, tendency of being driven, avoidance - as the main strategy for overcoming conflict situations.

With the given experimental group, the implementation of the projective drawing methods "Do you need success?", "Norms of our life", etc., was also organized.

As a result, we found that individual victim predisposition in adolescence is determined by the degree of expression of personal qualities of minors. That is, we concluded that the formation of their anti-bullying skills is prevented by previously formed complex of psychological qualities (emotional instability, anxiety, inadequate self-esteem), the absence of social support and certain strategies of family education of the father and mother.

We compared our diagnostic work with current research to reveal how well we selected a sample of risk group "Potential victims of bullying". To do this, we analyzed the work of N. A. Khvylya-Olinter, which on the basis of a representative study in schools in Moscow, found that only three-quarters of students from 1,500 children have never been humiliated or insulted, but every third child was rudely treated or laughed at in front of the whole class (Khvylya-Olinter, 2012: 146). Also, we took as a basis the study of G. R. Yarullina, who proved that common forms of violence between teenage students are both negative psychological influence and physical pain (Yarullina, 2016)

As a result of our diagnostic work with the risk group "Potential victims of bullying" we can state that a small percentile of anti-bullying skills improvement can be seen: emotional stability, resilience, poise. Mental and physical strength, willpower do not have such a pronounced dynamic due to the fact that experimental work has not been

conducted for a long time, and did not have a wide coverage of all the regular and extracurricular activities of classes and risk groups, in particular.

However, there is a dynamics of positive increase in the parameters, which we attribute to a highly functional strategies and behavior skills (based on the generated anti-bullying skills): decision making and overcoming life's problems (11%); assessment of the social situation and accepting responsibility for own behavior in it (9%); the perception, usage, and provision of psychological and social support (6.3%); the defense of its borders and protect its personal space (17%); protection of self (21%), self-support and mutual support (24,6%); conflict-free and effective communication (16.7%).

As a result of counseling, correctional and rehabilitation work with the "I", we found that in order for a child to adapt more easily and overcome the difficulties of communication in the tea and not to become victimized, conformal, etc., it is necessary to maintain a positive image of himself. And, also, found that adolescents with low self-esteem react to a particular failure on a certain way that complicates any possibility of self-assertion. In addition, they are not only very low estimate of the results of their activities, but also extremely concerned about the opinion of others, especially if the latter is most likely to unfavorable assessment, so a noticeable decrease in self-esteem in adolescence is associated with the focus on the opinion of peers, on the reference (authoritative for the teenager) group of people.

Consequently, the vulnerability of these adolescents to the negative influences of any kind and the pressure of the environment, is obvious.

To measure the level of emotional development of adolescents of risk group "Potential victims of bullying", a comprehensive assessment of the emotional development of the individual was carried out on the basis of the results of three methods: the method "Differential scales of emotions" (according To K. Izard) (Eliseeva, 2001), The method of diagnosis of emotional barriers in interpersonal communication called "Emotional contacts" by V. V. Boyko (Fetiskin, Kozlov, Manuilov, 2002) and the method "EmIn" D. V. Lyusin (Lyusin, 2006).

Each of these methods is designed to evaluate different aspects of emotional development: the first one was used in our study to identify the most frequently occurring emotional phenomena in adolescents; the technique of "Emotional contacts" was used to determine the characteristic emotional properties of adolescents; the technique of "EmIn" was used to measure the level of emotional formations.

Diagnosis of various aspects of emotional intelligence by the method called "EmIn" by D. V. Lyusin suggests that: high level of emotional intelligence in 14.30 % of adolescents at risk, average is seen in 44.25% of adolescents and low observed in 41.45% of adolescents.

However, in our study, the interpretation of individual scales is much more informative. We would like to draw attention to the distribution of levels of development of individual components of emotional intelligence, such as the level of development of the ability to recognize emotions, both own and others', the ability to describe emotional states, both their own and other people's, and the ability to manage their emotional states. The study showed that 42.85% of adolescents at risk do not know how to describe emotional states, both their own and other people's; 32.12% of adolescents do not know how to manage their emotional states; 50% of adolescents do not have enough ability to recognize emotions, both their own and others'.

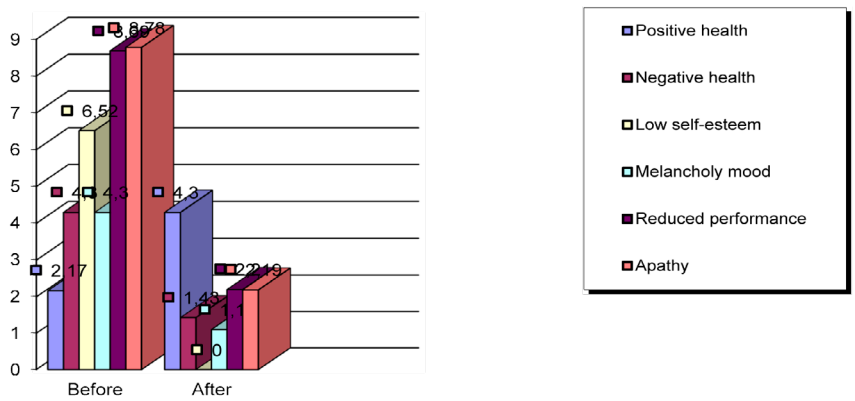


Figure 4 – Results of the risk group "Potential victims of bullying" obtained by the method of diagnostics of emotional barriers in interpersonal communication "Emotional contacts" by V. V. Boyko

Analyzing the results of processing the technique "Emotional contacts" by V. V. Boyko (figure 4), we can draw the following conclusions: the dominance of negative emotions is observed in 6.7% of adolescents at risk; the reluctance to approach people on an emotional basis is observed in 43.85% of adolescents; underdevelopment, inexpressiveness of emotions is observed in 35.7% of adolescents.

The method "Differential scales of emotions" by K. Izard was used to diagnose the dominant emotional tates of adolescents at risk, as experiential and motivational processes are important for motivation, social communication, cognition. It is in adolescence that the process of social communication is not only significant, but often decisive, affecting all areas of a teenager's life. "Differential scales of emotions" by K. Izard: negative health, low self-esteem for the period, depression, melancholy mood, apathy, reduced performance was observed in the total of 34.76% of adolescents. Perhaps this was due to the fact that the diagnosis was carried out at school after classes, but these data are alarming (figure 5).

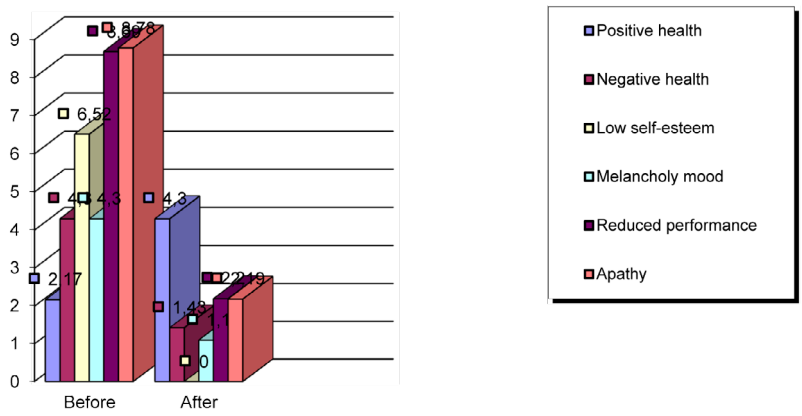


Figure 5 – Dynamics within results of risk group "Potential victims of bullying" On K. Izard's scale of differential emotions before and after approbation of the program

Based on the data of the study, and identified significant problems of emotional development of adolescents at risk, "The world of emotions" program of increasing the level of emotional development was tested.

Objectives of the program: to develop the ability to recognize and describe feelings, to develop the ability to recognize and describe the feelings of others, to teach the ability to manage their emotional states, to increase the overall level of emotional competence, to develop interpersonal skills among adolescents at risk (potential victims of bullying). These skills, in our opinion, are also anti-bullying, because they help to develop emotional stability and invulnerability.

Repeated usage of K. Izard's scale of differential emotions for diagnostics of dominating emotional states of teenagers of group of risk after approbation of the program "The world of emotions", allowed to reveal some progress in emotional development of this experimental group (see figure 5).

Thus, negative health, low self-esteem for this period, melancholy mood, apathy, reduced performance was revealed only in 8.7% of adolescents at risk, which is almost four times less than the initial indicators. At the same time, this group, as at the initial stage, has priority answers: I can't understand my emotional state; I have nothing to say; I do not understand what I feel, etc. That indicates that despite the formed adequate self-esteem, mood increase and depression reduction, these teenagers have emotions of uncertainty, nervousness, anxiety.

Further, training on the formation of anti-bullying skills was conducted with this group of risk, consisting of:

– a cycle of exercises for the development of stress-resistant qualities of the personality of students;

– a cycle of exercises for the formation of a healthy lifestyle, highly functional strategies and skills;

– a cycle of exercises for the formation of skills of a conflict-free and effective communication; on the direct recognition and development of existing personal resources conducive to the formation of a healthy life style and highly efficient behavior, etc.

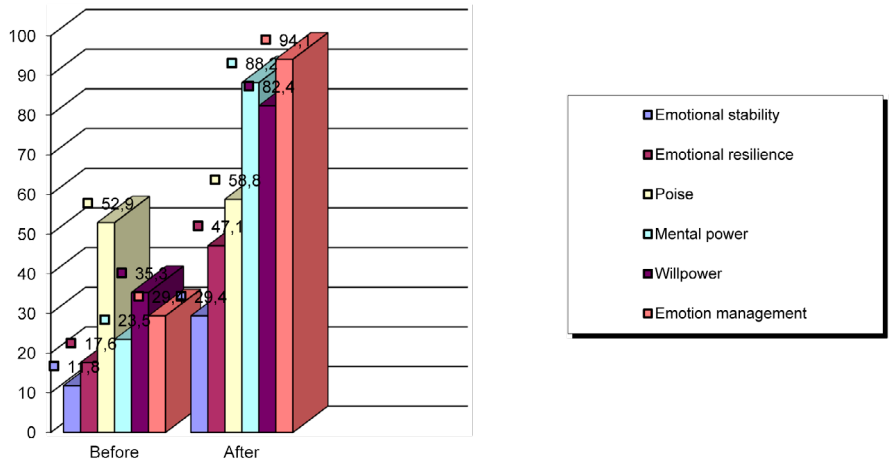


Figure 6 – Dynamics of indicators of anti-bullying skills of adolescents at risk "Potential victims of bullying" before and after training

As we can see from the histogram in figure 6, the approbation of the program of increasing the level of emotional development "The world of emotion" (hereinafter the program) and training on the formation of anti-bullying skills, the experimental group showed increased number of emotionally stable, balanced, mentally strong and improving willpower, managing emotions indicators. Since there are only 17 participants in this group, this dynamic so far indicates a small increase in the number of participants in the risk group who have anti-bullying skills.

However, the repeated measurement demonstrates the need for such work, because for a short period of time, the participants of the work on the approbation of the Program still acquired the necessary skills to bullying resistance. And although the percentile of dynamics is not high for all skills (it ranges from 17.6% to 29.5% for the necessary emotional skills), the ability- "Poise" has not changed at all - 5.9% growth. But on the skills of "emotion management" the difference is 64.7%, and on the willpower - 47.1%. This suggests that these skills do not increase spontaneously, they need to be formed in a specially organized activity. Only then will we be able to say that a strong anti-bullying barrier of skills has been created, which will later become the basis for the prevention of cruelty and violence in school.

Conclusion

So, as a result of work with the risk group, we found that the main causes of school bullying on the part of the victim are: appearance, dialect, low or high self-esteem, fear and anxiety, excessive sensitivity, good academic performance, pronounced physical illness, imposing all his ideas, violation of the rules and boundaries of others. And the main reasons for school bullying by bullying person are: attracting attention, revenge, power struggle, justice restoration, envy, elimination of the rival, self-assertion, feeling of hostility.

Thus, in the course of the mini-study, a number of conclusions were obtained:

– Adolescents recognize that the problem of violence in school exists, they named peers and older students as a threat.

– The predominant forms of violence in the school, according to students, are: humiliation, gossip and intrigue, threats, exclusion from joint activities.

– When observing violence, most adolescents are characterized by a desire to respond in the same way, a feeling of fear and depression.

– "Victims" of bullying are more likely to be ignored, ridiculed, hurt by false rumors, physical violence, thus, forms of psychological violence prevail over physical.

– Most "victims" do not realize the reasons for bullying and believe that the reason is in their appearance or behavior.

– Adolescents who have experienced only physical violence, seek frequent contacts, need support and approval, have a high level of self-esteem.

– After mental violence, there is high suspicion and dependence in interpersonal communication,

low self-esteem, lack of identification with the school, a decrease in the need to communicate with family and peers.

– The combination of physical and mental violence contributes to high subordination in interpersonal relationships, the tendency to blame themselves for their failures and health problems.

The positive results of the work with the risk group in the framework of the approbation of the Program include the following:

– it was possible to raise issues of each child participating in group;

– in addition, it was possible to discuss and work on many important problems of communication and emotional control: the ability to listen, acceptance of others as they are, the ability to be aware of and expressing feelings, and so on;

– the ability to reflect of each participant was developed to a large extent.

The negative results, from the position of the leader, should include failures in working with two specific teenagers (X and Y). This is due to the unavailability of these adolescents to work in group, and to the lack of time for a more complete establishment of contact with them, necessary for joint work, and with insufficient analysis of their own emotional reactions (for experimental work) in the process of working with these students.

Thus, the silence, suppressed tension and powerlessness of teachers and psychologists regarding bullying situations can be transformed into competent and open ways of responding, but for this, work needs to be done to form a clear, coordinated and elaborated up to the level of certain actions school staff position that translates the value of respectful relationships and the need to end bullying.

References

Aavik H. (2011) Profilaktika deviantnogo povedeniya podrostkov. [Prevention of deviant adolescence]. World of Science and Education, №. 11, P. 110-113. (In Russian).

Kotova N.V. (2015) Bullying v schkole: prichiny, posledstviya, pomosch. [Bullying at school: causes, consequences, help. co-author N.V. Ktotova] Minsk: Krasiko-Print, 96 p. (In Russian).

Dusmanbetov G. A., Sheryazdanova H. T. (2003) Psikholiyu destruktivnykh faktorov processa socializacii starshikh podrostkov. [Psychology of destructive factors in the process of socialization of older adolescents.] Almaty: Kazakh State Pedagogical Institute for Women, 110 p.

Eliseev O.P. (2002) Praktikum po psikhologii lichnosti. [Workshop on the Psychology of Personality, St. Petersburg. Piter, 560 p. (In Russian).

Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. (2002) Socialno-psihchologiceskaya diagnostika razviriya lichnosti I malykh grupp. [Social and psychological diagnostics of the development of personality and small groups.] M. Psychotherapy, 490 p. (In Russian).

Irgaliev A.S. Gabdrakhmanova S.T. (2016) Nauchno-metodicheskie podkhody k izucheniyu i profilaktike bullinga v schkole. [Scientific and methodological approaches to the study and prevention of bullying in school] Vestnik ZKGU im. M. Utemisova, Uralsk, №. 4 (64), P. 70-79 (In Russian).

Khvylya-Olinter N.A. (2012) Problema nasiliya nad detmi v ocenkakh moskovskikh schkolnikov. [The problem of violence against children in assessments of Moscow pupils] Historical and socially-educational thought. №. 1, P. 143-147. (In Russian).

Krivtsova S.V. (2011) Bulling v schkole i splochennost neravnodushnykh. Organizacionnaya kultura OU dlya rescheniya problem discipliny i protivostoyaniya nasiliyu. [School bullying and solidarity of the indifferent. Organizational culture of an educational institution to address the issue of discipline and violence]. M. Federal Institute for Educational Development, 120 p. (In Russian).

Lyusin D.V. (2006) Novaya metodika izmereniya emocionalnogo intellekta: oprosnik EmIN. [A new method for measuring emotional intelligence: EmIn questionnaire.] Psychol. Diagnostics, №. 4, P.3-22 (In Russian).

Mosina O. A., Ustenko V. S. (2016) Problema bulling v obrazovatelnoi srede. [The problem of bullying in the educational environment] Scientific-methodical electronic journal «Concept». T. 29, P. 144-148 (In Russian).

Olweus D. (1993) Bullying at School: What We Know and What We Can Do. Oxford: Wiley-Blackwell, P. 30-38.

Petrova A.B. (2011) Psychologicheskayu correciya i profilaktika agressivnykh form povedeniya. [Psychological correction and prevention of aggressive forms of behavior.] M. Flinta. NOU VPO MPSI, 152 p. (In Russian).

Popova E. I., Pchelintseva I. V. (2014) Specifika zhestokogo obrascheniya s detmi v shkolnoi srede. [The specifics of abusive treatment of children in a school environment] Scientific and methodical electronic journal «Concept». № 6 (June), P. 106-110. (In Russian).

Sarkisyan S.V. (2017) Zhestokoe obraschenie s detmi i profilaktika nasiliyu. [Abuse of children and prevention of violence] a teaching aid for specialty 5B050300 – Psychology Kostanay, 119 p. (In Russian).

Shalaginova K. S., Kulikova T. I., Cherkasova S. A. (2014) Teoretiko-metodologicheskie osnovy deyatelnosti pedagoga-psikhologa po preodoleniyu bullinga v schkolakh Tulskogogo regiona: genderno-vozrastnoi aspect. [Theoretical and methodological fundamentals of the activity of the teacher-psychologist on the prevention of bullying in schools of the Tula region: gender.] Monograph. Tula: Publishing house “GRIF & K”, 237 p. (In Russian).

Yarullina G.R. (2016) Aktualnost problemy profilaktiki schkolnogo nasiliya sredi obuchayuschikhsya podrostkovogo vozrasta. [The relevance of the problem of the prevention of school violence among students of the adolescent age]. The scientific community of students: Interdisciplinary research: on the basis of the international academic conference. № 6 (9). URL: https://sibac.info/archive/meghdis/6(9).pdf (In Russian).

МРНТИ 15.41.49 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.08

Р.Т. Алимбаева, Г.Б. Капбасова, Д.А. Жансерикова, Е.А. Лазарева
М.Н. Джумагельдинов

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова,
Казахстан, г. Караганда, e-mail: alimbaeva_21@ mail.ru, e-mail: kargu_ps@mail.ru,
e-mail: dibis68 @mail.ru, e-mail: elena.lasareva@mail.ru, e-mail: jummar@mail.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СУПРУГОВ ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ ПЕРВОГО РЕБЕНКА

В статье поднимается важная психологическая проблема – взаимоотношения супругов после рождения первого ребенка. Семья – форма организации личного быта, основанная на отношениях между мужем и женой, родителями и детьми. В этой связи особый интерес представляют исследования, где рассматриваются отношения между супругами после рождения первого ребенка. Методологическую основу нашей работы составили труды, изучающие психологические феномены супружества Ю.Е. Алешиной, теории межличностных отношений Н.Н. Обозова и положение о семье как совокупном субъекте совместной жизнедеятельности М.П. Кабаковой. Но существует недостаточно работ в казахстанской психологии о взаимоотношениях супругов после рождения ребенка, поэтому мы попытались восполнить данный пробел.

Результаты исследования показали, что мужчины чувствуют ответственность за семью, а у женщин присутствуют признаки несамостоятельности, зависимости от других, отношения с супругом они считают конфликтными. Для мужчин является важной реализация себя в социальном пространстве, а для женщин – сохранение психологического климата в семье. Для сохранения благополучных семейных отношений супруги считают, что необходимо сохранять оптимальный эмоциональный контакт с ребенком. Практическая значимость представленной работы состоит в том, что полученные в исследовании данные могут быть полезны семейным психологам для осуществления психологической работы с семейными парами в период первого родительства.

Ключевые слова: взаимоотношения, супружеские отношения, семья, родительство, рождение ребенка.

R.T. Alimbayeva, G.B. Kapbasova, D.A. Zhanserikova, E.A. Lazareva, M.N. Jumageldinov

E.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan, Karagandy, e-mail: alimbaeva_21@ mail.ru
e-mail: kargu_ps@mail.ru, e-mail:dibis68 @mail.ru, e-mail: elena.lasareva@mail.ru, e-mail: jummar@mail.ru

Relationship of spouses after the birth of the first child

The article raises an important psychological problem as the relationship of spouses after the birth of the first child. Family – a form of organization of personal life, based on the relationship between husband and wife, parents and children. In this regard, of particular interest are studies where the relationship between spouses after the birth of the first child is considered. The methodological basis of our work was composed of works studying the psychological phenomena of matrimony Yu.E. Aleshina the theory of interpersonal relations N.N. Obozov and the provision on the family, as the aggregate subject of the joint life of M.P. Kabakova But there is not enough work in Kazakh psychology on the relationship of spouses after the birth of a child, so we tried to fill this gap.

The results of the study showed that men feel responsibility for the family; women have signs of non-independence, dependence on others, they consider their relationship with a spouse to be conflicting. For men, it is important to realize themselves in a social space, and for women to maintain the psychological climate in the family. To maintain a successful family relationship, spouses adhere to the need to maintain optimal emotional contact with the child. The practical significance of the work presented is that the data obtained in the study can be useful to family psychologists for the implementation of psychological work with married couples during their first parenthood.

Key words: relationships, marital relations, family, parenthood, childbirth.

© 2020 Al-Farabi Kazakh National University

Р.Т. Алимбаева, Г.Б. Капбасова, Д.А. Жансерикова, Е.А. Лазарева
М.Н. Джумагельдинов
Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті,
Қазақстан, Қарағанды қ., e-mail: alimbaeva_21@ mail.ru,
e-mail: kargu_ps@mail.ru, e-mail:dibis68 @mail.ru, e-mail: elena.lasareva@mail.ru,
e-mail: jummar@mail.ru

Бірінші бала дүниеге келгеннен кейінгі ерлі-зайыптылардың өзара қатынасы

Мақалада бірінші бала дүниеге келгеннен кейін ерлі-зайыптылардың өзара қатынасы сияқты маңызды психологиялық мәселе көтеріледі.

Отбасы – ері мен әйелі, ата-ана мен балалар арасындағы қатынасқа бағытталған жеке тұрмысты ұйымдастыру формасы. Осыған сәйкес, бірінші бала дүниеге келгеннен кейінгі ерлі-зайыптылардың өзара қатынасын зерттеу ерекше қызығушылық тудырады. Ерлі-зайыптылардың психологиялық феномендерін зерттеген Ю.Е. Алешина, Н.Н. Обозовтың тұлғааралық қатынас теориялары мен отбасы туралы жағдайы, М.П. Кабакованың бірлескен өмірінің жиынтығы субъектісі ретінде еңбектері біздің жұмысымыздың методологиялық негізі болып саналады. Бірақ қазақстандық психология ғылымында бала дүниеге келгеннен кейінгі ерлі-зайыптылардың өзара қатынасы тақырыбында жазылған жұмыстар жеткіліксіз, сондықтан біз бұл олқылықты толтыруға тырыстық.

Зерттеу нәтижелерінің көрсетуінше, ер адамдар отбасы үшін жауапкершілікті сезінеді, ал әйелдерде дербестіктің болмауы, басқаларға тәуелділік белгілері бар, олар өздерінің жұбайымен қарым-қатынасын қақтығыстық жағдайда деп санайды. Ер адамдар үшін әлеуметтік кеңістікте өзін-өзі таратуы маңызды болса, ал әйелдер үшін отбасында психологиялық ахуалды сақтау маңызды.

Табысты отбасылық қарым-қатынасты сақтау үшін ерлі-зайыптылар баламен оңтайлы эмоционалды байланысты сақтау қажеттілігін ұстанады. Ұсынылған жұмыстың практикалық маңыздылығы мынада, зерттеуде алынған мәліметтер отбасылық психологтарға алғашқы ата-ана болу кезіндегі ерлі-зайыптылармен психологиялық жұмысты жүзеге асыру үшін пайдалы болуы мүмкін.

Түйін сөздер: өзара қатынас, ерлі-зайыптылар қатынасы, отбасы, ата-ана, баланың дүниеге келуі.

Введение

Семейная жизнь характеризуется духовными и материальными процессами, благодаря которым меняется поколение людей, через нее продолжается человеческий род, в ней рождаются новые люди.

Каждый человек, так или иначе, стремится создать семью. В супружеских отношениях проявляются духовная, социальная, материальная и естественная природа личности. В браке человек развивается и растет, приобретает новый жизненный опыт, как негативный, так и позитивный (Трапезникова, 1992).

Анализируя семью как малую группу, можно отметить, что схожесть ценностных ориентаций супругов, их четкая нравственная направленность приводят к стабилизации семейных отношений, в результате оба партнера испытывают удовлетворенность семейными отношениями. Общая ценностно-смысловая направленность супругов приводит к стабилизации отношений и снижает риски конфликтного взаимодействия (Kabakova, 2018).

Для развития гармоничных семейных отношений важно, чтобы супруги были совместимы. Совместимость проявляется в общности интересов и ценностей, супруги чувствуют себя как единое целое, они ощущают сходные чувства и эмоции, реализуют общую систему потребностей (Кабакова, 2014).

Супружеские отношения не стабильны, они могут меняться из года в год, переходить в различные состояния. Супруги в процессе совместной жизнедеятельности развиваются, становятся профессионалами, получают жизненный опыт, меняют свой социальный и материальный статус. Все это требует от супругов способности решать новые возникающие в настоящий момент времени задачи, преодолевать трудности и достигать конкретных целей (Сатир, 2000).

При этом характер супружеских отношений и модель брака определяются не только социально-исторической ситуацией определенного

общества, но и личностными особенностями самих супругов, в частности, их системой ценностей, мировоззрением. Значительное влияние на систему ценностей и мировоззрения личности оказывают нормы и ценности родительской семьи (Кабакова, 2015).

Разные авторы выделяют различные уровни супружеских отношений. Так, С.В. Петрушин считает, что в семейных отношениях в целостности можно выделить три относительно самостоятельных уровня: социальный, эмоциональный и сексуальный (Петрушин, 2014). Т.М. Трапезникова выделяет в супружеских отношениях четыре уровня: психосексуальный, индивидно-личностный, поведенческий и нравственный (Трапезникова, 2000). Другие авторы в супружестве выделяют четыре достаточно независимых уровня отношений: психофизиологический, психологический, социально-психологический, социокультурный. Последняя система дает наиболее широкое и часто используемое описание уровней супружеских отношений (Обозов и Обозова, 1981). Семейная система, как любая другая система, функционирует под воздействием двух законов: закона гомеостаза и закона развития. Закон гомеостаза означает, что семейная система стремится остаться на данной точке своего развития. Согласно закону развития, каждая семейная система должна пройти свой жизненный цикл, т.е. некую последовательность смены событий и стадий. Благополучное развитие предполагает структурные изменения во взаимоотношениях (Обозова, 1984).

Человек может быть удовлетворен своей жизнью тогда, когда у него есть возможность удовлетворить потребность в саморазвитии, делать лишь то, что не противоречит его системе ценностей и смыслов. Если у супругов общая система ценностей и смыслов, то семья может быть сплоченной, единой. По мере взаимодействия друг с другом, на протяжении становления семьи у супругов появляются общие ценности. Ценностные ориентации оказывают существенное влияние на оценку супругами различных сторон жизнедеятельности, они определяют значимость тех или иных сфер, способов действия, условий. Система ценностей позволяет выделить доминирующие и важные сферы, которые влияют на взаимоотношения супругов.

Наиболее развернутое изучение проблемы супружеских отношений и семьи в целом было рассмотрено в трудах казахстанского ученого М.П. Кабаковой. Автор считает, что «процесс стабилизации супружеских отношений определяется психологическими структурой, факторами и механизмами жизнедеятельности семьи как особой, уникальной в своем роде, системы, обладающей своей неповторимой спецификой, и рассматриваемой нами как совокупный субъект совместной жизнедеятельности» (Кабакова, 2015).

Методологическую основу нашей работы составили труды, изучающие психологические феномены супружества (Алешина, 1999.), теории межличностных отношений (Обозов, 2008) и положение о семье как совокупном субъекте совместной жизнедеятельности (Кабакова, 2018).

Если рассматривать семейные отношения, как систему различных видов отношений, то можно выделить три основных составляющих этой системы: отношения между супругами, детско-родительские отношения, отношения между детьми.

Все перечисленные аспекты определили наше исследовательское поле, которое заключается в изучении супружеских отношений после рождения первого ребенка.

В период появления ребенка в семье происходят изменения в отношениях между супругами, возникают новые формы отношений, связанные с уходом за ребенком, выполнением родительской функции. У супругов расширяется диапазон обязанностей, семейная жизнь становится четко структурированной и подчиненной реализации потребностей ребенка (Николс, Шварц, 2004).

Рождение первого ребенка – этап семейного развития, этап изменений во взаимоотношениях между супругами. В первую очередь разрушаются установившиеся ролевые системы. Родители приобретают новую роль – отца и матери, а роли мужа и жены уходят на второй план. Если супруги на этапе подготовки к рождению ребенка начинают привыкать к новым ролям, то кризиса в отношениях можно избежать. Но, как правило, женщина поглощена новой ролью «матери», забывает о своей роли «жены», что отражается на отношениях с супругом. Ребенок зависит от нее физически и психологически. Если женщина полностью переключается с супруга на ребенка, то мужчина может самоустраниться. Мужчины испытывают напряженность, возникают обиды, которые трансформируются в конфликтное поведение. Женщина начинает испытывать негативные переживания, так как ей приходится подстраиваться под потребности и супруга, и ребенка. Для гармоничных отношений в семье женщина должна успешно сочетать в себе две роли: матери и жены. Ребенок требует большого

внимания, терпения, но супружеские отношения нуждаются в поддержке. Эти проблемы могут не возникнуть, если мужчина будет оказывать психологическую помощь, поддерживать женщину, помогать ей с домашним хозяйством (Андреева, 1998).

У супругов с рождением ребенка появляется новая позиция – родительство. Они испытывают разнообразную гамму чувств: гордость, радость, ответственность. Но данные чувства сопровождаются расширенными обязанностями, связанными с развитием и воспитанием ребенка.

Таким образом, после рождения первого ребенка супруги должны переструктурировать собственную идентичность, сформировать адекватные представления о собственном родительстве с учетом особенностей реального взаимодействия с ребенком.

Многие исследователи считают, что появление ребенка приводит к сплочению семьи, снижается конфликтность, усиливаются благоприятные факторы, влияющие на взаимоотношения супругов.

Происходят социальные изменения вне семьи. Супругам приходится изменять систему отношений с внешним окружением. Особая нагрузка приходится на женщину, так как с рождением ребенка она меняет профессиональный статус на семейный. Женщина начинает переживать по поводу снижения профессиональных способностей, ограничения возможностей в росте и развитии (Андреева, Толстова, 2001).

В первый период жизни ребенка важно обеспечить ребенка ощущением надежности, любви за счет расширения эмоционального диапазона родителей. Забота родителей, их чувствительность и эмоциональность приводят к формированию чувства свободы, принятия и доверия у ребенка. Ребенок начинает понимать причинно-следственные связи, четко структурирует пространство (Голод,1984).

Ребенок должен быть свободен, у него должна быть возможность развиваться по своим естественным механизмам. Если свободы у ребенка слишком много и родители не заинтересованы в близких отношениях с ним, то может возникнуть чувство отчуждения у ребенка. Если свободы у ребенка очень мало, то возникает излишняя забота, ребенок начинает заменять родителям отношения между ними (Гроздова, Лидерс, 1997).

Таким образом, можно отметить некоторые особенности, которые проявляются в семьях после рождения ребенка. Происходит процесс традиционализации семьи и семейных отношений. В семьях возрастает половой диморфизм, закрепляется четкая роль женщины. Семейные роли становятся более ригидными. В семьях начинает меняться режим труда и отдыха, сокращается время на развлечения и общения, увеличивается количество домашних дел. Напряженность в семье возрастает, возникает чувство повышенной тревожности и ответственности за семью (особенно у женщины). У супругов возрастает дефицит времени на себя, они перестают часто общаться друг с другом, в основном общение сводится к проблемам, связанным с жизнью и здоровьем ребенка. Если супруг не выполняет активной родительской функции, возникают конфликты. Отец может испытывать ревность, и даже зависть к ребенку, к тем эмоциональным отношениям, которые возникают у ребенка с матерью. Все эти ситуации приводят к деструктивным изменениям в семье.

Рождение первого ребенка приводит к появлению выраженных физических, нравственных и эмоциональных нагрузок, нарушается сон, ритм жизни, увеличиваются финансовые нагрузки, взаимоотношения супругов начинают носить конфликтный и напряженный характер, возникают затруднения в распределении обязанностей. Женщина чувствует усталость и напряженность, мужчина не получает должного внимания и заботы, и оба испытывают ощущение ограничения свободы. Многие авторы отмечают, что с появлением первого ребенка отношения между супругами становятся более слабыми, теряется психологическая близость, в центре внимания теперь не отношения супругов, а сам ребенок, который требует поддержки и заботы со стороны родителей.

В своих исследованиях Ю.Е. Алешина отмечает, что при появлении на свет первого ребенка забота и уход за ним ложатся на мать, соответственно семейные роли становятся четко направленными и распределяются на основе половых признаков. Мужчина становится направленным вовне, он реализует инструментальную функцию, на его плечи ложится обеспечение семьи. А женщина выполняет экспрессивную функцию, она ориентирована на семейные проблемы, обеспечивает уют и комфорт в семье. Рождение ребенка приводит к усилению и стабилизации полоролевых установок (Алешина, 2004).

Рождение ребенка влечет за собой изменение структуры семьи, расширение некоторых границ, при сужении личного пространства супругов. Те формы отношений, которые были вы-

работаны мужем и женой до рождения ребенка, перестают функционировать и требуется выработка новых форм взаимодействия. В семье появляются новые проблемы, ситуации, которые приводят к изменению функционирования семьи. Но реструктуризация семьи требует особых усилий от обоих супругов, иначе может возникнуть угроза распада семьи. Рождение первого ребенка в молодой семье может стать фактором изменения супружеских отношений (Бароян, Кабакова, 2017).

Таким образом, можно отметить, что рождение ребенка приводит к серьезным изменениям в структуре и функционировании семьи. Супруги должны научиться выполнять не только уже знакомые роли, но и осваивать новые роли, связанные с родительством. У супругов уменьшается свободное время, происходит переоценка профессиональных потребностей, усиливаются полоролевые стереотипы. Все это, в конечном счете, отражается на взаимоотношениях супругов.

В связи с вышеизложенным, целью нашего исследования стало изучение супружеских взаимоотношений после рождения первого ребенка.

Объектом исследования является семья как психологическая система.

В качестве предмета исследования рассматривались взаимоотношения между супругами после рождения первого ребёнка.

Гипотеза исследования. Мы предполагаем, что супружеские отношения будут благополучными после рождения первого ребенка, если родители ориентированы на оптимальный эмоциональный контакт с ребенком.

Материалы и методы

Для проверки выдвинутой гипотезы и реализации поставленных задач были использованы следующие методы:

1. Для изучения родительских установок к разным сторонам семейной жизни мы использовали методику PARI (Parental Attitude Research Instrument), авторы – Е.С.Шефер; Р.К.Белл; адаптирован Т.В. Нещерет. В методике выделены 23 аспекта-признака, касающихся разных сторон отношений родителей к ребенку и жизни в семье. Из них – 8 признаков описывают отношение к семейной роли и 15 – касаются родительско-детских отношений. Эти 15 признаков делятся на 3 группы: I – оптимальный эмоциональный контакт, II – излишняя эмоциональная дистанция с ребенком; III – излишняя концентрация на ребенке.

2. Для определения согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре нами использовалась методика «РОП», разработанная А.Н.Волковой. Методика «РОП» позволяет определить представления супругов о значимости в семейной жизни сексуальных отношений, личностной общности мужа и жены, родительских обязанностей, профессиональных интересов каждого из супругов, хозяйственно-бытового обслуживания, моральной и эмоциональной поддержки, внешней привлекательности партнеров. Эти показатели, отражая основные функции семьи, составляют шкалу семейных ценностей (ШСЦ).

Представления супругов о желаемом распределении ролей между мужем и женой при реализации семейных функций объединены шкалой ролевых ожиданий и притязаний (ШРОП).

Характер супружеских отношений во многом зависит от степени согласованности семейных ценностей мужа и жены и ролевых представлений о том, кто и в какой степени отвечает за выполнение тех или иных обязанностей. Адекватность ролевого поведения супругов зависит от соответствия ролевых ожиданий (ожидание мужа или жены от партнера активного выполнения тех или иных семейных обязанностей) ролевым притязаниям супругов, личная готовность каждого из партнеров выполнять семейные роли.

Полученные в результате исследования данные были обработаны с помощью методов математической статистики.

Для выявления статистических различий использовался U-критерий Манна Уитни (Statistica 6).

В исследовании приняли участие 30 семейных пар в возрасте 23-35 лет. Обязательными условиями были: совместное проживание супругов и наличие одного ребенка до года.

Результаты и обсуждение

1. Анализируя результаты по методике PARI (Parental Attitude Research Instrument), в контексте отношения к семейной роли в группе мужчин были выявлены следующие особенности.

У мужчин высокие значения получены по таким шкалам, как сверхавторитет родителей, несамостоятельность матери, ощущение самопожертвования. Это говорит о том, что мужчины в семьях, где появился первый ребенок, отмечают важность родительской функции, считают, что с самого рождения ребенка важно, чтобы родители были авторитетом и направляли ребенка.

Мужчины отмечают выраженную несамостоятельность матери в период рождения ребенка. По их мнению, жены требуют от них повышенного внимания, помощи и заботы. Высокая ответственность в роли родителей приводит к появлению ощущения самопожертвования у данной категории мужчин. Они считают, что отдают очень много и часто ничего не получают взамен.

По шкале зависимость от семьи 70% мужчин имеют высокие значения. Они отмечают, что семья имеет значение в их жизни и подстраивают свою жизнь под интересы семьи, а также ориентированы на реализацию собственных потребностей.

20% испытуемых имеют средние значения по шкале зависимости от семьи и 10% мужчин отмечают, что не испытывают зависимости от семьи, семейные отношения не ограничивают их и позволяют им реализовывать собственные потребности.

По шкале самопожертвования у 60% мужчин выявлены высокие значения, они считают, что ради семьи жертвуют многим, живут в рамках интересов семьи. 40% испытуемых имеют средние значения по данной шкале, в некоторых ситуациях могут испытывать чувство самопожертвования, но в целом считают, что живут полной жизнью.

По шкале семейные конфликты у 60% мужчин выявлены средние значения, испытуемые не оценивают семейные отношения как высоко конфликтные, но при этом отмечают, что некоторые ситуации, например бытовые или хозяйственные, приводят к конфликтам. У 40% мужчин выявлены высокие значения по шкале семейные конфликты. Они отмечают, что взаимоотношения в семье носят конфликтный характер.

По шкале сверхавторитет родителей у 90% мужчин выявлены высокие значения. Для них важна роль авторитетного родителя, они считают, что родительство является важной функцией. У 10% мужчин по данной шкале средние значения, что может говорить о значимости родительской функции для мужчин, но не главенствующей.

По шкале неудовлетворенность ролью хозяйки у 80% мужчин выявлены средние значения. Эти мужчины считаю, что супруга в целом справляется с ролью хозяйки, хотя иногда эта роль приносит некоторые трудности и конфликты в семью. У 20% испытуемых выявлены высокие показатели по данной шкале. Эти мужчины не испытывают удовлетворенности от той роли, которую сейчас реализуют их супруги.

По шкале безучастности мужа у 80% мужчин выявлены средние значения, они считают, что мужчина не должен быть полностью погружен в проблемы семьи, только сложные ситуации должны решаться главой семьи. У 20% мужчин выявлены высокие значения, он не обязан помогать супруге, его функция связана с обеспечением семьи материальными средствами.

По шкале доминирования матери у 80% мужчин выявлены средние значения. Мужчины отмечают, что женщина в семье не всегда должна доминировать, но есть сферы, например хозяйство, воспитание детей, где роль женщины главенствующая. У 20% мужчин выявлены низкие значения по данной шкале. В семье доминирующую роль должен выполнять мужчина, а женщина должна помогать в ее реализации.

По шкале несамостоятельности матери у 100% мужчин выявлены высокие значения. Все испытуемые отмечают, что женщины в целом не самостоятельны в семейных отношениях, требуют внимания и помощи со стороны мужчин.

Анализируя показатель отношения родителей к ребенку в группе мужчин, мы выявили следующие особенности (рисунок 1).

У мужчин доминирует показатель вербализации, они считают, что необходимо постоянно взаимодействовать с ребенком, обсуждать с ним все возможные трудности, жизненные ситуации, проблемы. Ребенок заслуживает равных отношений, и должен в целом иметь такие же права и обязанности в будущем, как и родитель. Родители должны развивать активность ребенка, для его успешной социализации в обществе. Мужчины опасаются обидеть ребенка, поэтому ориентированы на позитивное общение.

Таким образом, мы видим, что мужчины в отношении семейной роли ориентированы на родительский авторитет, чувствуют ответственность за семью, при этом испытывают ощущение самопожертвования. В отношении ребенка отмечен оптимальный эмоциональный контакт, мужчины считают важным общаться с ребенком на равных. Для мужчин важно вербализовывать собственные чувства во взаимодействии с ребенком, важно хвалить ребенка за успехи, указывать на его неудачи, корректировать его действия.

Анализируя результаты по методике по методике PARI (Parental Attitude Research Instrument), в контексте отношения к семейной роли в группе женщин были выявлены следующие особенности.

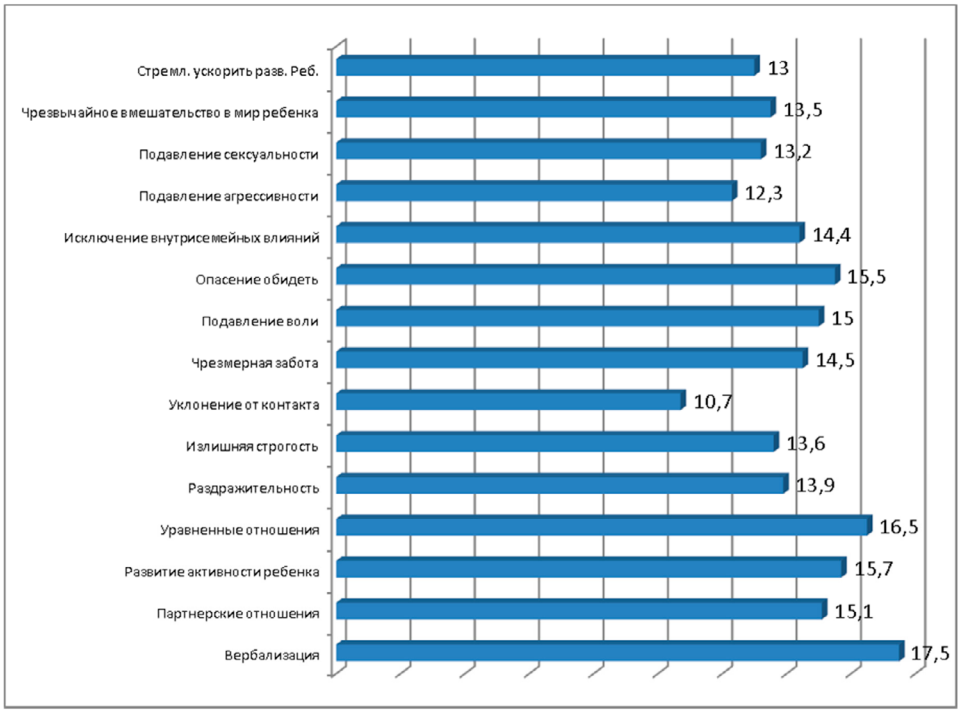


Рисунок 1 – Показатели по шкалам отношения к ребенку в группе мужчин

У женщин высокие значения получены по таким шкалам, как несамостоятельность матери, сверхавторитет родителей, семейные конфликты. Это говорит о том, что женщины в семьях, где появился первый ребенок, отмечают выраженную несамостоятельность матери. Женщины в семье зависимы от окружающих (в том числе от супруга и ребенка), испытывают ощущение дискомфорта, не могут принять самостоятельных решений. Женщины отмечают важность родительской функции и считают, что с самого рождения ребенка важно, чтобы родители были авторитетом для него.

Кроме того, женщины отмечают, что в настоящее время в семье выражена конфликтная обстановка, которая возникает на почве бытовых вопросов, вопросов воспитания ребенка, ведения хозяйства, распределения обязанностей и т.д.

По шкале зависимость от семьи 50% женщин имеют высокие значения. Семья имеет важное значение в их жизни, они подстраивают свою жизнь под интересы семьи, ориентированы на реализацию не собственных потребностей, а потребностей семьи. 40% испытуемых имеют средние значения по шкале зависимости от семьи. Женщины чувствуют некоторую степень зависимости от семьи, но она не выражена. 10% женщин отмечают, что не испытывают зависимости от семьи, семейные отношения не ограничивают их и позволяют им реализовывать собственные потребности.

По шкале ощущения самопожертвования у 60% женщин выявлены высокие значения. Они считают, что ради семьи жертвуют многим, ориентированы на полное погружение в семейные роли и снижение социальной активности в других сферах жизни. 40% женщин имеют средние значения по данной шкале. Семья ограничила их возможности, иногда приходится идти на жертвы, но есть возможность реализоваться не только в семейной сфере.

По шкале семейные конфликты 80% женщин имеют высокие показатели. Они считают, что семейное взаимодействие носит конфликтный характер. У 20% женщин выявлены средние значения. Они оценивают уровень конфликтности в семье как не высокий, и отмечают, что конфликты в семье существуют, но они разрешимы.

По шкале сверхавторитет родителей у 90% женщин выявлены высокие показатели. Женщины считают, что родительство требует от них выполнения конкретных функций для поддержания собственного авторитета. У 10% испытуемых выявлены средние значения по шкале и на данный момент авторитет родителей не имеет столь высокого значения.

По шкале неудовлетворенности ролью хозяйки у 50% испытуемых выявлены высокие значения. Они считают, что не справляются с функцией хозяйки, эта роль ограничивает их, не дает им развиваться и реализовываться в других сферах. У 30% женщин выявлены средние значения, они могли бы быть лучшими хозяйками, но не считают эту роль главной в семейных отношениях. У 20% женщин выявлены низкие значения, которые удовлетворены ролью хозяйки.

По шкале безучастность мужа 70% женщин показали средние результаты. Женщины не совсем довольны той ролью, которую выполняет их супруг, они считают, что необходимо в некоторых сферах расширить круг обязанностей супруга. У 30% женщин выявлены высокие показатели по данной шкале. Они считают, что мужчины не выполняют семейные обязанности, не помогают, и больше ориентированы на реализацию собственных интересов, а не интересов семьи.

У 50% женщин выявлены средние значения по шкале доминирования матери. Они считают, что в настоящее время в семье чаще встречаются ситуации в которых доминирует мать, например, ситуации связанные с заботой о ребенке.

20% женщин имеют высокие показатели по данной шкале, они доминируют в семье и решают практически все вопросы, возникающие в семейной жизни.

100% женщин обнаружили высокие показатели по шкале несамостоятельность матери. Они на данный момент времени не способны принимать самостоятельные решения, зависимы от мнения окружающих и от ситуаций, в которой они находятся. Детальный анализ по шкалам отношения к ребенку выявил следующие особенности в группе женщин, которые отражены на рисунке 2.

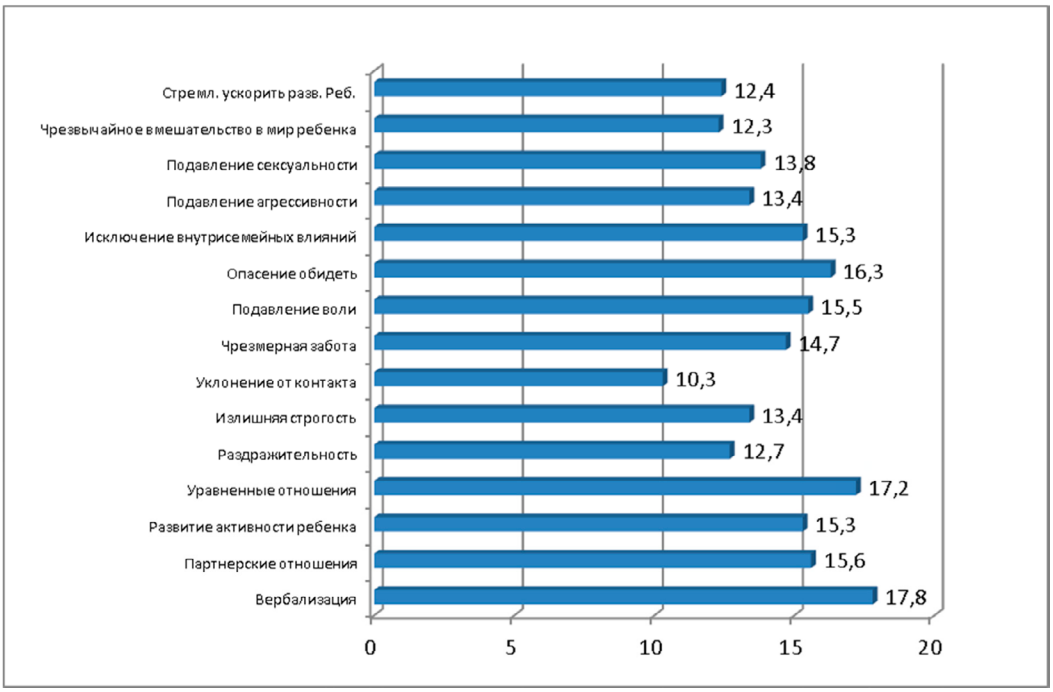


Рисунок 2 – Показатели по шкалам отношения к ребенку в группе женщин

У женщин в отношении к ребенку доминируют следующие показатели. Показатель вербализации – женщины считают, что общение с ребенком, выражение собственных чувств и эмоций имеет важное значения в воспитании. У ребенка и у родителя должны быть одинаковые права и обязанности. Женщины ориентированы на безопасное общение с собственным ребенком, считают, что родители должны контролировать общение с ребенком и не совершать тех действий, которые могут обидеть или расстроить собственного ребенка. Женщины отмечают, что отношения с ребенком должны строиться на принципах партнерства и равенства, что предполагает открытое обсуждение в семье ситуаций разного характера и принятия общего для семьи

решения с учетом детских пожеланий. Для повышения адаптивных способностей важно развивать активность ребенка.

Таким образом, у женщин выявлены признаки несамостоятельности, зависимости от других, супружеские взаимоотношения связывают с конфликтами, выражена значимость роли родительства. В отношении ребенка выявлена ориентация на оптимальный эмоциональный контакт, для них важно равенство в отношениях, организация активной среды для развития ребенка.

Анализируя результаты исследования по методике «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) в группе мужчин, можно отметить следующие особенности.

Для мужчин важным является установка на внешнюю социальную активность, при этом они считают, что значимая социальная активность характерна только для супруга, а активность женщины должна проявляться в семье. Мужчина в супружеских отношениях должен иметь возможность реализовываться в обществе, развиваться в профессиональном плане, участвовать в делах социального характера, быть активным не только в семье, но и вне семьи. Для мужчин важна личностная идентификация с партнером, важно чтобы супруга имела общие с ним интересы, ценности, поддерживала его в различных вопросах. Мужчины отмечают значимость хозяйственно бытовой сферы, но семейный быт должна поддерживать супруга. Для активного развития ребенка большую роль играет родительско-воспитательная сфера. Еще одной важной сферой мужчины считают эмоционально-психотерапевтическую. Они отмечают, что и мужчина, и женщина несут ответственность за сохранение и поддержание благоприятного эмоционального климата, супруги должны уметь оказать психологическую помощь в значимых ситуациях друг другу. Незначимыми сферами для мужчин стали: сфера интимно-сексуальная и сфера внешней привлекательности. При этом хотелось бы отметить низкую ролевую адекватность мужчин, их ролевые ожидания в отношении супруги, которые не совпадают с притязаниями супругов.

60% мужчин имеют средние показатели по шкале интимно-сексуальной сферы, они отмечают, что в настоящее время сексуальные отношения переходят на второй план, и хотя их значимость высока, но не является определяющей в семейных отношениях.

40% мужчин имеют низкие показатели, эти мужчины недооценивают роль сексуальных отношений в браке, считают, что для брака важны другие сферы.

У 50% мужчин выявлены высокие показатели по шкале личностной идентификации с супругой. Для мужчин в браке важно, чтобы супруга имела схожие интересы и ценности, поддерживала их в делах. У 50% мужчин выявлены средние значения, для них значимо, чтобы супруга понимала и принимала их интересы и ценности, но могла иметь и собственные интересы.

По хозяйственно-бытовой сфере у 50% мужчин выявлены высокие показатели, для них большое значение имеет организация быта, они ориентированы на активное участие в решении бытовых и хозяйственных вопросов. У 50% мужчин выявлены средние значения и роль в ее успешной реализации отдают женщине.

По шкале родительско-воспитательной сферы у 50% мужчин выявлены высокие показатели. Мужчины считают родительство основной функцией в семье, для них важно стать хорошим отцом. У 50% мужчин выявлены средние значения по данной шкале, они считают, что родительская функция должна реализовываться в первую очередь со стороны женщин, а мужчина должен помогать в ее реализации.

По шкале социальной активности у 70% мужчин выявлены высокие показатели, для них важно, чтобы и мужчина и женщина в семье могли реализовывать активную социальную позицию, развиваться как профессионалы, активно участвовать в жизни общества, а не только семьи. У 30% мужчин выявлены средние значения по данной шкале, при этом активная социальная позиция важна больше для мужчины, чем для женщины.

По шкале эмоционально-психотерапевтической у 50% мужчин высокие показатели. Мужчины считают, что оба супруга несут ответственность за сохранение и поддержание психологического климата в семье. У 50% мужчин выявлены средние значения, которые придерживаются мнения, что женщина должна играть роль «домашнего психолога» и создавать для него психологически комфортные условия в семье.

По шкале внешней привлекательности у 70% мужчин выявлены средние значения, они считают, что внешность – не самый важный показатель благополучия семьи, хотя привлекательность может помочь партнерам чувствовать себя уверенным. У 30% мужчин выявлены высокие показатели, которые считают, что мужчина и женщина должны следить за своей внешностью, быть современными, модными.

Таким образом, мы видим, что у мужчин представления о супружеских отношениях связаны с возможностью реализовывать себя как в браке, так в социальном пространстве, быть успешным профессиональном.

Для женщин важной является эмоционально-психотерапевтическая сфера, им важно, чтобы в семье были психологически благополучные отношения, чтобы и супруг, и супруга могли оказать психологическую помощь и поддержку в значимых ситуациях. Для женщин важна социальная активность в семье. Женщины в супружеских отношениях должен иметь возможность реализовываться в обществе, развиваться в профессиональном плане, участвовать в делах социального характера, быть активным не только в семье, но и вне семьи. Для женщин в целом важна родительско-воспитательная сфера, они считают, что важным предназначением супругов является быть хорошими родителями. При этом отмечается низкая ролевая адекватность женщин, их ролевые ожидания в отношении супруга не совпадают с притязаниями самих мужчин.

У 60% женщин по шкале интимно-сексуальной выявлены низкие значения. Незначимой сферой для женщин является интимно-сексуальная, они недооценивают роль сексуальных отношений в браке, считают, что для брака важны другие сферы. У 20% женщин выявлены средние значения, они считают, что сексуальная сфера значима для семейных отношений, но не является ведущей. 20% женщин считают, что сексуальная сфера является одной из самых значимых, гармоничные отношения в семье не могут быть реализованы без этой сферы.

По шкале личностной идентификации с супругом у 60% женщин выявлены высокие показатели. Успешный брак тот, в котором у обоих партнеров общая система интересов, ценностей и потребностей. У 30% женщин выявлены средние значения. Для них значимо, чтобы супруг понимал и принимал их интересы и ценности, но мог иметь свои собственные интересы. У 10% женщин выявлены низкие показатели, они ориентированы на личностную автономность, считают, что в семье общность интересов и ценностей будет мешать развитию.

По шкале хозяйственно-бытовая у 60% женщин выявлены средние значения. Женщины считают бытовую сферу значимой, а роль в ее успешной реализации отдают женщине. У 40% женщин выявлены высокие показатели по данной шкале, они считают, что реализация хозяйственной функции будет способствовать благополучию семейных отношений.

По родительско-воспитательной сфере у 50% женщин выявлены высокие показатели, что самым значимым в семье является родительство, жизнедеятельность в семье должна сводиться к воспитанию будущего поколения. У 50% женщин выявлены средние показатели, родительская функция должна реализовываться в первую очередь со стороны женщин, а мужчина должен помогать в ее реализации.

По шкале социальной активности у 60% женщин выявлены средние значения, семья должна способствовать росту социальной активности, но для женщины главное реализация должна проходить в семейной жизни. У 40% женщин выявлены высокие показатели, для них важно, чтобы и мужчина и женщина в семье могли реализовывать активную социальную позицию, развиваться как профессионалы, активно участвовать в жизни общества, а не только семьи.

По шкале эмоционально-психотерапевтической у 70% женщин выявлены высокие показатели. Климат в семье является определяющим в отношениях, каждый член семьи должен поддерживать и сохранять благоприятную психологическую атмосферу, каждый из супругов может реализовывать роль «домашнего психолога». У 30% женщин выявлены средние значения. Мужчина должен играть роль «домашнего психолога», а женщина должна чувствовать себя в семье психологически комфортно.

По шкале внешней привлекательности у 50% женщин выявлены высокие показатели, они считают внешнюю привлекательность супругов важной составляющей благополучных отношений. У 50% женщин выявлены средние показатели, они должны быть привлекательными, следить за модой, а мужчинам это делать не обязательно.

Таким образом, у женщин благополучные супружеские отношения связаны с общностью интересов и ценностей партнеров, а также важной ролью и мужчины и женщины в поддержании и сохранении благоприятного эмоционального и психологического климата в семье.

Выводы

Человек находится в семье в течение всей своей жизни. Значимость семьи, ее сложная структура, многозначность, а также проблематичность приводят к тому, что появляются разные взгляды на проблему семьи, исследователи предлагают различные подходы к изучению се-

мьи, дают разные определения. Во всех исследованиях, в которых отмечается семья, она рассматривается как институт общества, как один их видов малых групп с различными взаимоотношениями.

Можно отметить, некоторые особенности, которые проявляются в семьях после рождения ребенка. Происходит процесс традиционализации семьи и семейных отношений. В семьях возрастает половой диморфизм, закрепляется четкая роль женщины. Семейные роли становятся более ригидными. В семьях начинает меняться режим труда и отдыха, сокращается время на развлечения и общения, увеличивается количество домашних дел. Напряженность в семье возрастает, возникает чувство повышенной тревожности и ответственности за семью (особенно у женщины). У супругов возрастает дефицит времени на себя, они перестают часто общаться друг с другом, в основном общение сводится к проблемам, связанным с жизнью и здоровьем ребенка. Если супруг не выполняет активной родительской функции, возникают конфликты.

Рождение первого ребенка приводит к появлению выраженных физических, нравственных и эмоциональных нагрузок, нарушается сон, ритм жизни, увеличиваются материальные нагрузки, взаимоотношения супругов начинают носить конфликтный и напряженный характер, возникают затруднения в распределении обязанностей. Женщина чувствует усталость и напряженность, мужчина не получает должного внимания, и оба испытывают ощущения ограничения свободы. В центре внимания теперь не отношения супругов, а сам ребенок, который требует поддержки и заботы со стороны родителей.

Анализ полученных в ходе исследования результатов позволил нам сделать некоторые выводы:

1. По методике PARI у мужчин выявлены следующие особенности:

– мужчины в отношении семейной роли ориентированы на родительский авторитет, чувствуют ответственность за семью, при этом испытывают ощущение самопожертвования;

– в отношении ребенка отмечен оптимальный эмоциональный контакт, мужчины считают важным общаться с ребенком на равных;

– у женщин выявлены признаки несамостоятельности, зависимости от других, супружеские взаимоотношения связывают с конфликтами, выражена значимость роли родительства на данный момент;

– в отношении ребенка выявлена ориентация на оптимальный эмоциональный контакт, для них важно равенство в отношениях, организация активной среды для развития ребенка.

Статистический анализ по методике PARI у мужчин и женщин выявил различия по шкале семейные роли и по шкале семейные конфликты. У женщин показатели по данным шкалам статистически выше, чем у мужчин. Женщины отмечают, что семейные отношения чаще реализуются в конфликтной форме. Конфликты возникают в различных сферах семейного взаимодействия, и чаще инициатива исходит от самих женщин. Тогда как мужчины не считают, что выполнение семейных ролей влечет за собой конфликты.

Статистических различий по шкалам отношения к ребенку выявлено не было. И мужчины, и женщины ориентированы на оптимальный эмоциональный контакт с ребенком, отмечают значимость непосредственного общения с ребенком, отмечают, что ребенок в семье должен иметь равные позиции с родителями, а родители должны создавать все условия для развития социальной активности ребенка, помогать ему в реализации собственных планов.

2. По методике РОП у мужчин вывялены следующие особенности:

– у мужчин представления о супружеских отношениях связаны с возможностью в браке реализовывать себя в социальном пространстве, быть успешным профессиональном;

– у женщин благополучные супружеские отношения связаны с общностью интересов и ценностей партнеров, а также важной ролью и мужчины, и женщины в поддержании и сохранении благоприятного эмоционального и психологического климата в семье.

Статистический анализ по методике РОП выявил некоторые различия в ролевых ожиданиях и притязаниях у мужчин и женщин. Для женщин статистически более значима эмоционально-психотерпевтическая сфера. Женщины считают, что и мужчины, и женщины должны создавать благоприятные психологические условия в семье, могут быть «домашними психологами». Тогда как мужчины считают, что эта роль должна лежать на женщине, именно она отвечает за благоприятный психологический климат.

Таким образом, можно отметить, что рождение ребенка приводит к серьезным изменениям в структуре и функционировании семьи. Данные эмпирических исследований, проводимых не только в Казахстане, но и в мире, показывают, что с каждым годом увеличивается количество разводов, особенно в тех семьях, где имеются

дети. Супруги должны научиться выполнять не только уже знакомые роли, но и осваивать новые роли, связанные с родительством. У супругов уменьшается свободное время, происходит переоценка профессиональных потребностей, усиливаются полоролевые стереотипы. Все это, в конечном счете, отражается на взаимоотношениях супругов. Результаты, полученные в работе, могут быть полезны в рамках чтения курса по психологии семьи и брака, а также для организации практической работы с семьями, в период появления первого ребенка.

Полученные результаты подтверждают теоретические изыскания о том, что изменения в одной подсистеме семьи влекут за собой трансформацию всей системы.

Литература

Алешина Ю.Е. Индивидуальное и семейное консультирование. – М.: Независимая фирма «Класс», 2004. – 208 с.

Андреева Т.В. Социальная психология семейных отношений. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – 244 с.

Андреева Т.В., Толстова А.В. Темперамент супругов и совместимость в браке // Ананьевские чтения-2001. Тез. научн. конф. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 207-208.

Бароян О.Л., Кабакова М.П. Рождение первого ребенка в семье как фактор изменения супружеских отношений // Материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых «Фараби алеми». Том 2. – Алматы, 2017. – С. 101-104.

Голод С. И. Стабильность семьи: социальный и демографический аспекты. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. – 136 с.

Гроздова Е.В., Лидерс А.Г. Комплементарность супругов и удовлетворенность браком // Семейная психология и семейная терапия. – 1997. – №2. – С.40-55.

Kabakova M.P. Psychological aspects of marital relationships stabilization: monograph. – Almaty: Kazakh university, 2018. – 192 p.

Кабакова М.П. Психологические аспекты стабилизации супружеских отношений: монография. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 190 с.

Кабакова М.П. Психологические особенности казахской семьи: монография. – Алматы: Қазақ университеті, 2018. – 288 с.

Кабакова М.П. Психология семьи и брака: учебное пособие. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 211 с.

Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с.

Николс М., Шварц Р. Семейная терапия. Концепция и методы. – М.: ЭКСМО, 2004. – 960 с.

Обозов Н.Н. Межличностные отношения. – Л.: ЛГУ, 2008. – 238 с.

Обозова А.Н. Психологические проблемы службы семьи и брака // Вопросы психологии. – 1984. – № 3. – С.104– 110.

Обозов Н.Н., Обозова А.Н. Три подхода к исследованию психологической совместимости // Вопросы психологии. – 1981. – № 6. – С.98-101.

Петрушин С.В. Любовь и другие человеческие отношения. – СПб.: Речь, 2006. – 144 с.

Сатир В. Вы и ваша семья: руководство по личностному росту. – М.: Апрель Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 320 с.

Трапезникова Т. М. Определение согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре // Практикум по общей экспериментальной и прикладной психологии. – СПб.: Питер-Пресс, 2000. – С. 486-496.

Трапезникова Т.М. Психологические аспекты семейных отношений // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.6, Философия, политология, социология, психология, право. – 1992. – Вып. 2. – С. 106-111.

References

Aleshina Yu.E. (2004) Individualnoe i semeinoe konsultirovanie [Individual and family counseling]. – Moscow: Independent firm “Class”, 208 p.

Andreeva T.V. (1998) Socialnaya psihologiya semeinih otnoshenii [Social psychology of family relationships]. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. – 244 p.

Andreeva T.V._ Tolstova A.V. (2001) Temperament suprugov i sovmestimost v brake [Spouse temperament and marriage compatibility]. Ananiev readings-2001. - St. Petersburg: St. Petersburg State University. – 207-208 pp.

Baroyan O.L., Kabakova M.P. (2017)Rojdenie pervogo rebenka v seme kak faktor izmeneniya suprujeskih otnoshenii [Birth of the first child in the family as a factor in changing marital relations]. Materials of the international scientific conference of students and young scientists “Farabi Alemi”. – Almati, Vol. 2, pp. 101-104.

Golod S. I. (1984) Stabilnost semi: socialnii i demograficheskii aspekti [Family Stability: Social and demographic aspects]. – L .: Science, 136 p.

Grozdova E.V., Liders A.G. (1997) Komplementarnost suprugov i udovletvorennost brakom [Spouse complementarity and marriage satisfaction]. Family psychology and family therapy, No. 2, pp. 40-55.

Kabakova M.P. (2018) Psychological aspects of marital relationships stabilization: monograph. Almaty: Kazakh university, 192 p.

Kabakova M.P. (2015) Psihologicheskie aspekti stabilizacii suprujeskih otnoshenii: monografiya [Psychological aspects of stabilization of marital relations: monograph]. – Almaty: Kazakh University, 2015, 190 p.

Kabakova M.P. Psihologicheskie osobennosti kazahskoĭ semi: monografiya [Psychological features of the kazakh family: monograph]. – Almaty: Kazakh University, 288 p.

Kabakova M.P. (2014) Psihologiya semi i braka: uchebnoe posobie [The psychology of family and marriage: a study guide]. – Almaty: Kazakh University, 211 p.

Karelin A. (2007) Bolshaya enciklopediya psihologicheskih testov [Big encyclopedia of psychological tests]. Moscow: Eksmo, 416 p.

Nikols M., Shvarc R. (2004) Semeinaya terapiya. Koncepciya i metodi [Family therapy. Concept and methods]. Moscow: EKSMO, 960 p.

Obozov N.N. (2008) Mejlichnostnie otnosheniya [Interpersonal relationships]. Leningrad: LSU, 238 p.

Obozova A.N. (1984) Psihologicheskie problemi slujbi semi i braka [Psychological problems of family and marriage services]. Psychology Issues, no 3, pp.104-110.

Obozov N.N., Obozova A.N. (1981) Tri podhoda k issledovaniyu psihologicheskoi sovmestimosti [Three approaches to the study of psychological compatibility]. Psychology Issues, no 6, pp. 98-101.

Petrushin S.V. (2006) Lyubov i drugie chelovecheskie otnosheniya [Love and other human relationships]. St. Petersburg: Speech, 144 p.

Satir V. (2000) Vi i vasha semya_ rukovodstvo po lichnostnomu rostu [You and your Family: A guide to personal growth]. Moscow: April Press: EKSMO-Press, 320 p.

Trapeznikova T. M. (2000) Opredelenie soglasovannosti semeinih cennostei i rolevih ustanovok v suprujeskoi pare. Praktikum po obschei eksperimentalnoi i prikladnoi psihologii [Determining the consistency of family values and role settings in a married couple]. St. Petersburg: Peter-Press, pp. 486-496.

Trapeznikova T.M. (1992) Psihologicheskie aspekti semeinih otnoshenii [Psychological aspects of family relations]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser.6. Filosofiya, politologiya, sociologiya, psihologiya, pravo. Vip.2, pp.106-111.

Статья приурочена к юбилею Кабаковой Майры Победовны, которой 1 мая исполнилось 50 лет. Майра Победовна является одним из ведущих ученых, занимающихся проблемой семьи и брака в Казахстане. Труды данного автора и предложенная ею концептуальная схема анализа семьи с позиции системно-деятельного подхода стали основой исследовательского поиска и позволили рассмотреть супружеские отношения и семью как совокупный субъект совместной жизнедеятельности и сложную социально-психологическую систему.

IRSTI 15.81.61 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.09

A.R. Kupeyev , O. Kh. Aimaganbetova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: ayan.kupeev@gmail.com, e-mail: alnara25@mail.ru

RESEARCH OF THE QUALITY OF LIFE AND STRESS LEVEL OF PEOPLE WITH HEMOPHILIA IN KAZAKHSTAN

This article is devoted to the study of quality of life and stress levels in patients diagnosed with hemophilia. Hemophilia is a hereditary disease characterized by a sharp decrease in blood coagulation ability due to the low level of factor 8 or factor 9 in the blood, which manifests itself in the first months or years of life in the form of external bleeding and internal hemorrhage. Early disability, physical disabilities limit the adaptation of hemophilia patients in all age groups. Constant fear, anxiety, uncertainty in the future change the structure of the individual. The hallmarks of patients with hemophilia are the presence of an increased level of personal anxiety, depression, low self-esteem, low social activity. The purpose of the study is to study the features of quality of life and the level of stress resistance in patients with hemophilia. The scientific novelty lies in the fact that for the first time in Kazakhstan, the study of the psychological characteristics of patients with hemophilia was carried out, in particular the degree of quality of life and the level of stress. As a result, the quality of life of patients with hemophilia was revealed in such areas as physical and psychological well-being, self-perception, microsocial support, social well-being, as well as subjective self-assessment of their quality of life and their health.

Key words: hemophilia, hemophilia patients, coping behavior, stress, quality of life, stress tolerance, resilience.

А.Р. Купеев, О.Х. Аймаганбетова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: ayan.kupeev@gmail.com, alnara25@mail.ru

Қазақстандағы гемофилияға шалдыққан адамдардың стресс деңгейі мен өмір сапасын зерттеу

Бұл мақала гемофилия диагнозы бар емделушілердің стресс деңгейі мен өмір сапасын зерттеуге арналған. Гемофилия - қанда 8 фактор немесе фактор 9 деңгейі аздығынан қан ұюының күрт төмендеуімен сипатталатын және адам өмірінің алғашқы айларынан немесе жылдарынан сыртқы қан ағуы мен ішкі қан ағулармен көрініс табатын тұқым қуалайтын ауру. Ерте жастағы мүгедектік, физикалық кемістіктер гемофилия ауруына шалдыққандардың бейімделуін үнемі шектейді. Тұрақты қорқыныш, үрей, болашақтағы сенімсіздік тұлға құрылымын өзгертеді. Гемофилияға шалдыққан емделушілердің ерекше белгілері, жеке тұлғаның үрейленуі, депрессия деңгейінің жоғары болуы, өзін-өзі төмен бағалауы, төмен әлеуметтік белсенділік болып табылады.

Түйін сөздер: гемофилия, гемофилия диагнозы бар емделушілер, копинг-жүріс-тұрысы, стресске төзімділік, стресс, өмір сапасы, резильенттілік.

А.Р. Купеев, О.Х. Аймаганбетова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: ayan.kupeev@gmail.com, e-mail: alnara25@mail.ru

Исследование качества жизни и уровня стресса у лиц с гемофилией в Казахстане

Данная статья посвящена изучению исследований качества жизни и уровня стресса у пациентов с диагнозом гемофилия. Гемофилия – это наследственное заболевание, характеризующееся резким снижением способности крови к свертыванию в силу низкого уровня 8 фактора или фактора 9 в крови, проявляющееся в первые месяцы или годы жизни в виде наружных кровотечений и внутренних кровоизлияний. Ранняя инвалидизация, физические недостатки ограничивают адаптацию больных гемофилией во всех возрастных группах. Постоянный страх, тревога, неуверенность в будущем изменяют структуру личности. Вследствие этого, отличительными признаками пациентов с гемофилией являются наличие повышенного уровня

 © 2020 Al-Farabi Kazakh National University

личностной тревожности, депрессии, низкая самооценка, низкая социальная активность. Цель данного исследования – изучение особенностей качества жизни и уровня стрессоустойчивости у пациентов с гемофилией. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в Казахстане проводилось изучение психологических особенностей у пациентов с гемофилией. В результате были выявлены качество жизни пациентов с гемофилией по таким сферам, как физическое и психологическое благополучие, самовосприятие, микросоциальная поддержка, социальное благополучие, а также субъективная самооценка своего качества жизни и своего здоровья.

Ключевые слова: гемофилия, пациенты с гемофилией, копинг-поведение, стресс, качество жизни, стрессоустойчивость, резильентность.

Introduction

Currently, there is a tendency of revaluation of value orientations and beliefs, corresponding to the new social reality in Kazakhstan. At the same time, Kazakhstan also faced socio-economic, organizational and medical problems, in which changes in coping behavior, resilience and resistance to stress were the most important difficulties for people with hemophilia. Since, in addition to general difficulties, limitations are imposed due to the characteristics of the disease. Social factors that caused various changes in the structure of coping behavior, resilience and resistance to stress, primarily affected persons with hemophilia susceptible to social and domestic changes. Coping –strategies, resilience and stress resistance of people with hemophilia are the first to undergo changes caused by changes in society and the current status of hemophilia disease. In this regard, the problem of studying the resilience and stress tolerance, in revealing the psychological aspects of the formation, development, transformation, refraction of the socio-psychological characteristics of people with hemophilia, is of particular relevance. Hemophilia is a hereditary disease characterized by a sharp decrease in the ability of blood to clot due to the low level of factor 8 in the blood, manifested in the first months or years of life in the form of external bleeding and internal hemorrhages (Guidelines, 2012:7). In most cases, it has a severe course and is accompanied by frequent relapses. Early disability, physical defects limit the adaptation of patients with hemophilia in all age groups. Constant fear, anxiety, uncertainty in the future change the personality structure, its reactivity, and worsen the adaptation of patients with hemophilia sometimes contribute to the emergence of mental disorders. Russian studies interested us because they have a similar socio-economic situation. Western countries studies differed in their research on adults with hemophilia, the presence of longitudinal studies. In the scientific literature there are studies of the medical aspects of persons with hemophilia, but at the same time, the problem of the psychological characteristics of patients with hemophilia in Kazakhstan has not been studied to date.

Main part

Any chronic disease limits the patient's social adaptation in all age periods, primarily due to a violation of the personality-environment interaction and changes in the system of personality relations in connection with the disease. Despite the formal provision of drugs for the treatment of persons with hemophilia, there is no timely provision of them, there is no socio-psychological support for such persons, which violates the holistic approach to the general support of individuals in Kazakhstan. Nor were scientific studies conducted on the socio-psychological conditions and characteristics of persons with hemophilia. In Kazakhstan, about one and half thousand patients suffer from various forms of hemophilia.

Ryabov V.I. studied 35 children with hemophilia, all boys, aged from 9 years to 15 years. And he obtained the following results:

1. Psychological features of people with hemophilia consist in emotional instability of 78.6% of patients with a high proportion of extrovert orientation / 43.8% of people with hemophilia patients, with introverted orientation- 38.6.

2. For patients with hemophilia, there is a high level of personal anxiety, including high of anxiety -56.12%, and a lack of low personal anxiety.

3. Response to the disease of children suffering from hemophilia. The most frequent response types are anxious -13.6 and ergopathic type of responce-10,6% . The high occurrence of anxiety-neurasthenic (20%) and anxiety-hypochondriac (16%) types was revealed, which indicates the personal maladjustment of hemophilia patients (Ryabov ,1993:16).

The research of the personality characteristics of patients with hemophilia showed that the duration of the disease and the appearance of a complication (hemophilic hemorrhages) naturally changed the personality attitude of the disease in most patients. In

56.1% of children in the process of the disease, there appeared a feeling of inferiority, irritability due to the presence of visible physical defects. Strengthening the concerns of patients with regard to their disease and the future, along with the emergence of a more adequate attitude to the disease, is characteristic of puberty with its high demands on its physical condition and appearance (80.0% of patients). The study of the internal picture of the disease in patients with hemophilia, in particular their response to the disease, showed a heterogeneous relationship to the disease in children and adolescents. Along with a harmonious attitude towards the disease, the leading ones turned out to be "disturbing" (37.9% of patients) and "neurasthenic" (21.2% of patients) variants, manifested by increased anxiety, emotional lability and excessive mood swings (Bagaev , 2002:33).

Nalesnaya I.M. conducted research of adolescents with hemophilia and came to specific results. 1. Due to the lack of close relationships of trust with significant adults. Adolescents with hemophilia have unsatisfied family situation in general. In the perception of adolescents, these groups have the status of hostile and autonomous, which is reflected in the implementation of authoritative style in terms of decision making and the lowest level of encouragement of autonomy of teenager.

2. For teenagers with diagnosis of hemophilia, emotionally negative attitudes toward peers are characteristic, as well as in extreme cases, the absence of friendships. In the group of healthy adolescents, there is identification with the rollers of informal groups. Thus, "hemophilia" hampers the process of developing relations between men and women, and also hampers the process of development of relations and cooperation with peers, which are characterized by the absence of identifications with the roles of reference micro-level groups.

3. For adolescents with diagnosis of hemophilia, there is a lack of time perspectives, uncertainty and continuity of ideas about the future, the subjective significance of the past and, at the same time, negative attitude towards it. In this regard, the future is subjectively important, the presence of specific goals.

4. Adolescents with diagnosis of hemophilia have lower self-esteem on the happiness scale compared with their healthy peers associated with the disease, experiencing their illness. Characteristically high differences between real and ideal self-esteem.

5. Adolescents with diagnosis of hemophilia have a low level of reflection, unattainable lifestyle, and discrepancy between the feelings of adult, other people, and slower development of self-consciousness compared to healthy peers. Lack of causal relationships with adults, the absence of any projections in the future, underdevelopment of personal reflections, undifferentiated lifestyle, lack of identification with the roles of reference micro-level groups, propensity to insults caused by the need to acquire identity - the central task of adolescence.

6. The solution of some problems for children with diagnosis of hemophilia requires a later time (for example, release from parental care), difficult in terms of resources to solve them (the process of acquiring identity) (Nalesnaya 2009:23).

In DuTreil S. opinion, social problems associated with employment, disability and absences in the workplace also negatively affect the patient's perception of self-respect and self-esteem. Low self-esteem correlates with depression, anxiety, and low social expectations; hemophilia patients have lower self-esteem than healthy people. In addition to these problems, patients with inhibitors may experience bleeding that cannot be stopped, and embarrassment that they cannot compete with other men in sports, in personal relationships and in physical appearance. The appearance of an inhibitor to factor 8/9 is considered the most serious complication associated with the treatment of hemophilia because inhibitors inhibit medication treatment. The QoL study included 50 patients with hemophilia and 78 healthy adults. Patients with inhibitors experience depression, social isolation, fatigue, loss of interest, and irritability, and depression worsens health. DuTreil S. offers a list of measures to improve the psychological state of patients with inhibitors: referral to psychological counseling, using the strategy of strong qualities, cognitive-behavioral method, encouraging new social contacts and openness, communication with family and medical workers, meditation (DuTreil 2014:118).

Abroad in western countries, where high levels of medicine and social assistance may cause negative psychological signs, such as feelings of depression and frustration associated with the limitations and pain caused by illness in everyday life. But such phenomena are are and do not have a common tendency (Laura Palareti, Silvia Pot, Frederica Cassisì & Francesca Emiliani 2015).

In Kazakhstan, quality of life research in medicine was used, but questionnaires adapted for medicine were used – PedsQL (Brimzhanova 2017). There are different definitions of resilience, but we take the definition of the American Psychological Association, which defines sustainability and a process of good adaptation in the face of disasters, injuries, tragedies, threats and sources of stress

(Southwick, S. M., Bonanno, G. A., Masten, A. S., Panter-Brick, C., & Yehuda, R. 2014).

Stress tolerance is resistance to stress without undesirable and irrational changes (Bengt Schager 2009:3). The problem of stress and socio-psychological assistance in stressful situations requires an integrated approach, precisely from the standpoint of a new area of scientific knowledge - "stress medicine" (Reshke , Schröder 2010 , Khaurand, S,Ulrikh, G., Veniger, M. 2015). The use of the theory of steps of destabilization by Schreder is a conceptually sound and relevant practice of the basis for the regulation of behavior, including patients with hemophilia (Shredder 2016).

The theoretical significance of the study is that a socio-psychological research of patients with hemophilia in Kazakhstan will be conducted for the first time. Based on the results obtained, approaches to the socio-psychological support of people with hemophilia in Kazakhstan, including socio-psychological correction, can be developed. It is necessary to open special hematological centers. It is important to ensure psychosocial support for patient care and well-being hemophilia patient (and their families) into the hematology center. It is important that in developed countries there are hematological centers with the position of a social worker or a psychologist (Massimo, Gary , Jiménez-Yuste, Rolf Ljung , Pier Mannuccio, Gianluigi, Eduardo & Silva 2015), (Masoume Rambod, Farkhondeh Sharif, Zahra Molazem, Kate Khair & Sylvia von Mackensen 2018).

Moreover, there are perennial studies abroad that emphasize the effectiveness of social and psychological intervention in patients with hemophilia. Good social and psychological support for people with hemophilia is effective even with the presence of concomitant diseases associated with HIV, hepatitis C. Research in Germany shows good adaptation of people with hemophilia, professional employment, social activity, orientation to the future, positive family relations. Psychotherapeutic influence have a positive effect on medical indicators (Alexandra Stefanie 2017:98).

The effectiveness of the socio-psychological correction was noted in countries where there is no high level of medical care, but there is socio-psychological support for patients with hemophilia. (Frederica Cassis 2007). Socio-psychological support, we understand is social and psychological assistance, including assistance in finding a job, helping choose of future profession, motivating social activity, supporting extensive interpersonal contacts, etc.

Materials and Methods

16 adult patients with hemophilia in Kazakhstan were interviewed in May 2020, all males were from 23 to 41 years old. The World health organization quality of life (WHOQOL) – BREF and the Leipzig Express Chronic Stress Test , consisting of 7 statements and 4 answer choices were used. The study was conducted using the Googleforms application, the Whatsup individual and specialized group mailing list for people with hemophilia. Also included were several points for collecting socio-anamnestic information in patients with hemophilia. The control group of subjects consisted of 9 adult men from 23 to 42 years old.

Results

All respondents in their place of residence have healthcare organizations - a clinic and (or) a hospital. Patients with hemophilia were hard of hemophilia level 14 people, or with light hemophilia-2, with a moderate degree were absent. Most (87.5 percent-14 people) of people with hemophilia live in the city, the rest in villages. By marital status, the majority are married — 13 people, or 81.2%, and single people — 3 or 18.8%. Of those with hemophilia, only one is without a disability group, the rest are with disabilities: 1 has a first group, 7 people with a second group and 7 people with a third group. Generalized social data for people with hemophilia are presented in table 1.

Table 1 – Social data of people with hemophilia

	marital status		social status		type of settlement		severity of hemophilia			disability group			
	married	single	worker	unemployed	city	village	hard	meddle	light	1	2	3	abcent
numbers	13	3	12	4	14	2	14	0	2	1	7	7	1
percents	81,2	18,8	75	25	87,5	12,5	87,5	0	12,5	6	44	44	6

43.8% of respondents – 7 people rated their quality of life of patients with hemophilia as good, 1 person rated it as bad, and half of the respondents (8 people) were not determined in assessing their quality of life. At the same time, 4 people or 25%, a patient with hemophilia rated their health as poor, 2 people or 12.5% rated it as good, more than half of patients with hemophilia did not determine their health assessment, namely 10 people or 62.5% . The interpretation of the quality of life questionnaire in 4 areas was as follows: Physical and psychological well-being-18.38;

Self-perception-17.25; Microsocial support-11, Social well-being-24.6875. In the control group of "healthy" subjects there were 9 adult men, from 23 to 42 years old. Also, most of them live in the city -77.8%, all have access to a medical organization. Only 1 person noted a chronic disease, no one has a disability group, 77.8% -7 people work. 6 of them were single 66.7%, and married 3 people, 33.3%. According to the Leipzig rapid test for detecting chronic stress, the level of stress in patients with hemophilia is higher than in the control group of healthy subjects.

Conclusion

The revealed results and the set of methods performed are intermediate studies as a pilot study. In the future, it is planned to increase the number of studied and the inclusion of used techniques for resilience, stress resistance and copying strategies. While maintaining the identified trends in patients with hemophilia, corrective socio-psychological programs can be introduced to improve the quality of life. It is necessary to open special hematological centers, where complex intervention for hemophilia patients, both medical services, social and psychological services, would be carried out. It is necessary to implement a hematological center in the position of a social worker or psychologist. The inclusion of psychological services in multidisciplinary teams can improve the psychosocial health of patients and their results.

References

Alexandra S.S. (2017). Hämophilie, HIV, HCV: Eine retrospektive Verlaufsuntersuchung (1985 bis 2010) medizinischer und psychosozialer Parameter. Starnberg, 118 p.

Bagaev V. I. (2002) Psikhicheskie rasstroystva u bol'nykh gemofiliey (kliniko - psikhologicheskie i reabilitatsionnye aspekty) [Mental disorders in patients with hemophilia (clinical, psychological and rehabilitation aspects) Dissertation abstract, Moscow, 40 p.

Bengt S. (2009) Stress and human functioning. Sweden , February, 8 p

Brimzhanova M. Kh. Kachestvo jizni detey s vrojdennyimi porokami razvitiya [Quality of life of children with congenital malformations], Dissertation abstract, Almaty, 2017.

Frederica R.M.Y. Cassis (2007) Psychosocial Care for People with Hemophilia. Brazilia. 2007.-1

Guidelines for the management of hemophilia. (2012) 2nd edition. Prepared by the treatment Guidelines Working Group, on behalf of the World Federation of Hemophilia (WFH). Montréal, Canada, 80 p.

DuTreil S. (2014). Physical and psychosocial challenges in adult hemophilia patients with inhibitors. //Journal of blood medicine, 5, pp 115–122.

Khaurand, S,Ulrikh, G., Veniger, M. (2015) Stressmedizin. Medizinisch Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft. Berlin, 300 p.

Laura P., Silvia P., Frederica C., Francesca E.. (2015) Shared topics on the experience of people with haemophilia living in the UK and the USA and the influence of individual and contextual variables: Results from the HERO qualitative study. //International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being

Masoume R., Farkhondeh S., Zahra M., Kate K., and Sylvia von Mackensen (2018) Health-Related Quality of Life and Psychological Aspects of Adults With Hemophilia in Iran Journal of Clinical and Applied Thrombosis/Hemostasis

Massimo M. , Gary B., Victor J., Rolf Ljung , Pier MюM. , Gianluigi P., Eduardo R., Silva Z. Š. (2015) Tailoring care to haemophilia patients' needs: which specialty and when? Meeting report, Italy, 7 p.

Nalesnaya I.M. (2009) Reshenie zadach razvitiya podrostkami v usloviyakh tyazhelogo khronicheskogo somaticheskogo zabolevaniya (gemofilii) [Solving developmental problems in adolescents in conditions of severe chronic somatic illness (hemophilia)] Moscow, 160 p.

Ryabov V. I. (1993) Lichnostnye osobennosti detey, stradayushchikh gemofiliey [Personal characteristics of children with hemophilia]. Abstract of dissertation. St. Petersburg, 17 p.

Reschke, K., Schröder, H. (2016) Der Leipziger Kurzfragebogen Chronischer Stress (LKCS). Verhaltenstherapie und psychosoziale Praxis. 48 (3), P. 621–642

Shredder N. (2016) Das Stresskonzept – in Theorie und Praxis moderner denn je. Verhaltenstherapie und psychosoziale Praxis, 48 (3), P. 539–551.

Southwick, S. M., Bonanno, G. A., Masten, A. S., Panter-Brick, C., & Yehuda, R. (2014) Resilience definitions, theory, and challenges: interdisciplinary perspectives. //European journal of psychotraumatology.

2-бөлім

СОЦИОЛОГИЯ

Раздел 2

СОЦИОЛОГИЯ

Section 2

SOCIOLOGY

МРНТИ 04.21.81 https://DOI.ORG/10.26577/JPSS.2020.V73.I2.10

Г.С. Абдирайымова , Д.К. Бурханова , Н.Тулебаев

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: gulmira.abdiraiymova@kaznu.kz;
e-mail: dana.burkhanova@gmail.com; e-mail: nu.tulebayev@gmail.com

ЗНАЧЕНИЕ И УСИЛЕНИЕ ИМИДЖА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ

Статья посвящена анализу понимания обществом профессии социальной работы, а также определению факторов, влияющих на формирование и поддержание имиджа социальных работников, в том числе факторов профессиональных различий, само-стигматизации и индифферентности.

В статье представлены результаты количественного исследования проведенного Центром социологических исследований и социального инжиниринга КазНУ им. аль-Фараби в марте 2019 года среди населения крупного мегаполиса (г.Алматы). Исследование было сфокусировано на исследовании имиджа социальной работы как одного из новых профессиональных видов деятельности среди широкой общественности, осведомленности о фокусе и специфике социальной работы, а также на анализе имеющегося имиджа, утверждений и стереотипов.

Помимо структурных проблем, преобладающих в силу естественного и исторического становления социальной работы, существуют и внутренние ограничительные барьеры в развитии социальной работы в Казахстане. Авторы делают вывод о том, что в настоящее время к современными вызовам, стоящим перед социальной работой, относятся низкая осведомленность общественности о ее специфике, отсутствие профессиональных различий и разграничений, а также трудности, связанные с процессом ее статусной детерминации и профессионализации. Принимая во внимание тот факт, что общественное понимание разнообразия ролей и социальных услуг не развито в достаточной степени.

Ключевые слова: социальная работа, профессия, индифферентность, само-стигматизация, восприятие, социальные работники.

G.S. Abdiraiymova, D.K. Burkhanova, N.N. Tulebayev

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: gulmira.abdiraiymova@kaznu.kz, e-mail: dana.burkhanova@gmail.com, e-mail: nu.tulebayev@gmail.com

Significance and strengthening of the image of social work in the public perception

The article is devoted to the analysis of society's understanding of the profession of social work, as well as the identification of factors that influence the formation and maintenance of the image of social workers, including factors of professional differences, self-stigmatization and indifference.

The article presents the results of a quantitative study conducted by the Center for sociological research and social engineering of al-Farabi Kazakh National University in March 2019 among the population of a large metropolis (Almaty). The research focused on the study of the image of social work as one of the new professional activities among the public, awareness of the focus and specifics of social work, as well as the analysis of existing images, statements and stereotypes.

In addition to the structural problems that prevail due to the natural and historical development of social work, there are also internal restrictive barriers to the development of social work in Kazakhstan. The authors conclude that the current challenges facing social work include low public awareness of its specifics, lack of professional differentiation, as well as difficulties associated with the process of its status determination and professionalization. Taking into account the fact that the public understanding of the diversity of roles and social services is not sufficiently developed.

Key words: social work, profession, indifference, self-stigmatization, perception, social workers.

 © 2020 Al-Farabi Kazakh National University

Г.С. Абдирайымова, Д.К. Бурханова, Н.Тулебаев
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: gulmira.abdiraiymova@kaznu.kz, e-mail: dana.burkhanova@gmail.com, e-mail: nu.tulebayev@gmail.com,

Қоғамның қабылдауындағы әлеуметтік жұмыс имиджінің мәні мен маңызын арттыру

Мақала қоғамның әлеуметтік жұмыс мамандығын түсінуін талдауға арналған, сондай-ақ әлеуметтік қызметкерлердің имиджін қалыптастыруға және қолдауға әсер ететін факторларды, оның ішінде кәсіби айырмашылық факторларын, өзін-өзі стигматизациялау мен индифференттілікті анықтайды.

Мақалада әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-дың 2019 жылы әлеуметтік зерттеулер және әлеуметтік инжиниринг орталығы ірі мегаполис (Алматы қ.) халқы арасында жүргізген сандық зерттеудің нәтижелері берілген.

Зерттеу жалпы қоғамдағы жаңа кәсіби қызмет түрлерінің бірі ретінде әлеуметтік жұмыстың имиджін анықтауға, әлеуметтік жұмыстың фокусы мен ерекшелігі туралы хабардар болуға, сондай-ақ имидждік тұжырымдарға және стереотиптерге талдау жасауға бағытталған.

Әлеуметтік жұмыстың табиғи және тарихи қалыптасуына байланысты құрылымдық проблемалардан басқа, Қазақстандағы әлеуметтік жұмыстың дамуындағы ішкі шектеу кедергілері де бар. Авторлар қазіргі уақытта әлеуметтік жұмыстың алдында тұрған қазіргі заманғы сынқатерлерге қоғамдық рөлдер мен әлеуметтік қызметтердің алуан түрлілігін қоғамдық түсіну жеткілікті дәрежеде дамымағанын назарға ала отырып, әлеуметтік жұмыстың ерекшелігін толық түсінбеуі, кәсіби айырмашылықтар мен шектеулердің болмауын, сондай-ақ оның статустық детерминациясы мен кәсіби үдеріске байланысты қиындықтар жатады деген қорытынды жасайды.

Түйін сөздер: әлеуметтік жұмыс, мамандық, индифференттік, өзін-өзі көрсету, қабылдау, әлеуметтік қызметкерлер.

Введение

Социальная работа является относительно молодой профессией в Казахстане и получает все более активное развитие в последние годы. В многочисленных исследованиях общественного восприятия социальная работа представляется как сфера деятельности, не обладающая четкими границами и явными отличительными чертами, так как это профессия носит междисциплинарный характер и имеет широкий профиль оказываемых услуг. Социальная работа в казахстанском обществе в силу своей специфики перекликается со смежными профессиями психолога и социального педагога, однако, несмотря на наличие областей соприкосновения, стоит отметить, что это разные сферы деятельности как в клинической практике, так и в науке. Учитывая эти факторы, достаточно сложно сформировать точное представление о фокусе профессии социальной работы.

Сегодня становится очевидным, что профессия социальной работы в Казахстане, несмотря на интенсивность своего развития, сталкивается с определенными трудностями, связанными с процессом статусной профессионализации. Помимо структурных проблем, существующих в силу естественного и исторического развития социальной работы, как социальная солидарность и сохранение традиций поддержки, существуют ограничительные барьеры в развитии социальной работы именно в контексте казахстанского общества. Одним из таких барьеров является низкий уровень осведомленности, отсутствие доступной информации о социальной работе и ее возможностях, а также сформировавшийся в казахстанском обществе несколько негативный образ социального работника.

Трансформирование статуса и образа общественного восприятия социальной работы должно начинаться с четкого понимания и определения ее роли и миссии (Corvo et al., 2003), так как деятельность социальных работников включает «прямую практику с клиентами, организацию сообщества, надзор, консультативное управление, информационно-пропагандистские, социальные и политические действия, разработку и осуществление политики, образование, исследования и оценку» (NASW, 2008).

Австралийская ассоциация социальных работников (AASW) в настоящее время придерживается следующего определения социальной работы, совместно принятого и одобренного Международной федерацией социальных работников (IFSW) и Международной ассоциацией школы социальной работы (IASSW): «социальная работа, основанная на практике, профессия и академическая дисциплина, которая способ-

ствует социальным изменениям и развитию, социальной сплоченности, расширению возможностей и освобождению людей. Центральными в социальной работе являются принципы социальной справедливости, прав человека, коллективной ответственности и уважения разнообразия» (IASSW, 2014)

Одно из определений социальной работы связано также с принципами социальной справедливости, соблюдения прав человека, коллективной ответственности и уважения разнообразия, которые являются центральными убеждениями для социальной работы. «Опираясь на теории социальной работы, общественных наук, социальная работа фокусируется на решении жизненных проблем и повышении благосостояния, способствуя тем самым общественным изменениям и развитию» (European Association of School of Social workers, 2018).

В период профессиональной институционализации проводились многочисленные исследования с целью изучения тенденций общественного восприятия и отношения к социальным работникам и социальной работе как профессии. Определенная часть исследований также включала сравнение статуса профессии социального работника с другими смежными профессиями. Проведенные кейсы выявили определенное негативное отношение к социальным работникам и в целом к их деятельности. Впоследствии это привело к масштабной работе над общественным имиджем профессии на уровне общества и государства. В рассматриваемом аспекте важным становится исследование общественного представления и понимания людей о социальной работе и социальных работниках в Казахстане; факторов формирования и поддержания данного представления и имиджа социального работника, включая демографические, связанных с выявлением зависимости отдельных параметров общественного восприятия от возрастно-половой структуры социальных работников в целом. Все более значимым становится усиление имиджа и восприятия обществом статуса социальной работы, поскольку именно общественность является основным потребителем услуг, оказываемых социальными работниками.

Обзор литературы

Одно из исследований, направленных на понимание и изучение степени осведомленности общества о социальной работе, отношения людей к данной профессии и специалистам, было проведено ученым Конди в 1978 году, в котором приняло участие 250 собственников домов в четырех различных штатах США. Результаты исследования показали, что по сравнению с первой волной подобных исследований, проведенных в 50-х годах, процесс осведомленности о социальной работе значительно вырос. Респонденты среди прочих функций социального работника отмечали роль социальных работников в защите прав детей и в семейном консультировании. Полученные данные свидетельствуют о том, что именно в эти годы осведомленность американской общественности о спектре ролей социальных работников была весьма ограничена, несмотря на то, что эти показатели и улучшились по сравнению с данными 50-х годов (Condie et al., 1978). Тем не менее, социальным работникам, по-прежнему, ошибочно приписывали роли и функции, которые не входят в круг их профессиональных компетенций. Кроме того, социальная работа была воспринята как одна из наименее престижных профессий в сфере социальных услуг. Так, большинство респондентов (около 90%) высказали сомнения по поводу обращения к социальным работникам с личными проблемами.

Одной из целей исследования, проведенного в Австралии, являлось изучение отношения общественности к социальным работникам в сравнении с психологами, психиатрами и профессиональными консультантами. В исследовании приняли участие 502 респондента в возрасте от 14 до 79 лет, среди которых 202 женщины и 300 мужчин, репрезентирующие профессиональные категории Австралийского общества. Данные исследования показали, что австралийцы дифференцируют четыре профессии, направленные на оказание различных услуг населению на две подгруппы: (1) психологи и психиатры как дорогостоящие высококвалифицированные специалисты, изучающие поведение и мысли человека, и (2) социальные работники и консультанты как общественно-полезные, бесплатные специалисты, не требующие высокой профессиональной квалификации, оказывающие помощь среднестатистическому человеку в решении эмоциональных и жизненных трудностей. Также, социальная работа определяется как низкооплачиваемая профессиональная деятельность, не имеющая значительной поддержки государства и занимающая большое количество нерабочего времени. Несмотря на то, что респонденты подчеркивали важность и пользу социальной работы для общества, а также эффективность деятельности

социальных работников, среди недостатков данной профессии были названы чрезмерная загруженность, недостаток профессиональных знаний и квалификаций, неопределенность роли и функциональных обязанностей (Sharpley, 1986).

В 2004 году в США ученые ЛеКрой и Стинсон провели исследование путем случайного телефонного опроса, в котором приняло участие 386 респондентов. Участникам исследования были заданы вопросы об их отношении к социальной работе и социальным работникам, где 60% респондентов отметили в целом положительное восприятие профессии социальной работы и самих социальных работников. Также, в данном исследовании профессия социального работника сравнивалась с другими профессиями сферы социальных услуг – психиатрами, психологами, консультантами, медсестрами и также представителями духовенства. По результатам телефонного опроса, 91% респондентов акцентировали внимание на роли социальных работников в защите прав детей. Несмотря на то, что по данным исследования 2004 года респонденты демонстрируют большую осведомленность о социальной работе по сравнению с результатами 1978 года, ответы все же включали нехарактерные для социального работника роли и обязанности (помощник психиатра, выписывание медикаментов, юридические консультации). Это определенно указывало на существующее разночтение и неоднозначность имеющейся информации и знаниях о социальной работе, вследствие чего респонденты могут идентифицировать лишь наиболее стереотипную роль социальных работников (LeCroy, Stinson, 2004:168).

Вместе с тем, отмечается некоторое повышение осведомленности о важности социальной работы и значимости вклада социальных работников в решении трудных жизненных ситуаций и развитии общества, также формирование более выраженного понимания о необходимости большего количества социальных работников в обществе. Согласно полученным данным, ЛеКрой и Стинсон определили, что основным источником формирования восприятия и информации для респондентов является личный контакт или непосредственное обращение к социальному работнику. Более трети (35%) респондентов принимали какую-либо помощь от социального работника, еще 32% получали информацию о социальных работниках из различных средств массовой информации (например, телевидение, фильмы, журналы, книги и газеты) (LeCroy, Stinson, 2004:170).

Главным результатом проведенного исследования авторы считают выявление сложившегося негативного образа социальной работы как профессии и социальных работников в СМИ и масс-медиа, которые в свою очередь формируют общественное мнение о социальных работниках.

Анализ многочисленных зарубежных исследований свидетельствует о том, что, несмотря на все изменения, происходящие в последнее время в процессе обучения и профессиональной подготовки социальных работников, включая факторы глобализации, а также усиливающийся профессионализм и увеличивающийся спектр предоставляемых услуг, социальные работники по сей день испытывают напряженность и негативное общественное восприятие (Jordan, 2004). Сложившееся негативное восприятие профессии социальной работы, обусловленное неверными представлениями о ней, стереотипами, ошибочным и негативным изображением социальной работы в средствах массовой информации, что в значительной степени подрывает доверие общественности к социальной работе как к сфере социальных услуг (Beddoe, 2015). Неизвестность и низкий престиж профессии социальной работы являются следствием негативного фокуса СМИ к социальной работе (Brawley, 1995). Во многом имидж социальной работы как профессии исторически зависит от средств массовой информации, являющихся инструментом информирования общественности о деятельности социальных работников.

Большое количество медиаисторий (новостных репортажей, документальных фильмов и т.д.) о социальных услугах в последние годы свидетельствует о росте интереса СМИ к данной профессии. Усиленное внимание со стороны СМИ способствует повышению осведомленности общественности о деятельности социальной работы, но вместе с тем создает определенные трудности, с которыми социальные работники вынуждены справляться как на личном, так и на профессиональном уровнях.

Несмотря на то, что СМИ обладают достаточным потенциалом для привлечения внимания общественности к тяжелому труду, выполняемому в рамках определенных практик социальной работы, чаще всего в медиадискурсе преобладают негативные истории и репортажи, зачастую не отражающие сложности социальной работы и принятия решений (Ayre, 2001). Таким образом, большая часть медиаисторий в СМИ непосредственно способствует созданию атмосферы общественного недоверия к данной профессии

(Searle, Patent, 2013; Ellett et al., 2007). Однако, средства массовой информации не являются единственным и определяющим фактором, формирующим общественное восприятие, однако именно они способствуют созданию барьеров, которые усложняют оказание социальных услуг населению (Chenot, 2011).

В 2004 году Национальная ассоциация социальных работников (NASW) провела серию восьми фокус-групповых исследований, в шесть из которых было привлечено участников из числа широкой общественности, тогда как в оставшиеся две были включены социальные работники. Исследование было направлено на оказание помощи в формировании развернувшейся компании по развитию государственного образования, начало которой было положено в 2005 году. Результаты показывают, что в обществе существует сложившееся общее негативное восприятие профессии социальной работы. Существует несколько причин, объясняющих отрицательное общественное восприятие, включая общие стереотипы и неправильные представления, негативное представление социальной работы в средствах массовой информации, отсутствие доступной информации о социальной работе и услугах, предоставляемых социальными работниками. Полученные данные продемонстрировали, что большинство респондентов не имели личного контакта и никогда не обращались к социальным работникам. В связи с чем был сделан вывод о том, что общественное восприятие и имидж социального работника формируются в основном через масс-медиа, через новости и развлекательный контент. Результаты фокус-групповых исследований, проведенных с социальными работниками, выявили, что сами социальные работники считают, что широкая общественность имеет искаженное представление об их профессии (NASW, 2005).

Результаты исследования, проведенного исследовательским коллективом Зугазага, Суретте, Мендес и Отто в 2006 году, определили, что в обществе постепенно складывается достаточно позитивный взгляд на социальную работу. Основываясь на полученном выводе относительно того, что большинство людей не имели личного контакта или опыта прямого обращения к социальному работнику, средства массовой информации стали определяющими и фактически одним из самых влиятельных источников, формирующих восприятие данной профессии. Данная зависимость инспирировала определенную обеспокоенность самих социальных работников. Также исследование показало, что сформированный образ социальной работы и социального работника в масс-медиа были преимущественно негативными (Zugazaga et al., 2006).

Подобные аналогичные исследования были проведены в Шотландии, в которых приняло участие 1015 участников старше 16 лет (Davidson and King, 2005), в Новой Зеландии – 386 участников (Staniforth et al., 2014), в Израиле – 1417 участников старше 21 года (Kagan, 2015), в Хорватии с участием 852 респондентов в возрасте от 13 до 81 года (Knezevic, Butler, 2003), в Турции в 2015 году – 500 респондентов (Bolgun, Sahin, 2018).

Целью исследования, проведенного в Израиле в 2015 году, является изучение восприятия израильской общественностью социальной работы и социальных работников, осведомленность населения о роли, выполняемой социальными работниками, также их профессиональной подготовке, необходимой для осуществления деятельности социального работника, условиях их трудоустройства. Вместе с тем, изучение образа социального работника, сложившегося в израильском обществе, отношения к социальным работникам, их профессиональному ранжированию были представлены в сравнительном аспекте с другими профессиями в представленном контексте.

Согласно полученным данным, социальная работа в Израиле не имеет высокого профессионального престижа. Многие социальные работники считают, что их условия занятости сложны, на протяжении многих лет без ощутимых изменений в сторону улучшения. Изменения требуют широкой общественной поддержки, без которой агитационной группе трудно добиться защиты своих прав и интересов в продвижении социальной политики в обществе. Кроме того, сложившееся восприятие профессии как менее престижной по сравнению с другими смежными профессиями, не только не способно поддерживать готовность людей проявлять доверие к специалистам данной профессии, но и значительно снижает вероятность ее выбора в качестве карьерной траектории при наличии более престижных возможностей.

Так, в ходе исследования респондентам был представлен список убеждений по отношению к социальным работникам и социальной работе как профессии. Респондентам было предложено выразить степень согласия с данными убеждениями, используя шкалу Лайкерта. По результатам исследования, 43,9% респондентов отметили,

что социальные работники занимаются группами населения, которые не пользуются большим уважением со стороны членов общества и 67,1% респондентов отметили, что не воспринимают социальную работу как профессию в построении престижной карьеры. Несмотря на то, что в Израиле большинство социальных работников – женщины, 44,9% респондентов считают, что данная профессия не соответствует женской специфике. Вместе с тем, 21,3% респондентов считают, что сами социальные работники демонстрируют предвзятое отношение в своей профессиональной деятельности. По мнению 26,1% респондентов, средства массовой информации склонны представлять социальных работников в негативном образе. Около трети респондентов считают, что социальные работники имеют возможность влиять на формирование и осуществление социальной политики по определенным вопросам, касающихся их деятельности; тогда как 34,9% считают, что социальные работники этого не делают. 36,3% респондентов утверждают, что социальные работники в израильском обществе не проявляют заботу о своих клиентах. 75% респондентов считают, что количество социальных работников недостаточно и необходимо увеличение их числа в Израиле (Kagan, 2015).

В мае 2015 года в Турции из 6150 выпускников по специальности «Социальная работа» 4625 трудоустроены в государственные учреждения, 2381 заняты в Министерстве по делам семьи и общественной политики, 938 работают в министерстве здравоохранения, 449 – в министерстве юстиции (Bolgün, Sahin, 2018:2). В ходе исследования, проведенного в 2015 году в Турции, эксперты стремились ответить на следующие вопросы: какова осведомленность общественности о профессиональном статусе социальной работы; каковы источники информации, формирующие общественное восприятие социальной работы как профессии. Данное исследование, проведенное в декабре 2015 года в г. Маниса методом кластерной выборки, представляет собой кросс-секционный опрос, разработанный для оценки отношения к профессии социальной работы и социальным работникам. В исследовании приняли участие 500 респондентов. Согласно опросу, значительное число респондентов считают, что социальные работники работают только с детьми, нуждающимися в защите (93,4%); с инвалидами (93,4%); с сиротами (92,2%); с пожилыми людьми (91,8%); с бедными (91,6%); с брошенными людьми, нуждающимися в уходе (91,2%), а также с жертвами бытового насилия (84,6%). 79,2% респондентов утверждают, что деятельность социальных работников напрямую связана с преступниками и осужденными, их реинтеграцией в общество. 75,8% респондентов отмечают, что деятельность социальных работников направлена на оказание помощи в защите прав пациентов, и 65,5% респондентов указывают на то, что они должны адаптировать людей к тяжелым болезням и процессам лечения.

Также респондентам было предложено определить отношение к профессии и социальным работникам, основываясь на порядковой шкале Лайкерта. В общей сложности, 89% респондентов согласились с утверждением, что «социальная работа – необходимая профессия»; 80,3% респондентов считают, что «профессия социального работника недостаточно престижна в обществе»; 84,7% респондентов согласились с тем, что «они порекомендуют своим знакомым обратиться к социальному работнику, если им понадобится помощь»; 80,8% респондентов согласились, что «они будут думать о получении поддержки от социального работника, если будет необходимость». Кроме того, 66,7% участников исследования считают, что «социальная работа» это очень трудная работа»; 56% респондентов считают, что «социальные работники работают в рискованных условиях», в то время как 53,5% считают, что «социальные работники не имеют той профессиональной репутации, которую они заслуживают в обществе». Более того, 83,4% респондентов не согласились с заявлением «социальная работа – это профессия для женщин» (Bolgun, Sahin, 2018:10).

Проведенные исследования демонстрируют, что существующие разночтения в категориальном определении и сформировавшийся негативный публичный имидж профессии являются отражением существующей неопределенности профессионального сообщества относительно миссии и главных функций социальной работы. Широкий спектр области практической социальной работы препятствует четкому разграничению ее границ и ролей. Это касается в первую очередь обязанностей социальных работников в «помощи людям изменить себя» или «быть вовлеченными в изменение общества» (Staniforth et al., 2011:193). В этих исследованиях отмечается важность использования СМИ для формирования позитивного имиджа социальных работников (Agresta, 2004, Dennison et al., 2007, Olin, 2013, Tower, 2000).

Социальная работа как профессия, проходя через эволюционные этапы своего развития,

определяется и воспринимается неоднозначно (Staniforth et. al, 2011). С момента институционализации социальная структура общества, как и профессиональная структура социальной работы, претерпевала значительные изменения. И как результат на сегодняшний день – значительное расширение областей профессиональной практики социальной работы. Социальная работа фокусируется на работе с отдельными лицами, семьями, группами, организациями и сообществами для их успешного функционирования в социальной среде.

Социальная работа активно продвигается к статусу профессиональной профессии по целому ряду критериев, включая разработку отличительной теоретической базы знаний, разработку кодекса этики и переход к академическим исследованиям в системе высшего образования. Однако оплата и вознаграждение по-прежнему ниже, чем у других профессий, и в целом общественное отношение к профессии и практика ее восприятия значительно варьируются между странами. Вайс и Вельбурн отмечают, что в обществе есть еще некоторые препятствия, которые необходимо преодолеть для достижения недвусмысленного профессионального статуса, хотя прогресс в этом плане очевиден (Weiss, Welbourne, 2008).

Позитивный образ крайне важен для жизнеспособности и эффективности профессии социального работника (Reid, Misener, 2001), особенно в свете исследований, которые показывают, что большинство людей не вступают в личный контакт с профессионалом. Исследование, проведенное в Великобритании в 1981 году, включающий опрос 994 респондентов, выявил, что только 29% респондентов непосредственно контактировали с социальным работником. Среди них, по работе с социальным работником сталкивались 26%, при волонтерской деятельности – 8%, проведение консультирования как вида отношений помощи с социальным работником – 19%, посещение семей – 35% респондентов, и 6% респондентов имели знакомого, который был социальным работником по профессии (Weir, 1981).

Результаты самооценки социальных работников выявили два фактора, негативно влияющих на формирование имиджа профессии «социальной работы», – ограниченность внимания властных структур к работникам этой профессии (особенно проявляется в недофинансировании учреждений социальной сферы) и недостаточная профессиональная компетентность. Публичный имидж и образ профессии формируются также и через призму самооценок социальных работников своей профессиональной деятельности – собственной профессиональной значимости. Это достигается на основе самооценки профессиональных знаний и умений и на одобрении компетентных действий социального работника со стороны клиентов, коллег и широкой общественности. Низкий престиж профессии социальных работников и низкий уровень оплаты также определяют сложную ситуацию на рынке труда и при выборе профессий. Результаты самооценки социальных работников выявили два фактора, негативно влияющих на формирование имиджа профессии «социальной работы», – ограниченность внимания властных структур к работникам этой профессии (особенно проявляется в недофинансировании учреждений социальной сферы) и недостаточная профессиональная компетентность (Вишневский, 2009).

Материалы и Методы

Позитивное восприятие данной профессии способствует росту общественного доверия к социальным работникам и количеству обращений, консультаций и помощи при необходимости. Тогда как, существующий негативный имидж не только представляет социальных работников как непрофессионалов, неспособных искренне оказать помощь людям. Он к тому же формирует чувство стыда, связанного с обращением за помощью к социальному работнику, основанного на предвзятом мнении того, что их задача – забота, в первую очередь о неблагополучных семьях. В данном контексте популяризация, создание рекламных и информационных проектов имеют решающее значение. В сочетании с этим систематическое изучение общественного имиджа профессии и урегулирование разногласий о том, как представлять профессию, является крайне важным.

Стоит отметить два основных элемента в общественном восприятии профессии социальной работы – существующий негативный образ профессии, а также некорректные представления о ее сфере деятельности. Существующий негативный образ заключается в исторически укорененных стереотипах и стигмах, которые создают сомнения среди общественности и тем самым разрушают доверие к социальным работникам и социальным услугам, в целом. Вследствие чего социальные работники вынуждены формировать доверие к своей профессии со стартовой точки, которая находится значительно ниже, чем

у остальных более престижных профессий. Негативное восприятие сопровождается формированием ощущений несправедливости и отчужденности в профессиональном сообществе, что приводит к трудностям по набору абитуриентов и квалифицированного персонала в клинической социальной работе. В целом, улучшение общественного восприятия социального работника способствует развитию доверительной основы, которая необходима социальным работникам для практической деятельности как с отдельными индивидами, так и с сообществами, облегчая как вовлечение индивидов в общественные действия; что также способствует привлечению поддержки для финансирования социальных услуг из негосударственных и сторонних организаций.

В марте 2019 года Центром социологического исследования и социального инжиниринга КазНУ им. аль-Фараби было проведено количественное исследование среди населения крупного мегаполиса (г. Алматы), в котором приняли участие 526 человек. Исследование направлено на выявление степени осведомленности о социальной работе; изучение общественного восприятия социальной работы как профессии и социальных работников как специалистов, предоставляющих услуги, а также определению факторов, формирующих данные образы; анализ имиджа, утверждений и стереотипов, сложившихся в казахстанском обществе.

Результаты и Обсуждение

В ходе исследования для выявления образа социальной работы и социального работника в Казахстане респондентам предлагалось назвать три понятия, ассоциирующихся с профессией социальная работа. Согласно полученным данным, 43,5% респондентов отметили понятие «оказание помощи» как одну из самых распространенных ассоциаций, связанных с данной профессией. Понятийные ассоциации связаны с «обществом» (14,6%) и людьми (10,0%). Еще 14,9% респондентов затруднились назвать свои ассоциации, что является оценочным индикатором, отображающим низкую осведомленность общественности о социальной работе сфере деятельности и как профессии. Таким образом, в целом, общественное восприятие социальной работы в Казахстане остается на пониженном уровне, как показывают результаты данного исследования, широкая общественность имеет только общее представление о предназначении данной профессии как оказание помощи людям. Важно отметить, что отсутствует более детальное и целостное восприятие системы социальной защиты, в том числе структурации социальной работы и социальных работников как ее неотъемлемой части.

Ассоциативное ранжирование включает понятия «государство» (7,7%), «денежная помощь» (7,7%), «доброта» (7,5%) и другие (рис. 1).

Рисунок 1 – Понятия, ассоциирующиеся с социальной работой

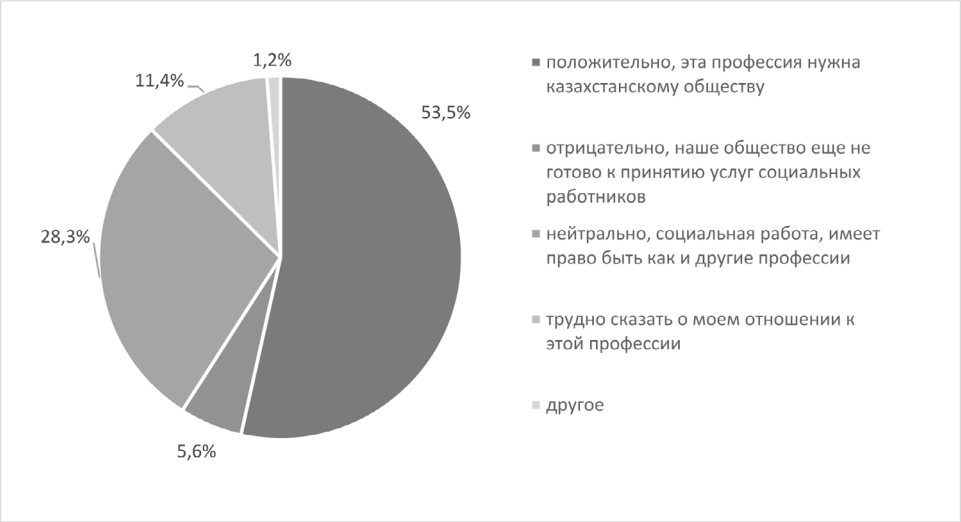


Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы лично относитесь к профессии социального работника?», n=526

В целом, выявлено позитивное отношение респондентов к профессии социального работника, считающих, что эта профессия необходима казахстанскому обществу (53,5%). Нельзя не отметить, что почти 40% (39,7%) респондентов относятся к данной профессии индифферентно либо с затруднением выражают свое отношений к ней. Подобная неопределённость и индифферентность являются следствием недостаточной осведомленности населения, узкого спектра представленности в СМИ и в целом отсутствия профессионального статуса социальной работы и социальных работников в дискурсе социальной политики и системы социальной защиты населения в Казахстане (Рис. 2).

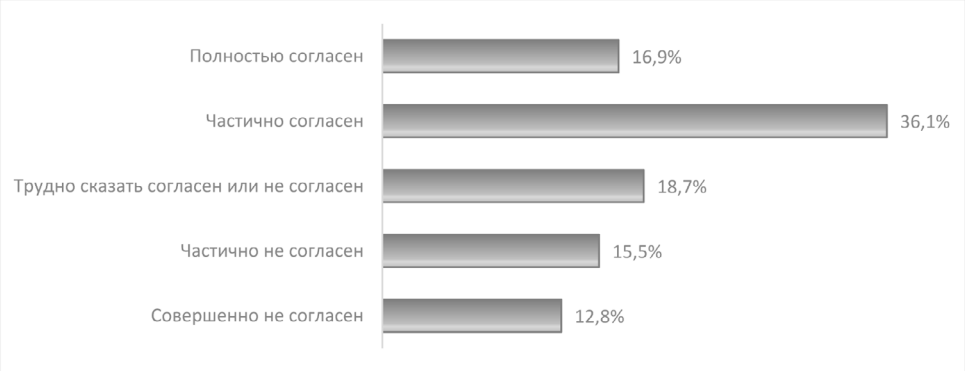


Рисунок 3 – Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с тем, что профессия социального работника является престижной и востребованной в современном Казахстане?» (исследование обучающихся по специальности «Социальная работа», октябрь, 2018).

Полученные результаты можно соотнести с выводами исследовательского кейса по изучению профессионального имиджа и статуса среди обучающихся специальности «Социальной работы» г. Алматы, в котором приняли участие 200 студентов разных уровней обучения (Тулебаев, Абдирайымова, 2019). Так, в ходе исследования респондентам было предложено оценить профессиональный имидж и престиж социальной работы, ее востребованность в современном Казахстане. Более половины опрошенных респондентов (53%) в той или иной степени со-

гласны с утверждением того, что социальная работа является престижной и важной профессией в казахстанском обществе (16,9% – полностью согласны, 36,1% – частично согласны). Вместе с тем, 28,3% респондентов с данным утверждением не согласны, 18,7% индифферентны, что указывает на существующий диссонанс в реальном общественном восприятии социальной работы и пониманием самими социальными работниками общественного восприятия своей профессии. Можно констатировать, что широкая общественность скорее воспринимает социальную работу нейтрально и индифферентно, нежели проявляет к ней негативное отношение.

В западных исследованиях одним из основных факторов формирования восприятия социальной работы являются личные взаимоотношения и непосредственный контакт с социальным работником. В связи с этим респондентам был задан вопрос «Пользовались ли Вы или Ваши родные и близкие услугами социального работника?». Так, большинство респондентов утверждают, что не пользовались услугами социального работника (45,8%), 29,8% отмечают, что они сталкивались с социальными работниками и их сферой деятельности, 24,0% респондентов не смогли точно определить воспользовались ли они услугами социального работника.

Из понятий, ассоциирующихся с социальной работой, данная профессия определяется как так или иначе связанная с государственными органами местного самоуправления, которые характеризуют собой стабильность и надежность. Как следствие, большинство респондентов (41,3%) выразили желание, чтобы член их семьи или близкий человек стал социальным работником. Вместе с тем, 31,6% респондентов не смогли определиться в своем ответе, тогда как 26,3% респондентов не хотели бы такого выбора профессии для себя, детей или своих близких.

Так 41,1% респондентов отметили, что они испытали бы гордость за себя лично или за своих близких и родных, в случае выбора ими профессии «социального работника». Тогда как 28,8% респондентов не смогли определить свою позицию по отношению к социальной работе и соотнести его с личным профессиональным выбором или выбором своих родных и близких; 19,0% респондентов считают, что данной профессией гордится не стоит.

Подобная неопределённость по нескольким категориям является индикатором не только низкой осведомленности, но также и указывает на размытость границ между социальной работой и другими смежными профессиями в казахстанском контексте, что в свою очередь ведет к отсутствию четких должностных инструкций и смешению функциональных обязанностей между социальными работниками и представителями смежных профессиональных областей.

Для уточнения данного вопроса респондентам было предложено выразить свое отношение к нескольким утверждениям о социальной работе в Казахстане. Так, согласно полученным данным большинство респондентов (71,3%) согласны в той или иной мере с утверждением, что социальный работник работает со всеми, кто оказался в сложной жизненной ситуации; однако для 18,8% респондентов было затруднительно определить сферу деятельности социального работника.

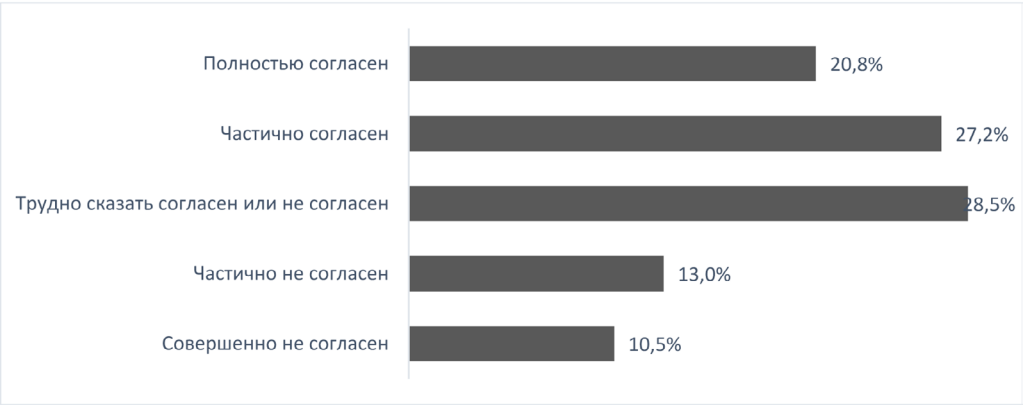


Рисунок 4 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что социальные работники чаще всего занимаются доставкой лекарств и продуктов пожилым людям?», n=526

Около половины респондентов считают, что социальные работники занимаются доставкой лекарств и продуктов пожилым людям, вместе с тем 28,5% затрудняются ответить. Последнее является показателем недостаточной осведомленности о профессиональной специфике социальной работы; отсутствия доступной информации и четких профессиональных границ в социальной работе.

Рисунок 5 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что в Казахстане сформировалось негативное отношение к социальным работникам?», n=526

Анализ полученных данных показывает различия и неоднозначность во мнениях респондентов относительно сформировавшегося негативного мнения о социальных работниках в Казахстане: так около 35% респондентов согласны с данным утверждением, еще столько же (около 34%) выражают свое несогласие с этим утверждением (Рис.5). 58,6% респондентов отмечают, что «совершенно и частично не согласны» с утверждением, что в Казахстане стыдно быть социальным работником. Тогда как 21% респондентов оценивают данное утверждение как затруднительно «трудно сказать, согласен или нет» (Рис.6).

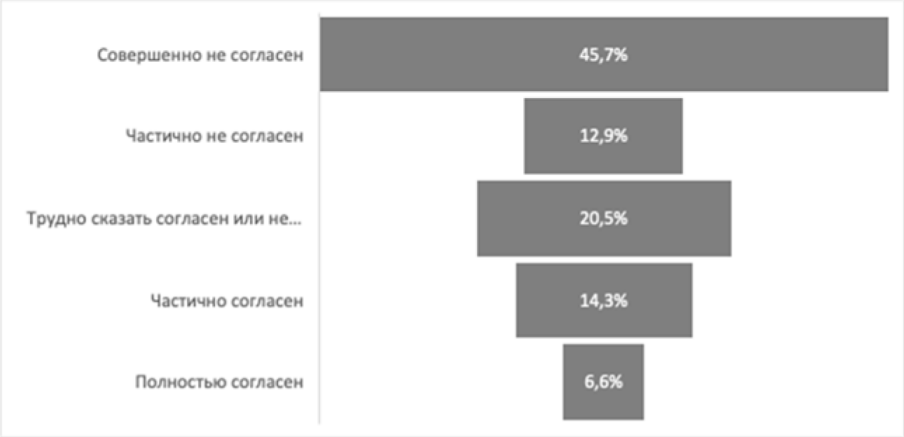


Рисунок 6 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что в Казахстане «стыдно» быть социальным работником?», n=526

Полученные данные указывают скорее на низкую осведомленность о социальной работе, отсутствие доступной информации, неверное представление о фокусе и задачах социальных работников и как следствие низкий статус социальных работников в Казахстане.

Международная ассоциация социальных работников совместно с исследователями разработала целый комплекс мер для повышения осведомленности и улучшения имиджа профессии на национальном и глобальном уровнях.

Национальная и международная кампания по образованию и информированию общественности о социальной работе ставила своей целью обеспечивать общее руководство, предоставлять ресурсы и разработать основные индикаторы защиты для социальных работников (NASW, 2005). Ее деятельность сводилась к повышению осведомленности и воссозданию профессиональной культуры к социальной работе, распространению информации о многообразии, расширению понимания о предоставляемых социальных услугах, привлечению молодежи к социальной работе в качестве волонтеров, а также ресурсному улучшению возможностей занятости и трудоустройства для профессиональных социальных работников. Посредством публичного продвижения кампания предоставляет отклик на новостные статьи, которые ошибочно идентифицируют местных добровольцев как социальных работников, и путем отслеживания сообщений о лицах, которые не являются социальными работниками по образованию, но выполняющие их функции, формирует позитивный образ социальной работы и способствует ее дифференциации. Благодаря деятельности Национальной ассоциации социальных работников как профессиональной организации развиваются стандарты для усовершенствования социальной политики, расширяется общественное знание о социальной работе посредством продвижения рекламных роликов национального и регионального уровней в США, различных медиаисторий, формирующих позитивный образ социальной работы.

Тауэр отмечает, что ответственность за распространение негативного имиджа социальной работы, за отсутствие корректной информации для общественности о социальной работе и ее клиентах несут сами социальные работники. По его мнению, представителям данной профессии стоит перестать опираться на мнение и деятельность людей, не имеющих отношения к профессии в формировании ее имиджа, и самим взять ответственность за «развенчание существующих мифов», формирование позитивного имиджа и распространение корректной информации о социальной работе через создание собственных медиапродуктов и контента (Tower, 2000).

Заключение

Реалии сегодняшнего дня обуславливают необходимость создания позитивного имиджа социальной работы и социального работника, что в свою очередь актуализирует вопрос об изучении публичного восприятия социальной работы, а также основных факторов его формирования. Восприятие развивает и формирует профессию в течение длительного периода времени, соответственно, может способствовать не только продвижению профессии, но и качественному набору талантливых абитуриентов по данной специальности.

Немаловажным является то, что настоящие и будущие социальные работники находятся под довлеющим мнением того, что их негативно воспринимают в обществе. Впоследствии это приводит к негативной само-стигматизации, которая до конца не отражает существующее общественное мнение (Staniforth et al., 2014) Согласно результатам исследования негативный образ социального работника является результатом негативной само-стигматизации самих социальных работников. Тогда как действительный вызов состоит не только в сглаживании сложившегося негативного образа социального работника в глазах общественности, но в первую очередь в повышении профессиональной осведомленности. Во-вторых, в четком определении границ и фокуса социальной работы в казахстанском контексте, определении и повышении статуса социального работника в обществе и в системе социальной защиты населения во избежание дублирования или ложной подмены функциональных обязанностей социальных работников и представителей других смежных профессий, и как следствие формировании позитивного имиджа социального работника.

Существует значительная контрастность в степени влияния групп факторов на общественное восприятие социальной работы. Следовательно, социальным работникам стоит самим включаться в распространение более корректных и точных представлений о социальной работе и формированию более позитивного имиджа социальной работы. Так, обладая достоверной информацией о специфике, ценностном фундаменте, ресурсных и финансовых возможностях в рамках данной специальности, каждый практикующий социальный работник должен занять проактивную позицию и внести свой инициативный вклад в распространение объективной информации как среди общественности, так и

ближайшего окружения, не только в локальном, но и в национальном контексте.

Вместе с тем, создание профессиональной сети и сообщества социальных работников Казахстана, конкретная детерминация границ, фокуса, функциональных обязанностей как на микро- так и на макроуровне социальной работы является одним из эффективных инструментов создания и улучшения имиджа данной профессии в казахстанском обществе.

О социальной работе, ее миссии и мандате также следует заявить на государственной политической арене и включить их в дискурс социальной политики и системы социальной защиты населения страны при поддержке соответствующих структур и организаций. Так как общественность должна быть проинформирована о социальной работе как профессии, которая дает возможность предотвратить насилие, социальную несправедливость и создать адекватную социальную политику, направленную на решение вопросов социально-уязвимых слоев населения. Позитивное понимание и восприятие социальной работы в казахстанском обществе формируют широкую общественную поддержку, объединение усилий в достижении глобальных целей в ее профессиональном продвижении и развитии социальной работы как деятельности на микро- и макроуровнях.

Литература

Вишневский Ю.Р. Профессиональный имидж социальной работы и роль СМИ в повышении ее престижа: информационно-аналитический отчет/ Вишневский Ю.Р. – Екатеринбург: УГТУ−УПИ, 2009. – 100 с.

Глобальное определение социальной работы – 2014. Сайт Международной Федерации Социальных Работников [Электронный ресурс] // URL: https://www.ifsw.org/what-is-social-work/global-definition-of-social-work/ (дата обращения: 04.03.2020).

Знание и практика социальной работы – 2018. Сайт Европейской ассоциации школ социальной работы [Электронный ресурс] // URL: https://www.eassw.org/language/english/ (дата обращения: 10.02.2020).

Кампания по просвещению о социальной работе – 2005. Сайт фонда национальной ассоциации социальных работников [Электронный ресурс] // https://www.naswfoundation.org/Our-Work/Social-Work-Public-Education-Campaign (дата обращения: 07.02.2020).

Тулебаев Н.Н., Абдирайымова Г.С. Профессиональный статус социальной работы и социальных работников: Анализ общественного восприятия // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия психологии и социологии. – 2018. – №4 (67). – С.174-184.

Этический кодекс национальной ассоциации социальных работников США – 2008. Сайт национальной ассоциации Социальных Работников [Электронный ресурс] // URL: https://www.socialworkers.org/LinkClick.aspx?fileticket=KZmmbz15evc%3D&portalid=0 (дата обращения 10.03.2020)

Agresta J. Professional role perceptions of school social workers, psychologists, and counselors // Children and Schools. – 2004. – №26 (3), P.151-163.

Ayre P. Child Protection and the Media: Lessons from the Last Three Decades // he British Journal of Social Work. – 2001. – №31(6). – P. 887–901.

Beddoe L. Continuing education, registration and professional identity in New Zealand social work // International Social Work. – 2015. – №58 (1). – P.165–174.

Brawley E. A. Mass media. in R. L. Edwards (Ed.-in-Chief), Encyclopedia of social work, 19th ed. Vol. 2, Washington, DC: NASW Press. – 1995. – P. 1674–1682.

Bolgün C., Sahin F. Public perception and attitudes about social work in Turkey // International Social Work. – 2018. – №1(14). – P.1-14.

Chenot D. The vicious cycle: Recurrent interactions among the media, politicians, the public, and child welfare services organisations // Journal of Public Child Welfare. – 2011. – №5 (2-3). -P.167-184

Condie C.D., Hanson J.A., Lang N.E., Moss D.K., Kane R.A. How the Public Views Social Work // Social Work. - 1978. – №23. – P. 47–53.

Corvo K., Selmi P., Montemaro S.M. Icons of Conformity: The Marketing of Social Work Education // Journal of Community Practice. – 2003. №11(1). – P. 85–99.

Davidson S., King S. Public Knowledge of and Attitudes Towards Social Work in Scotland // Educational Department Research Program. – 2005. – №10. – P.1–4.

Dennison S.T., Poole J., Qaqish B. Students' Perceptions of Social Work: Implications for Strengthening the Image of Social Work among College Students // Social Work. – 2007. – №52(4). – P.350–360.

Ellett A. J., Ellis J. I., Westbrook T.M. A qualitative study of 369 child welfare professionals' perspectives about factors contributing to employee retention and turnover // Children and Youth Services Review. – 2007. – №29 (2). – P. 264-281.

Jordan B. Emancipatory social work? Opportunity or oxymoron // The British Journal of Social Work, – 2004. -№34 (1). -P.5–19.

Kagan M. Public attitudes and knowledge about social workers in Israel // Journal of Social Work. – 2016. – №16 (3). – P.322–343.

Knežević M., Butler L. Public Perceptions of Social Workers and Social Work in the Republic of Croatia // International Journal of Social Welfare. – 2003. – №12 (1). – P.50–60.

LeCroy C., Stinson E. The public's perception of social work: Is it what we think it is? // Social Work. – 2004. – №49(2). – P.164-174.

Olin J. The Public and the Profession's Perception of Social Work // Columbia Social Work Review. -2013. №4(1). – P. 92–102.

Reid W., Misener E. Social work in the press: A cross-national study // International Journal of Social Welfare. – 2001. – №10. – P.194–201.

Staniforth B., Fouché C., Beddoe L. Public Perception of Social Work and Social Workers in Aotearoa New Zealand // Aoteraoa New Zealand Social Work. -2014. – №26 (2–3). – P.48–60.

Staniforth B., Fouché C., O'Brien M. Still doing what we do: Defining social work in the 21st century // Journal of Social Work. – 2011. – №11(2). – P.191-208.

Sharpley F.C. Public perceptions of four mental health professions: A survey of knowledge and attitudes to psychologists, psychiatrists, social workers and counsellors // Australian Psychologist. – 1986. -№21(1). – P.57-67.

Searle R., Patent V. Recruitment, retention and role slumping in child protection: The evaluation of in-service training organizations // British Journal of Social Work. – 2013. – № 43(6). – P. 1111-1129.

Tower K. In our own image: Shaping attitudes about social work through television production // Social Work Education. – 2000. – №36. – P.575–585.

Weiss I., Welbourne P. The professionalization of social work: a cross□national exploration // International Journal of Social Welfare. – 2008. – №17. – P.281-290.

Weir S. What do people think about social work? // New Society. – 1981. – №7. – P.216–218.

Zugazaga C., Surette R., Mendez M., Otto Ch. Social worker perceptions of the portrayal of the profession in the news and entertainment media: an exploratory study // Journal of Social Work Education. – 2006. -№42 (3). – P.621-636

References

Agresta J. (2004) Professional role perceptions of school social workers, psychologists, and counselors, Children &Schools, no 26(3), pp.151-163.

Ayre P. (2001) Child Protection and the Media: Lessons from the Last Three Decades. The British Journal of Social Work, no 31(6), pp. 887–901.

Beddoe L. (2015) Continuing education, registration and professional identity in New Zealand social work. International Social Work, no 58(1), pp.165–174.

Brawley E. A. (1995). Mass media. In R. L. Edwards (Ed.-in-Chief), Encyclopedia of social work (19th ed., vol. 2, pp. 1674–1682). Washington, DC: NASW Press.

Bolgün C., Sahin F. (2018) Public perception and attitudes about social work in Turkey, International Social Work, no 1(14), pp. 1-14

Chenot D. (2011) The vicious cycle: Recurrent interactions among the media, politicians, the public, and child welfare services organisations. Journal of Public Child Welfare. no 5 (2-3), pp. 67-184

Condie C.D., Hanson J.A., Lang N.E., Moss D.K., Kane R.A. (1978) 'How the Public Views Social Work', Social Work, no 23, pp. 47–53.

Corvo K., Selmi P., Montemaro S.M. (2003) 'Icons of Conformity: The Marketing of Social Work Education', Journal of Community Practice, no 11(1), pp. 85–99.

Davidson S., King S. (2005) 'Public Knowledge of and Attitudes Towards Social Work in Scotland', Educational Department Research Program, no10, pp. 1–4.

Dennison S.T., Poole J., Qaqish B. (2007) 'Students' Perceptions of Social Work: Implications for Strengthening the Image of Social Work among College Students', Social Work, no 52(4), pp. 350–60.

Ellett A.J., Ellis J.I., Westbrook T. M. (2007) A qualitative study of 369 child welfare professionals' perspectives about factors contributing to employee retention and turnover. Children and Youth Services Review. no 29 (2), pp. 264-281.

Eticheskiy kodeks natsionalnoi associacii sotsialnih rabotnikov SSHA [NASW Code of Ethics, USA] – 2008. Sait natsionalnoy associacii sotsialnih rabotnikov [web-page of the national association of social workers]. URL: https://www.socialworkers.org/LinkClick.aspx?fileticket=KZmmbz15evc%3D&portalid=0 (retrieved 10.03.2020)

Global'noe opredelenie socialnoy raboti – 2014. Sait Mezhdunarodnoi Federacii Socialnih rabotnikov [Global definition of social work. International Federation of Social Workers]. URL: https://www.ifsw.org/what-is-social-work/global-definition-of-social-work/ (retrieved 04.03.2020)

Jordan B. (2004) Emancipatory social work? Opportunity or oxymoron. The British Journal of Social Work, No.34 (1), pp.5–19.

Kagan M. (2016) 'Public attitudes and knowledge about social workers in Israel', Journal of Social Work, no 16(3), pp. 322–343.

Kampania po prosvyahsneiu o sotsialnoi rabote [Social Work Public Education Campaign]. Sait fonda natsionalnoy associacii sotsialnih rabotnikov [web-page of the foundation of national association of social workers]. URL: https://www.naswfoundation.org/Our-Work/Social-Work-Public-Education-Campaign (retrieved: 07.02.2020).

LeCroy C., Stinson E. (2004). 'The public's perception of social work: Is it what we think it is?' Social Work, no 49(2), pp. 164-174.

Olin J. (2013) 'The Public and the Profession's Perception of Social Work', Columbia Social Work Review no 4(1), pp. 92–102.

Reid W. J., Misener E. (2001). Social work in the press: A cross-national study. International Journal of Social Welfare. no 10, pp. 194–201.

Searle R., Patent V. (2013) Recruitment, retention and role slumping in child protection: The evaluation of in-service training organizations. British Journal of Social Work. no 43(6), pp. 1111-1129.

Sharpley F.C. (1986) 'Public perceptions of four mental health professions: A survey of knowledge and attitudes to psychologists, psychiatrists, social workers and counsellors', Australian Psychologist, no 21(1), pp. 57-67.

Staniforth B., Fouché C., Beddoe L. (2014) 'Public Perception of Social Work and Social Workers in Aotearoa New Zealand', Aoteraoa New Zealand Social Work, no 26(2–3), pp. 48–60.

Staniforth B., Fouché C., & O'Brien M. (2011). 'Still doing what we do: Defining social work in the 21st century', Journal of Social Work, no 11(2), pp. 191-208.

Tower K. (2000). In our own image: Shaping attitudes about social work through television production, Social Work Education, no 36, pp. 575–585.

Tulebayev N.N.; Abdiraiymova G.S. (2019) Professional'nyy status sotsial'noy raboty i sotsial'nykh rabotnikov: analiz obshchestvennogo vospriyatiya [professional status of social work and social workers: an analysis of public perception] KazNU Herald. Psychology and sociology series. no 4 (68), pp. 174-184.

Vyshnevskiy U.R. (2009) Professional'niy imidzh socialnoi raboti I rol' SMI v povyshenii ee prestizha: analiticheskiy otchet [The professional image of social work and the role of the media in raising its prestige: an analytical report], Yekaterinburg: UGTU-UPI, 100p.

Weir S. (1981). What do people think about social work? New Society. no 7, pp.216–218.

Weiss-Gal I., Welbourne P. (2008) The professionalization of social work: a cross-national exploration. International Journal of Social Welfare, no 17, pp.281-290.

Znanie i praktika socialnoi raboti. Sait Evropeiskoi associacii shkol socialnoi raboti [Knowledge and practice of Social work. European association of schools of social work] URL: https://www.eassw.org/language/english/ (retrieved 10.02.2020)

Zugazaga C., Surette R., Mendez M. & Otto Ch. (2006) Social worker perceptions of the portrayal of the profession in the news and entertainment media: an exploratory study. Journal of Social Work Education. no 42:3, pp. 621-636.

IRSTI 15.81.99 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.11

A.S. Turegeldieva, S.A. Amitov

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: a.serikbaevna@mail.ru

THE SOCIAL ASPECT OF THE DIAGNOSIS AND CLINICAL PICTURE OF POSTNATAL DEPRESSION IN WOMEN

This article discusses the types of female depression in the postnatal period. The factors of the occurrence of postnatal depression are investigated, its symptoms are systematized, the clinical picture of its manifestation is revealed. A woman in the period of postnatal depression feels dissatisfaction with her life, the quality of life changes dramatically, becoming negative. A feeling of helplessness, despair fills all spheres of life. The usual routine is violated, which prevents us from adequately perceiving reality, thinking, and acting. Manifestations of postnatal depression significantly affect not only the woman herself, but also her child, her other children, her husband, i.e. for the whole family. One of the strongest symptoms is also a feeling of social isolation among women who have given birth, loss of life in society, and a feeling that "life passes by." The article also provides recommendations for the prevention of postnatal depression. Recommendations and conclusions can be used in practical work with pregnant and already given birth women, as well as in the process of training social workers.

Key words: postnatal depression. clinical picture, social aspect, social isolation, social worker.

А.С. Төрегелдиева, С.А. Амитов

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: a.serikbaevna@mail.ru

Әйелдерде постнатальді депрессияның диагностика және клиникалық көрінісінің әлеуметтік аспектісі

Қоғамның қазіргі жағдайы депрессиялық аурулардың көбеюімен сипатталады, олардың бірі – босанғаннан кейінгі депрессия. Әлеуметтік тұрақтылықтың жеткіліксіздігі және қоғамның материалдық бөлінуі жағдайында әйелдерде босанғаннан кейінгі депрессияны уақытында диагностикалау, оны тудыратын факторларды анықтау, оны емдеудің жолдарын табу қажет, өйткені бұл жас ұрпақтың ақыл-ойына, тәрбиесіне және әлеуметтік бейімделуіне тікелей әсер етеді. Бұл жұмыста босанғаннан кейінгі кезеңде әйел депрессиясының түрлері қарастырылады. Постнатальді депрессия көріністері пайда болу факторлары зерттеледі, оның белгілері жүйелендіріледі, оның пайда болуының клиникалық көрінісі анықталады. Әйел постнатальді депрессия кезінде өз өміріне қанағаттанбауы сезіледі, өмір сапасы түбегейлі өзгеріп, теріс сипатқа ие болады. Қарапайым тәртіп бұзылады, бұл шындықты дұрыс қабылдауға, ойлауға, әрекет етуге кедергі жасайды. Постнаталды депрессия көріністері әйелдің өзіне ғана емес, оның баласына, басқа балаларына, күйеуіне де, яғни бүкіл отбасына да айтарлықтай әсер етеді. Ең күшті симптомдардың бірі туған әйелдерде әлеуметтік оқшаулану сезімі, қоғам өміріндегі құлдырау, "өмір жүріп жатыр"деген сезім болып табылады. Мақалада постнатальді депрессияның алдын алу бойынша ұсыныстар беріледі. Ұсынымдар мен қорытындылар жүкті және бұрын туған әйелдермен практикалық жұмыста, сондай-ақ әлеуметтік қызметкерлерді даярлау процесінде пайдаланылуы мүмкін.

Түйін сөздер: постнатальді депрессия, клиникалық көрініс, әлеуметтік аспект, әлеуметтік оқшаулау, әлеуметтік қызметкер.

А.С. Турегельдиева, С.А. Амитов

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: a.serikbaevna@mail.ru

Социальный аспект диагностики и клинической картины постнатальной депрессии у женщин

Современное состояние общества характеризуется увеличением количества депрессивных заболеваний, одним из которых является постнатальная депрессия. В условиях недостаточной

© 2020 Al-Farabi Kazakh National University

социальной стабильности и сильнейшего материального расслоения общества необходимо вовремя диагностировать постнатальную депрессию у женщин, выявлять факторы, ее вызывающие, находить оптимальные пути ее лечения, так как это имеет прямое влияние на состояние психики, воспитание и социальную адаптацию подрастающего поколения. В данной работе рассматриваются разновидности женской послеродовой депрессии. Исследуются факторы возникновения постнатальной депрессии, систематизированы ее симптомы, выявляется клиническая картина ее проявления. Женщина в период постнатальной депрессии чувствует неудовлетворенность своей жизнью, качество жизни кардинально меняется, приобретая негативный характер. Нарушается обычный распорядок, что мешает адекватно воспринимать реальность, думать, действовать. Проявления постнатальной депрессии значительно влияют не только на саму женщину, но и на ее ребенка, других ее детей, мужа, т.е. на всю семью. Одним из сильнейших симптомов является также чувство социальной изолированности у родивших женщин, выпадения из жизни общества, ощущение, что «жизнь проходит мимо». В статье также даются рекомендации по предупреждению постнатальной депрессии. Рекомендации и выводы могут быть использованы в практической работе с беременными и уже родившими женщинами, а также в процессе подготовки социальных работников.

Ключевые слова: постнатальная депрессия. клиническая картина, социальный аспект, социальная изолированность, социальный работник

Introduction

In a post-industrial society, it is more common to care about the quality of goods and services produced than it is to care about the state of the mother. Attitudes towards accouchement, childbirth and pregnancy are sublime on the one hand, and on the other, they suggest women to be self-sufficient and independent. The current state of society is characterized by an increase in the number of depressive diseases, one of which is postnatal depression. In conditions of insufficient social stability and the strongest material stratification of society, it is necessary to diagnose postnatal depression in women in time, identify the factors that cause it, find optimal ways to treat it, as this has a direct impact on the state of mind, upbringing and social adaptation of the younger generation. The identification, study and systematization of the causes of socio-psychological depression in women in the postnatal period, the search for ways to eliminate it are, therefore, of practical importance, and aimed at developing optimal recommendations for the social adaptation of women in the postnatal period.

It should be noted that usually too little attention is paid to the issue of postnatal depression. Doctors do not even diagnose postnatal depression in those who have recently given birth, only when depression acquires forms of psychosis. After all, a woman finds herself in a situation where she is almost around the clock busy with a child. She gradually begins to accumulate chronic fatigue, lack of sleep and nervous tension. A woman can experience despair, fatigue, tearfulness, an acute sensitivity to the absence of attention and to different resentments, sleep and appetite are disturbed as well. Such mental state society and the woman herself often associate with the exhausting process of baby minding. Meanwhile, postpartum depression is a serious psychopathological condition that requires the intervention of various specialists, including social workers. As for the statistics on the incidence of postpartum depressive states, they will be identified in the course of further work on this topic. Obviously this condition is rarely diagnosed, although it does bring suffering to women and their families. The process of identifying and treating depression in our country is quite difficult. This is due to the peculiarities of the cultural-national mentality of Kazakh people. It is common for our women to keep their emotions and feelings to themselves, without causing concern to others. All this necessitates a more detailed study of the causes of depressive conditions. Postpartum depression is described in the works of Western researchers such as Gilbert. In their works, they note that in the postnatal period, women may experience the following emotional disturbances: maternal melancholy, postpartum depression, postpartum psychosis. According to Kendell, about 50-60% of women show maternal melancholy, which is a mild form of depression.

Diagnosis, symptoms and clinical presentation of postnatal depression in women

Depression (from the Latin word *depressio* – suppression) is a psychological disorder characterized by low mood, inhibition of intellectual and motor activity, decreased vital motives, pessimistic assessments of oneself and one's position in the surrounding reality, somatoneurological disorders. Depression is inherent in cognitive properties such as a negative, destructive assessment of self, the

outside world and the future. All these signs are also characteristic of postnatal (postpartum) depression. It is the kind of depression that occurs in the woman who gave birth in the postpartum period. This condition can last for several days (about three), and also for several months. In especially difficult cases – several years. This so-called postpartum period or depression has a negative effect not only on a woman's health, but also on the psycho-physiological development of a child. Under the influence of postpartum depression, women often think that they do not like their baby. A woman can show verbal, or even light physical aggression towards a child. Ambivalent feelings deplete the mother, and then she is disturbed by guilt. Such severe stressful situations can be observed for a couple of years, completely disrupting family life (L.L.Baz, A.N. Vassina, 2005). Obviously, if such women were assisted immediately after childbirth, the family would not have experienced such difficulties. There are also cases when women after childbirth seek help when the baby is already about three months old. They also say that bad mood and exhaustion have appeared immediately after the childbirth. At first, a young mother did not pay attention to these symptoms, hoping for their early disappearance, but the situation was aggravated, and today women are already complaining about feelings of despair, irritation, fear of harming the child, fear of killing the child, despite the love to it. A woman may also consider herself unable to be a good mother, unable to raise a child. This postpartum depression is often found in single mothers. In a state of depression, they can even abandon a child in a maternity hospital, and then, of course, after leaving a depressed state, regret it.

According to studies, postpartum depression occurs in 10-15% of parturient women (G.V.Skoblo, L.L.Baz, T.A.Balandina, 1996). Neuroendocrine changes associated with women's reproductive cycle are considered a risk factor for depression. The risk of developing depression in women of reproductive age is 10–20%, in pregnant women 9%. Additional risk factors for developing depressive disorders include a low level of education, an unstable marital status, and possible problems with the health of the mother and child.

Diagnosis is carried out under the supervision of a psychotherapist and/or clinical psychologist with experience working with such patients. It is not recommended to hesitate with the examination, it is dangerous for a woman, since postpartum type depression is fixed at the stereotypical level. The longer a diagnosis exists without treatment – the harder it is to fight it.

Diagnosis begins with an oral survey. It is important to evaluate all possible complaints of the sufferer on her own condition. All complaints are objectified, making up a unified clinical picture. Only upon receiving enough data on the basis of the symptomatic complex, we can talk about certain hypotheses.

Next, you need to collect an anamnesis. The reasons were given earlier. Each of them is subject to assessment if a woman makes such complaints. For example, a difficult course of childbirth, problems in the family, a misunderstanding of the spouse, lack of support, financial difficulties. To identify important points, the specialist asks suggestive questions, this way it is much easier to get important data. Mothers should be examined for signs of depression at 6 weeks postpartum.

The Edinburgh Postpartum Depression Scale, which is a good tool for the early diagnosis of postpartum depression, is usually used as part of a specialized diagnosis. This is the simplest test possible; the questionnaire consists of 10 questions. Each question has 4 answers. For the answer "no", zero points are awarded, for the answer "almost constantly" (there are different variations of this answer) – 4 points. Further, all numbers are summed up and the final score is given. The assessment is then calculated on to a band score.

The results from 9 to 13 points are considered alarming and indicative for the physician, the presence of some signs of depression is assumed. From 13 points and more – depression is undoubtedly present. The same test can be used for self-diagnosis in order to assess the quality and effectiveness of the treatment. Hidden postpartum depression necessarily affects the well-being of the mother, then the child, and then the whole family. Identification of the condition will allow you to turn to a specialist in time for help.

If a woman is breastfeeding, then medication is undesirable. Therefore, psychotherapy, support of a psychologist and a social worker is fundamental in the treatment and rehabilitation of such women.

Postpartum depression must be differentiated from manic-depressive psychosis (now called bipolar affective disorder). This can be done according to the results of a complete psychopathological study. As a rule, the diagnosis is not made immediately, but after some time. The diagnosis can be suspected by the results of spontaneous mood improvement, counterinhibition, excessive activity and an extraordinary surge of strength, energy. It is possible to conduct objective diagnostic methods: MRI of the brain, electroencephalography, which is prescribed

according to needs. A woman on maternity leave is more likely to develop the disease. To understand how postpartum depression is manifested, you need to carefully look at the young mother. First of all, this should be done by the husband. A special role is also given to social workers who are called upon to help people, including women who have given birth.

Deep female depression is a serious danger, up to an attempt of suicide. Women cut social contacts, become closed, unsociable. Possible problems in the sexual sphere provoke a spouse to infidelity. The situation is aggravated by aggressiveness, obsessions, hysterical fits. In such families there is a threat of divorce. Sometimes a sick girl ceases to care about the baby, refuses to approach him or intentionally harms his health. The likelihood of developing postpartum depression increases in women whose pregnancy has been severe.

The disease can be provoked by a severe stress, chronic physical fatigue or a young age of a woman in labor. There is a high likelihood of depression in people with a burdened family history and severe hormonal imbalance.

The following symptoms indicate a developing mental disorder: (G.V.Skoblo, L.L.Baz, T.A.Balandina, 1996) bad mood (with a deterioration in mood in the morning);

– disturbed sleep; early morning awakenings;

– change in appetite; refusal of food, or overeating with corresponding changes in body weight;

– guilt and humiliation, self-incrimination without a reason;

– inappropriate behavior with the child;

– violation of concentration, as well as fluctuations or indecision in decision-making; · agedonia – a mental disorder in the form of a loss of a sense of joy;

– anxiety (excessive concern about the state of health of the newborn and its safety);

– irritability;

– reduced self-esteem and a feeling of self-doubt;

– gloomy and pessimistic vision of the future;

– loss of interest in life and enjoyment;

– decreased energy, increased fatigue;

– unwillingness to have sex.

– the appearance of obsessive phobias, for example, fear of illness or the death of a child, fear of adultery, fear for one's own life, etc.

– regularly recurring tantrums, temper, aggressiveness

– apathy

– a tendency to suicidal thoughts, attempts to injure oneself.

If at least one of the listed symptoms persists for 2 weeks or more, you need to seek help from specialists. If untreated, the likelihood of developing postpartum psychosis is increased. To avoid such difficulties, it is necessary to diagnose this type of depression on time and prescribe the right treatment to eliminate it..

Mental disorders are constantly confused with a simple mood disorder. What are the differences between postpartum depression and spleen?

If we consider the issue from a general perspective, such moments are typical for postpartum depression:

Durability. Lack of variability for months and even years.

Duration. The duration of the spleen is determined by several days, maximum weeks. However, there can be no multi-year course. Apart from patients in whom dysthymia is a normal occurrence, a character trait. However, there are no other symptoms in this situation..

Lack of variability. Spleen against the background of vitamin deficiency, climate change, the time zone – is developing rapidly, but it is extremely unstable. Any positive event is enough to dispel melancholy and remove feelings of hopelessness, depression.

A clear set of symptoms. Postpartum depression can be determined by analyzing the clinical picture. This is a key way to screen for problems..

Spleen is not a diagnosis, and it is usually not associated with jumps in the level of neurotransmitters. Because pathology does not have an obvious biochemical background. This is the result of the body's response to stress, adaptation to new conditions.

The following clinical options for postpartum depression are distinguished (A.V.Chirkova, A. D.Zubareva, 2019):

– Postpartum depression (transient, occurs in a third of women shortly after giving birth, usually does not require special treatment).

– A mild or moderate depression that occurs during the year following the birth of the child (develops in 10% of women).

– Postpartum psychoses with an atypical picture (depressive or manic symptoms are present simultaneously; in future, the risk of developing bipolar disorders is high).

Classification is carried out according to the nature of the pathological process, the prevailing clinic. This is an integral criterion that combines several types of disorder.

Major postpartum depression is the most

common type of abnormality. It occurs in the majority of sufferers. It accounts for up to 75% of all clinical cases. Recovery is carried out in a home or hospital setting. The question is the severity of the pathology and the subjective desire of the woman. The clinical picture is typical: these are both a complete triad and additional symptoms (according to diagnostic criteria, there should be at least two additional manifestations). The choice of treatment tactics also lies on the shoulders of specialists.

How long does a postpartum depression of this form last? An indefinitely long, possibly protracted, chronic course that lasts for years.

Minor form is a truncated version of the previously named process. Unlike the large, the small one gives only the main triad, perhaps not even completely. In almost all cases, dysthymia is present. Persistent decrease in emotional background, also lethargy. Decreased thinking speed, suicidal thoughts and other symptoms are optional and not necessary for diagnosis.

Anxious – postpartum anxiety depression gives atypical symptoms. In addition to depression, there is constant fear. For yourself, for aggravating your own condition, for a child and so on. In addition, there is constant anxiety of an incomprehensible property. Sufferers themselves cannot explain what is happening to them, describing the situation as excruciating anxiety, restlessness, nervousness develops, and normal sleep is disturbed. Insomnia and daytime sleepiness occur. Panic attacks occur. Treatment – medication in a system with psychotherapy.

Atypical is rarely detected. It is accompanied by fragmentation or rapid variability of the symptomatic complex (polymorphism). Prerequisite for recovery – medical correction.

Psychotic is an even rarer case. It is considered a private variant of postpartum psychosis. It gives productive manifestations. Hallucinations, delusional thoughts and statements, other points. It is eliminated strictly in a hospital.

The causes of ***postpartum depression*** are as follows:

Adverse emotional atmosphere at home

Having a baby is a lot of stress for the mother. The body is in a state of severe adaptation, there may be a course of complications that only exacerbate the matter. If there is not enough support at home, a favorable psycho-emotional climate, there is no question of any normal recovery. Often the problem is the lack of assistance during the transition period, when a woman gets used to a new role. Also a huge problem is the husband's incorrect behavior – indifference or even leaving the family. Such factors can provoke not only postpartum depression, but also psychosis – an acute condition that excludes adequacy when the mother becomes dangerous for herself, her baby and others.

Hormonal changes

Hormonal background is a complex and multifaceted system, subtly connected by all its parts. Therefore, in case of violation in one sphere, violations of a different kind will inevitably develop. Changes in the level of specific sexual substances and pituitary hormones: prolactin, progesterone, estrogen – affect the concentration, production, «movement» of neurotransmitters. First of all, serotonin levels plummet, which is responsible for the normal emotional background. Then, dopamine decreases too. Recovery involves the normalization of these components with medical methods. Without correction, the disorder can last for years without any visible prospects for a spontaneous retreat.

Hereditary factor

Deviation can occur as a result of a burdened genetic component. It is proved that if there was a person in the family with an appropriate diagnosis, the likelihood of acquiring the same problem in posterity increases at times. Thus, if only the father suffered, the risks increase one and a half times. If it was a mother it gets up to 2.5 times. Presumably, the disease is more maternally transmitted. Although this fact has not yet been proven. With proper «hygiene» of the psyche, maintaining the right course of life, there is every chance of not encountering a disorder.

Depression in the anamnesis

A proven fact, a postpartum change of the genus under consideration is more common in those who already have an appropriate diagnosis. Delivery is just another, but extremely difficult trigger. Severe stress causes prolonged postpartum depression. Recovery from such a crisis will require more than one month.

Social and economic difficulties

In this case, it is precisely the violation of basic conditions needed for a human on the daily basis. The lack of sufficient funds, uncertainty in one's ability to feed a child and one-self tomorrow, instability of a financial situation – all these seem to be banal and well-understood factors that provoke dysthymia and depression. The same goes for problems with the husband. The partner does not always leave the family or show indifference. There is a chance of possible aggression, misunderstanding. The family, especially in the case of the first child, begins to

rebuild in a new way. To sum up, it is not easy for both spouses.

Fear

This reason is most typical for perfectionists, mothers who want to do everything at the highest level. In the head of such a woman there is an image of an ideal mother, which is simply unattainable in principle. Therefore, a dissonance arises: the mother does not correspond to her own beautiful, almost fabulous image. Hence the postpartum depression, problems with the adoption of the child and himself, aggressive, contrasting obsessions (obsessive thoughts) are possible with the desire to harm yourself and the baby.

The presence of other mental illnesses in the anamnesis, personality traits

Some clients of psychologists, for example, individuals of the schizoid, epileptoid type, are worse adapted to new environmental factors. In particular, they cannot quickly rebuild their lives in a new way. Hence the problems with the adoption of the current situation and the development of the corresponding pathological process occur. However, this is a transient situation. Much more complicated is the case when there is a history of psychopathy (personality disorders). For example, schizoid condition when a person strives by all means to get rid of society and interaction with others. Or narcissistic, with a "malignant" form, when a woman, in fact, is not capable of affection or empathy due to violations inherent in early childhood.

Explicit or latent dysmorphophobia

Unexpected factor. Dissatisfaction with one's own personality provokes mental problems. After a childbirth stretch marks occur. Often as a result of endocrine rearrangements, the hormonal background is disturbed. There is an excess weight, problems with skin, teeth, brittle hair. All these factors, especially when there is a dissatisfaction with one's own body, lead to an unusual, albeit quite predictable result.

Severe pregnancy, premature birth

These are tests for the body. After preterm birth, as shown by specialized studies, the violation occurs almost 15% more often, which is associated with a sharp jump in hormone levels, lack of naturalness, and completeness of the process. A difficult birth with complications, toxicosis, and other problems create almost the same effect.

Other problems

For example, under certain constitutional features a lack of sexual life can thus be concluded as a reason for it. Although the woman herself may not admit to herself such a change and natural need. In the same way, psychological problems can occur: violence in childhood, psychological trauma for children.

Identifying the causes plays a huge role. Since pharmacology alone does not help. Psycho-social assistance of specialists is needed. To make it effective enough, you need to find the «root of evil», the source of the negative state.

Conclusion

Thus, the study of this topic represents a high level of seriousness and is danger to a woman and her closest, which is not only personal, but also social in nature. A woman who has recently given birth considers herself guilty of all problems, closes herself from an outside world and does not want to seek help. Faced with the difficulties associated with caring for a child, she experiences a deep sense of guilt, unable to cope with all the worries. We classified the symptoms of postnatal depression, which can be divided into the following types: emotional symptoms (sadness, loss of pleasure), cognitive symptoms (negative perception of self, hopelessness, weakening concentration and memory, confusion), motivational symptoms (passivity, lack of initiative and perseverance in actions) and physical symptoms (impaired sleep and appetite, fatigue, constant feeling of malaise, lethargy of reactions).

Prevention of this disease involves predictive diagnosis, taking into account the following risk factors: (M.V. Shamanina, 2014)

– presence of depression in the patient or in close relatives in history (especially in the postnatal period);

– unfavorable psychological situation in the family;

– presence of traumatic events before or during pregnancy, as well as complicated pregnancy;

– inadequate perception of oneself as a mother;

– pregnancy out of wedlock, social disadvantage;

– lack of sleep, overwork.

To prevent depression from developing, the following tips and recommendations must be followed:

Lead a healthy lifestyle.

Be in nature as often as possible, breath fresh air.

Go in for sports, do exercises in the morning. Exercise has been proven to promote the production of serotonin in the body.

Organization of proper nutrition. Dishes should be varied. You need to cook them from foods rich in vitamins and minerals.

Compliance with the regime of work and rest. An adult woman should sleep at least 8 hours a day.

A positive outlook on life. We must be happy every day, with to look into the future with hope. This attitude makes a woman strong, helps her overcome any difficulties.

Avoidance of stressful situations. If the trouble does occur, then do not get hung up on it.

If you follow, the listed recommendations there will be every chance of not getting into this unpleasant state:

If there are problems with the psyche, gentleness of character, vulnerability, a tendency to introversion, feelings – prevention involves contacting specialists in a preventive manner. It is necessary to regularly undergo examinations. Many may prefer going to a private clinic so as not to risk one's social status (although there are no risks in this case).

It is highly recommended to master the techniques of relaxation and meditation.

Preventing stress will help avoid depression after childbirth.

Proper, fortified nutrition.

Psychological preparation for childbirth and motherhood.

Once again, if these simple tips are followed, the consequences will not come. Finally, risks will be minimized.

References

Avedisova A. S. (2003) Depressiya + trevoga: diagnostika i lecheniye [Depression + anxiety: diagnosis and treatment] M.: SSC MSP them. V.P. Serbsky

Baz L.L., Skoblo G.V. Iskazheniye materinskogo povedeniya pri poslerodovykh depressiyakh: vliyaniye rannego i aktual'nogo zhiznennogo opyta zhenshchiny [Distortion of maternal behavior in postpartum depressions: the impact of a woman's early and current life experience] Social and mental health of a child and family: protection, help, return to life: Materials of All-Russian. scientific and practical conf. (September 22–25, 1998, Moscow). M., 1998, P. 82-83

Baz L.L., Vassina A.N. (2005), postpartum depression. Empirical studies of psychological phenomena / "Reading book on perinatal psychology. Psychology of pregnancy, childbirth and the puerperium", Moscow, publishing house URAO, P. 235-245

Kanovskaya M. (2012) Nastol'naya kniga budushchey mamy [Handbook of the future mother] M .: Publishing house AST, 340 p.

Kornetov H.A. (2003) Raspoznavaniye i taktika vedeniya trevozhnykh i depressivnykh narusheniy v period beremennosti i posle rodov: metod, posobiye [Recognition and management of anxiety and depressive disorders during pregnancy and after childbirth: method, manual] Tomsk, 78 p.

Pribytkov A. A. (2006) Klinicheskiye osobennosti depressivnykh rasstroystv nevroticheskogo urovnya v poslerodovom periode [Clinical features of depressive disorders of the neurotic level in the postpartum period] Doctoral dissertation. St. Petersburg, 22 p.

Chirkova A. V., Zubareva A. D. (2019) Poslerodovaya depressiya [Postpartum depression] Young scientist. No 24, P. 47-50 // URL https://moluch.ru/archive/262/60704.

Shamanina M.V. (2014) Depressivnyye sostoyaniya v poslerodovom periode [Depressive conditions in the postpartum period] Doctoral dissertation. SPb, 22 p.

Eydemiller E. G. (2007) Semeynyy diagnoz i semeynaya psikhoterapiya: uchebnoye posobiye dlya vrachey i psikhologov [Family diagnosis and family psychotherapy: a training manual for doctors and psychologists] St. Petersburg: Speech, 352 p.

Accortt E. E. (2008) Women and major depressive disorder: clinical perspectives on causal pathways // J. Womens Health (Larchmt). Vol. 17, № 10. P. 1583-1590.

Appleby L. (2004) Screening women for high risk of postnatal depression // J. Psychosom. Res.Vol. 38(6). P. 539-545.

Katz A.H. (1993) Self-help in America: A social movement perspective. New York: Twayne.

Romito, Patrizia (1989) Unhappiness after childbirth. In Effective care in pregnancy and childbirth (edited by lain Chalmus, Murray Emkin, and Marc Keirse). New York: Oxford University Press.

Skoblo G.V., Baz L.L., Balandina T.A. (1996) Research questions of postpartum maternal depressions in the aspect of their influence on children's mental health // Actual issues of borderline states and addictology. Tomsk.

Verta Taylor. (1999), Gender and Social Movements: Gender Processes in Women's Self-Help Movements //Gender and Society, Vol. 13, No. 1, Special Issue: Gender and Social Movements.

Shamanina M.V. (2011) The effect of endocrine pathology on the development of anxiety and depressive symptoms in women during the postpartum period // Mental health in a changing world: WPA Regional Meeting Materials, 14-17 April, Yerevan, Armenia. P. 100.

IRSTI 15.41.31 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.12

S.M. Puzikova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: puzikova.svetlana@inbox.ru

PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF SUBJECT-SUBJECT INTERACTION IN URBAN AND RURAL SCHOOLS OF KAZAKHSTAN: FINDINGS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH OF PEDAGOGICAL PROBLEM

Implementation of the subject-subject approach to a child as an equal partner; development of their subjectification in the learning process is now becoming the leading factor that ensures the process democratization and modernization of the educational process, which shapes the competitiveness of not only an individual but of the kazakhstan nation, as a whole. Subject-subject interaction means the establishment of the so-called "pedagogy of cooperation", the co-management by participants in the educational process, and its democratization and humanization. An important peculiarity of the development of education in Kazakhstan is the threefold prevalence of rural schools over urban schools. As a percentage, this amounts to: 76.7% versus 23.3%. The most indicative in this regard is the situation in the South Kazakhstan region, which is the most densely populated. The implementation of the subject-based approach in school education in the region, the assessment of the degree of "modernization of public consciousness" and its ability to perceive the trends of humanization and democratization of the educational process are of scientific and practical interest in the context of fundamental reform in the educational system and Kazakhstan's search for the educational ideal.

The **purpose** of this article is to determine the specifics of the process of democratization in the relationships between of teachers and schoolchildren in urban and rural schools in the Republic of Kazakhstan to develop appropriate measures to improve the system and content of education.

The methodology and method of the research includes analysis of foreign and domestic publications on the development of a democratic style of interaction in the teaching and educational process, with a view to cultural characteristics, regional differences in urban and rural environments; comparative-comparative method, document analysis, survey methodologies were used, in accordance with the qualitative research strategy (questionnaires and in-depth interviews of schoolchildren and teachers).

Research Findings. Currently, the educational environment of the Republic of Kazakhstan is rethinking the process of development of competences and the system of values of the younger generation, taking into account the increasing influence of the globalization process and the value transformation in Kazakhstan's society. Proceeding from the fact that the opinions of schoolchildren and practicing teachers can suggest ways to improve the educational process while maintaining its educational potential, we have conducted a study in the target group of schoolchildren and teachers from urban and rural schools, comparing their approaches and suggestions on the development of a humanistic form of the relationship between participants in the educational process.

The study demonstrated that there is difference in how students from urban and rural schools see the factors that shape the subject-subject relationships that develop during the educational process. These features should be considered during the transformation. The author of the article focused his attention on them in this publication.

Key words: Subject-subject interactions, Modernization of education, Subjectivity of the shcoolchildren's personality, cooperation in the educational process.

С.М. Пузикова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: puzikova.svetlana@inbox.ru

Казақстан Республикасының қалалары және ауыл мектептерінің сабақтық-өзаралық қызметінің дамыту программасы: педагогикалық проблеманы әлеуметтанулық зерттеудің нәтижелері

Балаға тең құқылы серіктес ретінде субъект-пәндік қатынасты жүзеге асыру; оқу процесінде олардың субъективтілігін дамыту қазіргі уақытта жеке тұлғаның ғана емес, жалпы қазақстандық

 © 2020 Al-Farabi Kazakh National University

ұлттың бәсекеге қабілеттілігін қалыптастыратын білім беру процесін демократияландыру мен модернизациялауды қамтамасыз ететін жетекші факторға айналуда. Пәндік-пәндік өзара әрекеттесу «ынтымақтастық педагогикасы» деп аталатын құрылуды, білім беру процесіне қатысушылардың бірлесіп басқаруын және оны демократияландыру мен ізгілендіруді білдіреді. Қазақстандағы білім берудің маңызды ерекшелігі – ауыл мектептерінің қалалық мектептерден үш есе көп таралуы. Бұл пайыздық мөлшерде 23,3%-тен 76,7% құрайды. Осыған байланысты ең тығыз қоныстанған Оңтүстік Қазақстан облысындағы жағдай. Өңірде мектеп біліміне пәндік көзқарасты енгізу, «қоғамдық сананы жаңғырту» дәрежесін бағалау және оның білім беру процесін ізгілендіру мен демократияландыру тенденцияларын қабылдау қабілеті ғылыми және практикалық қызығушылық тудырады. Білім беру жүйесіндегі түбегейлі реформалардың контексі және Қазақстанның білім беру идеалын іздеуі.

Осы мақаланың мақсаты – білім беру жүйесі мен мазмұнын жақсарту үшін тиісті шараларды әзірлеу үшін Қазақстан Республикасындағы қалалық және ауылдық мектептердегі мұғалімдер мен мектеп оқушыларының қарым-қатынасындағы демократияландыру процесінің ерекшеліктерін анықтау.

Зерттеудің әдістемесі мен әдісі мәдени және сыртқы ортадағы аймақтық айырмашылықтарды ескере отырып, оқу-тәрбие процесінде демократиялық өзара іс-қимылдың дамуы туралы шетелдік және отандық басылымдарға талдау жасауды; салыстырмалы-салыстырмалы әдіс, құжаттарды талдау, зерттеу әдістері сапалы зерттеу стратегиясына сәйкес қолданылды (сауалнамалар және мектеп оқушылары мен мұғалімдердің терең сұхбаттары).

Зерттеу нәтижелері. Қазіргі уақытта Қазақстан Республикасының білім беру ортасы жаһандану процесінің және Қазақстан қоғамындағы құндылықтардың өзгеруінің өсіп келе жатқан әсерін ескере отырып, жас ұрпақтың құзыреттіліктері мен құзіреттіліктерін дамыту процесін қайта қарастыруда. Оқушылар мен практик мұғалімдердің пікірлері білім беру әлеуетін сақтай отырып, оқу процесін жақсарту жолдарын ұсына алатындығына байланысты, біз қала және ауыл мектептеріндегі оқушылар мен мұғалімдердің мақсатты тобында олардың көзқарастары мен ұсыныстарын салыстыра отырып зерттеу жүргіздік. Білім беру процесіне қатысушылар арасындағы қарым-қатынастың гуманистік формасын дамыту туралы.

Зерттеу көрсеткендей, қалалық және ауылдық мектептердегі оқушылар оқу процесінде қалыптасатын пәндік-пәндік қатынастарды қалыптастыратын факторларды көретіндіктен айырмашылық бар. Бұл ерекшеліктер трансформация кезінде ескерілуі керек. Мақала авторы осы басылымда назарын оларға аударды.

Түйін сөздер: пәндік-өзара әрекеттестік, білім беруді модернизациялау, оқушылардың жеке басының субъективтілігі, оқу-тәрбие үрдісіндегі ынтымақтастық.

С.М. Пузикова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: puzikova.svetlana@inbox.ru

Особенности развития субъектно-субъектного взаимодействия в городской и сельской школах Казахстана: выводы социологического исследования педагогической проблемы

Настоящая статья поднимает вопрос демократизации взаимоотношений между учителем и учеником. Реализация субъект-субъектного подхода к ребенку как к равному партнеру. Развитие их субъективации в учебном процессе в настоящее время становится ведущим фактором, обеспечивающим процесс демократизации и модернизации образовательного процесса, который формирует конкурентоспособность не только отдельного человека, но и всей казахстанской нации в целом. Под субъект-субъектным взаимодействием понимается установление так называемой «педагогики сотрудничества», соуправление участниками образовательного процесса, его демократизация и гуманизация. Важной особенностью развития образования в Казахстане является трехкратное преобладание сельских школ над городскими. В процентном отношении это составляет 76,7% против 23,3%. Наиболее показательным в этом отношении является ситуация в Южно-Казахстанской области, которая является наиболее густонаселенной. Внедрение предметного подхода в школьном образовании в регионе, оценка степени «модернизации общественного сознания» и его способности воспринимать тенденции гуманизации и демократизации образовательного процесса представляют научный и практический интерес.

Целью данной статьи является определение специфики процесса демократизации во взаимоотношениях учителей и школьников в городских и сельских школах Республики Казахстан с целью разработки соответствующих мер по совершенствованию системы и содержания образования. Методология и метод исследования включают анализ зарубежных и отечественных

публикаций о развитии демократического стиля взаимодействия в учебно-воспитательном процессе с учетом культурных особенностей, региональных различий в городской и сельской средах, сравнительный метод, анализ документов, методики проведения опросов были использованы в соответствии со стратегией качественного исследования (анкетирование и всесторонние интервью школьников и учителей).

Результаты исследований. В настоящее время образовательная среда Республики Казахстан переосмысливает процесс развития компетенций и системы ценностей молодого поколения с учетом возрастающего влияния процесса глобализации и трансформации ценностей в казахстанском обществе. Исходя из того, что мнения школьников и практикующих учителей могут предложить пути улучшения образовательного процесса при сохранении его образовательного потенциала, мы провели исследование в целевой группе школьников и учителей из городских и сельских школ, сравнивая их подходы и предложения по развитию гуманистической формы взаимоотношений между участниками образовательного процесса.

Исследование показало, что существует разница в том, как учащиеся городских и сельских школ видят факторы, которые формируют предметно-предметные отношения, развивающиеся в процессе обучения. Эти особенности следует учитывать при преобразовании.

Ключевые слова: субъект-субъектные взаимодействия, модернизация образования, субъективность личности школьников, кооперация в образовательном процессе.

Introduction

Education and science are the two main areas which modern states put a stake on in achieving leading positions in the world. Human capital development is becoming primary resource in interstate competition. The main characteristic demanded by fateful moment from the life determination of a modern man is subjectivity. In accordance with the leading methodological assumptions, personal subjectivity is characterized by the ability of an individual to implement their goals, willingness to master effective methods and means of achieving them, innovative thinking, systematic and persistent self-development and self-actualization. Based on the above, modernization of public consciousness in the framework of improving human potential of the country primarily consists of the formation of personal subjectivity. As follows from socio-pedagogical research, personal subjectivity of a student is developed through the subject-to-subject relationship (Babinova, 2015: 46-47).

Subject-to-subject interaction means the establishment of "cooperation pedagogy", co-management of the participants in the educational process, by creating conditions that make it possible to realize, feel and accept the fact of personal responsibility of students for their academic and professional performance. The potential of subject-to-subject relations in the development of personal subjectivity is about creating an effective educational space that actualizes the values of self-sufficiency and proactivity in acquiring the necessary knowledge through implementation of democratization and humanization principles of the educational process. Defining the conceptual ideas of modernization of Kazakhstan's education, the Nation leader N.A. Nazarbayev, noted, 'The emphasis in education is shifting towards the 4K model: Development of creativity, critical thinking, communication skills and team work skills' (Nazarbayev, 2018).

Currently, researchers often identify three main elements as the basis for an effective pedagogical interaction process: *Positive interpersonal interaction* between a teacher and a student; *interpersonal interaction*, involving the development of attitudes, values, motives and a certain type of communication, ensuring learning of positive behavioral patterns; well-established *cooperation process*, where its participants become interdependent and become a *single* system (Linnik, 2013).

Cooperation in the educational process is manifested in a set of significant positive personal development results: in relieving tension during any communication, tolerance, free expression of one's own opinion, inspired emotions, joint solution of current problems or their definition. Nowadays schoolchild more than ever needs this type of preparation for life in society, where *people are forced to simultaneously solve the radically different problems of their being* (Nelidov, Khamzin, 2018: 44, 586).

Literature Review

Use of subject-to-subject approach potential in improving the quality of education is not an absolutely new aspect for science. However, for the post-Soviet countries, at the stage of global social transformations, this approach received a

new impetus for its development. Reorientation of the educational process from subject-to-object to subject-to-subject approaches resulted in a paradigmatic shift in educational systems. Belarus, for instance, adopted a humanitarian-culturological model. The purpose of education is harmonious and comprehensive development of an individual in accordance with the *standards set by the state* (Kotlyarova, 2017).

In the Russian Federation, the idea of priority in the pedagogical process of subject-to-subject relationship was implemented through "cooperation pedagogy" by innovative teachers: Sh.A.Amonashvili, I.P.Volkov, E.N.Il'in et al. (Amonashvili, 1990).

In studies devoted to the development of subject-to-subject interaction in the post-Soviet period, emphasis is placed on the communicative aspect of subject-to-subject interactions (A.P.Panfilova, A.V.Dolmatov, A.P.Markov, N.N.Kuzina, A.V.Bykova, etc.). The works justify the impossibility of school democratization process without any changes in the personality of teacher and students. Authors often associate the process of democratization of education with its adaptation to the standards of developed European countries (Murati, 2015).

Specifics of the development of subject-to-subject relations in rural schools were discussed by V.G. Bocharova, A.M. Helmont, A.G. Kornilova, A.E. Korobko, L.V. Bayborodova, L.S. Malkovich, N.A. Morozova, G.F. Suvorov and a number of other authors whose works we relied on in our practical research.

Modern discourses of studying the problem are widely represented in the world practice by the famous works of John S. Drysek, Margaret L. Clark and Harry Mackenzie (Dryzek, Clark, McKenzie, 1989). In particular, Jessica Lindblom in her monograph describes the essence of subject-to-subject interaction from the standpoint of a sociologist (Lindblom, 2015). Alver, Fusun, Kalglar, Sebnem (2015) investigated the influence of this phenomenon on overall development of communication sciences (Alver, Caglar, 2015); Katya Koch identifies the influence of pedagogical subjective theories on the success in immigrants' education (Koch, 2007). The authors draw attention to the created subjectivity of the relationship as an important factor in preparing young people for a happy life in the future (Ley, Nelson, Beltyukova, 2015).

Studies show that a favorable school atmosphere, social support from teachers, classmates, created by the process of relationships subjectivity determines motivation in learning, and solves the problems of children's deviation (Ansong, Okumu, Bowen, Walker, Eisensmith, 2017).

The interdependence between democratization of relationships and the formation of a civic position among students is investigated (Reichert, Chen, Torney-Purta, 2018). A number of scientists are studying the development of the subjective approach in communication in social networks at various levels (interpersonal, group, or with a moderator (Hansson, 2008). Researchers are also considering the question of the relationship between the concepts of "subjectivity" of an individual and its "autonomy" in society (Zagórska, 2011).

With all the diversity of publications, a comparative analysis of subject-to-subject interactions development process in urban and rural educational institutions has not yet found adequate coverage in both domestic and foreign studies.

Modernization of the educational process in terms of integration of the most progressive, from a technological point of view, and environmentally friendly, in terms of maintaining ethnic and cultural identity in the social environment of urban and rural schools, is also a poorly studied area of modern pedagogical and interdisciplinary knowledge.

The purpose of the article

Analysis of the existing experience of implementing the subject approach in urban and rural schools, identifying the specifics of the process of forming the subjectivity of students in the context of preserving the traditionalism of Kazakhstani society and developing proposals for optimizing school education. Our publication will be of interest to those states that are trying to improve their education and, at the same time, preserve the *cultural integrity*.

Materials and Methods

The study, which covered 217 high school students and 40 teachers, used a comparative method, analysis of documents, and survey methods in accordance with the qualitative strategy: questionnaire survey, in-depth interviews of schoolchildren and experts from urban and rural schools of the South Kazakhstan. When designing the study, authors proceeded from the fact that, by analyzing the practice of implementing a subject-subject interaction in schools in this region, which is most traditional in terms of its socio-cultural environment, it will be possible to formulate the

most effective recommendations for improving modernization process of school education in rural areas and optimization of urban education in the traditional Kazakhstani society space. The study was conducted in several stages: first one – in April 2016, second – in October 2016, third – in February 2017. Schoolchildren from ordinary, non-specialized, average schools of South Kazakhstan participated. The sample survey included respondents from the city secondary school No. 102 of the city of Shymkent, students in grades 8-11 between the ages of 13 and 17. The total number of respondents was 119 pupils (65.5% – boys, 49.45% – girls), as well as 98 students living in rural areas (secondary school No. 29 of Sairamsky district, South Kazakhstan region), 7-11 grades students (43.48% – boys, 56.52% are girls) of the same age group (13 to 17 years). The study also involved 20 teachers from the city school No. 102 of Shymkent and 20 rural teachers (school No. 29 of Sairamsky district of the South Kazakhstan region), with teaching experience exceeding 10 years.

Results

Analysis of the success of implementation of subject-to-subject relationship, the formulation of problems and ways to solve them, from the point of view of the students themselves and their teachers, provides an opportunity to conceptualize further improvement of the educational process in Kazakhstan's schools, development of a modern educational environment while preserving cultural identity and traditionality of Kazakhstan's society, especially those manifested in the South Kazakhstan region. It is the traditional nature of Kazakhstani families, their focus on the preservation and revival of family and educational traditions that creates a specific educational environment in which subject-to-subject relationship can be filled with deep educational potential. It is important to use it correctly. We applied survey methods that make it possible to identify the views of participants in the educational process on ways to optimize the learning process.

A survey of schoolchildren for what motivates them more to actively participate in the learning process and self-development, and also what should change in it in order to optimize, revealed the following set of opinions and assessments.

Most of the urban schoolchildren want to enhance problematicity of learning, its emotionality; they are interested in solving intractable and practice-oriented tasks, where they could express themselves; only 22.7% of respondents were undecided.

Opinions of students in the rural region look different. Here, a leading factor in active interaction for students is the skillfully organized group work, as well as teachers mastering technical innovations. A significant part of the respondents (20.41%) consider the competent teacher's use of multi-level assignments (exercises that function as training), interactive participation therein, which continues at home. One third of the students (30.61%) associate the process of subject-to-subject relationship development using group work in addressing any problem, even personal problems. To a greater extent than urban schoolchildren, they have an interest *in team work* organized by the teacher. Along with this, schoolchildren to a greater degree demonstrate responsibility for the common cause and training outcome *in* organizing teamwork. Meanwhile the teacher plays a paternalistic role.

Urban culture influences the teacher's status, who, to a greater extent, should simply be an authoritative expert here. When answering the question: "What do you need from a teacher so that you'd want to study well?" – almost all urban schoolchildren, above all, emphasized professionalism ("strong teacher" – 91.6% of the choice).

According to surveys, rural school students more often chose spiritual and moral qualities in addition to their professional abilities to present the material. They are described as empathetic, ready to help at any time.

According to the results of in-depth interviews with teachers of urban and rural schools, the most widely used forms of students' subjectivity development were clarified with the help of a special educational process management.

For example, in urban schools, about 35% of the time is given to the implementation of the multi-level courses method, and the same amount – to implementing "protective exercises" and psychological training sessions. The remaining lesson time is devoted to problem solving group work in pairs.

In the rural region, teachers pay much more attention to the most productive group work (about 45% are "working in small groups" and 10% – "working in pairs"). The remaining part of the lesson is usually devoted to consolidating exercises and "stress-relief activities".

Urban students, when answering the question: "What role would you play for your teacher?" ("Friend, guardian, psychologist, coach, leader, close person"), for the most part chose the definition of a "*leader*" (69.62%). For them, the mobilizing role of a teacher who teaches to "fight for a place in society" by example is more important.

In contrast to urban schoolchildren, rural school students combine all the roles together. But to a greater degree they associate the image of a teacher with a "close person" – 25.51%, a friend – 18.37%, a psychologist – 20.41%. In the teacher's value definition, rural students are dominated by human qualities, spiritual claims to their teacher, who is close to the role of a parent, or a spiritual mentor.

What place do students give to school teachers in their future life achievements? On a 1 to 10 scale, respondents were asked to answer the corresponding question (Table 1).

Rural students see the crucial role of a teacher in their own welfare. Direct contact with the teacher and his/her active participation in the future fate is extremely important for them, almost as that of a father. They prefer "collective cooperation and mutual assistance" rather than competitive struggle in solving all related problems, explaining that "competition" "pressures" and results in intense, insincere relationships" (65.0%).

Table 1 – Role of schoolteachers in the success of students throughout their lives

School		
Points	**City (% of respondents' choice)**	**Rural (%of respondents' choice)**
1	4.2%	0%
2	0%	0%
3	32.76%	0%
4	0%	0%
5	0%	7.8%
6	11.76%	0%
7	11.76%	32.02%
8	35.32%	0%
9	0%	27.54%
10	4.2%	32.64%

Survey methods revealed that laziness of both urban and rural students is a considerable barrier to the development of subject-to-subject relationship in a present-day school, which, by the way, the students themselves recognize. Responding to a question about students managing their free time, the respondents self-critically identified the factors that contribute to its unproductive use (Table 2).

Table 2 – "I would have had more time if…"

School				
Item №	**Urban**	**(%of respondents' choice)**	**Rural**	**(%of respondents' choice)**
1	…I wasn't so lazy	36.12%	…I don't think about it and I don't want to think about it; I don't care	24. 48%
2	…teachers gave us less home assignments	31.92%	…for the Internet	20.40%
3	…there was less homework	15.96%	…I knew in advance how to spend it with more use	15.3%
4	…we slept less	16.00%	… not for house work and taking care of my family	16.32%
5	-	-	…not for extra classes in school	12.24%
6	-	-	…I lack it	11.26%

What recommendations for improving educational process are given by the participants themselves? To set a more democratic tone, 75.0% of teachers in urban and rural schools (their opinions did not differ fundamentally) noted that it was necessary to revise the educational standard, to remove, in their opinion, "irrelevant subjects" that do not play a significant part in development. Unfortunately, "social studies" and "religious studies" were included in this list. The essential underestimation of the educational potential of social sciences is obvious.

Recommendations of schoolchildren look a little different. More than a third (30.84%) of urban schoolchildren generally found it difficult to answer; 20.76% of them suggested canceling grades as a type of education control, 27.56% want to receive most of the teaching material in class, and not during self-directed learning; 12.84% said that "teachers talk too much"; eight percent of respondents suggested making each lesson unique and interesting, multiplying the number of oral tasks for language development.

The following proposals dominated in the responses of rural students: to introduce more cognitive test tasks into educational process (almost 40% of respondents); 32.02% suggest enhancing the knowledge component of classes (the following statement was typical: "pay more attention to acquiring knowledge in the class rather than to the form of a lesson"); 4.03% each received suggestion "to have classes outdoors", "it is necessary to make each class interesting", "to repeat the material covered more often". No innovative proposals came from students.

Note that innovation in the educational process in schools should transform the fundamental nature of Kazakhstan's education into a fundamental nature of self-education (which is the strength of the modern graduates' training). Both urban and rural schools can equally contribute to the goal. But for this it is important to provide equal chances to the urban and rural regions: possession of a pedagogical asset with high professional and personal competences. The study confirmed that the fundamental nature of each school lesson is determined by *systemic knowledge, genral knowledge, and only empathic interaction, organized by a children-loving teacher,* making subject-to-subject interaction the norm of communication.

The study also showed that students from urban and rural schools view the factors that form subject-to-subject relationship differently. In urban schools, democratization of educational process is associated with the development of individualism and competition. In rural schools, students are more appreciative of the collectivist communication type, and not the leadership, but, above all, spiritual and moral qualities of teachers who are able to organize friendly group work and a pedagogically supportive environment.

Discussion

According to Kazakhstani researchers, the most important feature of the development of modern Kazakhstan is its traditionalism. The bearers of traditionalism, its revival, preservation and (in some cases) augmentation are Kazakh families, where, like all Eastern nations, the eldest has always been the most respected and honored person. "Bearers of the spiritual values of the Kazakh people were aksakals, folk musicians, singers, poets and narrators who were called "ustaz", which meant both a teacher and a wise mentor. In Kazakh society, education put a person in a special position and almost always meant a high social status... "Standards of behavior in the family, respect for elders, a sense of duty towards elders and family and tribe were instilled in children from birth. Kazakhstani psychologist, M.P. Kabakova, conducted social and psychological analysis of life values of the Kazakh ethnic group (Kabakova, 2018:.65-67) revealed that for modern Kazakhs, just as before, the most important values are family, children, well-being of their family and friends.

According to the study, it justified and proved the family-centeredness of the Kazakh ethnos, orientation of the upbringing traditions to preserving the values of family-kinship ties, maintaining the symbiotic nature of the relationship between parents and children, especially in the families of rural Kazakhs. In the urban Kazakhs families, children are given a little more freedom and independence, while the father traditionally has a dominant role in upbringing. In Russian families, as shown by her study, there is spousal orientation of relationships in the family, and symbiotic character is more pronounced in the relationship between mother and children. Similar results were obtained by Russian researchers (Savinkov, Baklanov, 2017:50). How does this traditionalism of social and cultural field of Kazakhstani society are reflected in the functioning of school education?

A study conducted by the authors of the article revealed that in urban schools students have more developed features of individualistic culture; they are prone to greater freedom in choosing positions and judgments; they are capable of independent

judgments, self-learning, more than rural schoolchildren; they need problematizing training that forms state-of-the-art knowledge. For urban schoolchildren, the authority figure is a professional teacher, a leader. This characteristic reflects manifestation of present-day beginnings in the educational activities of school. At the same time, the theoretical work of Morton Deutsch (1949) in the middle of the last century had shown that collectivist culture has advantages when it comes to building an atmosphere of cooperation. When comparing the effects of rivalry (individualistic culture) and cooperation (collectivist culture), researchers point to a poor mental health of individualists.

Obviously, speaking about the prospects of harmonization of the educational process in urban schools, ensuring its proportionality to the peculiarities of the socio-cultural life of Kazakhstan's society, in the learning process it is necessary to make provisions for the implementation of techniques to develop *collectivist qualities in students – development of cooperation skills, teamwork skills, and mutual assistance* (Panfilova, 2014). Otherwise, our children will feel their "otherness", and confront the core values of their traditional culture.

For Kazakhstan's society, it is important to achieve a balance in the formation of collectivist and individualistic personality traits. Based on a comparative analysis of the essence of individualistic and collectivist cultures (Triandis, 1989), we note that a school, like any organizational structure, can and is able to, for the benefit of stability in the society, maintain a balance of personal subjectivity and social responsibility.

For urban schoolchildren, it is important to focus the lesson planning strategy on the development of such important collectivist traits as devotion to the spiritual values of culture, altruism, sacrifice, tolerance, social solidarity, both during educational process and during extracurricular time. Experimental data confirm this possibility of effective "nurturing" of collective traits with a systematic, mutually beneficial group interaction of the participants (Anna, 2013).

The study showed that students in the rural region, on the contrary, lean toward collective work. Implementation of subject-to-subject relationship in the framework of modernization of the educational environment of rural schools should include, to a greater extent, learner-centered, tailored education, which differs in urban and rural schools by its orientation.

Through an individual approach in a collectivist environment, it is easier to develop a creative element, to create conditions for the development of leadership qualities and personal autonomy. In the process of teaching rural schoolchildren it is necessary to provide extensive introduction to urban subculture. Psychologically, they must be prepared for self-creation and an independent and active position in life. Students in rural schools should be profoundly aware of what life-sustaining activity means in urban areas and why it is necessary to respect and appreciate life in the country (McCracken, Barcinas, 1991).

For rural schoolchildren, development of certain positive traits of individualistic culture, such as personal responsibility for work, active manifestation of personal initiative, ability to defend one's rights and point of view, ability to first of all rely on one's own strength. In our opinion, this is a priority task for the rural region of the republic and an important step towards modernization of the rural socio-cultural environment.

According to the study, the essence of "equality" in the relationship between the teacher and the students is, first of all, in their mutual respect. As was mentioned earlier, in the traditional culture of family upbringing of the Kazakhs, it is common for a father, the man, to dominate in this process, as he is primarily responsible for maintaining family-related traditions, and building symbiotic relationships with the children. This circumstance should be taken into account in the system of education management, – a purposeful policy is needed to attract talented men to teaching activities, taking into account the specifics of the formation of a subjective educational space in the Kazakhstan's school.

It is obvious that formal, command methods in the teaching process have a negative impact on the daily process of an educational institution. They have to give way to a clever system of the educational process management, where students, together with teachers, solve everyday problems of the school. The experience of outstanding teachers shows that the emotional contact between a teacher and their student helps to accomplish this task (Semenov, 2013).

But it must be borne in mind that authoritarian methods are not excluded forever from the management process in case of subject-to-subject interaction. This is not always the worst management approach. We need to be realistic. In a class where there is no organizational culture, there is no order, and the values of educational work are not emphasized in the interaction process, the teacher is forced to resort to exceptional methods in order to develop stable moral standards of conduct.

Conclusion

With the help of subject-to-subject relationship, one of the most important tasks in the modern process of education and training is to form actual personality behavioral traits in the new generation of students that would allow them to master new social spaces with interest, to be successful both in work and communication, development of new knowledge, to build friendly and family relationships with joy, to be positive participants in the modern life of Kazakhstan society.

For urban schoolchildren, it is important to direct the classes planning strategy to maintain such significant characteristics for the Eurasian culture of Kazakhstan as tolerance, social support and solidarity. For rural students, development of certain positive traits of an individualistic culture, such as personal responsibility, initiative and pro-activity through a subject-to-subject process is relevant. Further development of students' subjective position based on the tradition of honoring the elders, preserving family ties of kinship, family orientation of raising children who still remain in the studied region of Kazakhstan, allows one to successfully achieve their goals in Kazakhstani school in the most environmentally friendly way.

The leading role in further modernization of the educational environment of Kazakhstani schools should be played by the subject-to-subject paternalistic-type relationship, taking into account the specifics of the traditional socio-cultural environment of Kazakhstan, based on respect for elders, honoring the education and wisdom of a mentor. The point of modernization of teacher-student interaction in the Kazakh school should, on the one hand, be maintaining a certain spiritual distance based on teacher's authority, and on the other hand – showing greater empathy, kindness and involvement in the results of students' learning activities. A present-day teacher is an expert, well-versed in the trends of modern society, able to accompany development of successful life strategies of their students, their desire for self-improvement, hard work, while possessing the emotional intelligence and cultural conformity of the spiritual foundation of their people.

References

Alver K., Caglar S. (2015). The impact of symbolic interaction on research studies about communication science. International Journal of Arts & Sciences, Vol. 8, no 7, pp. 479-484.

Amonashvili Sh. A. (1990). Lichnaya I gumannayaosnova pedagogicheskogo processa [Personal and humane basis of the pedagogical process]. Minsk: University publishing house, 560 p.

Anna V. B. (2013). Analiz sociokulturnoi I socialno-psihologicheskoi prirody obrazovatelnogo processa [Analysis of Socio-Cultural and Socio-Psychological Nature of the Educational Process]. Procedia-Social and Behavioral Sciences, Vol. 86, pp. 277-282.

Ansong D. (2017). The role of parent, classmate, and teacher support in student engagement: Evidence from Ghana. International Journal of Educational Development, Vol. 54, pp. 51-58.

Babinova N.V. (2015). Subekt-predmetnie otnosheniya kak uslovie organizacii propektnoi deyateknosti doshkolnikov [Subject-to-subject relations as a condition of project activities organization for preschool children]. Teacher education in Russia, no 4, pp. 46-47.

Dryzek J.S., Clark M.L., McKenzie G. (1989). Subject and system in international interaction. International Organization, Vol. 43, no 3, pp. 475-503.

Hansson T. (2008). Handbook of Research on Digital Information Technologies: Innovations, Methods, and Ethical Issues: Innovations, Methods, and Ethical Issues. IGI Global, 256 p.

Kabakova M.P. (2018). Psihologicheskie osobennosti kazahskoi sem'i [Psychological peculiar characteristics of a Kazakh family]. Almaty: Kazakh University, 288 p.

Koch K. (2007) Subjective theories of teachers and their impact on second language acquisition of immigrant children. European Conference on Educational Research, University of Ghent, 19-21 September 2007. Retrieved from: http://www.leeds.ac.uk/educol/documents/166860.htm (Viewed: 31.03.2018).

Kotlyarova I.V. (2017). Belorusskoe obshestvo v kontekste civilizacionno – kulturnogo koda (sociologicheskoe izmerenie) [Belarusian society in the context of civilization-cultural code (sociological dimension)]. Minsk, Belaruskaya Dumka, 392 p.

Ley J., Nelson S., Beltyukova S. (1996). Congruence of Aspirations of Rural Youth With Expectations Held by Parents and School Staff. Journal of Research in Rural Education, Vol. 12, no 3, pp. 133-141.

Lindblom J. (2015). Embodied social cognition. Berlin: Springer, Vol. 26, 235 p.

Linnik E.O. (2013). Sushnostnaya harakeristika koncepcii "subekt – subektnoe vzaimodeistvie"; psichologo – pedagoficheskii aspect [Essential characteristic of the "subject-to-subject interaction" concept: psychological and pedagogical aspect]. Innovative educational technologies, Vol. 36, no 4, pp. 48-54.

McCracken J. D., Barcinas J. D. T. (1991). Differences Between Rural and Urban Schools, Student Characteristics, and Student Aspirations in Ohio. Journal of Research in Rural Education, Vol. 7, no 7, pp. 29-40.

Murati R. (2015). Conception and Definition of the Democratization of Education. Journal of Education and Practice, Vol. 6, no 30, pp. 173-183.

Nazarbayev N.A. (2018). Address from the President of the Republic of Kazakhstan to the people of Kazakhstan on January 10, 2018. Retrieved from: http: //www.akorda.kz/en/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-n-nazarbaeva-narodu-kazahstana-10-yanvarya-2018-g (viewed: 15.02.2020).

Nelidov S.N., Khamzin A.A. (2018). Ekosfera reprodukcii cheloveka [Ecosphere of human reproduction]. Almaty: named by Volkova N.A., 804 p.

Panfilova, A. P. (2014). Vzaimodestvie uchastnikov obrazovateknogo processa. Uchebnik dlya bakalavrov [Interaction of participants in the educational process: textbook for bachelor students]. M.: Yurayt Publishers, 487 p.

Reichert F., Chen J., Torney-Purta J. (2018). Profiles of Adolescents' Perceptions of Democratic Classroom Climate and Students' Influence: The Effect of School and Community Contexts. Journal of youth and adolescence, Vol. 47, no 6, pp. 1279-1298.

Savinkov V.I., Baklanov P.A. (2017). Spros I ocenka kachestva obrazovaniya naseleniya. Nauchnaya publikaciya [Demand and assessment of the quality of education by the population. Scientific Publication]. Edited by Acad. G.V. Osipova. Moscow: Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, 296 p.

Semenov M.D. (2013). Pedagogicheskoe obshenie: cennosti I tradicii [Pedagogical communication: values and traditions]. Alma mater (Higher School Bulletin), no 3, pp. 25-27.

Zagórska W. (2011). Subekt – subektnie otnosheniya kak znachimi aspect lichnostnogo razvitiya vo vzroslom vozraste [Subject-subject relationship as a significant aspect of personal development in adulthood]. Polish Psychological Bulletin, Vol. 42, no 4, pp. 181-187.

ҒТАМР 04.51.69 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.13

А.А. Касымова , А.Т. Омарова , С.М. Дуйсенова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: bota_9219@mail.ru,e-mail: omarova.asem@mail.ru, e-mail: sofico_d@mail.ru

АҒЗА ДОНОРЛЫҒЫ ТУРАЛЫ ӘЛЕУМЕТТІК ТҮСІНІКТЕРДІҢ ТЕОРИЯЛЫҚ-МЕТОДОЛОГИЯЛЫҚ НЕГІЗІ

Мақалада ағза донорлығы туралы әлеуметтік түсініктер теориялық-методологиялық тұрғыда қарастырылады. Сонымен қатар келісу және келіспеу презумпциясына байланысты ағза донорлығы барысында орын алатын қоғамдық қайшылықтар талданады. Мақаланың мақсаты-трансплантация барысында донор мен реципиент арасында болатын тұлғааралық қатынасты әлеуметтік-экономикалық, экономикалық-антропологиялық бағытта қарастыру. Себебі, ғылыми-техникалық революция заманында ағза мүшелерін трансплантаттау мәселесі медицина саласында үлкен жетістіктерге жеткенімен, донорлыққа сұраныс пен ұсыныс арасындағы сәйкессіздік қоғамдағы өзекті мәселелердің бірі. Әлем бойынша жыл сайын «күту парағында» ағза мүшелеріне мұқтаж білдірушілердің саны төменгі көрсеткішке түскен емес.

Мақалада ағза мүшелері донорлығы барысындағы донор мен реципиент қатынасы Марсель Мосстың «сый алмасу» тұжырымдамасына байланысты «Кула шеңбері», «потлач» түсініктері аясында және Маршалл Салинздың «реципрокность» ұғымына сәйкес қарастырылды. Маршалл Салинздың генерализацияланған реципрокность тұжырымдамасы негізінде генетикалық донорлық мәселесі талданады.

Мақалада келісу және келіспеу презумпциясының оң және теріс қырларының қоғамға әсері теориялық-методологиялық тұрғыда айқындалды. Сонымен қатар, ағза донорлығына байланысты шет елдік тәжірибиелер, заң актілері, діни-этикалық қағидаттар қарастырылды.

Теориялық зерттеу барысында алынған нәтижелер ағза донорлығына қатысты қоғамдық пікірдегі қайшылықтарды шешуге, ағза донорлығына қатысты әлеуметтік-экономикалық, моральдық, этикалық тұжырымдар қалыптастыруға әсер етеді. Зерттеу материалдары мен тұжырымдарды академиялық қызметте, әлеуметтік-медицинада қолдануға болады.

Түйін сөздер: органикалық айырбас, Кула шеңбері, сый алмасу, реципрокность, келісу презумпциясы, келіспеу презумпциясы, альтруизм.

A.A. Kasymova, A.T. Omarova, S.M. Duysenova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail:bota_9219@mail.ru, e-mail:omarova.asem@mail.ru, e-mail: sofico_d@mail.ru

Theoretical and methodological foundations of social concepts of organ donation

The article deals with the social concepts of organ donation in the theoretical and methodological aspect, as well as analyzes the contradictions in the context of public relations, in connection with the presumption of consent and the presumption of disagreement. The purpose of the article is to consider interpersonal relations between the donor and recipient in socio-economic and economic-anthropological aspects. Despite the fact that in the era of scientific and technological revolution, medicine in the field of organ donation and transplantation is achieving significant success, the disparity between supply and demand for donor organs remains one of the most pressing problems in the world. Every year, the number of people who need donor organs on waiting lists around the world does not fall to low values.

The article considers the relationship between the donor and recipient within the concepts of “circle of Kula”, “potlatch” in accordance with the concept of “gift exchange” by Marcel moss and the concept of “reciprocity” by Marshall Salins. The problem of genetic donation is analyzed based on the concept of generalized reciprocity by Marshall Salins.

The theoretical and methodological aspects of the influence of positive and negative aspects of the presumption of consent and disagreement on society are analyzed. In addition, foreign experience, legislative acts, religious and ethical principles related to organ donation were considered.

The results obtained in the course of theoretical research contribute to the resolution of contradictions in the public consciousness regarding organ donation, the formation of socio-economic, moral, and ethical conclusions regarding organ donation. The research materials and conclusions can be used in academic activities and in social medicine.

Key words: organic exchange, Kula circle, gift exchange, reciprocity, presumption of agreement, presumption of disagreement, altruism.

 © 2020 Al-Farabi Kazakh National University

А.А.Касымова, А.Т. Омарова, С.М.Дуйсенова
Казахский национальный университет им.аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: bota_9219@mail.ru, omarova.asem@mail.ru, e-mail: sofico_d@mail.ru

Теоретико-методологические основы социальных представлении о донорстве органов

В статье рассматриваются социальные понятия о донорстве органов в теоретико-методологическом аспекте, также анализируются противоречия в контексте общественных отношений, в связи с презумпцией согласия и презумпцией несогласия. Целью статьи является рассмотрение межличностных отношений между донором и реципиентом в социально-экономических и экономико-антропологических аспектах. Несмотря на то, что в эпоху научно-технической революции медицина в области донорства и трансплантации органов достигает значительных успехов, диспропорция между спросом и предложением на донорские органы остается одной из актуальных проблем в мире. Ежегодно по всему миру в «листах ожидания» количество людей, нуждающихся в донорских органах, не снижается до низких значений.

В статье рассматривается отношения донора и реципиента в рамках понятий «круг Кула», «потлач» в соответствии с концепцией «дарообмена» Марселя Мосса и понятием «реципрокность» Маршалла Салинза. Подвергается анализу проблема генетического донорства на основе концепции генерализованной реципрокности Маршалла Салинза.

В теоретико-методологически плане анализируется влияние на общество положительных и отрицательных аспектов презумпции согласия и несогласия. Кроме того, были рассмотрены зарубежный опыт, законодательные акты, религиозно – этические принципы, связанные с донорством органов.

Результаты, полученные в ходе теоретического исследования, способствуют разрешению противоречий в общественном сознании в отношении донорства органов, формированию социально-экономических, моральных, этических выводов в отношении донорства органов. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в академической деятельности, в социальной медицине.

Ключевые слова: органический обмен, круг Кула, дарообмен, реципрокность, презумпция согласования, презумпция несогласия, альтруизм.

Кіріспе

Адамзат баласы жер шарында қалыптасқаннан бастап нарықтық кезеңге дейін қоғамдық қатынастар экономикалық негізде жүзеге асырылуда. Ең алғашқы экономикалық байланыстың негізін «айырбас» құрайтыны белгілі, «айырбастың» типтік түрі мен құны жаһандық революциялық ағымдарға байланысты эволюцияға ұшырап отырды және бұл үздіксіз жүретін процесс. Төртінші ғылыми техникалық революция заманында «айырбас» тек экономика саласында емес, биомедицина саласында да көрініс тапты. Адам органдарын трансплантау жүйесі дамыған кезеңнен бастап, «органикалық айырбас» ұғымы ғылыми айналымға ене бастады. Алайда, биомедицина саласында айырбас ұғымына тән экономикалық қағидат сақталмады, яғни сұраныс пен ұсыныс тең жағдайда қалыптаспады. Сол себепті, батыстық зерттеушілер «Органикалық айырбас» ұғымын экономикалық антропология саласында қоғамдық қатынастарды реттеу үшін қалыптасқан «сый және айырбас, сый алмасу» теориясы тұрғысынан қарастырды (Штайнер, 2014:17).

«Органикалық сый алмасу» теориясын қарастырған кезеңде «сый» ұғымына классикалық анықтама беруші Марсель Мосс және сый алмасу барысында туындаған «reciprocity» ұғымы негізінде қалыптасқан, «сыйлық» пен туыстық арақатынас сипатталатын Маршалл Салинз, Огюст Конттың «альтруизм» ұғымына сүйенуге болады. Аталмыш еңбектер қоғамдағы ағза донорлығы процесінде тұлғааралық қарым-қатынасты әлеуметтік, моральдық, құқықтық, этикалық тұрғыда қарастыруға ықпал етеді.

Мақалада қоғамдық қатынас түрлеріне жататын «сый» және «айырбас» ұғымдарына байланысты жоғарыда аталған авторлардың тұжырымдары бүгінгі медицина саласында адам ағзаларының донорлығына қатысты әлеуметтік, моральдық, құқықтық, этикалық контексті теориялық-методологиялық тұрғыда қарастырылады. Ағза донорлығына қатысты процесті экономикалық антропология тұрғысынан қарастырған авторлардың еңбектеріне талдау жүргізілген. Сонымен қатар, мақалада «органикалық сый алмасу» тұжырымдамасының Қазақстан қоғамы аясындағы қолданыс деңгейі қарастырылады.

Сондай-ақ ағза мүшелерінің донорлығы медицина саласындағы келіспеу презумпциясына сәйкес альтруистік және реципрокность түсінігі бойынша тұжырымдалады. Реципиентке өз еркімен донор болу альтруизмнің ең шеткі нысаны ретінде ретінде сипатталады, өзін-өзі құрбандыққа шалу болып есептеледі. Батыс елдерінде ағза мүшелерінің донорлығы альтруистік принциптерге негізделген. ТМД елдерінде және көптеген дамушы мемлекеттерде трансплантаттау процесінде альтруизмге заң тұрғысынан шектеу қойылған. Себебі, дамыған елдер мен дамушы елдер азаматтары арасында жасырын ағза сату бизнесі жанданып кетуі мүмкін. Сондықтан да, халықаралық «күту парағының» саны ұдайы өсуде және төмендетуге келмейді (Бердышева, 2012:67). Қазақстанда да донорлық қызмет көрсету мұқтаждығы мен оларды іске асыру мүмкіншілігінің арасындағы қалыптасқан үйлесімсіздік жоғары деңгейде. Аталмыш медициналық көмектің түріне сұраныс пен донорлық ағза мүшелері санының сәйкессіздігі қоғам алдында үлкен сұрақ туғыза отырып, әлеуметтік механизмдерді іске қосуды мысалы, донорлыққа белсенділік танытушы қайраткерлер сынды қоғами орта қалыптастыруды талап етіп отыр. Аталмыш тақырып тек медициналық ғылым проблемасы емес, жалпы жаһандық қоғами өзекті мәселелердің бірі.

Мақаланың мақсаты – еліміздегі ағза мүшелері донорлығы, яғни реципиент пен донор арасындағы тұлғааралық байланыс қоғамдық қатынастың қандай түріне негізделіп жүргізілетіндігін теориялық-методологиялық бағытта зерттеу. Сол себепті, ағза донорлығына қатысты реципиент пен донор арасында жүретін процесс келісу презумпциясына сай «сый алмасу» теориясы, келіспеу презумпциясына байланысты «реципрокность» және «альтруизм» ұғымдары шеңберінде қарастырылған. «Сый алмасу» теориясы тұжырымдамасына сай «Кула шеңбері», «потлач» ұғымдары қоғамдық қарым-қатынастың маңызды, моральдық тұрғыда құнды бөліктері, әлеуметтік теңдікті қамтамасыз ететін жүйе ретінде сипатталады.

Негізгі бөлім

Ағза органдарының донорлығы және трансплантация мәселесі әлемдік деңгейде шешімін таппаған жаһандық проблемалардың бірі. Медицина саласында озық технологиялар мен білікті мамандар арқасында ағза мүшелерінің трансплантациясы мәселесі өз даму деңгейіне жеткенімен, ағза мүшелерінің донорлығының тапшылығы әлеуметтік шиеленіскен мәселе. Әлемдік алпауыт мемлекеттер қоғамда ағза донорлығына байланысты бірнеше заң жобаларын тәжірибеден өткізуде. Себебі, донорлық мәселесі индивидтер арасындағы ортақ пікірге негізделуі тиіс. Бір адамның екінші адамға өмір сыйлау процесі қоғамда әр түрлі деңгейде жүзеге асып жатады. Адам ағзасы құнсыз платформа есебінде қарастырылғаны жөн. Бұл процесті теориялық-методологиялық тұрғыдан зерттеу барысында Марсел Мостың еңбегіне сүйенуге болады.

Марсель Мосстың туындысы белгілі бір топтар арасында материалдық нысандар алмасудың нәтижесінде қалыптасқан топ мүшелері арасындағы тұлғааралық қарым-қатынастың даму деңгейін зерттеуге арналған. Мосс архаикалық кезеңнен бастап әр түрлі қоғамның экономикалық даму деңгейін зерттей келе, барлық қоғамға тән ортақ қасиет – өзара айырбас тәжірибесі, деген қорытынды жасайды. Сондай-ақ, зерттеуші өзара алмасу жүйесі бойынша «сыйлық беру» қандай да бір материалдық игілікті беру және алуға негізделгендігін сипаттайды. Сонымен қатар, сый алмасу үдерісі жеке тұлғалар ғана емес, жекелеген топтар арасында орын алатын жалпы феноменнің ажырамас бөлігі болып табылады. Сый алмасу бейбітшілікке негізделген ортақ қоғам құрудың және әлеуметтік ынтамақтастық кеңістігін құрудың жолы. Мосс салыстырмалы зерттеу әдісін қолдана отырып, сый алмасу кезеңінде сыйдың құны тек экономикалық деңгейде емес, әр халықтың өмірсалтына сай анықталатындығын айқындады. Аталмыш процестің қалыптасуы мен даму заңдылықтарын этнографиялық зерттеу әдісін қолдана отырып түсіндіруге тырысады. Автор мысал ретінде Тынық мұхитының солтүстік-батыс жағалауында орналасқан Полинезиядағы маори тайпасының және Меланезия халықтарының өмір салтында пайда болған «сый алмасу» үрдісіне баға береді. Аталмыш тайпалар «Кула шеңбері» және «потлач» ұғымы айналасында өзара сый алмасу жүйесін қалыптастырған (Малиновский, 2004:122).

Автор «сый алмасу» үрдісінің бастамасы ретінде «потлач» – үнділік тайпалар қоғамындағы дәстүрлі сый алмасу рәсімін негізге алады. Потлачтың басты мақсаты – ортақ меншікті қайта бөлу және қоғамдық байланыстарды нығайту. Потлач өз кезегінде тайпалардың беделі мен байлығын көрсетуге және оны елге таратуға бағытталған рәсім. Потлач негізінен дәстүрлі

мейрамдарда орындалады, тайпа көсемдері жақын туыстарын, бәсекелестерін, көршілес тайпалық одақтарды шақыра отырып байлығын ысырап қылған және нәтижесінде кедейлікке де ұшырап отырған. Бұл үрдіс тайпалар арасында алма кезек XX ғасырға дейін жалғасып отырған (Мосс, 1996:56).

Сонымен қатар, Мосс «сый алмасудың» қалыптасуына әсер еткен «Кула шеңбері» жүйесіне тоқталады. Кула шеңбері – дәстүрлі өзара сый алмасу жүйесі, аталмыш шеңбер Массим архипелагында орналасқан 18 аралды қамтиды. Қоғам мүшелері аралдар арасында сағат тілімен және сағат тіліне қарсы бағытта саяхат жасай отырып, дәстүрлі құнды тауарларын айырбастайды. Айырбас ретінде қолданылған тауарлар жеке меншікке өтпейді, олар тек әлеуметтік мәртебе мен қоғамдағы беделді арттыру үшін, сондай-ақ серіктестік байланыстарды нығайту үшін қолданылады. Кула шеңберінің мақсаты – өзара көмек, қолдау көрсету. Кула шеңбері бойынша «сыйлық беруші – сыйлық алушы» ассиметриялы, яғни сыйлық берушінің беделі әрдайым жоғары тұрады. Кулаға қатысушылар айырбас сыйында бағалы заттарды алуға ұмтылады және осы шеңберде сыйлыққа алған затын өзге біреуге сата алмайды. Сағат тілі бойынша айырбас науқанында құнды сыйлық өз иесіне қайтып келуі де мүмкін (Мосс,1996:136). Шеңбер бойынша адам өмірі өзара сенімге, әлеуметтік жауапкершілікке, мәдени құндылықтарға негізделген. Алайда, антропологиялық құндылықтар мемлекеттің әлеуметтік және экономикалық балансына байланысты өзгеріп отырады (Graeber, 2005: 23).

Мосс Кула шеңбері арқылы «сыйлық» пен «тауар айырбасына» жеке анықтама бере отырып, «сый алмасу» мен нарықтық формада кездесетін бартер «тауар алмасудың» нақты айырмашылықтарын көрсетіп берді (Шишкина, 2009:74). Мосс теориясы бойынша «сый алмасу» жүйесінің құны моральдық тұрғыда өлшенуі тиіс. Аталмыш теория бүгінгі таңда әлеуметтік медицина саласында органикалық сый алмасуды қоғамдық санаға сіңіру мақсатында қолданылуда. Себебі, ағза мүшелерін трансплантаттау барысындағы әлемдік тәжірибеде презумпция түсінігі бар: келісу презумпциясы және келіспеу презумпциясы.

Келісу презумпциясы – әрбір адам қайтыс болғаннан кейін, оның ағза мүшелері (қайтыс болған адамның келісімінсіз және ескертусіз) өзге адамға донорлыққа пайдаланылады. Яғни, дәрігер маманның қолында қайтыс болған адамның тірі кезінде ағза мүшелерін донорлыққа және трансплантауға пайдалануға рұқсат етілмеген өтініш немесе оның жақын туыстары тарапынан өтініш болмаған жағдайда жарамды ағза мүшелері алынады. Келісу презумпциясы Ресей, Австрия, Бельгия, Испания, Чехия, Ұлыбритания, Финляндия, Швеция, Беларусия және Қазақстан Республикасында т.б елдерде қолданыста. Келісу презумпциясы бойынша жер бетіндегі әрбір адам өзінің сау ағза мүшелерін болашақ ұрпаққа сый ретінде қалдыруы тиіс, бұл Марсель Мосстың тұжырымдамасына өте сәйкес келеді. Қайтыс болған адам өзінің ағза мүшелерін кімге сыйлағанын нақты білмейді және бұл үрдіс «Кула шеңбері» бойынша жүретін заңдылыққа негізделуі тиіс (Сокольчик, 2018:23). Алайда бұл үрдіс аталмыш елдерде өз деңгейінде жүзеге асырылып жатқан жоқ. Себебі, келісім презумпциясы қоғамдық қатынас, индивидтер арасындағы өзара қарым-қатынас тарапынан бірқатар кедергілерге тап болуда. Мысалы:

– адамның ерік-жігерін ескеру;

– адамның жеке басына қол сұқпау құқығын сақтау;

– қайтыс болған адамның жақындарын ағзаларды алып қоюға байланысты жауапкершіліктен, моральдық-этикалық және психологиялық жүктемеден босату;

– дәрігерлерді этикалық дөрекі әрекеттер жасаудан босату;

– медицинаның трансплантация саласындағы криминалдық іс-әрекеттерді потенциалды деңгейде төмендету.

Келісім презумпциясы адамдарға өмір сыйлауға, өмір сүруге екінші мүмкіндік қалыптастыруға, қол жетімді медицинаны дамытуға бағытталған.

Келіспеу презумпциясы – әрбір адам қайтыс болғаннан кейін оның ағза мүшелерінің қолданысқа берілуіне қарсы, тек қана тірі кезінде рұқсаттама беру негізінде ғана пайдалануға рұқсат. Келіспеу презуипциясы АҚШ, Канада, Германия, Франция, Португалия, Польша, Украина мемлекеттерінде заңмен бекітілген. Аталмыш елдердің азаматтары донор болғысы келген жағдайда денсаулық сақтау мекемелеріне өтініш жазып, арнайы реестрге тіркелу арқылы жүзеге асырады. Бұл үрдіс реципрокность және альтруистік бағытта жүзеге асырылып жатады.

«Реципрокность» ұғымы Мосс, Поланьи, Салинздың антропологиялық зерттеулерімен тікелей байланысты. Маршалл Салинздың «Экономика каменного века» еңбегі дәстүрлі қоғамдағы реципрокность қатынасына негізделген.

Маршалл Салинз реципрокносттың үш формасын анықтап көрсетеді, бірінші – теңестірілген реципрокность. Теңестірілген реципрокность – нарықтық сауда, «сен – маған, мен – саған» принципі бойынша жүзеге асырылады. Екінші – генерализацияланған реципрокность. Генерализацияланған реципрокность – жақын әлеуметтік топ арасында (туысқандық байланыс) болатын қайтарымсыз қайырымдылықтың түрі. Реципрокносттың үшінші формасының атауына Салинс «негативті» терминін қолданады. Негативті реципрокность – экономикалық алдау-арбау жолымен, яғни, ешқандай қайтарымсыз, төлемсіз пайда табу. Бұл категорияға ұрлық, алаяқтық, сонымен қатар адамдар арасында болатын бағаға байланысты саудаласудың қатаң формасы да жатады (Салинз, 1999:170-210). Аталмыш формалардың ішінде генерализацияланған реципрокностты тікелей донорлықпен байланыстыруға болады. Себебі, ҚР «Қазақстан Республикасында азаматтардың денсаулығын сақтау туралы» заңы бойынша (3-тарау, 25-бап) «Қабылдаушымен генетикалық байланыстағы (сүйек кемігін қондыру жағдайларынан басқа), жан-жақты медициналық тексеруден өткен және одан ағзалар (ағзалардың бөлігін) мен (немесе) тіндер алуға болатындығы туралы консилиум дәрігер-мамандарының қорытындысы бар адамдар тірі донор болуы мүмкін». Демек, генетикалық туыстығы бар адамдар арасында ғана ағза мүшелері трансплантaй алынады. Бұл дәстүрлі қоғамға сай туысқандық байланыста болатын қайтарымсыз және өмірлік құны жоқ сый.

Аталмыш жағдаятта генерализацияланған реципрокность пен альтруизмды бір ұғым ретінде қарастыра алмаймыз. Себебі, генерализацияланған реципрокность тек жақын туыстар арасында ғана жүретін шекті процесс. Осыған орай, қоғамда көптеген қайшылықтар туындауда. Ағза донорлығы саласында генерализацияланған реципрокносттың белгіленген шекарасын ұлғайту, бұл дегеніміз реципиентке донор оның қандас туыстарынан басқа ағайындас туыстарын да енгізу мәселесі.

Альтруизм ағза донорлығы мәселесіне байланысты келісім және келісімсіз презумпцияға сай жүзеге асырыла береді. Альтруизм бойынша кез келген индивид таныс емес адамға тірі кезінде де, қайтыс болғаннан кейін де саналы түрде донор болады. Альтруизмнің шекарасы шексіз болып келеді (Healy, 2006:48).

«Альтруизм» – бөгде адамдарға жанаршырлық пен мейірбандық танытатын, өзге адам мүддесіне ерікті қызмет ететін, қоғам игілігі үшін әрекет етуге дайын адамгершілік қағидат, латын тілінен аударғанда «басқа, басқалар» деген мағынаны білдіреді. Моральдық қағидаттар бойынша альтруизм эгоизмге қарама-қайшы құрылым. Альтруизм қоғамда тұлғааралық қарым-қатынас барысында әділдік принципіне сүйенеді. Мысалы, «Әрекет барысында басқа адамның қызығушылығы сен үшін өз мақсатыңа жетудің құралы болмауы тиіс; Өзіңнің іс-әрекетің барысында басқа адамның мүдделері мен құқығына нұқсан келтірме»; Сонымен қатар адамгершілік принципі бойынша «Сенің іс-әрекетіңнің мақсаты өзге адамның мүддесі болсын» (Wuthnow, 1993:344-357).

«Альтруизм» терминін ғылыми айналымға француз ойшылы Огюст Конт эгоизм ұғымына қарама-қайшы түсінік ретінде енгізгені белгілі. Альтруизм принципінің ұраны «өзгелер үшін өмір сүр» болды (Pickering, 2009:36). XIX ғасырда утилитаризм ықпалының әсерімен, альтруизм ортақ қоғам пайдасы үшін жеке қызығушылықты шектеу деп түсіндірілді. Утилитаризм латын тілінен аударғанда «пайда» деген мағынаны білдіреді. Утилитаризм моральдық принцип негізінде ортақ игілікті қоғамға бағытталған буржуазиялық-этикалық теория. XX ғасырдың екінші жартысынан бастап альтруизм адамның сана сезімінің және мінез-құлқының ерекше құбылысы ретінде арнайы әлеуметтік және әлеуметтік-психологиялық зерттеу барысында «көмек беруші әрекетке» айналды (Быков, 2015:9). Яғни, альтруизм адамдар арасындағы қарым-қатынас контексінде ынтамақтастық, өзара көмек, қайырымдылық т.б формада қарастырылды. Бүгінгі таңда альтруизмнің бірнеше түрлері бар, соның бірі өзін-өзі құрбандыққа шалу. Альтруизмнің аталмыш түрі келіспеу презумпциясына сай келеді және әр мемлекетте әр түрлі жағдайда жүзеге асып жатады. Мысалы, келіспеу презумпциясы бар АҚШ, Австралия, Ұлыбритания сияқты мемлекеттерде адамдар тірі кезінде донор болуға өтініш білдіріп қояды, арнайы реестрде тіркеуде тұрады. Мұндай азаматтардың жүргізу куәлігіне арнайы белгі қойылады және арнайы құжат беріледі. Донор болуға өтініш білдірген адамның отбасы оның шешімінен хабардар болуы тиіс. АҚШ-та альтруизмге байланысты тұлғааралық қатынастың ең жоғарғы деңгейін көруге болады. Адам тірі кезінде саналы түрде күту парағындағы мұқтаж адамға ағза мүшесін салып жатады. Сонымен қатар батыс елдерінде өзге елдер азаматтарына да донор болу құқығы

сақталған. Мысалы, 2006-2012 жж. Ауғанстан мен Ираста жараланған АҚШ әскерлері Германия ауруханасына жеткізіліп, 140-ға жуық Еуропалық азаматтардың өмірін сақтап қалған. Бұл альтруизмнің ең жоғарғы деңгейі деп айтсақ та болады (Шкуренко, 2013:42).

Ағза мүшелері донорлығын «таза айырбас» теориясы тұрғысынан да қарастыруға болады. Экономика тілінде, айырбас – тауардың бір иесінен екінші иесіне өту процесі. Айырбас ерікті және еріксіз болуы мүмкін. Ерікті айырбастың бір түрі сауда. Әр жақ сауданың әділ, тең, тұрақты бағада болуын талап етеді, сондай-ақ тауардың сапалылығы мен құндылығы ескеріледі. Мұндай айырбас бірыңғай эквиваленттік жүйе, яғни тауар бағасын қалыптастыруды талап етеді. Тауар құны тауар бағасына сай болуы тиіс. Айырбас екі түрлі векторда жүруі мүмкін: 1) бартер айналымы – тауар – тауар; 2) ақша схемасы бойынша тауар-ақша-тауар, соңғысы үздіксіз жүретін процесс (Маршалл, 2006:132). Ағза донорлығы мәселесінде экономикалық әрекеттерге көптеген елдерде тыйым салынған. Алайда, Иран мемлекеті ағза донорлығы саласында заң тұрғысынан «айырбас» жүйесін енгізген (Ahad, 2006:6). Иран мемлекетінде адам ағзасы биоматериал ретінде сатылады. Иран мемлекеті транплантация туризміне айналу алдына шақ қалған еді, алайда мемлекет тарапынан Иран азаматтарының шет ел азаматтарына донор болуға немесе реципипент болуына шектеу қойылған. Заң бойынша донор мен реципиент бір елдің азаматтары болуы тиіс. Аталмыш мемлекетте тек бүйрек ағзасы трансплантауға рұқсат берілген. Ағза донорлығына қатысты Иран мемлекеті мұсылман елі болса да, діни этикалық нормалар сақталмаған.

Егер, мұсылман елдерінде ағза донорлығы «айырбас» принципі бойынша болса, онда келесідей діни-этикалық қайшылықтар кездесетін еді:

– Жалпы трасплантация жасау, яғни бір адамның (тірі болсын, мейлі өлі болсын) кейбір ағзаларын екінші бір адамға ауыстырып, қондыру рұқсат етіледі. Алайда, бұл амал адамды қорламайтын дәрежеде және белгілі бір шарттары толық орындалған жағдайда ғана рұқсат болып табылады (Муфтият: Донорлық немесе трансплантация жасаудың шариғаттағы орны). Трансплантация жасаудың рұқсат екендігіне мыналар дәлел болады: **«Кім кісі өлтірмеген немесе жер жүзінде бұзақылық қылмаған біреуді өлтірсе, сонда шынайы түрде барлық адамды өлтіргенмен тең және кім оны тірілтсе, (өлімнен құтқарса) барлық адамды тірілткенмен тең»** («Маида» сүресі, 32-аят.**) Яғни, Құран мен Хадис бойынша ағза донорлығына рұқсат берілген, алайда ағза мүшелерін сату, одан қандай да бір табыс көзін табу болса рұқсат етілмейді.** Донордың өзіне немесе өлгеннен кейін мирасқорларына ағза өтемі ретінде материалдық қажеттіліктерін қамтамасыз ету шартымен, сауда-саттық, пайда табу секілді мақсаттар көзделетін болса, трансплантация жасау рұқсат етілмейді. **(**«Маида» сүресі, 32-аят.**) Иран мемлекетінде бүйрекке донорлық қаржы мәселесімен, халықтың өмір сүру деңгейінің төмендігімен байланысты болуы да мүмкін.**

– Ағза донорлығын «айырбастау» яғни, тауар-ақша процесі қоғамда әлеуметтік теңсіздік мәселесін туғызуы мүмкін;

– Әлеуметтік деңгейі төмен ортадан еріксіз, туысқандық байланысы жоқ донорлар саны көбеюі мүмкін;

– Адам өмірінің құндылығы ескерілмеуі мүмкін;

– Тұлғааралық қарым-қатынаста этикалық ұстанымдар бұзылады;

– Донор өміріне қауіп көбеюі мүмкін.

Әлемде ағза донорлығы әр елде әр түрлі жүретін процесс болып тұр. Ағза донорлығы саласында альтруизм донор тапшылығын жоя алмайтындығы белгілі. Альтруизм ерікті донорларды қамтамасыз етеді, алайда әлемде ерікті донорлардың саны өте аз. Бұл күту парағында жатқан адамдардың санын кемітпейді, кейбір елдерде мүлдем жоқтың қасы. «Сый алмасу» тұжырымдамасын донор мен реципипент арасындағы орган алмасудың бір механизмі ретінде қарастырсақ, бұл әлеуметтік теңдікті, әділдікті, сонымен қатар, адам ағза мүшелерінің құндылығын дәріптейді. Ағза мүшелері донорлығы қайтарымсыз және құндық өлшемі анықталматын, қайтарымсыз механизм болуы тиіс.

Бүгінгі таңда қоғамда ағза донорлығы аясында келісу және келіспеу презумпциясына байланысты түрлі қарама-қайшы пікірлер орын алуды. Қазақстан қоғамында ағза донырлығына байланысты келісу презумпциясы жарияланған. Яғни, адам ағзасының мүшесі өлгеннен кейін кула шеңбері бойынша өзге мұқтаж адамға берілуі тиіс. Алайда, бұл процесс өз деңгейінде жүзеге аспайды. Себебі, қайтыс болған адамның туған-туыстары психологиялық-эмоциялық күйден шыға алмағандықтан көп жағдайдан ағза мүшесін беруден бас тартады. Туған-туыстарынан рұқсат сұрау нақты ҚР заңында

көрсетілмеген, тек медициналық этика барысында орындалуы тиіс шара. Сондай-ақ елімізде генетикалық жағынан туыс адамдар бір-біріне донор бола алады, мұны генерализацияланған реципрокность тұжырымдамасымен байланыстыра аламыз. Генетикалық реципрокность бойынша да елімізде донорлық мәселесі ойдағыдай жүзеге асып жатқан жоқ. Медицина бойынша әр адамның тіндері әр түрлі, генетикалық туыс болғанымен тіндер көбінесе сәйкес келмей жатады. Осыған орай, қоғамда генетикалық туыстардың ауқымын кеңейту мәселесі өзекті болып тұр.

Қазақстан Республикасында альтруистік негіздегі ағза донорлығы қарастырылмаған. Келіспеу презумпциясы заң жүзінде бекітілмеген, себебі, біріншіден – күту парағындағы реципиенттер санын арттырып жіберуі мүмкін; екіншіден – әлеуметтік теңсіздік орын алуы әбден мүмкін, туыстық байланысы жоқ донорлар өз өміріне қауіп туғызуы мүмкін; үшіншіден – медицина саласында этикалық қағидаттар бұзылуы мүмкін; Сонымен қатар Қазақстанда ағза мүшелерін сатуға, сатып алуға, туыстық байланысы жоқ адамдарды мәжбүрлеуге тыйым салынған. Бұл ҚР заңында нақты көрсетілген: «Адам тіндері мен ағзаларын мәжбүрлеп алуға және оларды ауыстырып қондыруға тыйым салынады. Адам ағзалары сатып алу, сату және коммерциялық мәмілелер заты бола алмайды. Мұндай іс-әрекеттерге жол берген адамдар Қазақстан Республикасының заңнамасына сәйкес жауапқа тартылады». Альтруизмге негізделген донорлық мәселесі де алпауыт мемлекеттерде өз деңгейінде жүзеге асырылмай отыр. Осыған орай, көптеген мемлекеттер тарапынан альтруизмге негізделген ағза донорлығына байланысты институт құру мәселесі қоғамдық талқылауға алынған. Сонымен бір уақытта, альтруизмге негізделген донорлық бұл мәселені толығымен қанағаттандыра алмайтыны белгілі, сондықтан да қоғам қажеттілігі әлеуметтанушыларға осы салада нарықтық элементтерді енгізудің тиімді жолдарын зерттеу міндеттерін қояды.

Қорытынды

Әлем бойынша ағза мүшелері донорлығы «органикалық сый алмасу» тұжырымдамасына сәйкес негізделгенімен, аталмыш процесте жүзеге асу деңгейі өте төмен. Жыл сайын өміріне қажетті ағзаларды күту парағының тізімінде тұрып, өмірден өтіп жатқан адамдар саны өте көп. «Біреуге екінші өмір сыйлау» ұғымы қоғамға таңсық нәрсе екені анық. Ағза мүшелерінің донорлығы мәселесін «органикалық сый алмасу» тұжырымдамасы негізінде жүзеге асырылуда, себебі, ағза мүшелерін сату ТМД елдерінде заңға қайшы келетін процесс. ТМД елдері дамушы немесе мешеу қалған елдер санатында болғандықтан, дамыған елдер тарапынан адам ағзаларының сұранысына айналатын аймақ болуы ғажап емес.

Осыған орай ағза мүшелерінің донорлығы мен трансплантация мәселесі «органикалық сый алмасу» теориясына сәйкес жүргізіледі. Органикалық сый алмасу тұжырымдамасы бойынша Мосстың «кула шеңбері» тұжырымдамасы келісу және келіспеу презумпциясына сәйкес:

– кез келген қайтыс болған адам өз ағзасын біреуге сыйлау арқылы мұқтаж адамға екінші өмір сыйлай алады;

– кез келген қайтыс болған адам «кула шеңберіне» сәйкес кімге донор болғандығынан хабарсыз болады;

– ағза мүшелерінің донорлығы Мосс теориясына сай қайтарымсыз, қоғамда нақты белгіленген құны жоқ.

Әлемде көптеген мемлекеттерде ағза мүшелерінің донорлығы Мосс теориясына сай жүзеге асырылады, трансплантаттау процесі ғана дәрігер мамандар тарапынан ақылы болып табылады.

Маршалл Салинс теориясы бойынша генерализацияланған реципрокность негізінде бір-біріне генетикалық жағынан туыс адамдар донор бола алады, бұл жақын туыстар арасында жүретін процесс болғандықтан мұндай сыйдың құны жоқ болып есептеледі, яғни моральдық қатынасқа негізделеді. Демек, ағза мүшелерінің донорлығы заң жүзінде және қоғамдық қатынастарда моральдық құндылықтарға негізделген.

Альтруизмге негізделген донорлық тек дамыған батыс елдерінде ғана қолданыста. Альтруизм – діни аспектіде қайырымдылықтың ең үлкен амалы болып табылады. Альтруизмге негізделген донорлықтың оң және теріс қырлары бар, оны жоғарыда атап өттік.

Елімізде ағза мүшелерінің донорлығына қатысты тұлғааралық байланыстар мемлекет тарапынан шешілуде, бұл жүйеде қоғамдық пікір міндетті түрде ескерілуі тиіс. Көптеген адамдар донор ұғымына қатысты, донор табу немесе донор болу механизміне байланысты әрекеттерден бейхабар. Бұл қоғамда ағза донорлығына байланысты ақпараттандырылудың аздығы. Ақпараттық құралдар тарапынан ағза донорлығына байланысты нақты және қоғамға пайдалы ақпараттар-

дың жарияланбауы. Ақпаратты қоғам заманында әрбір адам ағза донорлығына қатысты заңды талқылауға, ойын мемлекет басына жеткізуге құқылы. Бұл мемлекетке де ағза донорлығына қатысты заң баптарын қабылдауға, шешім шығаруға септігін тигізеді.

Әдебиеттер

Штайнер Ф. «Органический» дарообмен и трансплантация органов, развитие экономической социологии и мораль в мире, управляемом деньгами: интервью с Филиппом Штайнером // Электронный журнал «Экономическая Социология». – 2009. Т.10. №1. – С. 6-13 // https://ecsoc.hse.ru/2009-10-4/26591344.html

Бердышева Е.С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Электронный журнал «Экономическая социология». – 2012. Т. 13. № 1. – С.67–85// https://ecsoc.hse.ru/2012-13-1/55567728.html

Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. – М.: РОССПЭН, 2004. – 552 с.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность. – М.: КДУ, 2011. – 416 с.

Graeber D. Toward an anthropological theory of value. – N.Y.: PALGRAVE™. 2001 – 317 p.

Шишкина Т.М. Институт дарообмена и демонстративное потребление как экономические категории и практики. – СПб., 2009. – 329 с.

Сокольчик В. Презумпция согласия: общественное мнение и биоэтические вызовы// Сахаровские чтения 2018 года: экологические проблемы XXI века: материалы 18-й международной научной конференции, 17–18 мая 2018 г., г. Минск.

Салинз М. Экономика каменного века. – М.: ОГИ, 1999. – 296 с.

«Қазақстан Республикасында азаматтардың денсаулығын сақтау туралы» ҚР Заңы// Электронды ресурс: http://adilet.zan.kz/kaz/docs/P030001101_

Healy K. Last Best Gifts: Altruism and the Market for Human Blood and Organs. – Chicago: Chicago University press, 2006. -193 p.

Wuthnow R. Altruism and sociological theory // The University of Chicago press journals « Social Science Review». Vol. 67, No. 3, 1993. pp. 344-357.

Pickering M. Auguste Comte. An Intellectual Biography, volume 3. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 310 p.

Шкуренко О. Как устроены системы донорства органов за рубежом. Мировая практика // Комерсант деньги. Электронный ресурс: https://www.kommersant.ru/doc/2208030 (дата обращения: 10.06.2013)

Быков А.В. Понятие «альтруизм» в социологии: от классических концепций к практическому забвению//Вестник РУДН. – 2015, №1. – С.9-14.

Электронный ресурс: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-altruizm-v-sotsiologii-ot-klassicheskih-kontseptsiy-k-prakticheskomu-zabveniyu/viewer

Маршалл А. Основы экономической науки. – М.: Эксмо, 2008. – 594 с.

Ahad J. Ghods, Shekoufeh Savaj. Iranian Model of Paid and Regulated Living-Unrelated Kidney Donation// Clinical journal of the American society of Nephrology. – 2006. vol. 1, pp. 616-625.

Донорлық немесе трансплантация жасаудың шариғаттағы орны // Электронды ресурс: https://www.muftyat.kz/kk/articles/islam-and-society/2014-06-04/21515-donorlyi-nemese-transplantatsiya-zhasaudyi-shariat/ (уақыты: 04.06.2014)

References

Shtajner F. (2014) «Organichesky» daroobmen i transplantaciya organov, razvitie ekonomicheskoy sociologii i moral' v mire, upravlyaemom den'gami: interv'yu s Filippom Shtajnerom ["Organic" gift exchange and organ transplantation, the development of economic sociology and morality in a money-driven world: an interview with Philip Steiner]// Elektronny journal «Ekonomicheskaya Sociologiya». T.10. №1. – pp. 6-13 // https://ecsoc.hse.ru/2009-10-4/26591344.html

Berdysheva E.C. (2012) Ot kritiki k analitike: kommodifikaciya zhiznenno vazhnyh blag kak aktual'naya issledovatel'skaya problema v novoj ekonomicheskoj sociologii [From criticism to analytics: commodification of vital goods as an actual research problem in the new economic sociology]// Elektronny journal «Ekonomicheskaya sociologiya» T. 13. № 1. pp. 67–85// https://ecsoc.hse.ru/2012-13-1/55567728.html

Malinovskij B. (2004) Argonavty zapadnoj chasti Tihogo okeana [Argonauts of the Western Pacific]. -M.: РОССПЭН, – 552 p.

Moss M. (2011) Obshchestva. Obmen. Lichnost' [Societies. Exchange. Personality.]. – M.: KDU, – 416 p.

Graeber D. (2001) Toward an anthropological theory of value. – N.Y.: PALGRAVE™. – 317 p.

Shishkina T.M. (2009) Institut daroobmena i demonstrativnoe potreblenie kak ekonomicheskie kategorii i praktiki [The institution of gift exchange and conspicuous consumption as economic categories and practices]. Sankt-Peterburg, – 329p.

Sokol'chik V.(2018) Prezumpciya soglasiya: obshchestvennoe mnenie i bioeticheskie vyzovy [Presumption of consent: public opinion and bioethical challenges]// Saharovskie chtenia 2018 goda: ekologıcheskie problemy XXI veka: materıaly 18-ı mejdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 17–18 maya, g. Mınsk.

Salinz M.(1999) Ekonomika kamennogo veka [Stone age economics]. -M.: OGI, -296 p.

«Qazaqstan Respublıkasynda azamattardyn densaulygyn saqtau turaly» QR Zany [Draft Law of the Republic of Kazakhstan «on health protection of citizens in the Republic of Kazakhstan"].// http://adilet.zan.kz/kaz/docs/P030001101_

Healy K. (2006) Last Best Gifts: Altruism and the Market for Human Blood and Organs. – Chicago: Chicago University press, -193 p.

Wuthnow R. (1993) Altruism and sociological theory // The University of Chicago press journals « Social Science Review». Vol. 67, No. 3, pp. 344-357.

Pickering M. (2009) Auguste Comte. An Intellectual Biography, volume 3. – Cambridge: Cambridge University Press, – 310 p.

Shkurenko O. (2013) Kak ustroeny sistemy donorstva organov za rubezhom. Mırovaıa praktıka [How organ donation systems work abroad. World practice]. Komersant dengy. Elektronnyi resurs: https://www.kommersant.ru/doc/2208030 (date of request: 10.06.2013)

Bykov A.V. (2015) Ponyatie «al'truizm» v sociologii: ot klassicheskih koncepcij k prakticheskomu zabveniyu [The concept of "altruism" in sociology: from classical concepts to practical oblivion]. Vestnik RUDN, seriya Sociologiya. №.1. pp. 9-14. Elektronnyi resurs: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-altruizm-v-sotsiologii-ot-klassicheskih-kontseptsiy-k-prakticheskomu-zabveniyu/viewer

Marshall A. (2008) Osnovy ekonomicheskoj nauki [Fundamentals of Economics]. – M.: Eksmo, -594 p.

Ahad J. Ghods, Shekoufeh Savaj. Iranian Model of Paid and Regulated Living-Unrelated Kidney Donation// Clinical journal of the American society of Nephrology, – 2006. vol. 1, pp. -616-625.

Donorlyq nemese transplantatsya jasardyn sharıattagy orny[Place of compilation or transplantation of the donor's blood to another channel] https://www.muftyat.kz/kk/articles/islam-and-society/2014-06-04/21515-donorlyi-nemese-transplantatsiya-zhasaudyi-shariat/

IRSTI 04.51.54 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.14

A.M. Kamal , M.K. Shnarbekova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: ardak.kam@gmail.com, e-mail: Meruert.Shnarbekova@kaznu.kz

DESIGNING YOUTH CONSUMPTION STYLE IN SOCIAL MEDIA

Social networks are now becoming more common and popular among young consumers in Kazakhstan. Young consumers see the flow of content from firms on social networks, but either this content useful to them. The purpose of the work is to study the impact of social networks on consumption and style design among Kazakhstani youth. The results of youth survey, which were carried out online among consumers aged 21 to 30 years in the city of Almaty, are provided in this article.

The article presents in great detail the concepts by V.I.Ilyin, S.Fris, E.L.Omelchenko, P.Bourdieu, T.Luckman, I.Hoffman, I.N.Ivanova, as well as classical sociological theories (K.Marx, M.Weber, G.Zimmel, T.Veblen, V.Zombart). Socio-economic situation of the individual is considered as a determining factor in consumer behavior.

Although social media has many benefits for consumers, they all boil down to one thing: information. Consumers need information in order to make purchasing decisions quickly and reliably, and social networks have made this information available at hand. Social networks are also a form of expression for consumers and allow their voice to reach the companies and brands that they usually buy. The practical significance of the study contains several recommendations for optimizing the benefits of social networks for young consumers.

Key words: social media, youth, consumption, design of consumption styles, Kazakhstan, shopping

А.М. Камал, М.К. Шнарбекова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: ardak.kam@gmail.com, e-mail: Meruert.Shnarbekova@kaznu.kz

Әлеуметтік медиада жастардың тұтыну стилінінің қалыптасуы

Әлеуметтік желілер қазіргі уақытта Қазақстанның жас ұрпағы үшін ақпарат алудың кең тараған және танымал құралы болып отыр. Әлеуметтік желілерде фирмалар, брендтер және олардың тауарлары туралы үлкен ақпарат ағыны бар. Тұтынушылар сатып алу туралы шешімді тез және сенімді қабылдау үшін осындай ақпаратты қажет етеді. Өз кезегінде әлеуметтік желілер бұл ақпаратты қол жетімді етті.

Мақалада әлеуметтік желілердің Қазақстан жастарының белгілі бір тұтыну стилін қалыптастырудағы әсері талданады. Алматы қаласында тұратын 21-30 жас аралығындағы жастардың онлайн-сауалнамасының мәліметтері ұсынылған. Тұтынушылардың мінез-құлқының анықтаушы факторы олардың әлеуметтік-экономикалық жағдайы болып табылатындығын ескере отырып, зерттеу кезінде респонденттердің әлеуметтік-экономикалық әл-ауқатына ерекше көңіл бөлінді, яғни олар әл-ауқатының деңгейі бойынша топтастырылған. Сонымен қатар, жастардың әлеуметтік-экономикалық топтары бойынша тұтынушылық артықшылықтарға салыстырмалы талдау жүргізілді.

В.И.Ильин, С.Фрис, Е.Л.Омельченко, П.Бурдье, Т.Лукман, И.Гофман, И.Н.Иванованың концепциялары, сонымен қатар К.Маркстің, М.Вебердің, Г.Зиммельдің, Т.Вебленьдің, В.Зомбарттың классикалық әлеуметтік теориялары қарастырылады. Алынған деректер негізінде жас тұтынушылар үшін әлеуметтік желілердің артықшылықтарын оңтайландыру бойынша практикалық кеңестер ұсынылған.

Түйін сөздер: әлеуметтік медиа, жастар, тұтыну, тұтыну стильдерінің қалыптасуы, Қазақстан, шоппинг.

А.М. Камал, М.К. Шнарбекова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: ardak.kam@gmail.com, e-mail: Meruert.Shnarbekova@kaznu.kz

Конструирование стиля потребления молодежи в социальных медиа

Социальные сети в настоящее время становятся все более распространенным и популярным средством получения информации для молодого поколения в Казахстане. В социальных сетях

© 2020 Al-Farabi Kazakh National University

доступен большой поток информации о фирмах, брендах и их товарах. Потребители нуждаются в такой информации, чтобы быстро и надежно принимать решения о покупке. В свою очередь социальные сети сделали эту информацию доступной.

В статье анализируется влияние социальных сетей на формирование определенного потребительского стиля казахстанской молодежи. Представлены данные онлайн-опроса молодых людей в возрасте от 21 до 30 лет, проживающих в городе Алматы. Учитывая тот факт, что определяющим фактором поведения потребителей является их социально-экономическое положение, во время исследования особое внимание было уделено социально-экономическому благосостоянию респондентов, которые были сгруппированы по уровню благосостояния. Также был проведен сравнительный анализ потребительских предпочтений в разрезе социально-экономических групп молодежи.

Рассматриваются концепции В.И. Ильина, С. Фриса, Е.Л. Омельченко, П. Бурдье, Т. Лукмана, И. Гофмана, И.Н. Ивановой, а также классические социологические теории К. Маркса, М. Вебера, Г. Зиммеля, Т. Веблена, В. Зомбарта. На основе полученных данных представлены практические рекомендации по оптимизации преимуществ социальных сетей для молодых потребителей.

Ключевые слова: социальные медиа, молодежь, потребление, конструирование стилей потребления, Казахстан, шоппинг.

Introduction

Social networks are now becoming more widespread and popular among young consumers in Kazakhstan. Currently, companies are realizing how important is to use social networks to communicate with young people. Social media strategies are constantly evolving and becoming better. Companies are experimenting with all kinds of social networks, and this makes the research more interesting.

The problem with the research is that there have been few recent studies on the use of social networks and their impact on consumer behavior of young people in Kazakhstan. In particular, there is little research on the benefits that young consumers can get in developing countries. There is also a need for extended formal research that goes beyond theoretical or predicted results, so that we can gain real knowledge about real-world applications. The purpose of the research is to study the influence of social networks on the consumption and construction of style among Kazakh youth. The subject of the study is the consumption of youth in social networks and its influence on the construction of style. The object of the study is Kazakh youth aged from 21 to 30 years. The research method is a survey of young people, and this article also provides data collection carried out using an online survey of consumers aged 21 to 30 years in Almaty city. The research hypothesis suggests that social networks have a strong influence on the consumer behavior of young people.

Theoretical and methodological basis for the study of youth consumption and social construction styles is the socio-constructivist paradigm, represented by V.I.Ilyin's activity – constructivist approach and his concept of the socio-cultural field. In addition, the methodological basis of the research is the cultural approach ("cultural studies") to the analysis of youth, presented by the concept of C.Frith, where author considers youth as an active subject of consumption. And the interdisciplinary concept of youth cultures by E.L.Omelchenko, which analyzes various phenomena of modern youth everyday practices in terms of differences in their life-style strategies. Also, in classical sociological theories (K.Marx, M.Weber, G.Simmel, T.Veblen, V.Sombart), the socio-economic status of an individual considered as a determining factor of consumer behavior, and consumption in society is determined by its class structure.

The social constructivist direction is represented by the activity-constructivist concept of V.I.Ilyin and the structuralist-constructivist concept of P.Bourdieu. Both concepts allow us to consider consumption as a two-way process. The social environment that has an external character in relation to the individual, with the help of various social institutions, constructs of consumption styles, forms, according to V.I.Ilyin, both the limits of consumer choice and desire. But, on the other hand, this environment is formed by people and exists only to the extent that people reproduce its norms and values in their activities. A person participates in the construction of their own style of consumption, but this construction takes place within the space offered by the social environment. Particular importance for the conceptual definition of social construction is also the reference to the works of P.Berger and T.Lukman, which note that social reality is constructed in the process of joint activity of people, and the key element of construction is the

person. I.Hoffman's research on the construction of social reality in everyday life, I.N.Ivanova's ideas that the social construction of consumption style acts as a social process that is influenced by many forces and factors.

Theoretical and practical significance of the research is determined by the objective need to identify and analyze the mechanisms of social construction of youth consumption styles. The author's research on the process of designing consumption styles, development of the typology of consumption styles, identification of the main mechanisms and agents of their construction contribute to a deeper interdisciplinary understanding of the nature and mechanisms of social construction of youth consumption styles.

The results of the research allow us to expand the theoretical concepts of consumer sociology and youth sociology as areas of national sociology. The practical significance of the research is that the results obtained in the study can serve as a basis for developing programs on youth policy in accordance with the real needs and everyday practices of young people.

Methodology

Social networks are technologies that facilitate social interaction, make collaboration possible, and provide discussion between stakeholders. These technologies include blogs, wikis, tools for sharing media (audio, photo, video, text), networking platforms (including Facebook, Instagram, Vkontakte, Facebook) and "virtual worlds" (Bryer, Zavattaro, 2017:325). One of the advantages of the Internet is that it allows businesses to reach customers around the world, so that customers can research, select, and purchase products and services from businesses around the world.

Social media is the background in which social networking occurs, and it completely changes the way consumers make their purchasing decisions. Social media is very interactive, and users share information and process it with others (Kailani, Kumar, 2018:76). Manufacturers and firms have benefited from this new channel, and most firms now carry out a significant portion of their marketing through social media, allowing them to engage their consumers in a more personal and cost-effective way. Thanks to technological advances, social networks provide access to reliable information at convenient times, even when customers are at home, and therefore they can make comparisons and better monitor from anywhere in the world. Of course, this is directly related to the style of consumption. Youth consumption styles act as a social construct that is formed both by the social environment, which has an external character in relation to the person, and by the person himself, reproducing the norms and values of the environment in their everyday consumer practices. The methodological possibility of such consumption styles consideration is determined by the application of a participatory approach, which is a synthesis of a socio-constructivist methodological direction, the concept of a socio-cultural field, and a culturological approach to the analysis of youth consumption styles (Prasad, Totala, 2014:166). The style of youth consumption is a complex phenomenon that manifests itself primarily in everyday consumer practices and built by young people themselves within the socio-cultural spaces in which they fit (Palmer, Koenig-Lewis, 2019:162).

Youth consumption styles are presented as a space of everyday consumer practices and described based on three principles: "spatial", "situational", and "style". The "spatial" principle allows us to consider the space of consumer practices as divided into peculiar "consumption zones", or using V.Ilyin's terminology, "socio-cultural fields" of consumption (Ilyin, 2014:25). The "situational" principle describes the context of consumer practices and aimed at the subject aspect – the description of the subject and the situation of consumption. The principle of "style" is directly aimed at describing the style of consumption, while the research focus shifts to describing how consumer practices are implemented (Ilyin, 2014:29).

The typology of student consumption patterns is based on three main parameters: the source of attracting resources, the way resources are distributed, and the destination of consumer practices. Depending on the source of attracting resources, located in the "I-others" continuum, there are two styles of consumption: "independent" (the individual primarily attracts his own resources) and "borrowing" (the individual borrows the resources from others). Depending on the method of resource allocation, there are three styles of consumption: "Optimal" (consumer practices are maximally calculated, a person has a clear idea of the goal and compares it with the resources that need to be spent on achieving it), "Economical" (the individual is guided primarily by considerations of saving various resources), "Spontaneous" (the individual enjoys consumer practices "here and now", his consumption is often spontaneous, and consumer practices are subjected to stress relief, entertainment). Depending on the addressee of consumer practice (located in the continuum "I-others") consumption styles differ

in terms of the consumption process and in terms of the consumption result. From the point of view of the consumption process, consumption styles are considered as an "individual" (consumer practices are mostly individual) and "joint" (preference is given to joint consumer practices). In terms of the result of consumption, "consumption as representation" (consumer practices are focused on others, evaluated by others) and "consumption as self-realization" (consumer practices are focused on themselves, self-realization) differ from each other (Nair, 2016:45). Thus, we have formulated two research questions: *(1) What factors of individual, family and social levels have an impact on the consumer demand of young people? (2) What factors of these three levels have the main effect of calling for action?*

Search procedure and review parameters

The main active agents in building youth consumption styles are social institutions (educational institutions (school, university), family institutions, media institutions, peer groups ("peer groups")). Main mechanisms for building consumption styles in these institutions are existing mechanisms for transmitting and perceiving consumer standards and models, which are manifested in three main components: resource opportunities (primarily economic resources), the "cultural program" (manifested in a system of norms and values that regulate consumer behavior of students), the social and communication system (the language of consumer practices). Each of these components, in turn, is an object of social management, which allows us to consider the very construction of consumption styles as a manifestation of management (Adams, 2012:326).

This research is based on primary data, main purpose of which is to provide information about the patterns of social networks use when making purchasing decisions. Article uses a combination of primary and secondary data to understand how consumers benefit from social networks. The research is conducted in the commercial and financial capital of Kazakhstan, Almaty. Data is collected through an online consumer survey of 145 social media users aged 21 to 30. The information was obtained directly from respondents via the Internet from February 5 to March 10, 2020. We have specially chosen this period, because in this period there are two holidays (like Valentine's Day and 8th of March). Responses to this questionnaire then were analyzed to find out why people really use social networks and what benefits they get from them as consumers. We used a convenient sampling method, which implies a sample with unreliability.

Results

Value Social networks are important for 52% of respondents and especially important for 17%. They don't matter much to the 23%, whereas they don't matter at all to the 8%. Women seem to think that social media is much more important than men, with 74% considering it important compared to 26% of men and 84% considering it very important. Instagram, Facebook and WhatsApp have proven to be the most widely used social networks used in Mumbai. Facebook is one of the most widely used social networks in the world, as well as the most flexible in terms of what content can be published. Its popularity can be attributed to the wide variety of content it hosts, including text, images, videos, and more. The growth in the number of smartphones has sparked the popularity of What's App, which is now not only the main messaging app for mobile phones, but is itself a mobile social platform. The growth of What's App signals about the popularity and potential of mobile social networks.

95.8% use social media to keep in touch with friends and family, which shows that social media is still perceived as an interaction tool rather than anything else, and most of its other benefits are secondary. However, the second most frequently mentioned reason is "follow the news and celebrities", which was mentioned by 50.3% of respondents. This shows how social networks have made people bigger consumers of news by making it easy to read news on websites like Facebook or Twitter. Most news agencies now have a Facebook and Twitter pages that make news more interactive and reader-oriented. In addition, most celebrities now use online social networks, which have made them more accessible to their fans, which can also be called consumers of the celebrity brand. 33.6% of respondents use social networks to track trends, which again benefits consumers as a source of information.

70.6% used social media to follow news pages, which only supports the early claim those social media benefits news readers/consumers by allowing them to follow news agency pages and get the latest news directly in their feed. 60.3% also followed fashion and style brands, which show how consumers can use social media to shop online by following their favorite brands online. 50% of respondents follow social causes online, which makes it easier for them to donate and volunteer for causes, not to mention raise awareness about them.

41.9% follow celebrities, which again confirms that social media has made celebrities more accessible to their celebrity fans/consumers.

39.7% follow technology pages. These pages not only help consumers make better purchasing decisions, but also show them how to make the best use of their existing technological devices. 32.4% follow social network icons, such as bloggers and weiners (video bloggers). Although these icons are more popular among young people, they benefit people of all ages. Not only do they allow consumers to follow topics that interest them, but they often recommend products to their readers and, like technology pages, show how consumers can make the most of what they already have. Consumers who shop online can benefit the most from social media, since most of the content on social media is targeted at online shoppers. Only 20.3% of respondents said that they never make purchases online. However, the majority of respondents' answers (81.2%) relate to a lower scale of online shopping frequency, which shows that although social networks can have an impact on consumers, change is slow, as most people still prefer personal purchases. What about the impact of social media on shopping, 65.7% of respondents admitted that a social media post "sometimes has some influence" on purchasing decisions (see figure 1).

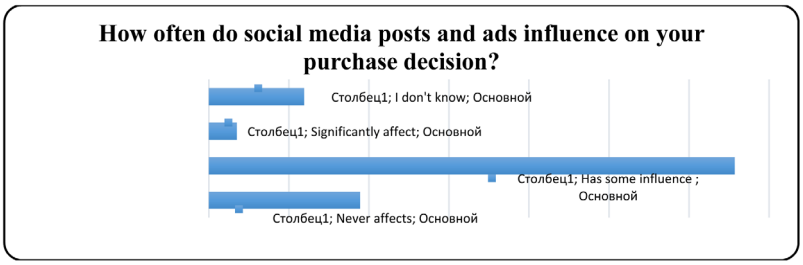


Figure 1 – Influence of social networks on the purchase

While this may not strongly indicate the importance of social media to consumers, when we consider that most people are unwilling to disclose or unaware of how influential an ad campaign can be, we can safely conclude that brands' social media posts influence to customers. This can be useful for consumers by providing information about products and trends, as well as personalizing the advertising process. However, it is also possible that consumers will be forced to buy things that they do not need. This may be one of the disadvantages of social media for consumers.

Also, during the analysis, we found that 38% of respondents block ads and advertising messages in social networks, although only 6.3% often block them. However, an excess of such messages in social networks not only leads to overload of information for the consumer, but is often undesirable. This demonstrates the disadvantages of social networks for consumers. But blocking ads on social media means that consumers can't take benefits of other social media advantages, such as being able to track trends, track discounts and offers. To maximize the benefits of social networks, you need to find a balance between them. We also sought to understand whether consumers check information online before purchasing a product (see figure 2).

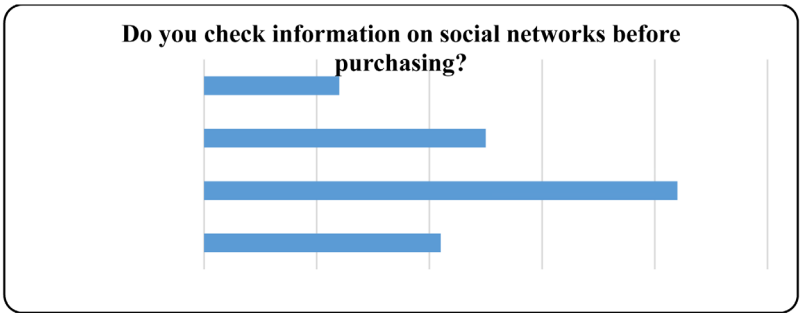


Figure 2 – Checking information before purchasing on social networks

In response to this question, 25% said that they check information, 42% check it sometimes, 21% of respondents do not check this, while 12% claim that they did not think about it and noted "I do not know". Analysis of the relationship between consumer income and attitudes to product verification on the Internet shows that people with lower income levels often check all information about a product on the Internet before making a decision to buy it.

Discussion

The impact of social media among young people cannot be ignored. Not only the number of social network users are increasing, but also types of social networks and number of social network platforms. Now all apps have a "social" element, even a normal app whose main purpose is another, can act as a social media platform, connecting users to each other. In these circumstances, social networks should play a role in the lives of consumers. Social networks are undoubtedly important and valuable for business. According to the study, social networks can have several advantages for young consumers. While social media has many advantages for consumers, they all come down to one thing: information. Consumers need information to make purchasing decisions quickly and reliably, and social media has made this information available at hand. Social media is also a form of expression for consumers and allows their voice to reach the companies and brands they usually buy. The younger generation in Kazakhstan lives more in the virtual world than in the real world, and this has become a kind of addiction. This platform is also well suited for those who are looking for attention. Companies in Kazakhstan are significantly increasing their spending on social media marketing, although the effectiveness of this requires further study. In this study, we would like to suggest that each company chooses the most appropriate social networks according to the characteristics of the organization.

Conclusion

From the many consumer decision models, the model that is basically the main, offers three important steps: searching for information, evaluating various alternatives, and post-purchase behavior. In this way, consumers evaluate various products and then make a decision. This becomes the most important reason why today all corporate and commercial companies should be present in social networks. This is because 74% of consumers rely on social media when making a purchase decision. Businesses and social media platforms can reduce the harm caused by disadvantages and optimize the benefits of social media for consumers in several ways, such as:

1. Filtering ads and advertising messages by audience, so that they reach only the target segment.
2. Improve the security of websites and servers to avoid hacking and information leaks.
3. Watch out for pages that are possible scams and appear unreliable. These pages should be deleted immediately.
4. Use of specialized social networks in contrast to conventional social networks. Although the audience is decreasing, it becomes more likely that the message reaches the target segment and doesn't bother other social media users.
5. Showing customers that you really care about their experience
6. Continuous tracking, conducting surveys and monitoring keywords in social networks.
7. Create long-term customer loyalty through digital thank-you notes, personalized messages, and other interactions.

Young consumers are also responsible for their social media experience and can expand it by using specialized social networks, where they are more likely to find information that helps and interests them. Also, do not provide personal information to ensure Internet security. Check the security of the website they are using. Search social media pages by topic to find more variety that interests them.

These proposals, if implemented, could ensure that social media is not only a platform for firms to promote to the market, but that consumers of the platforms can benefit the most if companies find that their social media campaigns are not working. The answer is no, to put the idea on hold, but update this. Today, the Kazakh consumer is extremely cautious about how they spend their hard-earned rupees. Companies should create innovative pages that contain the correct data and feedback from satisfied customers, rather than populate the pages with company information. The future of social media marketing in Kazakhstan looks very promising. The social media platforms themselves are developing and undergoing stages of innovation along with new features. Companies should test different strategies, take note of which ones work best, and focus on these strategies. Treating social media as a means of serving customers and enriching the overall shopping experience is vital for business in the future. In this way, businesses can create loyalty and communicate with their commitment to customers.

References

Adams S., (2012) Factors Affecting young consumers online purchase intention in social media websites. Journal of Procedia -Social and Behavioral Sciences, no 40(12), pp. 326-333.

Bernhardt J.M., Mays D., (2017) Social marketing at the right place and right time with new media. Journal of Social Marketing, no 2(12), pp. 130-137.

Bryer T.A., Zavattaro S.M., (2017) Social media and public administration: Theoretical dimensions and introduction to the symposium. Journal of Administrative Theory & Praxis, no 33 (12), pp. 325-340.

Cha J., (2019) Shopping on Social Networking Websites: Attitudes towards real versus virtual items. Journal of Interactive Advertising, no 10(4), pp. 77-93.

Crozier D., Mclean F., (2017) Consumer Decision-Making in the Purchase of Estate Agency Services. The Service Industries Journal, no 17(2), pp. 278-286.

Georgi D., Moritz M., (2015) The quality of electronic customer-to customer interaction. Journal of Retailing and Consumer Service, no 20 (8), pp 11-19.

Ilyin V.I., (2014) Sociology of Consumption. Journal of Sociological Society, no 22(5), pp. 25-39.

Kailani M., Kumar R., (2018) Investigating Uncertainty Avoidance and Perceived Risk for Impacting Internet Buying: Three National Cultures. International Journal of Business and Management, no 6(5), pp. 76-92.

Koesler K., (2018) Cultural Influence on Consumers' Usage of Social Networks and its' Impact on Online Purchase Intentions. Journal of Retailing and Consumer Services, no 18 (12), pp. 348-354.

Laroche M., Richard M., (2017) The effects of social media based brand communities on brand community markers, value creation practices, brand trust and brand loyalty. Journal of Computers in Human Behavior, no 28(5), pp. 165– 176.

Levykin I.T., Reizema Ya.V., (2015) Social style as a research category of lifestyle. Institute of Sociology, no 4(11), pp. 166-178.

Nair M., (2016) Understanding and measuring the value of social media. The Journal of Corporate Accounting & Finance, no 22(3), pp. 45 – 51.

Palmer A., Koenig-Lewis N., (2019) An experiential, social network based approach to direct marketing. Direct Marketing: An international Journal, no 3(13), pp. 162– 176.

Prasad S., Totala N.K., (2014) Social Media and Customer Purchase Decision. American International Journal of Research in Humanities, Arts and Social Sciences, no 14 21), pp. 166-171.

Shankar V., Inman J., Mantrala M., Kelley E., (2018) Innovations in Shopper Marketing: Current Insights and Future Research Issues. Journal of Retailing, no 87(13), pp 29-42.

МРНТИ 04.51.51 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.15

Г.А. Байжанова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: gulsarabaizhanova@outlook.com

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ МЕГАПОЛИСА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В современной науке наблюдается рост парадигмы самоорганизации мегаполисов в таких областях, как социология, география, архитектура, логистика и т.д. В социологии была создана целая отрасль по изучению урбанизации и самоорганизации мегаполисов. Цель исследования заключается в обзорном анализе теории пространственной самоорганизации населения мегаполисов. Социологический подход к категории пространства разрабатывался в трудах западных исследователей М. Вебера, Г. Зиммеля, О. Шпенглера. Они по-новому осмыслили и представили историю современной цивилизации как историю становления городского образа жизни. Мегаполисы в рамках данного подхода рассматриваются как качественная новая форма объединения людей на базе общественных отношений. Опыт изучения социокультурных процессов, протекающих в городском пространстве, может быть полезен при анализе развития современного города. Практическая значимость исследования заключается в том, что данные могут быть использованы в дальнейшей научно-исследовательской и преподавательской деятельности, в особенности при разработке учебных программ по теоретическим и прикладным дисциплинам, затрагивающим проблемы социологии, различные аспекты современной городской культуры, глобализации. В качестве метода исследования был проведен обзорный анализ научных статьей по теме исследования. Исследование носит описательный характер и основано на некоторых показателях глобального экономического развития. Исследование в основном сосредоточено на контексте развитие городов, урбанизаций, самоорганизации населения.

Ключевые слова: пространственная самоорганизация, мегаполис, социокультурный аспект

G.A. Bayzhanova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: gulsarabaizhanova@outlook.com

Spatial self-organization of the population of a megapolis: a socio-cultural aspect

In modern science, the paradigm of self-organization of the city is growing in areas such as sociology, geography, architecture, logistics, etc. In sociology, an entire industry has been created to study urbanization and self-organization of the city, which are studied on the basis of sociocultural aspects. The purpose of the study is a review of the theory of spatial self-organization of the urban population, from the point of sociocultural aspect. Actual studies of the socio-cultural space of the city, its structure, as well as the specifics and development prospects, determination of both fundamental and theoretical problems of academic science, as well as the tasks posed by a specific scientific analysis of modern socio-cultural processes. A sociological approach to the category of space was developed in the works of Western researchers M. Weber, G. Simmel, O. Spengler. They reinterpreted and presented the history of modern civilization as the history of the urban lifestyle. The city in the framework of this approach is considered as a qualitatively new form of bringing people together on the basis of public relations. The theoretical and practical significance of the study is of scientific interest to specialists in the field of sociology, anthropology, cultural studies and other sciences. The experience of studying the sociocultural processes taking place in urban space can be useful in analyzing the development trends of a modern city. The practical significance of the study lies in the fact that the data can be used in further research and teaching activities, especially when developing curricula in theoretical and applied disciplines that affect sociology, various aspects of modern urban culture, and globalization. As a research method, a review analysis of scientific articles on the research topic was carried out. The study is descriptive and based on some indicators of global economic development. The study mainly focuses on the context of urban development, urbanization, self-organization of the population.

Key words: spatial self-organization, metropolis, sociocultural aspect.

 © 2020 Al-Farabi Kazakh National University

Г.А. Байжанова
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: gulsarabaizhanova@outlook.com

Мегаполис халқының кеңістіктегі өзін-өзі ұйымдастыруы: әлеуметтік-мәдени аспект

Қазіргі ғылымда мегаполистердің өзін-өзі ұйымдастыру парадигмасының өсуі әлеуметтану, география, сәулет, логистика және т.б. сияқты салаларда байқалады. Әлеуметтануда мегаполистердің өзін-өзі ұйымдастыруы мен урбанизацияны зерттеу бойынша тұтас сала құрылды. Зерттеудің мақсаты мегаполистер халқының кеңістіктік өзін-өзі ұйымдастыру теориясын шолу анализінен тұрады. Кеңістік категориясына қатысты әлеуметтік көзқарастар батыс зерттеушілері М. Вебердің, Зиммельдің, О. Шпенглердің еңбектерінде зерттелінді. Олар қазіргі заманғы өркениеттің тарихын қалалық өмір салтының қалыптасу тарихы ретінде көрсетіп жаңаша зерделеді. Мегаполистер осы тәсіл шеңберінде қоғамдық қатынастар негізінде адамдарды біріктірудің сапалы жаңа түрі ретінде қарастырылады. Қалалық кеңістікте өтіп жатқан әлеуметтік-мәдени процестерді зерттеу тәжірибесі заманауи қаланың дамуын талдау кезінде пайдалы болуы мүмкін. Зерттеудің практикалық маңыздылығы деректер одан әрі ғылыми-зерттеу және оқытушылық қызметте, әсіресе әлеуметтану мәселелерін, қазіргі заманғы қалалық мәдениеттің, жаһанданудың түрлі аспектілерін қозғайтын теориялық және қолданбалы пәндер бойынша оқу бағдарламаларын әзірлеу кезінде пайдаланылуы мүмкін. Зерттеу әдісі ретінде зерттеу тақырыбы бойынша ғылыми мақалаларға шолу талдауы жүргізілді. Зерттеу сипаттама түрінде және жаһандық экономикалық дамудың кейбір көрсеткіштеріне негізделген. Зерттеу негізінен урбанизация, халықтың өзін-өзі ұйымдастыруы және қалаларды дамыту контексіне жинақталған.

Түйін сөздер: кеңістіктік өзін-өзі ұйымдастыру, мегаполис, әлеуметтік-мәдени аспект.

Введение

Города являются преимущественно сложными системами. Это свойство городов всегда признавалось, и изучение городов и урбанизма с самого начала было междисциплинарным делом, которое включало такие дисциплины, как география, архитектура, градостроительство, инженерия, экономика, социология, психология, антропология, археология и многое другое. Учитывая дисциплинарное разнообразие в данной области, основной проблемой было найти общий язык, позволяющий обсуждать, сотрудничать и обмениваться идеями между многими вовлеченными областями.

Учитывая сложность городов, неудивительно, что специалисты по самоорганизации сочли города плодотворной областью применения своих моделей, и что региональные ученые приветствовали новую теорию и сделали ее передовой в своей области исследований. Основная идея данной статьи заключается в том, что теории самоорганизации могут предложить гораздо больше для изучения городов, чем просто модель моделирования региональной науки. Языковая и концептуальная основа самоорганизации напоминает большую часть языковой и концептуальной основы неколичественной социальной теории города. Как таковая, она может предоставить общий язык, который объединит два, в настоящее время разделенных, городских течения Self-Organization and City. Это иллюстрирует, как самоорганизация может обеспечить общий язык и концептуальные и методологические рамки для изучения городов и урбанизма (Ashly, 2017: 125).

Теории самоорганизации возникли, как отмечалось, в точных науках. Однако очень скоро стало понятно, что теории охватывают общие принципы и методологии, которые выходят за пределы их первоначальных областей исследований: теория синергетики Хакена за пределами области лазера и жидкости, диссипативные структуры Пригожина за пределами физико-химических систем (Bak, Chen, 2018: 80). Самоорганизация, как мы сегодня установили, захватила передовые позиции системного подхода в науке и, как таковая, стала парадигмой, относящейся к явлениям в широком спектре областей в науках о жизни, социальных и гуманитарных науках. Поэтому вполне естественно, что, когда физики вышли из своей дисциплины в поисках новых областей применения своих моделей самоорганизации, они нашли региональный научный подход к городам привлекательным для нее.

Цель исследования заключается в обзорном анализе теории пространственной самоорганизации населения городов с точки социокультурного аспекта.

Предметом исследования выступает социокультурное пространство города как одна из форм существования универсума культуры.

Объектом исследования является самоорганизация населения, проживающего в мегаполисах.

Гипотеза исследования. Социальная ориентация самоорганизации формируется в зависимости от возможностей социокультурного взаимодействия населения на территории.

Проблема исследования заключается в том, что самоорганизация еще не стала объектом крупных исследований в социологии, имеются лишь отдельные попытки осветить эти проблемы в различных предметных областях.

Методы и методология

В качестве метода исследования был проведен обзорный анализ научных статьей по теме исследования. Исследование носит описательный характер и основано на некоторых показателях глобального экономического развития. Исследование в основном сосредоточено на контексте развитие городов, урбанизаций, самоорганизации населения.

Концептуальная разработка проблем социальной самоорганизации осуществляется на принципах связи социального и биологического в общественной жизни, социокультурной и историко-генетической преемственности опыта, конкретности, адаптивности, многоаспектного рассмотрения объекта, функциональной и ситуационной взаимодополняемости. Сущность социальной самоорганизации, ее влияние на общество выражаются в таких функциях, как адаптивная, регулятивная, поисково-проективная, социальная коммуникативная. Основными признаками самоорганизации являются непосредственное вовлечение субъектов в социальную практику, участие в любительской деятельности, инициатива (способность актуализировать любительскую деятельность, разрушение существующих стереотипов), ситуативность, спонтанность добровольность. Самоорганизация становится инструментом развития личности, ее самореализации, ценностного отношения к жизни. Самоорганизация требует соотнесения актов сознания и поведения с социально приемлемым (одобренным, разрешенным), предписанным типом поведения и неприемлемым для общества (запрещенным, предосудительным, осужденным и т.д.).

Самоорганизация, то есть явления, посредством которых система самоорганизует свою внутреннюю структуру, независимую от внешних причин, является фундаментальным свойством открытых и сложных систем. Такие системы демонстрируют также явления нелинейности, нестабильности, фрактальных структур и хаоса, которые тесно связаны с общим ощущением жизни и урбанизмом в конце 20-го века. С другой стороны, самоорганизация – это формальная теория. Фактически, это общий зонтик для нескольких теоретических подходов. (Ковалёва, 2017:97). Самоорганизация предполагает социальное взаимодействие с другими субъектами, особенно в трудовых, политических и любительских объединениях, поселениях, в семье. Это самоорганизация, которая позволяет отдельному человеку или конкретной ассоциации людей быть относительно автономными от других, обеспечивать социальный контроль в местной среде, сохраняя при этом поведение в контролируемых параметрах (территории, сферы влияния и т. д.).

Реальные процессы самоорганизации отличаются разнообразием типов и форм столкновения дифференцированных интересов и действий, что в конечном итоге не нарушает взаимодействие, но приводит к упорядоченности, обусловленной наличием общих целей и правил, общих для участников.

Проводя обзорный анализ, хотелось отметить влияние К. Маркса. Как известно, К. Маркс мало что мог сказать о космосе и городах, и все же теория городов и урбанизма тесно связана с его работами. В отношении дискурса древних городов и урбанизма, то здесь сильное влияние оказывают марксистские интерпретации «городской революции», а также работы Чайлда «гидравлического общества», Уитфогеля об урбанизме в современном капиталистическом обществе, Лефевр с его работой «Городская революция», Харви с «Урбанизацией капитала» и Кастельсом с его «Городским вопросом». Марксистский город – это город больших сил, режимов и производственных отношений, жесткой борьбы между угнетающим и угнетенным, капиталистов против рабочих, экономической инфраструктуры и политико-идеологической надстройки. Все подчиняются законам истории, как это было открыто Марксом и разработано марксизмом. Двух таких изображений, одного из Кастеллса и другого из Харви, будет достаточно, чтобы дать вам дух этого нового марксистского города. Кастельс строит свой марксистский город, переводя непространственную структурно-марксистскую концепцию социальной структуры Альтюссера в пространственную городскую структуру. Здесь город является пространственным выражением или представлением структуры общества, как

показали и разработали К. Маркс и Марксизм (Girourd, 2015: 85).

Проблему самоорганизации населения мегаполиса также рассматривал Эрнст Берджесс.

Он отмечает, что едва заметные изменения в общественной жизни, которые обычно называют «социальными проблемами», особенно заметны в больших городах (Burgess, 2016: 112). В связи с этим мегаполисы часто появляются в виде городских «монстров», которые навязывают определенный образ жизни людям. Так, например, Н.Н. Моисеев считает мегаполисы одним из проявлений глобального кризиса, сигнализирующим об исчерпании потенциала современной цивилизации. Преодоление этого кризиса, по мнению ученого, возможно только путем изменения ценностей и формирования новой структуры общественных отношений (Моисеев, 2015: 114). Дело в том, что на фоне беспрецедентной мегаполизации наблюдается деформация духовного мира людей и их социальной адаптации. Вот почему наряду с инфраструктурными и экономическими проблемами особое внимание следует уделить вопросу воспитания и образования. В своей лекции «Город и ненависть» Ж. Бодрийяр говорил о метрополии как о месте, где все элементы социальной жизни собрались в идеальном комплексе, объединенном в большом городе, что обеспечивает доступность информации в любое время. Это, по мнению ученого, порождает равнодушие и приступы путаницы у жителей крупных городов, приводя к «одностороннему существованию» и, следовательно, к отказу от каких-либо социальных связей.

Ф. Энгельс определяет природу большого города как «жестокое безразличие», «нечувствительную изоляцию каждого жителя, преследующего серьезные частные интересы». Взаимодействие людей в городе обезличено и основано на личной выгоде и расчете. Разнообразие форм и идей в рамках городского пространства порождает у жителей мегаполиса Зиммель, дающий название «сверкающая» (Энгельс, 2005: 238). Это важное исследование пространства, в котором происходит социальное и культурное взаимодействие людей, живущих в мегаполисах. Городское пространство представляет собой сложный и специфический социокультурный комплекс, исследователи которого занимались различными научными проблемами. Это не сводится к простой организации физических объектов. Городское пространство – это люди, социальные общности, способы взаимодействия и отношения к ближайшей социальной среде в условиях «каменных джунглей» (Зиммель, Теннис, 2008: 206). П. Сорокин, анализируя социальное пространство, писал, что взаимодействие индивидов в этом пространстве основано на триаде «ценность – ценность – норма», образе жизни социокультурного мира, построенного на мире физической реальности. Социокультурное пространство или «социокультурный мир» города включает в себя общество, символы и ценности, общение и информацию. Он сочетает в себе физическое (ландшафт, территория) и символическое начало, выступая в качестве регулятора их взаимодействия. Это объясняет существование различных подходов к изучению этого явления.

Социологический подход М. Вебер, Г. Зиммель раскрывает сущность того, как целостные социальные структуры воспроизводятся в городском пространстве. С точки зрения представителей этого подхода социокультурное пространство города является способом присвоения, социальной организации и структурирования жизненного пространства людей (Зиммель, Теннис, 2008: 210).

Основная идея семиотического подхода П. Анциферов, Д.Л. Спивак, Р. Барт заключается в том, что город вещает и хранит культурную информацию и соответствующие символические коды. И городскую пространственную среду следует рассматривать не только с внешней точки зрения, то есть как изменение физической среды, но, прежде всего, как изменение информационных каналов, переход к принципиально другим культурным условиям и атмосфере (Гацук, 2015: 20). В антропологическом подходе особое внимание уделяется проблеме человека в городском пространстве. Это способствует формированию теорий, которые рассматривают существование людей в городе в едином комплексе как «социокультурный феномен».

В рамках ландшафтного подхода, представителями которого являются В.Л. Каганский, Д.С. Лихачев, И.И. Свирида, понятие «культурный ландшафт города» было впервые предложено. Это позволило изучить городское пространство как единство природных и культурных компонентов (Рукша, Кудрина, 2017: 199). Говоря о социокультурном пространстве любого города, следует понимать, что оно не возникает само по себе, а формируется определенными сообществами. Интересным с этой точки зрения является исследование Ричарда Флориды, который выделил особый «креативный класс» в качестве основного ресурса новой постиндустриальной реальности. В этом классе ученый объединил

людей, основная экономическая функция которых заключается в создании новых идей, новых технологий (ученых, архитекторов, дизайнеров и т.д.). Основным понятием, характеризующим современное социокультурное пространство, является «информационное общество», отличительной особенностью которых является то, что инновационные продукты здесь имеют высокую ценность. Гигантские города могут быть переполнены, но, тем не менее, остаются такими же привлекательными местами обитания благодаря их способности стимулировать творчество и инновации, создавая возможности для улучшения качества жизни людей. Стремление к инновациям является одним из наиболее значимых признаков социокультурного пространства мегаполиса наряду с социальной неоднородностью, диалогичностью и преобладанием интеллектуальной природы духовной жизни.

Город оказывает существенное влияние на формирование мировоззрения отдельных социальных субъектов и в то же время находится под их влиянием. Учитывая важность города и его социокультурного пространства в жизни граждан, следует сказать, что это пространство должно быть настроено на людей с различным уровнем дохода, чтобы каждый мог найти в нем свое, не конфликтуя с другими. То есть необходимо обеспечить благоприятные условия жизни городского населения, развитие экономической, социальной и духовной сфер. Все вышеперечисленное уже относится к управлению, целью которого является наиболее полное удовлетворение различных потребностей населения. Таким образом, наличие зависимости городского населения от пространства города, являющегося сложным социокультурным организмом, позволяет рассматривать социокультурное пространство мегаполиса в контексте социологии управления.

Обсуждение и заключение

Исходя из анализа, можно отметить, что в гражданском обществе многие проблемы повседневной жизни решаются населением на принципах личного участия, инициативы, ответственности. На основании проведенных исследований сделаны выводы.

Участие населения в процессах самоорганизации способствует развитию людей во всем мире и адаптации к нему, удовлетворению потребностей социального сосуществования. Кроме того, самоорганизация способствует формированию и поддержанию индивидуального, «личного» социокультурного пространства, а также самореализации и самоутверждению личности.

Социальная самоорганизация базируется на определенных социокультурных основах. Доминирующей основой самоорганизации являются традиции социокультурного расселения. Социокультурная специфика поселенческой самоорганизации определяется территориальным распределением, этносоциальными корнями местного населения, социальной «принадлежностью» субъектов взаимодействия, статусными и ролевыми рецептами участников, характером социокультурной деятельности населения в местах проживания или пребывания.

В настоящее время самоорганизация является периферийной по отношению к институциональной жизни и может реализовывать свои творческие функции при поддержке устойчивых социальных институтов (государства, правительства, права и т.д.).

К социокультурным механизмам самоорганизации относятся те меры и средства, формы и методы воздействия субъектов на ситуации и друг на друга, с помощью которых культура общества и население выполняют свои институциональные цели в процессах взаимодействия. Социокультурные механизмы (нормы, ценности, традиции, ритуалы, мораль и т.д.) выполняют инструментальную роль в отношении самоорганизации. Сочетание этих механизмов обеспечивает внутреннюю динамику взаимодействия социально организованных образований. В ходе и в результате самоорганизации используется интеллектуальный, эмоциональный, волевой потенциал человека, объединяются его установки, привычки, адаптивные способности, индивидуально-личностные усилия, мобилизуется энергия людей и характер взаимодействий.

В заключение я хотел бы отметить, что в обозримом будущем мегаполисы будут продолжать расти, привлекая миллионы людей своей магнитной силой. И именно мегаполисы в условиях тотальной урбанизации, когда средние города превращаются в большие города, а большие города в гигантские города, будут действовать так называемые «локомотивы», «узлы глобального развития» общества, в характере которых как в организациях ее составляющих, заметные изменения произошли за последние десятилетия. Но никакое развитие общества невозможно без воспитания и воспитания в его членах новых ценностей, норм, без формирования культуры.

Поэтому важно изучать мегаполисы с точки зрения не только экономических и политических процессов, но и происходящих в них социокультурных преобразований.

Литература

Гацук С.Ю. Архитектурно-пространственная композиция городского пространства как средство инкультурации // Человек в мире культуры. – 2015. – № 2. – С. 20–23.

Зиммель Г., Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. – 2008. – № 3 (4). – С. 206 – 229.

Ковалёва Т.Н. Основные концептуальные подходы к исследованию городского пространства // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 1 (23). – С. 97–99.

Моисеев Н.Н. Проблема соответствия действий человека общим законам развития биосферы // Вестник экологического образования. – 2015. – № 4(12). – С. 114 – 122.

Рукша Г.Л., Кудрина Е.Л. Мегаполис как социально-культурное явление // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – №17(2). – С. 199–204.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – М., 2005. – № 4. – С. 238 – 266.

Ashly R. Self-organizing dynamic system // Journal General Psychology, 2017, Vol. 37, no 6, P. 125 - 132.

Bak P., Chen, K. Self-organized criticality in the Game of Life // Journal Nature, 2018, Vol .3, no 42, P. 80-89.

Burgess E., McKenzie R. The City Chicago // Journal of Society and Humanity, 2016, Vol. 11, no 61, P. 112-121.

Girourd M. Cities and People: a Social and Architectural History // New Haven: Yale University Press, 2015, Vol. 4, no 17, P.85 - 96.

Hamelink C.J. Culture in electronic age Text. // Cultures and peoples of the world, 2015, Vol.12, no 36, P. 48 - 54

Kourtit K., Nijkamp P. In praise of megacities in a global world // Regional Science Policy & Practice, 2017, Vol. 4, no 5 (2), P.167 - 182.

Kurokawa K. The Philosophy of Symbiosis in London city // Academy editions, 2014, Vol.3, no 3, P. 297 - 304

Lynd R.S., Lynd H.M. A study in modern American culture // Jovanovich Publishers. San-Diego, 2018, Vol.1, no 7, P. 44 - 57

Park R.E. Human migration in big cities and their self-organizations // American Journal of Sociology. Chicago, 2018, no 6, P. 81- 93.

Redfield R. The Folk Society // American Journal of Sociology. Chicago, 2017, no 9, P. 293-308.

Stonequist E.V. A Study in personality and culture conflict in Megalopolis // New York, Russell & Russell, 2018, Vol.9, no 5, P. 218 - 223.

Vidich A.J. Small Town in Mass Society. Class, Power and Religion in a Rural Community // New Jersey Princeton university press, 2018, Vol. 4, no 2, P. 25 - 37.

References

Ashly R. (2017) Self-organizing dynamic system. *Journal General Psychology*, no 37 (12), pp.125-127.

Bak P., Chen, K. (2018) Self-organized criticality in the Game of Life. *Journal Nature*, 42 (9), pp. 80-89.

Burgess E., McKenzie R. (2016) The City Chicago. *Journal of Society and Humanity*, 61(4), pp. 112-121.

Engels F. (2005) Polozhenie rabochego class v Angliy [The position of the working class in England]. Marx K., Engels F. Collected Works, pp. 238-266.

Gatsuk S.Yu. (2015) Arheticturno-prostranstvennaya compozitsiya prostranstva kak sredstvo inculturasi [Architectural and spatial composition of urban space as a means of inculturation]. Man in the world of culture, pp. 20–23.

Girourd, M. (2015) Cities and People: a Social and Architectural History. *New Haven: Yale University Press*, no 17 (11), pp. 85-96.

Hamelink C.J.(2015) Culture in electronic age Text. *Cultures and peoples of the world*, no 3(6), pp. 48 – 56.

Kourtit K., Nijkamp P. (2017) In praise of megacities in a global world. *Regional Science Policy & Practice*, no 5 (2), pp. 167–182.

Kovakeva T.N. (2017) Osnovniye konseptualnye podhody k issledovaniu gorodskogo prostranstva [The main conceptual approaches to the study of urban space]. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, no 1(23), pp. 97–99.

Kurokawa, K. (2014) The Philosophy of Symbiosis in London city. *Academy editions*, no 3(12), pp. 297 – 305.

Lynd R.S., Lynd, H.M. (2018) A study in modern American culture. *Jovanovich Publishers*: *San-Diego*, no 7(1), pp. 44-56.

Moiseev N.N. (2015) Problema sootvetstviya deistvii cheloveka obshim zakanom biosphery [The problem of the correspondence of human actions to the general laws of the development of the biosphere]. Bulletin of environmental education, no 4 (12), pp. 114 – 123.

Park R.E. (2018) Human migration in big cities and their self-organizations. *American Journal of Sociology,* no 6 (12), pp.81-93.

Redfield R. (2017) The Folk Society. *American Journal of Sociology*, no 9 (11), pp. 293-308.

Ruksha G.L., Kudrina E.L. (2017) Megapolis kak socialno-kulturnoe yavlenie [Megalopolis as a socio-cultural phenomenon]. Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, no 17 (2), pp. 199–204.

Simmel G., Tennis F. (2008) Obshestvo I obshnost [Community and Society]. *Sociological Journal,* no 3 (4), pp. 206-229.

Stonequist, E.V. (2018) A Study in personality and culture conflict in Megalopolis. *New York, Russell & Russell*, no 5 (9), pp. 218 – 224.

Vidich, A.J. (2018) Small Town in Mass Society. Class, Power and Religion in a Rural Community. *New Jersey Princeton university press*, no 2(13), pp. 25 – 37.

МРНТИ 04.51.35 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.16

М.А. Ақмади

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: akmadi.moldir@gmail.com

ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В данной статье проведен анализ социального восприятия инициативы «Один пояс, один путь», степени осведомленности населения стран Центральной Азии о реализации данного проекта, специфики восприятия и роли СМИ во влиянии на восприятие инициативы «Один пояс, один путь». В статье показаны результаты проведенного обзорного анализа, свидетельствующие о том, что ввоз китайской производственной мощи на территорию Казахстана в рамках инициативы «Один пояс, один путь» усиливает антикитайское настроение в стране, свидетельством которого являются антикитайские митинги. Также в статье отмечается, что данные явления имеют волновой характер, однако они оказывают значительное влияние на развитие проекта в определенных регионах.

В статье очень подробно представлен анализ экономической, политической и социальной проблемы инициативы «Один пояс, один путь», рассматриваемой такими авторами, как Сара Лейн, Марлен Ларюэль, Азад Гарибов, Пауло Дуарте, Сафовудин Джаборов. Также дается анализ статей А. Бурханова, Йен Вон Чен, исследующих проблему восприятия Китая, китайцев и китайской миграции в Казахстан. В исследованиях данных авторов углубленно рассматриваются политические и экономические аспекты, большое внимание также уделено изучению социального аспекта данной инициативы «Один пояс, один путь». В статье также выделяются исторические и культурные факторы и вопросы институционального потенциала и маргинальности, которые могут препятствовать инициативе Китая.

Ключевые слова: инициатива “Один пояс, один путь”, Китай, Центральная Азия, социальное восприятие.

M.A. Akmadi

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: akmadi.moldir@gmail.com

«One belt, one road» initiative in Central Asia

This article analyses the social perception of the “One Belt, One Way” initiative, the degree of awareness of the Central Asian countries about the implementation of this project, the specifics of perception and the role of the media in influencing the perceptions of the “One Belt, One Way” initiative. The article also shows the results of review analysis, indicating that the export of Chinese production power to Kazakhstan as part of the One Belt, One Way Initiative reinforces the anti-Chinese mood in the country, as evidenced by anti-Chinese rallies. The article also notes that these phenomena are wave-like, however, it has a significant impact on the development of the project in certain regions. The article provides a very detailed analysis of the economic, political and social problems of the One Belt, One Way initiative addressed by such authors as Sarah Lane, Marlene Laruelle, Azad Garibov, Paulo Duarte, Safovudin Dzhaborov. Also, analysis of the article by Burkhanov A., Yen Won Chen, addressing the issue of perception of China, Chinese and Chinese migration to Kazakhstan. In the works of these authors, the social aspect is addressed, but the political and economic aspects are considered in more depth. It also considers historical and cultural factors and issues of institutional capacity and marginality that may impede China’s initiative.

Key words: initiative One belt, one way, China, Central Asia, social perception.

М.А. Ақмади

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: akmadi.moldir@gmail.com

Орталық Азия елдеріндегі «Бір белдеу, бір жол» бастамасы

Бұл мақалада «Бір белдеу, бір жол» бастамасының әлеуметтік тұрғыдан қабылдануына, осы жобаның іске асырылуы жайында Орталық Азия халқының хабардар болу деңгейіне,

© 2020 Al-Farabi Kazakh National University

бастаманы қабылдауға әсер етудегі БАҚ-ты қабылдау ерекшелігі мен рөліне талдау жүргізілді. Сондай-ақ талдау нәтижелері «Бір белдеу, бір жол» бастамасы шеңберінде Қытай өндірістік қуатын Қазақстан аумағына шығару антиқытайлық митингілер куәгері болып табылатын елде антиқытайлық көңіл-күйді одан ары күшейтетінін көрсете отырып ұсынылды. Сонымен қатар мақалада бұл құбылыстардың толқындық сипаты бар екені, алайда ол белгілі бір өңірлерде жобаның дамуына айтарлықтай әсер ететіні ескерілді.

Мақалада Сара Лейн, Марлен Ларюэль, Азад Гарибов, Пауло Дуарте, Сафовудин Джаборов сияқты авторлар қарастырған «Бір белдеу, бір жол» бастамасының экономикалық, саяси және әлеуметтік проблемаларына талдау жасалынды. Сонымен қатар Қытайдың, қытайлық және Қытай көші-қонын Қазақстанға қабылдау мәселесі туралы жазылған А. Бурханов пен Йен Вон Чен мақалаларына талдау жүргізілді. Осы авторлардың еңбектерінде әлеуметтік аспектілер қозғалады, алайда саяси және экономикалық аспектілер тереңірек қарастырылады. Қытайдың бастамасына кедергі келтіруі мүмкін тарихи және мәдени факторлар, сондай-ақ институционалдық әлеует пен маргиналдық мәселелері қарастырылады.

Түйін сөздер: «Бір белдеу, бір жол» бастамасы, Қытай, Орталық Азия, әлеуметтік қабылдау.

Введение

Инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) является актуальным и важным вопросом для стран Центральной Азии. Проект подразумевает под собой политическое, экономическое сотрудничество, свободное передвижение капитала и укрепление близости между народами. При реализации такого важного и крупного проекта необходимо изучить восприятие населения к инициативе Китая. Восприятие проявляется поразному в зависимости от того, насколько это влияет на повседневную жизнь самих граждан. К примеру, для частных предпринимателей данная инициатива дает возможность развивать свой бизнес и выходить на международный уровень, следовательно, и восприятие формируется при положительных аспектах. Однако наблюдаются и сложные отношения со стороны населения Центральной Азии, которые проявляются в синофобии, антикитайских протестах, митингах, в страхе населения перед китайской экспансией и китайской политикой «Мягкая сила».

С момента реализации инициативы «Один пояс, один путь» были описаны многие исследовательские вопросы, которые рассматривают экономические, политические, социально-экономические аспекты развития данной программы, такими авторами, как А. Бурханов, Йен Вон Чен, Стеберг Трой, Д. Катер, М. Хаденс, А. Ли, М. Лауэре, и другими. Данные авторы указывают роль стран Центральной Азии в данном проекте, роль государства и политической элиты. В работе А. Бурханова и Й. Чен были рассмотрены разные позиции государственных и частных газет на русском и казахском языках. Согласно полученным результатам, государственные газеты передают больше идеологическое сообщение, чем информацию аудитории о происходящих событиях. В статье другого автора, М. Хадес, рассматриваются инвестиции, которые Китай вкладывает в страны Центральной Азии в рамках проекта «Один пояс, один путь», и почему страны Центральной Азии являются ключевыми фигурами в реализации данного проекта. В статьях таких авторов как Т. Стернберг, А. Ахеарн и Ф. Макконел рассматриваются географические факторы, которые непосредственно являются одной из главных причин, почему Центральная Азия важна в инициативе «Один пояс, один путь». Также рассматривают исторические и культурные факторы и вопросы институционального потенциала и маргинальности, которые могут препятствовать инициативе Китая.

Проблема исследования заключается в том, что в данной области мало работ, которые затрагивают социологический аспект, а именно социальное восприятие самого населения стран Центральной Азии данного проекта. Мало кто изучил, насколько вообще население страны осведомлено о реализации данного проекта, каково отношение людей к данному проекту. Также мало рассмотрена проблема формирования антикитайского восприятия и не была изучена взаимосвязь антикитайского восприятия с снижением эффективности реализации данного проекта, может ли привести к созданию социальных движений, социальных изменений или усилить антикитайское настроение в данных странах.

Объектом исследования являются страны Центральной Азии. Предмет исследования – процесс реализации инициативы «Один пояс, один путь». Цель исследования заключается в обзорном анализе реализации и восприятия инициативы «Один пояс, один путь» в странах Центральной Азии. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи исследования: анализ теории «Мягкой силы»

Джозефа Ноя в рамках инициативы «Один пояс, один путь»; контент-анализ научных публикаций на тему «Инициатива «Один пояс, один путь»; анализ особенности восприятия инициативы «Один пояс, один путь» в странах Центральной Азии. Метод исследования заключается в обзорном анализе научных статей по теме «Инициатива «Один пояс, один путь».

Для анализа мы взяли период с 2013 года, поскольку именно в этом году берет свое начало данная инициатива. Для вторичного анализа использовались работы таких авторов, как А. Бурханов, Йен Вон Чен, Стеберг Трой, Д. Катер, М. Хаденс, А. Ли, М. Лауэре, Сара Лейн, Пауло Дуарте и другие. Исследование носит описательный характер и основано на некоторых показателях глобального экономического развития. Исследование в основном сосредоточено на контексте развития, восприятия, происхождения, стратегии, возможностей и проблем инициатив ОПОП на основе деловых, экономических, политических, социальных и экологических аспектов. Теоретически подход исследования основывается на теории «agenda-setting», или теории повестки дня, согласно которой средства массовой информации оказывают значительное влияние на общественность непосредственно самим подбором того, что именно они освещают, и теории «Мягкой силы» Джозефа Ная.

Результаты исследования заключаются в том, что по теме «Инициативы ОПОП» написано и проведено много исследований. Однако инициатива ОПОП больше всего рассмотрена и изучена в области экономики, финансов, политологии, геополитики и международных отношений, очень мало изучена область социологии, то, как развитие данной инициативы повлияет на социальное изменение в тех странах, которые непосредственно связаны с данным проектом. Также мало исследований в области восприятия и общественного мнения о данной инициативе.

Основная часть

Подъем Китая в XXI веке оказал огромное влияние на глобальную политику и глобальную экономическую структуру. Чем больше росла жесткая сила Китая, как его экономика и вооруженные силы, тем больше страна искала способы увеличить свои международные связи, дискурс и другие виды «мягкой силы». По мнению американского ученого Джозефа Ная, «мягкая сила» относится главным образом к способности нации привлекать других своей культурой и политическими ценностями, определять международные нормы и повестку дня в мировой политике. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная вызвала множество комментариев и дебатов внутри Китая (Shambaugh, 2013:169). Консенсус в отношении важности использования «мягкой силы» во внешней политике Китая столкнулся с разногласиями относительно того, как ее следует осуществлять или, другими словами, в какой степени эта изначально западная концепция соответствует политическому подходу и целям Китая.

Дэвид Шамбо, профессор Университета Джорджа Вашингтона, выделяет три основные школы ценностей в Китае. Первая – «ценности как культура», согласно которой такие ценности, как мир и гармония, мораль или волонтерство, должны составлять главный вклад Китая в мировую культуру (Shambaugh, 2013:169). Однако внутри этой школы проходят оживленные дебаты, в ходе которых некоторые критикуют этот узкий подход как слишком эксклюзивный, утверждая, что его следует сочетать с другими экономическими и более широкими культурными и историческими элементами китайской системы. Вторая школа считает, что политическая система Китая должна рассматриваться как модель использования «мягкой силы», демонстрируя ее как наиболее способную и законную, чтобы она стала привлекательной для других стран. Наконец, третья школа фокусируется на экономическом развитии Китая как международной модели.

Помимо этих продолжающихся дебатов, Пекин использовал в Центральной Азии многоплановый подход к «мягкой силе», используя культурные инструменты, одновременно продвигая свою политическую и экономическую модель как сочетание пути мирного развития и социализма с китайскими характеристиками. Он стремился продвигать китайскую культуру, которая до сих пор оставалась относительно неизвестной среди большинства местного населения; он продвигал свою собственную модель экономического развития и стремился смягчить предполагаемые риски своего экономического присутствия, демонстрируя свой предполагаемый непревзойденный вклад в региональное развитие.

В последние годы Китай привлекает большое внимание во всем мире, активно устанавливая глобальную повестку дня «agenda-setting», от Гармоничного мира до Китайской дороги, Китайской модели, Китайского мировоззрения, Китайской мечты и инициативы «Один пояс, один путь». Это открыло новый способ интерпретации мира через китайские рамки, увели-

чило силу дискурса Китая на мировой арене и наполнило ее китайским контентом. Таким образом, «Один пояс, один путь» является важной тактикой китайского правительства по восстановлению международного порядка общения, использованию силы дискурса Китая и развитию «мягкой силы» нации в эпоху глобализации.

Стратегию «Один пояс, один путь» можно обобщить как одну основную идею (мир, сотрудничество, развитие и взаимная выгода), пять основных направлений сотрудничества (координация политики, подключение объектов, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и связи между людьми) и три сообщества (сообщество общих интересов, сообщество общей судьбы и сообщество ответственности). «Сообщество общей судьбы» – это новая система дискурса, предложенная правительством Китая; голос Китая передается миру самим Китаем. Концепции общей судьбы между народами, между региональными сообществами и общей судьбы человечества отражают надежду Китая на достижение мира и развитие и создают мировоззрение, которое выходит за пределы национальных государств и идеологий. Они выражают идею Китая о взаимовыгодном сотрудничестве с другими странами. Путем сближения индивидуальных интересов и формирования сообщества общего предназначения для всего человечества экономическая глобализация дала возможность всему миру с населением в семь миллиардов человек развиваться вместе. Дискурсивная система сообщества общей судьбы включила культурную среду Китая и является главной силой, продвигающей международную дискурсивную систему Китая.

В настоящее время «Один пояс, одна дорога» получает поддержку 64 стран, и его система дискурса приобретает международное влияние, и, таким образом, мир начал принимать китайский дискурс. По мере того как ведется реализация инициативы ОПОП, международная система связи во главе с Китаем и дискурс Китая в ней постепенно набирают больший вес. Через «Один пояс, один путь» страна осуществляет свою международную коммуникацию и международный дискурс, и успех этой стратегии может принести эффект осуществления китайской мечты. Инициатива ОПОП стала сегодня самым известным брендом в Китае, и после ее завершения она станет эффективным средством глобальной «мягкой силы» и рычагов воздействия. Китайская глобальная диаспора может также играть активную роль, распространяя конфуцианские мудрость и ценности, основанные на концепции «рен-йи», переводимой как «доброжелательность», «гуманность» и «любовь», что иллюстрирует идеальное отношение китайцев к жизни (Kushkumbayev, 2015).

В ходе анализа литературы важно отметить тот факт, что в большинстве исследований рассматривались экономические и политические проблемы развития и реализации данной инициативы. Экономическая и политическая проблемы инициативы «Один пояс, один путь» рассматриваются в работах таких авторов, как Сара Лейн, Марлен Ларюэль, Азад Гарибов, Пауло Дуарте, Сафовудин Джаборов. Также непосредственно восприятие Китая в Казахстане рассматривают А. Бурханов, Йен Вон Чен. В работах данных авторов социальный аспект затрагивается, однако более углубленно рассматриваются политические и экономические аспекты. В статье таких авторов, как Т. Стернберг, А. Ахеарн и Ф. Макконел, рассматриваются географические факторы, которые непосредственно являются одной из главных причин, почему Центральная Азия важна в инициативе «Один пояс, один путь». Также рассматривают исторические и культурные факторы и вопросы институционального потенциала и маргинальности, которые могут препятствовать инициативе Китая.

Однако в данной области исследования немногие работы затрагивают социологические проблемы, а именно социальное восприятие самого населения стран Центральной Азии данного проекта. Мало кто изучил, насколько вообще население страны осведомлено о реализации данной инициативы, каково отношение людей к данному проекту. Также мало рассмотрена проблема формирования антикитайского восприятия на основе реализации инициативы «Один путь, один пояс». Не была изучена взаимосвязь антикитайского восприятия со снижением эффективности реализации данного проекта, может ли он привести к созданию социальных движений, социальным изменениям или усилить антикитайское настроение в данных странах.

Китайская инициатива ОПОП, безусловно, представляет собой самый амбициозный глобальный проект страны, соединяющий Китай, вторую по величине экономику мира, с Африкой, Центральной и Юго-Восточной Азией, Европой и Ближним Востоком через транспортную и торговую инфраструктуру. Два основных компонента ОПОП, Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь составляют план стоимостью в несколько триллионов долларов,

охватывающий 68 стран, на которые вместе приходится 60 % населения мира и до 40 % мирового ВВП.

Экономический пояс Шелкового пути включает в себя ряд сухопутных инфраструктурных связей через Евразию, в то время как Морской Шелковый путь – это план строительства и управления портами в стратегически важных местах, чтобы в конечном итоге соединить Китай с Африкой и Ближним Востоком морским путем. На сухопутных и морских маршрутах китайские корпорации будут строить экономические зоны, промышленные парки и другие объекты, такие как электростанции, для стимулирования экономики региона и повышения уровня жизни местных жителей. Благодаря крупному государственному кредитованию эти корпорации рассчитывают получить значительную выгоду от экспорта оборудования и продукции и осуществления прибыльных строительных проектов, связанных с ОПОП. Китай надеется, что его ведущая роль в этой инициативе улучшит его имидж как великой державы в его окрестностях и других уголках мира. Как дорогостоящий межрегиональный план инвестиций и развития, ОПОП полон неопределенностей. Международные СМИ и комментаторы задокументировали основные риски безопасности, геополитические и нормативные риски, с которыми сталкивается проект. Например, после объявления ОПОП число китайских мигрантов в Центральной Азии быстро росло из-за увеличения китайских инвестиций. В некоторых странах наблюдаются рост алармистского отношения к Китаю (Garibov, 2018: 143) и рост числа инцидентов против китайских мигрантов. В Кыргызстане и в некоторой степени в Таджикистане антикитайские настроения вызвали протесты. В Казахстане, который долгое время считался оплотом региональной стабильности, новости о возможности сдачи в аренду сельхозугодий страны Китаю вызвали самые большие протесты за последние два десятилетия. Узбекские и туркменские власти ужесточили миграционный контроль и ввели строгие ограничения на количество китайских рабочих, которые могут работать.

Многие страны, граничащие с Китаем, особенно малонаселенные регионы, такие как Центральная Азия и Дальний Восток России, опасаются массового притока китайских мигрантов. В Центральной Азии, регионе с населением всего 68 миллионов человек, граничащем с крупнейшим экспортером рабочих-мигрантов в мире, средства массовой информации и популистская политика усугубляют эти опасения из-за значимости демографической власти Китая. В 2015 году в Китае родились 16,6 миллиона человек, что почти равно населению Казахстана. И, как пишет одна местная газета, кыргызский народ подозревал, что «огромная разница в размерах двух стран и народов будет означать, что киргизы скоро утонут в китайском море» (Garibov, 2018: 145).

Существует также мнение, что мигранты усиливают конкуренцию на местном рынке труда, лишая местных жителей возможностей трудоустройства, создаваемых китайскими инвестициями. По словам Дэвида Льюиса, китайские инвестиции «не всегда дают людям местную работу и нанимают местных специалистов». Таким образом, в Казахстане и Кыргызстане китайские мигранты рассматриваются как конкуренты: трудолюбивые, предприимчивые и желающие жить и работать в плохих условиях. Есть опасения, что «они могут занять долю и без того дефицитного рынка труда и даже получить контроль над некоторыми секторами национальной экономики». Еще больше факторов подпитывают антикитайские настроения в Казахстане и Кыргызстане. Среди них – внутриполитическая динамика, в том числе попытки политиков, элитных групп извлечь выгоду из антикитайских обид, а также отсутствие знаний о Китае, его культуре, языке и привычках. Последнее препятствует развитию межличностных отношений и общению между местными жителями и китайскими мигрантами и работодателями. Дополнительным фактором является неспособность китайских компаний эффективно решать проблемы местных жителей и использовать тактику корпоративной социальной ответственности для управления проблемными отношениями с местными сотрудниками.

ОПОП – это не просто сумма отдельных проектов, сосредоточенных вокруг идеи соединения Китая с остальным миром посредством новой континентальной и морской инфраструктуры (Laruelle, 2015:360). Скорее, это метадискурс на Шелковом пути и новое проявление «мягкой силы» Китая, его «мирного» и «многостороннего» подъема (Laruelle, 2015, с. 363). Благодаря ОПОП Китай является и останется крупнейшим инвестором в Центральной Азии. Это единственная страна, которая может мобилизовать огромные инвестиции в регионе, далеко за пределами того, что могут предложить западные страны и Россия. Тем не менее успех этой инициативы является относительным. На практике часть выделенных денег теряется из-за корруп-

ции и административной дисфункции, в то время как проекты не соответствуют более высоким стандартам устойчивости и в основном оцениваются на их прибыльность. Также кажется, что китайские проекты испытывают трудности с достижением более высокого экономического эффекта, который может привести к увеличению числа рабочих мест, в особенности в Казахстане. Тенденция роста трудовой миграции китайцев в Казахстан растет с каждым годом, данная тенденция наблюдается с 2013 года, по сравнению с другими странами Центральной Азии. Быстрый рост трудовой миграции китайцев в Казахстан основывается на реализации проектов в рамках инициативы ОПОП, которая становится причиной недовольства со стороны местного населения, результатом чего стали активные митинги против Китая и китайцев в городах Алматы и Нур-Султан.

Для того чтобы ОПОП добился успеха в том виде, в каком это предлагает Китай, он должен стимулировать промышленность, которая больше направлена на торговлю в Китае, и обеспечивать диверсификацию торговли за пределами Китая. Чрезмерная зависимость от Китая как рынка и иностранного инвестора создает значительные риски, о которых государства Центральной Азии уже знают, некоторые в большей степени, чем другие. Чрезмерная зависимость от Китая как покупателя товаров представляет особый риск. В настоящее время Туркменистан испытывает давление: Китай является единственным иностранным импортером туркменского газа, так как Россия в 2016 году приостановила импорт газа из Туркменистана (Lain, 2016: 64). Успех китайского проекта ОПОП также может стать еще одной проблемой для конкурентоспособности экспорта из Центральной Азии. Если экономическое развитие в Синьцзяне будет успешным, государства Центральной Азии могут оказаться в конкурентной борьбе с Синьцзяном, чтобы продавать свою продукцию в Восточном Китае. Эта угроза особенно остра, потому что Синьцзян стремится развивать свою минеральную, энергетическую, пищевую и текстильную отрасли промышленности, которые являются ключевыми секторами для государств Центральной Азии.

С другой точки зрения данную проблему рассматривает Пауло Дуарте. Он утверждает, что ОПОП выражает желание Китая секьюритизировать свой доступ к энергии и минеральным ресурсам. Кроме того, инициатива ОПОП нацелена на достижение военных, политических и культурных целей путем увеличения способности Китая оказывать влияние на региональную и глобальную сферы. Это целостная секьюритизация, поскольку различные китайские провинции (в переносном смысле «составные части целого») призваны внести свой вклад в достижение более высокой цели (Duarte, 2019: 143). Это более высокая цель – проект, который начинается внутри страны, распространяется на периферию Китая и постепенно распространяется на другие уголки мира. Таким образом, возрождение коридоров Восток – Запад направлено на достижение множественной секьюритизации в сферах политики, экономики, военной мощи и мягкой силы.

Проблему восприятия и отношений Китая и Центральной Азии также рассматривает Сафовудин Джаборов. Он рассматривает проблему китайского кредита, который увеличивает экономическую активность и способствует росту торговли в Центральной Азии, а регион рискует стать зависимым от китайских инвестиций для поддержания и развития инфраструктуры, созданной в рамках ОПОП. Другая проблема заключается в том, что в контексте упрощенной торговли сравнительные преимущества китайских компаний могут разрушить конкурентоспособность местных компаний и создать больший спрос на китайский импорт в Центральную Азию (Jaborov, 2017: 34). В целом нынешние отношения между Китаем и Центральной Азией параллельны советской экономической системе, где южные республики в основном поставляли энергоресурсы и сырье в более промышленно развитые регионы Советского Союза. Сегодня Китай, как и Советский Союз, в первую очередь заинтересован в импорте сырья, энергии и полезных ископаемых из региона, а также в экспорте своей готовой продукции в Центральную Азию. Таким образом, кредитная политика Китая соответствует определению «хищнической помощи».

Азиз Бурханов исследует и обсуждает политические последствия инициативы ОПОП и ее влияние на социокультурное восприятие Китая в современном казахстанском и более широком среднеазиатском медиадискурсе. Большинство стран Центральной Азии имеют определенные социальные предрассудки в отношении Китая, в первую очередь из-за истории и популярных стереотипов (Burkhanov, Chen, 2016). Наследие китайско-советских пограничных конфликтов 1960-х и 1970-х годов, несбалансированная демографическая ситуация и отсутствие академического и научного опыта в современном Китае способствовали формированию стереотипного

и паникерского взгляда на Китай. Современная литература демонстрирует, что простые жители Центральной Азии, включая казахстанцев, не обязательно соглашаются с оценкой своих лидеров того, что постепенное улучшение отношений с Китаем отвечает национальным интересам страны. Анализ опросов и экспертные наблюдения указывают на наличие различных фобий и мифов, основанных на предубеждениях в восприятии казахстанцами граждан Китая. Отчасти это негативное восприятие коренится в существующих проблемах, включая плохое обращение с местными работниками, нанятыми китайскими компаниями, работающими в Центральной Азии, плохие условия труда, более низкую заработную плату и отсутствие медицинской помощи. Местные производители воспринимают приток китайских товаров в Казахстан как угрозу, поскольку они не могут конкурировать с китайскими компаниями. Существует двойное восприятие участия Китая со стороны казахстанского общественного мнения. С точки зрения межгосударственных отношений политическое и экономическое сотрудничество между Китаем и Центральной Азией развивается хорошо и активно поддерживается правящими элитами. Однако любое расширение участия Китая в казахстанской экономике также вызывает отторжение и усиливает негативное восприятие Китая в общественном дискурсе. В частности, есть вопросы о роли, которую Синьцзян будет играть в казахстанско-китайских отношениях, и какой подход казахстанское руководство должно использовать в своей политике в отношении Синьцзяна – поддержка этнически и культурно близкого уйгурского населения Синьцзяна или развитие хороших отношений с Китаем.

Некоторые аналитики утверждают, что инициатива ОПОП предназначена для того, чтобы стороны, участвующие в проекте, добивались легитимности. Китай развивается в направлении беспрепятственной экономической и политической гегемоний. Таджикистан и Кыргызстан дают разные примеры того, как инициатива китайского Шелкового пути представлена и обсуждена государством и обществом. В Таджикистане государство просто навязывает и приветствует возникающую зависимость от китайских инвестиций. Между тем в Кыргызстане неформальные переговоры приводят к бесплодным попыткам привлечь больше инвестиций, в результате чего эксперты призывают к более согласованным действиям в отношении возможностей Китая. И хотя в Таджикистане наблюдается значительный приток китайских инвестиций во все сферы экономики, вплоть до того момента, когда китайские деньги будут готовы финансировать строительство целых городов, зависимость Кыргызстана менее выражена и более оспариваема. Набор вовлеченных участников, общественные противоречия в отношении китайских инвестиций и интеграция Кыргызстана в Евразийский экономический союз значительно усложнили его отношения с Китаем и потенциал для китайских инвестиций. В конце концов, все различия в акторах и дискурсах, за исключением китайской инвестиционной практики, не изменились с тех пор, как Си Цзиньпин объявил об инициативе «Один пояс, один путь». Китайцы продолжают отличаться посредством прямых межгосударственных контактов, они могут быть уверены, что их экономическая экспансия будет продолжаться без помех, пока нет другого соответствующего источника финансирования (Wolters, 2017: 41).

Проблема развития инициативы ОПОП и ее влияние как на экономическое, так и на экологическое положение были рассмотрены в исследовании Марека Йочека и Дженни Дженыс кызы. Авторы пишут о тематическом исследовании в Казахстане и Кыргызстане, в котором они опросили около 300 респондентов из молодой, образованной элиты двух стран. Общее мнение этого образованного класса о китайских иностранных инвестициях довольно либерально. Они почти единодушно согласны с тем, что иностранные инвестиции полезны для их страны (96 % полностью согласны). Наиболее опасное негативное влияние – приток китайских иммигрантов: около 80 % респондентов склонны согласиться с тем, что это представляет риск. Затем следуют загрязнение окружающей среды и ущерб окружающей среде (70 %), после чего следуют китайские методы управления (65 % в Казахстане и 52 % в Кыргызстане). В отличие от этого, только 25 % респондентов считают, что китайские инвестиции могут расстроить Россию, а 30–40 % – нарушить геополитический баланс сил. Около 59 % казахстанских респондентов и 44 % респондентов в Кыргызстане склонны согласиться с тем, что китайские инвестиции представляют собой угрозу независимости их страны; только 6% позволили бы китайским рабочим физически присутствовать в их стране. Кыргызстан, похоже, более открыт для тесного сотрудничества с Китаем. От 65 до 75 % людей поддерживают ту или иную форму таможенного союза, свободного перемещения

товаров и свободного перемещения капитала с Китаем (в Казахстане поддержка таких мер составляет 35–50 %). Около 43 % респондентов в Кыргызстане также поддержали бы свободное передвижение людей по сравнению с 23 % в Казахстане (Jochec, JenishKyzy, 2017: 60).

Выводы

Исследование показало, что инициатива ОПОП только начала свое развитие, которое будет продолжаться, так как не имеет подобных себе проектов. Более того, можно сказать, что китайские власти пытаются улучшить восприятие своей страны, расширяя контакты и обмены с Центральной Азией. ОПОП, целью которого является укрепление экономического сотрудничества между Китаем и Центрально-Азиатским регионом, в конечном итоге укрепление доверия и улучшение восприятия казахстанцами и другими жителями стран Центральной Азии Китая, имеет большой потенциал, но, похоже, на данный момент его влияние на проблемы идентичности в Центральной Азии было ограниченным и даже вызвало некоторое культурное сопротивление. Однако при всей величине и перспективе проект ОПОП также сталкивается с рядом проблем, которые были ранее описаны. В особенности важно выделить, что участие Китая в Центральной Азии не было гладким. Не все в восторге от растущего присутствия Китая в регионе. Население Центральной Азии с подозрением относится к китайцам, опасаясь, что гораздо более значимые китайцы захватят Центрально-Азиатский регион. Синофобия проявляется во всем регионе, даже в большей степени, чем в Казахстане, что привело к протестам во многих местах по всей стране против предлагаемого закона, по слухам, разрешающего иностранцам владеть казахской землей. Разумеется, инициатива ОПОП является самым крупным и выгодным проектом не только для Китая, но и для стран Центральной Азии. Однако инициатива «Один пояс, один путь» также усиливает антикитайское настроение в стране. Развитие в экономике, происходящее благодаря инициативе ОПОП, имеет свое влияние на социальное восприятие и изменения в обществе, которому стоит уделять особое внимание.

References

Burkhanov A., and Y.W., Chen. (2016) Kazakh Perspective on China, the Chinese, and Chinese Migration. Journal of Ethnic and Racial Studies, no 39 (12), pp. 2129.

Duarte P. (2018) China's Momentum: The "One Belt One Road" Triple's Securitisation. Washington D.C: George Washington University Central Asia Press, no 1(10), pp. 143 – 165.

Garibov A. (2018) Contemporary Chinese Labor Migration and Its Public Perception in Kazakhstan and Kyrgyzstan' in Marlene Laruelle (ed) China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. Washington D.C: George Washington University Central Asia Press, no 12 (1), pp. 143-153.

Jaborov S. (2017) Chinese Loans in Central Asia: Development Assistance or 'Predatory Lending?" in China's Belt and Road Initiative and its Impact in Central Asia. Washington D.C: George Washington University Central Asia Press, no 1 (10), pp. 34-40.

Jochec M., Jenishkyzy, J. (2017) China's BRI Investments, Risks, and Opportunities in Kazakhstan and Kyrgyzstan. Washington D.C: George Washington University Central Asia Press, no 1 (10), p. 60.

Kazakhstan: Khorgos East Gate Special Economic Zone (SEZ) is an important part of transport and logistic system. http://uic.org/com/uic-e-news/480/article/kazakhstan-khorgos-east-gate?page=iframe_enews 12.01.2016

Kushkumbayev, S. Kazakhstan's Nurly Zhol and China's Economic Belt of the Silk Road: Confluence of Goals," https://astanatimes.com/2015/09/kazakhstans-nurly-zhol-and-chinas-economic-belt-of-the-silk-road-confluence-of-goals/ 22.09.2015

Lain S., Pantucci, R. (2016) Silk Road Security China's Eurasian Pivot: The Silk Road Economic Belt // Journal Whitehall Papers, no 88 (5), pp. 64-69.

Laruelle M. (2015) The US Silk Road: geopolitical imaginary or the repackaging of strategic interests?. // Journal of Eurasian Geography and Economics, no 56 (4), pp. 360 – 375.

Michael C. (2014) Kazakh Responses to the Rise of China: Between Elite Bandwagoning and Societal Ambivalence?.// London: Palgrave Macmillan Press, no 1 (10), p. 143.

Shambaugh D. (2013) China Goes Global. The Partial Power // New-York: Oxford University Press, no 12 (14), p. 169.

Wolters A. (2017) « Hegemonic or Multilateral? Chinese Investments and the BRI Initiative in Tajikistan and Kyrgyzstan» // Washington D.C: George Washington University Central Asia Press, no 1 (10), pp. 41 – 50

МРНТИ 04.51.57. https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.17

А. Мусин

Казахский национальный университета им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: jcoolj@mail.ru

КРОСС-ПЛАТФОРМЕННЫЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ИЗМЕРЕНИЙ В ТРАНСМЕДИА КОМИКСОВ

Широкое распространение мультиплатформенных инициатив преобразует современный медиаландшафт. Комикс-индустрия, интенсифицированная за счет размещения контента сразу на нескольких платформах, создает собственные измерения и реальность.

Научный анализ функциональных особенностей и признаков трансмедийной среды комиксов позволяет определить основные характеристики аудитории и последователей данного вида массовой культуры, изучить семиотику и графический язык коммуникации, выявить идеологические аберрации, заложить основы картирования казахстанского трансмедийного ландшафта в части веб-комиксов.

Цель исследования: выявить кросс-платформенные пересечения измерений дискурса комиксов, как глобального проекта взаимосвязи стейкхолдеров трансмедийности. Сложную сеть кросс-медиа и трансмедиаизмерений и пространств, синтезирующую художественный, драматический и сценарный продукт, можно считать вирусной идеей, завладевшей умами миллионов. Расширение границ мышления, уход от реальности в мир безмятежных грез становится глобальной сферой взаимосвязей медиапространства, в котором люди могут сформировать мировоззрение, моральные убеждения и политические пристрастия.

В контексте теории социального интеракционизма рассмотрены типологии языковых знаков, проанализированы символы и образы конкретных образцов графического и мультимедийного комикса. Автор приходит к выводу о тотальности влияния медийно-культурной идеологии комиксов на разные возрастные категории фанатов, высоком уровне охвата казахстанского потребителя идеями глобального маркетинга комиксов.

Ключевые слова: трансмедиа, кросс-медиа, комиксы, кино, музыка, театр, сериалы.

A. Mussin

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: jcoolj@mail.ru

Cross-Platform Intersection of Measurements in Transmedia Comics

The widespread adoption of multi-platform initiatives is transforming the modern media landscape. The comics industry, intensified by placing content on multiple platforms at once, creates its own dimensions and reality.

A scientific analysis of the functional features and signs of the transmedia environment of comics allows us to determine the main characteristics of the audience and followers of this type of mass culture, study the semiotics and graphic language of communication, identify ideological aberrations, lay the foundations for mapping the Kazakhstan transmedia landscape in terms of web comics.

Objective: to identify cross-platform intersections of comic discourse measurements as a global project of interconnected transmedia stakeholders. A complex network of cross-media and trans-media dimensions and spaces, synthesizing an artistic, dramatic and scenario product, can be considered a viral idea that has captured the minds of millions. Expanding the boundaries of thinking, moving away from reality into a world of serene dreams, is becoming a global sphere of interconnected media space in which people can shape their worldview, moral beliefs, and political preferences.

In the context of the theory of social interactionism, typologies of linguistic signs are considered, symbols and images of specific examples of graphic and multimedia comics are analyzed. The author comes to the conclusion about the totality of the influence of the media and cultural ideology of comics on different age categories of fans, the high level of coverage of the Kazakhstan consumer with the ideas of global comic marketing.

Key words: transmedia, cross-media, comics, cinema, music, theater, series.

© 2020 Al-Farabi Kazakh National University

А. Мусин
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: jcooj@mail.ru

Комикстердің трансмедиасына өлшемдердің кросс-платформалық түйісуі

Контентті бірден бірнеше платформаларда орналастыру есебінен қарқыны артқан комикс-индустрия өз өлшемдері мен шынайылығын жасайды. Мультиплатформалық бастамалардың кең таралуы заманауи медиаландшафтты түрлендіреді.

Зерттеу мақсаты: ғаламдық жоба ретінде трансмедиалық стейкхолдерлер арасындағы комикс дискурсы өлшемдерінің кроссплатформалы қиылыстарын анықтау. Көркем, драмалық және сценарий өнімін синтездейтін күрделі кросс-медиа және трансмедиа-өлшемдері мен кеңістіктер желісін миллиондаған адамның ақыл-ойын билеген вирустық идея деп санауға болады. Ойлау шекарасының кеңеюі, шындықтан беймәлім қиял әлеміне өту адамдардың дүниетанымын, моральдық сенімдерін және саяси қызығушылығын қалыптастыра алатын медиакеңістіктің жаһандық өзара байланысына айналады.

Комикстердің трансмедиалық ортасының функционалдық ерекшеліктері мен белгілерін ғылыми талдау аудиторияның және осы бұқаралық мәдениет түрінің ізбасарларының негізгі сипаттамаларын анықтауға, коммуникацияның семиотикасы мен графикалық тілін үйренуге, идеологиялық аберрацияларды анықтауға, веб-комикстер бөлігінде қазақстандық трансмедиалық ландшафты картаға түсіру негіздерін салуға мүмкіндік береді.

Әлеуметтік интеракционизм теориясының контексінде тілдік белгілердің типологиясы қарастырылды, графикалық және мультимедиа комиксінің нақты үлгілерінің символдары мен бейнелері талданды. Автор комикстердің медиялық мәдени идеологиясы фанаттардың әртүрлі жас категорияларына әсер етуінің жалпыламалығы мен қазақстандық тұтынушыны комикстердің жаһандық маркетинг идеяларымен қамтудың жоғары деңгейі туралы қорытындыға келеді.

Түйін сөздер: трансмедиа, кросс-медиа, комикстер, кино, музыка, театр, сериалдар.

Введение

Актуальность данной проблемы в социологическом контексте определена значимостью влияния комиксов на молодое поколение. Комиксы собирают рекордные просмотры, стремительно наращивая охват аудитории. Первые рисунки в смысловой последовательности, рассказывающие определенную историю, появились более ста лет назад. Сегодня это уже глобальная индустрия с миллиардными бюджетами и тотальными возможностями влияния на молодые умы всего мира. Появление интернета вывело комиксы на новый уровень возможностей.

Современные комиксы стимулируют развитие целого ряда медиаискусств: графика, живопись, скульптура, кино, музыка, сериалы, компьютерные игры, театральные постановки с переодеваниями в любимых героев, фестивали комиксов. Веб-комиксы также порождают бесчисленное множество артефактов: граффити на улицах, мем-культура, арт-фанаты, стикеры в мессенджерах. Все это формирует символический интеракционизм (Дж. Мид), выраженный в «символической коммуникации». Логотипы и персонажи комиксов стали семиотическим знаками, лингвистическими единицами и словоформами языка молодежи.

В течение десятилетий персонажи комиксов Marvel, DC, Mangacomics создают и развивают совершенно новую культовую, глобализованную эпоху героев комиксов, формируя новый тип человека. Появился специфический термин – гик, не получивший однозначного определения в научной литературе. Некоторые ученые описывают его «как неформальную обобщающую дефиницию для выпадающего из мейнстрима или социально неприспособленного человека» (Казакова, 2018). Психологи считают, что «гики» как субкультура связаны с социальным обособлением и проявлением нарциссизма (Луков, 2015). Ранее «гика» ассоциировали с фанатом фантастики, комиксов, компьютерных игр. Современное понимание термина расширило данную сферу до самых разных направлений. В любом случае, гик крайне увлеченный и компетентный в конкретном аспекте современной культуры человек, носитель уникальных ролевых моделей поведения.

Трансмедийная среда комиксов объединяет бесчисленное количество людей с общими интересами и увлечениями, формируя новый тип человека, который способен жить в вымышленном мире, созданном группой авторов. В этом и есть магия искусства, которая создает измерение бесконечной импровизации воображения, подобно джазовой музыке с бесчисленными формами

эмоциональной реакции или музыкальными интерпретациями произведений художников.

Автор данного исследования сосредотачивает свое внимание на сегменте «супергеройских» комиксов США и японских – Манга. В формате трансмедиаповествования, понятие которого было раскрыто исследователем Генри Дженкинсом, в данной работе также будет изучена взаимосвязь медиаискусств современной эпохи, развивающихся в алгоритме инновационных технологий, стимулирующих творческую энергию служителей многих видов искусств: художников, аниматоров, сценаристов, кинематографистов, авторов и издателей комиксов. Более того, мультиплатформенные проекты активизируют пересечение дискурсов, создавая трансмедийную среду комиксов и кросс-платформенные пересечения измерений.

Методология исследования

Исследователь Скотт МакКлауд утверждает, «что комиксы имеют много общего с фильмами, картинками, которые преднамеренно наложены друг на друга» (МакКлауд, 2007: 370).

Комиксы – это своего рода сценарий, который глубоко раскрывает суть происходящего, главное – сцена, в которой участвуют герои комиксов и кино, демонстрируются эстетические и красочные моменты происходящего: эмоций, драмы, напряжение чувств, и, конечно, сама история, сюжет. Все это есть и в фильмах, сериалах, мультфильмах, театральных постановках: детально проработанная раскадровка происходящего, погружение в волшебный мир Мельпомены и Талии. Однако, если в кино и комиксах много остается на откуп нашего воображения, театр приближен к реальности.

Хейман-Пратт отмечал в своих исследованиях, что «кинопроекционисты использовали комиксы при создании немого кино» (Хейман-Пратт, 2007: 371). Также комиксы сыграли важную роль в создании еще одной революционной технологии – мультфильмы. Многие исследователи солидарны в том, что комиксы и есть мультфильмы, точнее их основные кадры. Самым первым персонажем комиксов считают знаменитого Мики Мауса.

Ключевое отличие комиксов от мультфильмов состоит, по мнению исследователей, в том, что «в комиксах можно увидеть все и сразу, есть парадигма, тогда как фильм – последовательность кадров» (Хейман, Пратт, МакКлауд, 2007: 371). Мультфильмы передают идею, а комиксы рассказывают историю.

Также исследователи Хейман, Пратт, МакКлауд утверждают, что «комиксы часто структурируются в сериал, могут становиться регулярными ежемесячными выпусками» (Хейман-Пратт, 2007: 372), показывая тем самым, насколько глубока кроличья нора истории, уводящая в пучину эмоций и впечатлений.

Специалист медиасторителлинга, Max Giovagnoli, отметил, что «повествовательные формы неизменны, но разбиваются на короткометражные фильмы, которые позже появляются в кино, теле-шоу, интернете, как для кино, так и для театра» (Max Giovagnoli, 2011:5). Автор также предлагает считать комиксы в фильмах аналогом сериала. Лиам Бурк указывает на факт «использования рекламного искусства адаптации комиксов к фильмам» (Liam Burk, 2019: 51).

Обзор литературы

Комиксы создают свою отдельную медиаплатформу для читателей и просто фанатов жанра. Они возносят на культовый пьедестал нарисованных героев, которые имеют миллионы фанатов по всему миру, их почитают гики, для них расширяется граница миров альтернативной реальности, множественные измерения воображений авторов, в которые могут погрузится почитатели комиксов. Так как комиксы говорят о нас, как считают многие исследователи, литературоведы и искусствоведы: «комиксы отражают дух времени». В них воплощается реальность, создаваемая воображением автора, выраженная в субъективной форме, в которой отмечаются детали, на которые мы можем не обратить внимание в обычной жизни. Хорошим примером могут стать газетные комиксы, «говорящие» на понятном читателю языке, с юмором иллюстрирующие социальные проблемы.

Зарубежный исследователь José Nelson Martins de Sousa предложил теоретическую концепцию рассказа истории в формате трансмедиа, обосновывая новую модель взаимосвязи культур в цифровой эпохе (Sousa, MartaN.; Martins, MoisésL. &Zagalo, Nelson 2016: 4). Это совершенно новая форма повествования цифровой культуры для молодежи, которая на данный момент имеет глобальный характер.

Mark Berninger, Jochen Ecke, and Gideon Haberkorn утверждали что «Комиксы – это связующее звено искусств» (MarkBerninger, JochenEcke, and GideonHaberkorn, 2010: 3). По мнению авторов, все в них взаимосвязано, как

клубок ниток, у которого одна нить-идея может присутствовать во всех медиаканалах.

Генри Дженкинс и Кристи Дена разработали «теорию трансмедийного рассказывания историй» (HenryHank, 2016:1). Исследования авторов посвящены основополагающей концепции трансмедиа в Америке.

Графические романы, которые активно раскупают в магазинах комиксов, содержат также собственную философскую идею, которая развивается на протяжении всей истории. Невербальная, не настаивающая на своей правоте графическая литература претендует на новую форму философии XX-XI веков. Многие персонажи графической романистики явно или косвенно формируют новаторскую идеологию. Ярким примером такого развития жанра является работа издательства «DCcomics» с её мрачной, но жизненной формой повествования, гибкой, но все же не уходящей от традиционных канонов репрезентации.

Парадигмой постепенно становится то, что супергеройские комиксы и схожие с ними формы жанра используют один и тот же маркетинговый ход: сюжет всегда таит в себе загадку или же, как общепринято это называть, «пасхалка» или тайна, порождающая большое количество теорий.

Знаменитый актер, Марк Хэмилл, большую часть жизни озвучивающий Джокера, в интервью признался: «Джокер никогда не бывает предсказуемым, пока ты непредсказуем, ты не можешь перестать быть интересным». Жаркие споры и обсуждения на тему комиксов активируют дискуссию кинокритиков, поддерживая постоянный интерес к теме.

Исследователи DanielStein, ChristinaMeyer, MichaEdlich раскрывали в своих исследованиях такое понятие как «Транмедиальная нарратология и трансмедиальная фокусировка» (DanielStein, ChristinaMeyer, MichaEdlich, 2011: 519).

Новый уровень мышления и восприятия молодого поколения формирует определенные стандарты и требования, близкие к концепции газетных комиксов, которые всегда подмечали самое важное. Митчел утверждал, что «комиксы могут относиться и к категории графического дискурса» (Mitchell, 2014: 256), в котором весь комикс, по завершении прочтения, напоминает некое умозаключение, что дает толчок к осознанию происходящего.

Материалы и методы

Многие исследователи дискурса отмечают, что отличие комиксов еще и в том, что они имеют большую свободу повествования, образы комиксов постепенно видоизменяются, актуализируются, осовремениваются, так как они нацелены именно на молодую аудиторию, которая является основным потребителем продукта, а также источником тем и вдохновения.

В знаменитом аниме-сериале «Наруто» (2009), основанном на главе манги (японские комиксы), автором которой является Масаси Кисимото, существует философия воли, а также призывы к патриотизму, сохранению традиционных ценностей и передаче ценного жизненного опыта, преданности своим идеалам. Мультсериал учит молодежь никогда не сдаваться и не бояться, это прекрасный образец несгибаемой воли героев. В центре сериала – Коноха, маленькая деревня, в которой жили персонажи сериала. Деревня, как прообраз Японии, её жители считают себя одной семьей. В заключении сериала все деревни, по примеру Конохи, объединяются, ниндзя и самураи выступают единым фронтом во имя спасения всего и вся. Все персонажи в какой-то степени напоминают японских супергероев.

Первым и самым знаменитым аниме в мировой комикс-индустрии можно считать «Годзилла» (1958). Первый комикс с этим героем был создан автором Шигеру Мизуки в выпуске «Монстер Рабан». Фильм вышел ранее, в 1954 году. Использование образа Годзиллы в фильмах и мультфильмах продолжается по сей день. Данный герой создал в японской культуре целый пласт культуры Кайдзю, что значит «Странный зверь». Также к нему относят знаменитую черепаху «Гамера» (1965), снятую в японском жанре Токусацу. Культовая манга «Могучего атома», он же «Астробой» (1959), «Акира» (1982), «Невероятные приключения ДжоДжо» (1986), «FinalFantasy» (1987) и «Сейлор-мун» (1992-1997), «Onepiece» (1997), «Хеллсинг» (1997). Японская манга, являясь оригинальной формой изобразительного искусства, своеобразным литературным явлением, переходит в другие форматы, захватывая все кросс-платформы.

Аудиторию, несомненно, привлекает жесткое, но в тоже время трогательное противостояние между героями и злодеями, окруженное душевной эстетикой и особым состоянием романтики в содержании манги и аниме. Как в манге, так и в американских сериалах имеется общая черта, называемая «Экшн Вестерн». Создается пауза в повествовании, напряженная тишина перед ключевым сражением, тревожное ожидание момента атаки.

Говоря о слиянии американских и японских медиакомиксов, можно указать на сериалы в жан-

ре научной аниме фантастики в стиле «Mecha», который появился в манге в 1958 году, и первые аниме: «Tetsujin 28-go» (1956), «Мазингер Зет» (1972), «GetterRobo» (1975), «Грендайзеры» (1975), «Храбрый Экскайзер» (1990); Мобильный воин Гандам: «Виктория» (1993), «Стальная тревога» (2002) и «Трансформеры» (1980) США. Общим творением стала совместная работа двух стран – «MegasXLR» (2002–2005). Еще одним аниме-шедевром Востока и Запада стал «Афро-Самураи» (1998–2002), созданный на основе серии мангиТакаши Оказаки, песни к сериалу записал рэпер RZA из Wu-TangClan. «Warcraft: TheSunwellTrilogy», выполненная в стиле манга, – совместная работа OEL manga и Richard Knaak. Warcraft – самая знаменитая игра компании Blizzard Entertainment, которая создавала книги, комиксы, фильмы, мультфильмы. Отсылки к этой игре имеются практически во всех шоу телевидения и интернета. «Batman: GothamKnight» (2008) – серия аниме-фильмов. К американскому аниме относятся мультфильм и манга «Аватар: Легенда об Аанге» (2005–2008), вариация от DC «Teen Titans» (2003–2006). Телесериал «Power rangers» (1993–2002) был основан на сериале «Super Sentai» (1975).

Результаты и обсуждения

Комиксы – это особое пространство, в котором ярко выражаются наши эмоции и ощущения через воображение и визуализацию сознания, где на глубоком уровне мы можем прочувствовать буквально каждый момент истории, оставляющий после прочтения непередаваемые впечатления от слов героев комиксов, чувства эмпатии и сопереживания героям. Прорисовка комиксов является выражением чувств и условной нитью, соединяющей автора, читателя и комикс как условный ментальный код общения со зрителем, тоже самое происходит и в кино через атмосферу, цветопередачу и музыку.

В сравнении с живописью комиксы имеют схожесть в особом показе момента, но искусство заставляет нас думать, тогда как комиксы даже при одной газетной иллюстрации представлены так, что становится все понятно даже без слов. Об этом также заявлял Хейман-Пратт, утверждая, что комиксы могут существовать и без текста (Хейман-Пратт, 2007: 371). Создавая переход визуализации из двухмерного пространства в трехмерную реальность нашего мира, восхищают своей детализацией скульптуры и статуи различных персонажей комиксов. В данном случае можно наблюдать смешение живописной экспрессии и киноинтерпретации. Многие из них становятся игрушками как для детей, так и для взрослых коллекционеров. Комиксы, как считают многие ученые, не являются серьезным видом искусства, но, как и предметы высшей культуры, продаются на аукционе за высокую стоимость не только фигурки, но и атрибуты, аксессуары в магазинах комиксов.

В современных повествованиях мира комиксов появилось место и связи театра с комиксами Голливуда. Например, сценические постановки Marvel в Парижском Диснейленде, в которых актеры исполняют роли из фильма «Мстители» в развлекательном театральном шоу. Это иллюстрация слияния атмосферы театра и кино при живой аудитории фанатов комиксов. В представлении также был балет – смешение театра теней на 3D-проекции. Косплей-постановки с артистами и простыми любителями комиксов также вносят вклад в развитие нового вида театра, многие из них буквально живут своими ролями. Следует добавить, что DCcomics всегда были ближе именно к театру, как в комиксах, так и в других формах повествования.

В Сан-Диего на Comic-Con (2017) артисты озвучивали героев комиксов про Халка, создавая полное погружение в страницы графического романа. Это не является единичным случаем озвучивания комиксов, становящегося формой репрезентации аудиоповествования. Такая форма используется для того, чтобы мысли авторов осознавались максимально точно.

Но Япония никогда не отставала от Америки ни по рейтингу, ни по числу фанатов, поэтому в равной степени ценят труд обеих стран практически все фанаты комиксов. На арене Ченг-ду (2018) состоялось театральное шоу человека по имени O-dog, была создана танцевально-развлекательная постановка аниме-сериала «Наруто» с элементами хип-хоп танцев и кунг-фу. Другим примером является Аниме Экспо-2019, во время которого также проводилось театрально-музыкальное представление, и аниме-тур в Лос-Анджелесе в 2020 году.

Таким образом, театральные постановки в скором времени могут потеснить по популярности и произведения знаменитых драматургов, так как это становится новым уровнем культуры для увеличивающейся аудитории. Комиксы в общем смысле – это впечатления от рассказа, словно байки у костра.

Из этого следует, что современные комиксы во всех формах и проявлениях представляют

собой сплав искусств повествования. Как заявлял Митчел в своих работах: «Комиксы – это трансмедиа, включающая в себя сложное переплетение репрезентаций и форм выражения стиля художника, который сохраняет основу и суть идеи своих предшественников» (Mitchell, 2014: 259). Это общее правило в крупных компаниях комиксов, где выражается и развивается личный почерк основателей и прогрессивно развивается последователями, а повествования продолжатся до бесконечных масштабов глобальной фанбазой любителей: художников, артистов, создателей видеороликов, очевидно, что это никоим образом не помогает самим создателям комиксов развиваться в нужном направлении. Сложное переплетение форм повествования начинается с комиксов, продолжается за счет фильмов, интернет-мемов и т.д. В то же время в мультфильмах все выражается иначе, так же, как и в играх, там совершенно иные формы историй и изображений культовых героев комиксов, но суть их та же. Каждый художник стремится создать уникальный образ персонажа и это воплощает их родство с мультфильмами и театром, который станет новой точкой опоры для вдохновения, а его эволюционное развитие возможно за счет философского подтекста. Исследователь Митчел замечает, что присутствует «философия в рамках медиа» (Mitchell, 2014: 259). Философия в медиапространстве крайне гибкая, обширная и нестабильная из-за погони за рейтингом. Но в комиксах философия является ударной, как выстрел пули, поражающий миллиарды умов. Удивительно, как одна мысль способна объединить совершенно разных людей, а именно на это способны комиксы. Философские изречения в комиксах являются фирменной «фишкой» для каждого поколения создателей и фанатов, в некотором роде это особый почерк визуальных искусств. Важно отметить, что комиксы рассчитаны на молодежь, и так через метод дискурса в графическом повествовании устанавливается прямая связь с психологией и социологией. Как утверждают некоторые исследователи, комиксы оказывают особое влияние на общество, так как отражают дух времени, являясь воспитателем для молодежи, мотивируя их быть героями в реальной жизни, как это показано в фильме “Пипец” (2010).

Именно философия является основной идеологией для смешения изображений в трансмедиа, в ней заключается суть, на которую можно опираться авторам идей.

Комиксы создали своеобразную революцию в условиях современной цифровой эпохи, а именно – объединили на одном экране все формы изображения и демонстраций – от художественных, анимационных до пиксельных.

Комиксы соединены между собой различными историями, персонажами из разных комиксов, которые встречаются на одной странице, формируя таким образом некую вселенную. Но и между этими вселенными существует связь, созданная при помощи трансмедиа, что создает выход на совершенно иные персонажи из других измерений. Chute и Jagoda также говорили о «вэб-контенте и микроблогах геймеров, которые создают блоги о сетевых играх трансмедиа» (Chute, Jagoda 2014: 7). Выражаясь геймерским языком: скины и моды, то есть модели персонажей, – это еще одна связующая нить между кино и компьютерными играми, между знаменитыми играми, такими как: GTA 5, MK 11, там имеется Джокер, Терминатор, Спаун, был создан скин Пеннивайза (литературный персонаж Стивена Кинга), а также знаменитые клоуны убийц в игре “Residentevil 2”, множество персонажей комиксов в игре “Injustice 2”, в них же были герои Mortal Combat, а также черепашки-ниндзя, которые тоже были созданы по комиксам. Следуют упомянуть о реслинг игре WWE “MarvelvsDC”. В них участвуют персонажи различных игр, аниме, фильмов, мультфильмов, комиксов, там имеются абсолютно все формы и образы персонажей, имеющих культовый статус по всему миру, так как транслируются во всех телевизионных шоу, тем самым объединяя то, что так любит зритель, разрушая границы невозможного в бесконечном измерении интересов глобализованного мира. Отсылки в играх и фильмах, – это лишь очередной пример того, что революция трансмедиа соединяет между собой все миры гиков, которые собраны в единую семью, создавая тем самым единый культурный капитал, о котором говорил знаменитый социолог Пьер Бурдье, об этом же заявлял Joseph Clark: “супергерои – это интеллектуальная собственность и основной поток дохода крупнейших корпораций” (JosephClark 2011: 1). Chute и Jagoda считают, что “трансмедиа – это мультиплатформенный опыт передачи между играми, веб-сериалами и социальными сетями” (Chute, Jagoda 2014: 2). Как связующие нити между собой они принимают все формы медиа рекламы. Хейлз, Ягода и Лемье дали определение: «альтернативная игра в реальность» (ARG). (Chute, Jagoda, 2014: 8).

В стране восходящего солнца игровая индустрия развивалась семимильными шагами: начиналось с манги и серии игр файтинга Street

Fighter (1993) от создателя Масаоми Канзаки. Также был создан цикл фильмов совместно с США, таких как Уличный боец (1994), где главную роль сыграл Жан-Клод Ван Дамм.

Tekken, или же Железный Кулак (1994) – игра, которая переходила в мангу, и фильм «Теккен» (2010), где в главной роли – Кери-Хироюки Тагава.

Слияние двух миров – Японии и США – так же было в игре “Marvelvs Capcom” (1994), где можно увидеть всем известных персонажей аниме и американских супергероев и злодеев.

Комиксы становятся важной частью гигантской культурной индустрии социального интеракционизма молодежи. Все это формирует отдельный мир, в котором так знакомо то, что было создано за последние столетия, а именно идеи авторов из различных стран мира, создавших героев нашего времени. Идеи, которые с течением века лишь совершенствуются и приближаются к реальности.

Трансмедиа комиксов в мире кинематографа также имеет малоизвестные интерпретации супергероев и злодеев. В различных странах об этом вещают Youtube-блогеры, яркими примерами являются китайские индийские японские версии супермена “Человека паука” и “Мстителей”, также имеется турецкая версия, индийский Джокер и т.д. Сами идеи постепенно превращаются в выгодный маркетинговый продукт, который используют в своих целях по всему миру.

Как уже неоднократно отмечалось многими исследователями графических романов, мультфильм – это дитя комиксов, по методу комиксов до сих пор создаются анимационные шедевры. Комиксы проникают во все сферы цифрового искусства, от 3D-версий до анимационных отсылок, как, например, представители мира комиксов появлялись в американском мультфильме «Удивительный мир Гамбола» (который является идеальным примером трансмедиаискусств; это словно музей анимационного искусства, вобравший в себя все версии мультфильмов со всех времен, там имеются отсылки практически ко всем известным человечеству персонажам, а также к комиксам, музыке, фильмам и т.д., это удивительная взаимосвязь, которая создает единую глобальную сеть всех вымышленных персонажей, объединяющую внутренние миры различных молодых людей со всех стран мира; это язык общения между гиками и взрослыми людьми, все логотипы, ссылки, пасхалки, это вся медиаэрудиция молодого поколения). Происходит взаимный пиар между создателями различных медиаплатформ с целью украшения и привлечения внимания зрителей, создается отдельный мир, в котором могут жить люди, и это язык интеракционизма в трансмедиакомиксов. Другим же прекрасным примером трансмедиа являются Симпсоны, которые транслируется на всех экранах мира с 1989 года по сей день. В одном из эпизодов сериала Барт Симпсон, сын Гомера Симпсона, нарисовал комикс своего отца таким, каким видел его в жизни. Позже он и местная телекомпания создали мультфильм для телевидения, который в сюжете после нескольких сезонов под названием «Папа Зол» вышел в кинотеатрах, – это было трансмедиа внутри сериала. Следует отметить, что Симпсоны также показывают очень много известных персонажей в своем телесериале на канале Fox, таких персонажей, как Бэтмен, Человек-паук, которого изобразил Гомер, женщина-кошка – в исполнении Мардж Симпсон, жена Гомера и т.д.

Также нельзя забывать о музыке в комиксах, обычно на страницах графических рисунков она выглядит как набор звуков, которые можно интерпретировать по-своему. В фильмах существует супергеройская музыка, которая в недавние годы развила собственный жанр мотивирующего звучания храбрости и мрачные ноты злодеяний. Музыка проникает в другие формы жанра музыки, такие как хип-хоп. Ярким примером является знаменитый трек MethodMan«Riddler» (1995). Известный рэпер создал песню и клип для злодея DC comics Загадочника, которого сыграл Джим Керри (этот персонаж создает загадки и лабиринты с умственными манипуляциями). Более того, себя музыкант изобразил в виде Пингвина, также главного врага Бэтмена, ассоциируя себя с видным криминальным авторитетом мира гангстеров. В этой песне выразилось безумие злодеев и атмосфера супергеройских комиксов 90-х годов в лучших хип-хоп традициях, саундтрек был создан к фильму «Бэтмен навсегда» (1995). Помимо этого, свою роль в комиксах сыграл рэпер Eminem в комичной и немного пародийной песне «Withoutme» (2002), где он сыграл себя в виде супергероя по имени «Rapboy», который является отсылкой к классическому Робину из комиксов о Бэтмене. Другой видеоклип в стиле комиксов был создан рэпером Timbaland «Throwitonme» (2007), который очень напоминает классические шедевры Френка Миллера – цикл графических романов «Город грехов», создававшийся в 1991–2000 гг. Также напомним о культовом хите норвежской группы A-ha «Takeonme» (1983), созданном в стиле комиксов.

Еще одним примером является песня знаменитого композитора игр Джеспера Кида «Joker Theme». Песня была создана для игры на приставке «Sega» – «Приключения Бэтмена и Робина», прямой отсылки к анимационному сериалу о приключениях Бэтмена. В данной музыкальной композиции отразилось безумие Джокера – мрачная цирковая музыка с отдаленным нагнетающим мотивом, создающим прекрасную игровую атмосферу сцены сражения со злодеем. В других уровнях этой игры создается отсылка к фильмам 90-х годов про Бэтмена. Помимо этого, Джеспер создал песню к игре первого уровня X-men.

Но на этом ничего не закончилось, так как в интернете существуют ежемесячные видео рэп-баттлов, где изображаются герои и злодеи комиксов. Их, конечно же, создают сами фанаты и любители. Многие из них не популярные, но очень талантливые рэперы продолжают создавать свои собственные хиты в стиле «Gangstarap», посвященные знаменитым супергероям и злодеям, где посредством музыки выражается их сущность, например, про знаменитого злодея «Пугало», одного из главных врагов Бэтмена, в комикс-клипе «Thefightinside» (2019), автор – Daddyphatsnaps.

В аниме-сериалах часто используется панк-рок музыка и романтичные композиции. К примеру, Ёко-Канно, создавшая множество песен для аниме «Призрак в доспехах», Юки Кадзиура писала саундтрек для «Крестовый поход Хроно» (1999), который также основан на комиксах манги. Таку Ивасаки создал песню к сериалу «Невероятные приключения ДжоДжо», Арисава Таканори написал музыку для аниме «Сэйлор Мун». Сатору Косаки создавал песни для игр Теккен, Синдзи Миядзаки был автором песен «Pokemon 2000: Thepowerofone».

Сложная сеть обмена информации, где ключевым переходником являются слухи и то, что люди делятся ими друг с другом, бесконечный поток обсуждения ярких впечатлений и воспоминаний, – это то, что питает трансмедиа и кросс-медия. Неизбежная эволюция заключается в том, что гаджеты стали продолжением и частью ума, это ментальный синтез технологий и личного пространства человека в его внутреннем мире, это стало основном формой социализации и глобализации человека в обществе. Интернет подключился к миллиардам внутренних миров человечества, где маркентиговые схемы проникают в сознание людей. Это гениальная попытка объединить большое количество людей через персонажей комиксов, фильмов, которые на пьедестале славы словно рок-звезды, управляющие сознанием людей, по уровню влияния постепенно начинают превосходить реальных знаменитостей и актеров. Потому что вымышленный образ намного совершеннее, чем реальный.

Трансмедиа и кросс-медиа – это мировая власть маркетинга над потребительским обществом, это бесконечная сеть рекламы, цикличная и в тоже время безмерная, все это приносит постоянный денежный поток. Это бесконечно глубокий мир идей человечества. Комиксы, как неоднократно заявляли многие ученые, – это прежде всего форма потребления, которая постоянно сериализируется. Ежемесячно продаются миллионы экземпляров, затем комиксы переходят в кино, игры, телевидение, книги, игрушки, социальные сети, интернет-магазины. Таким образом, комиксы становятся независимой планетой с огромным количеством телеспутников, которые взаимодействуют друг с другом, объединяя между собой буквально все, что угодно: все формы повествования и самовыражения, мосты между континентами менталитетов. Джон Пратт утверждал, что «Комиксы – это гибридная форма искусства, где литература связывается с другими формами изображений» (HENRY JOHN PRATT, 2009: 107). Именно за счет таких культовых персонажей, как Бэтмен, Супермен и Человек-паук, являющихся иконами трансмедиа-комиксов. Кимберли говорил о франшизах Бэтмена, как о «мульти-опосредованной собственности» (KimberlyAnnOwczarski, 2008: 6), где имеется своя линия последовательности.

Все это формирует отдельную группу людей, которые живут в этом пространстве. Пожалуй, немаловажную роль в трансмедиа также сыграли и сами фанаты – простые любители или же вполне известные блогеры, которые создают фанарты, фильмы, сериалы, мультфильмы, объединяющие различных персонажей в своих работах, и показывают это так, как хотели бы увидеть это они сами. Важной частью народного творчества также являются и мемы, комиксы, язык, на котором выражается молодежь, используя образы всех героев комиксов в своих панелях комиксов. Помимо этого, расширяется уровень цитирования героев комиксов. Это оригинальные цитаты и афоризмы, а также выдуманные острословами уже по следам сюжета. Активно развиваются интернет-форумы, в условиях которых протекает целая жизнь, посвящённая миру комиксов. Shane Denson и Julia Leyda считают, что аудитория вносит активный вклад в развитие жанра комиксов (Shane Densonand, JuliaLeyda 2016: 2). Сами по-

клонники превратились в СМИ для крупнейших компаний, именно они дают огромное количество рекламы для трансмедиа, которая стала как бы нервной системой в мире молодежи, за счет фанатичного поклонения всем этим идеям. Из этого следует, что в развитии комиксов участвуют не только авторы, писатели, сценаристы, но и сама аудитория, которая в свою очередь дает бесконечный поток рекламы и идей.

Об этом заявлял исследователь Митчелл «Комиксы трансмедийны со всем многообразием форм изображений и видов искусств» (Mitchell, 2014: 259). «Комиксы трансмедийны, являющиеся собой формой современных медия, они не утратят свою актуальность» (Mitchell, 2014: 260). Так как современное общество является основным источником питания этого феномена, люди с цифровым мышлением все дальше и дальше уходящие в свои личные цели и мечты, встречаются на перекрестках общих интересов прогрессивно развивающейся платформы трансмедиа, которая относится не только к комиксам, но и к остальным сферам жизни. Ученые Chute, Jagoda утверждают, что «цифровая революция создала сложную медиаэкологию для улучшения историзации, тем самым медиааудитория отправится куда угодно за своими увлечениями» (Chute, Jagoda, 2014: 7).

Читатель словно блуждает в диком пространстве чужого воображения, где практически не существует законов и правил. Венути заявил о двух понятиях одомашнивания: первое – оправдание ожиданий аудиторий, второе: требование знаний у читателя об экзотичном продукте (Dr Simon Grennan 2019: 3). Несмотря на то, что все формы трансмедийного повествования имеют общую каноничную историю, которая с течением времени трансформируется в нечто новое, создавая гибкую межпоколенческую хроносвязь, базируясь на неких основах, концепциях, историях. Например, Paola Brembilla и Guglielmo Pescatore отметили разницу между 50-ми и современностью: как «сильно изменилась индустрия комиксов Marvel и DC» (Paola Brembilla, Guglielmo Pescatore, 2017: 1) в создании персонажа комикса, создаются некие барьеры и границы между кино, мультфильмами, компьютерными играми и, конечно, графическими романами, это то, что является еще одной парадигмой в мире комиксов, так называемые вселенные, или же проще сказать формы реальностей, отличные друг от друга имиджи и изображения культовых героев и злодеев. «Уивер утверждает, что комиксы могут делать то, чего не могут другие средства массовой информации – это мульти-экспрессивный текстуально-многослойный канал» (Eric Rutgrinnk, 2013: 1). Это является лучшей формой связи с мировой молодежью. История раскрывает душу персонажей комиксов, в нее вкладывают усилия сценаристы и сами актеры, которые их озвучивают. Все это задает тон, создает атмосферное настроение, вызывает у зрителя определенные эмоции.

Заключение

Трансмедия – это великая ностальгия по тому, что было в нашем детстве и воскресает вновь в новых воплощениях и сюжетах, паутина, которая соединяет все идеи, куда попадаются буквально все подростки и взрослые, которые любят вспоминать детство. Трансмедиа комиксов могут развивать до бесконечности свои авторские идеи и вносить в них что-то новое. Идеи комиксов живут и эволюционируют, они существует среди нас и в нашем сознании. Тем самым трансмедиа комиксов – это попытка оживить вымышленную идею, в которую верят миллионы людей. Можно предположить, что комиксы могут превратиться в целую религию для новых поколений гиков, где существует своя мифология историй и реинкарнации франшиз персонажей комиксов. Все виды искусств доводятся до эстетического идеала, идет максимальное приближение реальности к фантастике существования в единении двух противоположностей, тем самым создается новое восприятие мира, в мире гиков, где идеи комиксов становятся ценностями. Все они глубоко оседают в нашей памяти, а возрастающее число почитателей заставляет уважать и ценить работу авторов комиксов. Этому способствует также могущественная сила рекламы, фактически все трансмедиа и кроссмедиа комиксов зависят от маркетингового продвижения, которое с течением времени увеличивает влияние индустрии комиксов в мировом пространстве, где происходит адаптация во всех медиа и взаимное влияние между крупными компаниями.

Казахстанское общество так же, как и весь мир, стало свидетелем эффекта глобализации трансмедиа и кросс-медиа. Наша страна, начиная с 90-х годов, в курсе новинок комиксов, ведь компьютерные игры и игровые приставки, связанные с любимыми персонажами комиксов и других созданий медиаиндустрии, были частью жизни казахстанцев.

Медиапространство трансмедиа комиксов – это инкубатор идей, где каждый персонаж про-

ходит стадии взросления и становления, эволюционные трансформации образа личности и образа в целом. Так на протяжении длительного времени сохраняется его популярность, что дарит бессмертие коммерческим комикс-проектам. Это основной метод авторов графических романов, когда постоянно создается новое поверх старого и при этом предыдущее творение от этого становится бесценной классикой и вызывает удивительную ностальгию, не смотря на взлеты и падения в рейтинге комиксов. Вместе с этим растет уважение к компании комиксов, а с ним и экономический рост прибыли.

Поэтому существует целый иерархический пантеон для персонажей комиксов, который боготворит каждый ценитель комиксов и супергеройских фильмов. Все это создает эффект фанатской волны как на футбольном матче, когда несколько людей делают волну, в нашем случае авторы комиксов и эту же волну подхватывает остальной стадион, именно так работает трансмедиа комиксов, за счет «эффекта толпы».

В Казахстане проводятся ежегодные фестивали комиксов организации под названием AlmaCon, для любителей фантастики, а также любителей игровых платформ. Сформировались группы людей, которые погружаются в массовую культуру глобализации. Для нашей молодежи существует целая армия персонажей медиаиндустрии со всего мира, вымышленных образов. Они становятся реальностью для аудитории, проводящей свой досуг за чтением или просмотром различных видео о любимом герое, которому также где-то подражают, видя в нем себя. Тем самым наша страна движется с остальным миром в ногу со временем, переживая лучшие моменты впечатлений, которые заполнили собой в детстве герои, вдыхая таким образом дух своего поколения.

Визуальное воздействие и влияние на общество создается за счет рекламы и СМИ, которые используют буквально все рычаги воздействия. Можно предположить, что трансмедиа комиксов – это идейный магазин игрушек, медийно-культурной идеологии для детей и взрослых. Люди всегда остаются в душе детьми, играя в игрушки, сами того не подозревая, они сохраняют ностальгическую преданность впечатлениям, полученным в детстве и сохраняющимся как жизненная ценность на протяжении длительного времени. Все это наполняет личность идеями глобального маркетинга комиксов, формируя тем самым новое поколение Казахстанцев.

Литература

Aaron Meskin (2007) The American Society for Aesthetics. Defining Comics? The Journal of Aesthetics and Art Criticism, Vol. 65, No. 4, pp. 369-379

Barry Keith Grant and Scott Henderson (2019) University of Texas. Take the Movie Home! How the Comic Book Tie-In Anticipated Transmedia Production.

Daniel Stein, Christina Meyer and Micha Edlich (2011) Universitätsverlag. Introduction: American Comic Books and Graphic Novels Amerikastudien / American Studies, Vol. 56, No 4, pp. 501-529.

Dr Simon Grennan (2019) London College of Communication. Transnational Transmedia: Selling and Reselling Manga and the Graphic Novel Crossing Borders, Boundaries, and Cultures Conference, UAL.

Eric Rutgrink (2013) Connie Veugen J.I.L. Transmedia Storytelling December

Hillary Chute and Patrick Jagoda (2014) The University of Chicago. Comics & Media Critical Inquiry, Vol. 40, No 3, pp. 1-10

Hillary Chute and Patrick Jagoda (2014) The University of Chicago. Comics & Media Critical Inquiry, Vol. 40, No 3, pp. 1-10.

Hillary Chute and Patrick Jagoda (2014) The University of Chicago. Comics & Media Critical Inquiry, Vol. 40, No 3, pp. 1-10.

Henry John Pratt Narrative in Comics (2009) The American Society for Aesthetics. Special Issue: The Poetics, Aesthetics, and Philosophy of Narrative. The Journal of Aesthetics and Art Criticism, Vol. 67, No 1, pp. 107-117

Henry (Hank) Blumenthal (2016) Georgia Institute of Technology. Storyscape, a new medium of media.

Joseph Clark Superman (2011) Florida State University. Never Made Any Money: Superheroes in Second Life. Comic Book Adaptations within Other Media Eastern Communication Association Annual Conference Arlington. Virginia

Kimberly Ann Owczarski (2008) The Faculty of the Graduate School of The University of Texas at Austin in Partial Fulfillment. Batman Time Warner, and Franchise Filmmaking in the Conglomerate Era.

Казакова Г.М. Андреев Е.А., Тузовский И.Д. в контексте культурологического анализа. – Вестник Томского Государственного университета Культурология и искусствоведение, 2018. – № 31.

Луков В.А. Социология молодежи // Электронная энциклопедия. 2015.

Mark Berninger, JochenEcke, and Gideon Haberkorn. (2010). North Carolina, and London Comics as a nexus of cultures: essays on the interplay of media, disciplines and international perspectives.

Max Giovagnoli. 2011. Library of Congress. Washington.

Marta N.; Martins, Moisés L. & Zagalo, Nelson. (2016). Media Convergence Handbook. Transmedia Storytelling: The roles and stakes of the different participants in the process of a convergent story, in divergent media and artefacts, in Lugmayr, A. & Dal Zotto, C. (eds.) ISBN: 978-3-642-54486-6. - vol. 2". pp. 117-135. Berlim.

Paola Brembilla, Guglielmo Pescatore. (2017). The international conference The Art of the Television Series – Museo Universidad de Navarra – Pamplona. Comics TV Rises. Practices and Aesthetics, Shifting from Paper to Television. Spain.

Shane Denson and Julia Leyda. (2016). Falmer: Reframe Books. Post-Cinema, Theorizing 21st Century Film.

W. J. T. Mitchell. (2014). The University of Chicago. Comics as Media: Afterword Critical Inquiry, Vol. 40, No 3., pp. 255-265.

References

Aaron Meskin. (2007). The American Society for Aesthetics. Defining Comics? The Journal of Aesthetics and Art Criticism, Vol. 65, No. 4. pp. 369-379

Barry Keith Grant and Scott Henderson. (2019). University of Texas. Take the Movie Home! How the Comic Book Tie-In Anticipated Transmedia Production.

Daniel Stein, Christina Meyer and Micha Edlich. (2011). Universitätsverlag. Introduction: American Comic Books and Graphic Novels Amerika studien / American Studies,Vol. 56, No. 4. pp. 501-529.

Dr Simon Grennan. (2019). London College of Communication. Transnational Transmedia: Selling and Reselling Manga and the Graphic Novel Crossing Borders, Boundaries, and Cultures Conference, UAL.

Eric Rutgrink. (2013). Connie Veugen, J.I.L. Transmedia Storytelling December 3rd 2535153

Hillary Chute and Patrick Jagoda. (2014). The University of Chicago. Comics & Media Critical Inquiry, Vol. 40, No. 3. pp. 1-10

Hillary Chute and Patrick Jagoda. (2014). The University of Chicago. Comics & Media Critical Inquiry, Vol. 40, No. 3. pp. 1-10.

Hillary Chute and Patrick Jagoda. (2014). The University of Chicago. Comics & Media Critical Inquiry, Vol. 40, No. 3. pp. 1-10.

Henry John Pratt Narrative in Comics. (2009). The American Society for Aesthetics. Special Issue: The Poetics, Aesthetics, and Philosophy of Narrative. The Journal of Aesthetics and Art Criticism, Vol. 67, No. 1. pp. 107-117.

Henry (Hank) Blumenthal. (2016). Georgia Institute of Technology. Storyscape, a new medium of media.

Joseph Clark Superman. (2011). Florida State University. Never Made Any Money: Superheroes in Second Life. Comic Book Adaptations within Other Media Eastern Communication Association Annual Conference Arlington. Virginia

Kimberly Ann Owczarski. (2008). The Faculty of the Graduate School of The University of Texas at Austin in Partial Fulfillment. Batman Time Warner, and Franchise Filmmaking in the Conglomerate Era.

Kazakova G. M. Andreev E. A. Tuzovskii I. D. Gik-kul'tura v kontekste kul'turologicheskogo analiza [Geek culture in the context of cultural analysis]. Bulletin of Tomsk State University Cultural Studies and Art History, 2018, No 31.

Lukov V. A. Sotsiologiya molodezhi. Electronic Encyclopedia. 2015.

Mark Berninger, JochenEcke, and Gideon Haberkorn. (2010). North Carolina, and London Comics as a nexus of cultures: essays on the interplay of media, disciplines and international perspectives.

Max Giovagnoli. 2011. Library of Congress. Washington.

Marta N.; Martins, Moisés L. & Zagalo, Nelson. (2016). Media Convergence Handbook. Transmedia Storytelling: The roles and stakes of the different participants in the process of a convergent story, in divergent media and artefacts, in Lugmayr, A. & Dal Zotto, C. (eds.) ISBN: 978-3-642-54486-6. - vol. 2". pp. 117-135. Berlim.

Paola Brembilla, Guglielmo Pescatore. (2017). The international conference The Art of the Television Series – Museo Universidad de Navarra – Pamplona. Comics TV Rises. Practices and Aesthetics, Shifting from Paper to Television. Spain.

Shane Denson and Julia Leyda. (2016). Falmer: Reframe Books. Post-Cinema, Theorizing 21st Century Film.

W. J. T. Mitchell. (2014). The University of Chicago. Comics as Media: Afterword Critical Inquiry, Vol. 40, No. 3. pp. 255-265

ҒТАМР 04.41.21 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.18

Ж.А. Сарсенбеков, М.Н. Сыздық, Г.К. Есіркепова

М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік университеті,
Қазақстан, Шымкент қ., e-mail: zhandos_s@inbox.ru,
e-mail: makpal_s@list.ru

ЗИЯТКЕРЛІК КАПИТАЛ – ИНТЕЛЛЕКТУАЛДЫ ҰЛТТЫҢ ЖЕМІСІ: ӘЛЕУМЕТТАНУЛЫҚ ТАЛДАУ

Мақала зияткерлік капиталдың интеллектуалды ұлтты қалыптастырудағы орны мен рөліне арналған. Елбасы Н.Ә. Назарбаевтың бастауымен жүзеге асырылған «Интеллектуалды ұлт – 2020» бағдарламасының қорытындысы есебінде М. Әуезов атындағы ОҚМУ оқытушыларының бастауымен әлеуметтанулық зерттеу жүргізілді. Бұл зерттеудің қорытындылары мақалада ашылып көрсетілген.

Мақалада зерттеу жұмысының негізгі мақсатына зияткерлік капиталды студенттердің түсіну деңгейі мен оған көзқарастарын талдау арқылы қол жеткізілгендігі баяндалады. Сонымен қатар, негізгі мақсатқа сәйкес қойылған міндеттердің барлығына арнайы сұрақтарға жауап алу арқылы негіз берілді.

Мақалада зияткерлік капиталды интеллектуалды ұлттың жемісі ретінде қарастыра отырып, студент жастардың көзқарасы бойынша зияткерлік капиталға анықтама алып, оның Қазақстанның дамуында алар үлесі туралы мағлұматтарға әлеуметтанулық талдау жасалынды.

Зерттеудің мақсаты интеллектуалды ұлтты қалыптастыруда зияткерлік капиталдың әсерін анықтап, оның болашағын айқындау нәтижесінде бұқараға тиімді ақпараттық-коммуникативтік ықпал ету бағдарламасын әзірлеу табылды.

Түйін сөздер: зияткерлік капитал, адам капиталы, интеллектуалды ұлт, интеллектуалды әлеует.

Zh.A. Sarsenbekov, M.N. Syzdyk, G.K. Yessirkepova

M. Auezov South Kazakhstan State University (SKSU),
Kazakhstan, Shymkent, e-mail: zhandos_s@inbox.ru, e-mail: makpal_s@list.ru

Intellectual Capital is the Fruit of an Intellectual Nation: Sociological Analysis

The article is devoted to the place and role of intellectual capital in the formation of an intellectual nation. As a result of the implementation of the program «Intellectual nation-2020», implemented on the initiative of the head of state N. A. Nazarbayev, teachers of SKSU named after him. M. Auezov conducted a sociological study. The results of this research are disclosed in the article.

The article describes the main goals of research work with the analysis of the level of students ' understanding of intellectual capital and views on it. In addition, all the tasks set in accordance with the main goal were given a basis based on the received answers to questions.

The article considers intellectual capital as the fruit of an intellectual nation. from the point of view of students, a sociological analysis of information about intellectual capital, its contribution to the development of Kazakhstan was conducted.

The purpose of the study was to identify the impact of intellectual capital on the formation of an intellectual nation and determine its prospects, and to develop an effective information and communication program to influence the public.

Key words: intellectual capital, human capital, intellectual nation, intellectual potential.

Ж.А. Сарсенбеков, М.Н. Сыздық, Г.К. Есіркепова

[1]Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауэзова,
Казахстан, г. Шымкент, e-mail: zhandos_s@inbox.ru,
e-mail: makpal_s@list.ru

Интеллектуальный капитал – плод интеллектуальной нации: социологический анализ

Статья посвящена месту и роли интеллектуального капитала в формировании интеллектуальной нации. В результате реализации программы «Интеллектуальная нация – 2020», по инициативе бывшего главы государства Н.А. Назарбаева, преподавателями ЮКГУ

 © 2020 Al-Farabi Kazakh National University

им. М. Ауэзова было проведено социологическое исследование, результаты которого раскрыты в статье.

В статье излагаются основные цели исследовательской работы с анализом уровня понимания студентами интеллектуального капитала и взглядов на него. Кроме того, всем поставленным задачам в соответствии с основной целью были даны основы, опираясь на полученные ответы.

В статье рассматривается интеллектуальный капитал как плод интеллектуальной нации с точки зрения студенческой молодежи, был проведен социологический анализ сведений об интеллектуальном капиле, о его вкладе в развитие Казахстана.

Целью исследования являлось определение влияния интеллектуального капитала на формирование интеллектуальной нации и его перспектив, разработка эффективной информационно-коммуникативной программы воздействия на общественность.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, человеческий капитал, интеллектуальная нация, интеллектуальный потенциал.

Кіріспе

Бүгінгі күні Қазақстан қызыға қарайтын қарқынды даму жолына түскен, әлем таныған мемлекеттердің қатарында. Жас мемлекетті бүгінгідей дәрежеге жеткізген Елбасы Н.Ә. Назарбаев екені барша халыққа мәлім. Елбасының ұлттық дамудың түпкі мақсаты интеллектуалды ұлт қалыптастырудың негізі болғандығына бүгін көз жеткізе аламыз.

Қазіргі қоғамда зияткерлік капитал инновация түрінде айқын көрінеді. Инновация – ғылым мен озық тәжірибені қолдануға негізделген, өндіріс жүйесінің тиімділігі мен өнімнің сапалық өсуін қамтамасыз ететін, машина жасау, технология, еңбекті ұйымдастыру немесе басқару саласындағы инновация.

Инновация дегеніміз:

– интеллектуалдық қызметтің ішінара немесе толықтай қорғалатын нәтижелері қолданылатын процесс;

– патенттелетін өнімді шығару;

– тауарлардың немесе қызметтердің әлемдік деңгейге сәйкес сапада шығарылуы қамтамасыз етіледі.

Шындығында, бұл интеллектуалды әрекеттің нәтижесі. «Инновациялық өндіріс – бұл технологияда, ноу-хауда, өндіріс факторларының жаңа комбинацияларында, өндірісті ұйымдастыру мен басқарудың құрылымында және бәсекелестерден зияткерлік жалдау мен түрлі артықшылықтарды алуға мүмкіндік беретін жаңа білімді (немесе білімді жаңа пайдалану) негізделген өндіріс». Инновацияның өзі екі шартқа байланысты: адамның зияткерлік әлеуеті және оның қабілеттері белгілі бір салада осы қабілеттерді қолданады. Басқаша айтқанда, инновациялық өндіріс – бұл материалдық (материалдық) және антропоцентрлік (материалдық емес) өндіріс жүйелерінің диалектикалық бірлігі. Біріншісінің нәтижесі – материалдық өнім, екіншісінің нәтижесі – интеллектуалдық капитал – бәсекелестерден әр түрлі артықшылықтар алу үшін ұйымда қолдануға болатын білім.

Батыс теориясында бұл ереже келесідей түсіндіріледі: зерттеулер мен әзірлемелерге салынған инвестициялар негізгі қорларға салынған инвестициядан асып түскен кезде, компания жапондық профессор Ф. Кадаманың бейнелі сөзімен, олар тек бір нәрсе шығарып қана қоймай, сонымен қатар ойлайтын құрылымға айналады (он бір). Қоғамның әлеуметтік-экономикалық өміріндегі шығармашылықтың ерекше инновациялық көрінісі дамыған елдерде, әсіресе, АҚШ-та өткен ғасырдың 80-жылдарында орын алған бірқатар өзгерістерден кейін мүмкін болды.

Қазіргі өндіріс интеллект, білім, ғылым, білім рөлін өзгертеді. Постиндустриалды қоғам қоғамның қызметі мен дамуында жетекші рөл атқаратын адам жасаушыны қалыптастырады. Ол адамгершілігімен, ақыл-ой жұмысының басымдылығымен сипатталады. Қазіргі постиндустриалды қоғамда жұмысшылардың білімі мен шығармашылық әлеуеті әлеуметтік-экономикалық жүйенің тиімділігінің басты факторына айналады. Оларсыз техникалық және экономикалық прогресс өндірістік жабдықтар мен технологияларға салынған қаражат көлеміне қарамастан, қол жетімді емес міндетке айналады.

Қазақстанның әлемдік білім беру қауымдастығына кірігуі мен оның дүние жүзінің жоғары білімді елдерінің қатарында лайықты орын алуға ұмтылысы жағдайында, заманауи өркениетті сынтегеуріндері ағымында XXI ғасырдағы жаһандық әлеуметтік сұраныс мәртебесіне ие болатын тұлғаның зияткерлік дамуына қажеттілік артып отыр. Адамзат капиталын, ұлттың зияткерлік әлеуетін дамытуда,

қоғамның рухани-адамгершілік және мәдени құндылықтарын сақтауда білім берудің рөлін өзектілеуге бағдарлау Президент Н.Ә. Назарбаевтың Қазақстан халқына жыл сайынғы Жолдауларында көрсетілген. Сондай-ақ, инновациялық қоғамдағы қазіргі жастардың интеллектуалды даму деңгейі ең басты стратегиялық ресурстардың қатарынан табылу керектігі «Қазақстан Республикасында білім беруді дамытудың 2016-2019 жылдарға арналған мемлекеттік бағдарламасы», «Интеллектуалды ұлт-2020» Ұлттық Жобасы, «Үздіксіз білім беру жүйесіндегі тәрбие тұжырымдамасы», «Қазақстан Республикасында 2013-2016 жж. білім беру ұйымдарында оқыту үдерісінің тәрбиелік құрамын күшейту бойынша типтік кешенді жоспар» сияқты бірқатар маңызды құжаттарда атап өтілген.

Елбасы әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінде оқыған «Қазақстан дағдарыстан кейінгі дүниеде: болашаққа интеллектуалдық секіріс» атты дәрісінде зиялы ұлт қалыптастыру идеясын айтып өткен еді (Назарбаев, 2009). Өз ұлтының бақытты болашағын, кемел келешегін ойлаған, төрт құбыласы түгел, қуатты мемлекет құруды мақсат еткен Елбасы Н.Ә. Назарбаев «Интеллектуалды ұлт – 2020» (Назарбаев, 2009) ұлттық жобасын 2008 жылы дайындауды ұсынды. Биылғы 2020 жыл осы бағытта жүргізілген жұмыстардың қорытындысы іспеттес.

Басқа да дамушы елдер тәрізді, Қазақстан үшін аясында қазіргі заманғы қоғам институттары мен қазіргі заманғы қоғам институттары мен механизмдері құрылып қана қоймай, қазіргі заманғы қоғамның өзі құрылатын жалпы модернизацияны жүргізу стратегиялық зор міндет болып табылады. Қазіргі таңда әлемде жаңа еңбек бөлінісі туындауда – интеллектуалдық еңбек саласында, ғылыми және мәдени өндіріс пен қызмет көрсету саласында білім экономикасы туындап, ақпараттық қоғам қалыптасуда. Қазақстан өз серіктестерімен өзара ықпалдастықта болашақ қоғамына ену үшін барлық күш-жігерін салуы тиіс.

«Интеллектуалды ұлтты» қалыптастыру – бұл XXI ғасырдағы қоғамның модернизациялану жолы, бұл жағдайда дамудың басты көзі интеллектуалды адам болып табылады. Шығармашылық дегеніміз адамның өзін өзі жүзеге асыру процесі, бұл адамнан рухани байлығының, даралығы мен тұлғалық ерекшелігінің болуын талап етеді. Сондықтан сонау көне замандардан күні бүгінге дейін келе жатқан тарихи мәдени мұралар сан алуандығы болашақтың рухани негізі мен көзі болып табылады, соларды сақтау мен көбейту арқылы біздің «интеллектуалды ұлтты» қалыптастыру жолымыз басталды. Интеллектуалды ұлтты қалыптастыру Қазақстанның дамуының стратегиялық мақсаттарының бірі болып табылады, мұндайда басты бағыттар сапалы білім беру мен өскелең ұрпаққа қолдау көрсету болып табылады.

«Интеллектуалды ұлт-2020» бағдарламасының мақсаты басты капитал және жоғары құндылық – адамды кәсіби маман ретінде ғана емес, оның барлық қасиеттері мен рухани-адамгершілікті белгілері тұрғысынан шығару болып табылады. Жаңашыл ойлай алатын жастарды қалыптастыру жолындағы маңызды қадам Қазақстанның 2010 жылы Болон процесіне қосылуы болып табылады, бұл халықаралық интеграцияда жаңа перспективалар ашты. Қазақстанда білім жүйесін жаңарту аясында бірқатар реформалар жүзеге асырылды. Атап айтқанда, ҚР білім жүйесін дамытудың 2011-2020 жылдарға арналған мемлекеттік бағдарламасының қабылдануы елеулі оқиға болды, оның мақсаты халықаралық стандарттарға сай келетін жаңа білім сапасына қол жеткізу болып табылады.

Әдіснама

Бағдарламаның барысында біршама тәжірибелік жұмыстар жүргізілді. Жұмыстардың нәтижесін БАҚ таратқан ақпараттардан байқауға болады. Біздің ұсынып отырған өзекті зерттеуіміз еліміздегі басты мәселелердің біріне айналған интеллектуалды ұлтты қалыптастыруда зияткерлік капиталдың аспектілерін Түркістан облысы жастарының көзімен анықтау және түсіну болып табылады.

Зерттеу объектісі болып, Түркістан облысының ЖОО-ның магистранттары табылса, зерттеудің пәні: елімізде басты мәселелердің біріне айналған интеллектуалды ұлтты қалыптастыруда зияткерлік капиталдың элементтерін пайдалану болып табылады. Зерттеудің мақсаты ретінде интеллектуалды ұлтты қалыптастыруда зияткерлік капиталдың әсерін анықтап, оның болашағын айқындау нәтижесінде бұқараға тиімді ақпараттық-коммуникативтік ықпал ету бағдарламасын әзірлеуді алға қойып, оған жету жолында мынадай міндеттер назарға алынды:

1. Ұлттың интеллектуалдық капиталының қалыптасуының ғылыми, әлеуметтік, мәдени,

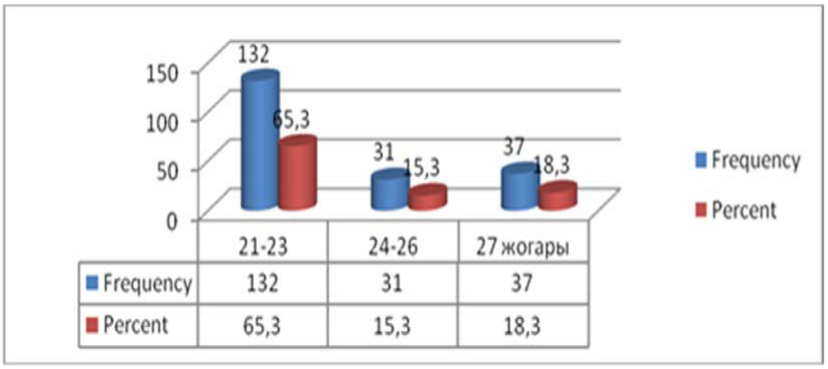
интеллектуалдық, моральдық, танымдық негіздерін зерттеу, талдау нәтижесінде оның бұқараға тиімді ақпараттық-коммуникативтік ықпал ету технологияларын әзірлеу;

2. Халықтың интеллектуалды капиталы қалыптасуында ғылыми жетістіктер мен мәдени-рухани құндылықтарын, ұлтжандылық, отансүйгіштік сананы айқындайтын факторларды айқындау, елдің жағымды имиджін қалыптастырудың коммуникативті стратегиясын әзірлеу;

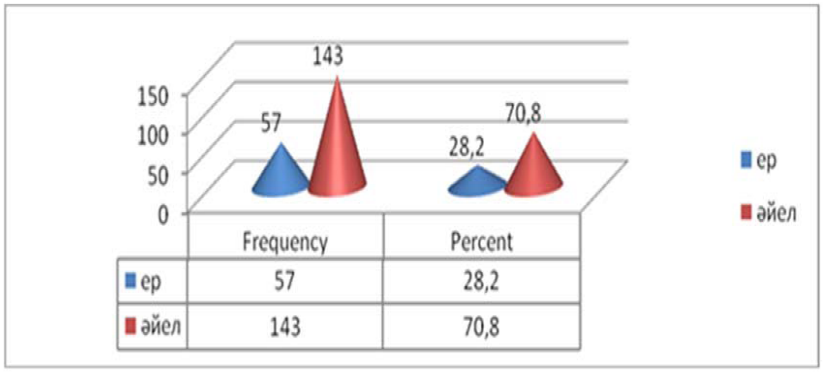
3. Интеллектуалды ұлт қалыптасуының моральдық, мәдени талаптарын ақпараттық-насихаттық қолдау, мәдени ақпараттық орта қалыптастырудың тиімді механизмдерін әзірлеу.

Зерттеу нәтижесі

Зерттеу жұмысын жүргізу барысында сандық әдістің анкеталық сұрау әдісі қолданылды. Іріктеу бойынша бас жиынтық – Түркістан облысына қарасты жоғары оқу орындарында білім алып жатқан 200 респондент таңдалды. Ғылыми-зерттеушілік топ туралы ақпарат төменде диаграммаларда көрсетілген.



1-сурет – Жас ерекшелігі бойынша статистикалық мәлімет



2-сурет – Жыныстық ерекшелігі бойынша статистикалық мәлімет

1-диаграммада көрсетілгендей сұралған респонденттердің жалпы саны – 200, олардың ішінде 65,3%-ы 21-23 жас аралығындағылар, 15,3%-ы 24-26 жас арасындағылар, 37%-ы 27 жастан жоғарылар құрайды.

2-диаграммада көрсетілгендей сұралған ерлер мен әйелдер көрсеткіші тең емес, сұралған респонденттер кездейсоқ әдіс арқылы таңдалу себебінен бас жиынтықтың 28,2%-ын ерлер құраса, әйелер 70,8%-ын құрады.

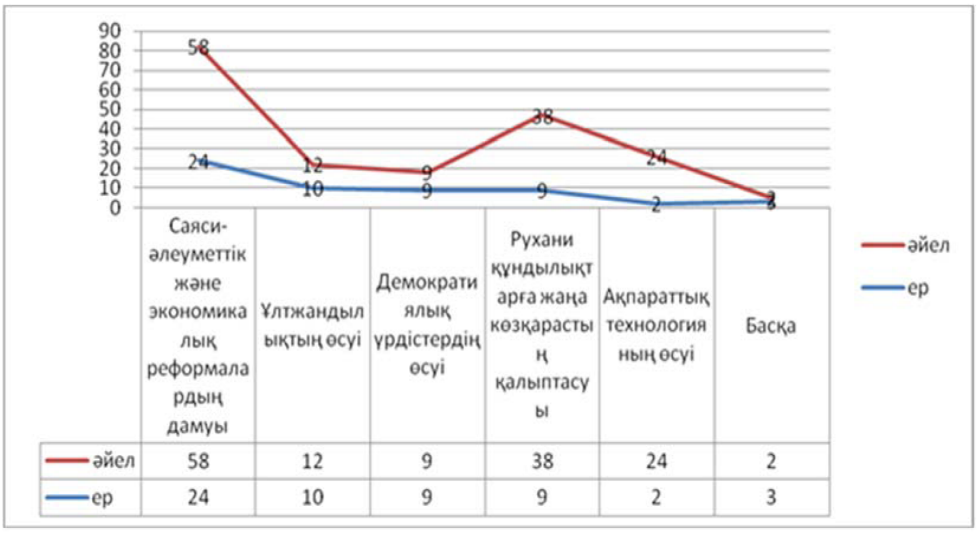
«Сіздің ойыңызша, Қазақстанда интеллектуалды ұлттың қалыптасуына қандай факторлар әсер етеді?» деген алғашқы сауалға респонденттердің 40,6% «Саяси-әлеуметтік және экономикалық реформалардың дамуы» жауабын таңдады (1-кесте).

1-кесте – Сіздің ойыңызша, Қазақстанда интеллектуалды ұлттың қалыптасуына қандай факторлар әсер етеді?

	Саны	Пайызы	Жуық пайызы
Саяси-әлеуметтік және экономикалық реформалардың дамуы	82	40,6	41,0
Ұлтжандылықтың өсуі	22	10,9	11,0
Демократиялық үрдістердің өсуі	18	8,9	9,0
Рухани құндылықтарға жаңа көзқарастың қалыптасуы	47	23,3	23,5
Ақпараттық технологияның өсуі	26	12,9	13,0

Елімізде интеллектуалды ұлт қалыптастырудағы негізгі алғышарттардың бірі – ұлттық құндылықтарды дамыту. Респонденттерге «Сіздің ойыңызша, Қазақстанда интеллектуалды ұлттың қалыптасуына қандай факторлар әсер етеді?» деген сауал аясында саяси-әлеуметтік, экономикалық реформалардың дамуы, ұлтжандылықтың өсуі, демократиялық үдерістердің өсуі, рухани құндылықтарға жаңа көзқарастың қалыптасуы, ақпараттық технологиялардың жылдам дамуы мәселелері қарастырылды. Саяси-әлеуметтік, экономикалық реформалардың дамуы – 40,6%, ұлтжандылықтың өсуі – 10,9%, демократиялық үдерістердің өсуі – 8,9%, рухани құндылықтарға жаңа көзқарастың қалыптасуы – 23,3%, ақпараттық технологиялардың жылдам дамуы – 12,9%-ды құрады. Респонденттер тобының жауабынан байқағандай, қоғамның басым бөлігі үшін интеллектуалды әлеуеттің дамуы саяси-әлеуметтік, экономикалық реформалардың дамуымен байланысты.

Жыныстық ерекшелік бойынша талдауда байқағанымыздай ерлерге (2) қарағанда әйелдер (24) ақпараттық технологияның өсуін басты факторлардың бірі деп қарайды (3-сурет).



3-сурет – Қазақстанда интеллектуалды ұлттың қалыптасуына әсер ететін факторлар (жыныстық ерекшелік бойынша салыстыру)

Сұралушылардан елімізде интеллектуалды ұлттың қалыптасуы үшін қандай жағдай керектігін білу мақсатында қойылған: «Сіздің пікіріңізше, елімізде интеллектуалды ұлттың қалыптасуына қандай жағдай керек?» сұрағына жауап 2-кестеде көрсетілген.

2-кесте – Сіздің пікіріңізше, елімізде интеллектуалды ұлттың қалыптасуына қандай жағдай керек?

	Саны	Пайызы	Жуық пайызы
Білім беру саласын түбегейлі өзгерту	60	29,7	30,0
Ұлттық интеллектуалды құндылықтарды қалыптастыру	81	40,1	40,5
Жаһандық үрдістердің әсерін көбейту	9	4,5	4,5
БАҚ рөлін көтеру	4	2,0	2,0
Ұлтжандылық сезімін тудырушы әлеуметтік жарнаманың рөлін жоғарылату	13	6,4	6,5
Елімізде технологияны тез дамыту	24	11,9	12,0
Басқа	9	4,5	4,5
Жалпы саны	200	99,0	100,0

Респонденттердің пікірінше, 2-кестеден көріп отырғандай, жауаптар: ұлттық интеллектуалды құндылықтарды қалыптастыру – 40,1%, білім беру саласын түбегейлі өзгерту – 29,7%, елімізде технологияны тез дамыту – 11,9% болса, жаһандық үдерістердің әсерін көбейту – 4,5%, БАҚ рөлін көбейту – 2%. Елімізде интеллектуалды әлеуетті толықтай қалыптастыру барысында ең алдымен ұлттық интеллектуалды құндылықтарды қалыптастыру қажеттілігі танылады.

Бұл оймен ерлер мен әйелдер қауымы теңдей келіседі. Елімізде интеллектуалды ұлттың қалыптасуына қажетті жағдайға талдау барысында жастық ерекшеліктеріне байланысты айырмашылық байқалды. 21-23 жас аралығындағы магистранттар басты қажеттілік ұлттық интеллектуалды құндылықтарды қалыптастыру десе (52 респондент), 24-26 жастар білім беру саласын түбегейлі өзгерту дейді (11 респондент), ал 27-ден жоғары жастағы магистранттар 21-23 жастағылармен толықтай келіседі (20 респондент).

«Интеллектуалды ұлт – 2020» бағдарламасының қорытынды жылы болғандықтан, респонденттерден «Қазақстан тәуелсіздік алған жылдардан бері интеллектуалды ұлт ретінде қалыптасудың қандай сатысына жеттік?» сауалы сұралды. Сауалдың нәтижесі 3-кестеде ашылып көрсетілген. Сұралушылардың жауаптары бойынша, толықтай қалыптастық деушілер – 2%, қалыптасудың жоғары сатысындағылар – 5,5%, жауап беруге қиналамын – 10%, қалыптасудың төмен сатысындамыз деушілер – 24,5% құраса, орта сатысындамыз деушілер ең жоғары пайызды – 58% құрайды (3-кесте).

3-кесте – Сіздің пікіріңізше, біз тәуелсіздік алған жылдардан бері интеллектуалды ұлт ретінде қалыптасудың қандай сатысына жеттік?

	Саны	Пайызы	Жуық пайызы
Толықтай қалыптастық	4	2,0	2,0
Қалыптасудың жоғары сатысындамыз	11	5,4	5,5
Қалыптасудың орта сатысындамыз	116	57,4	58,0
Қалыптасудың төмен сатысындамыз	49	24,3	24,5
Жауап беруге қиналамын	20	9,9	10,0
Жалпы саны	200	99,0	100,0

Бүгінгі таңда адам ресурсын қолдану мәселесі өзекті болып отыр. Қазіргі экономикалық жағдайда шешуші рөл адамның рөлі, сол себепті адам капиталын жан-жақты қолдану қажеттігі туындайды. Экономикалық стратегияның бағытын, басымдылығын таңдауда жеткізуші мақсатты қойылымды анықтап, әлемдік тенденцияларды ескеру арқылы қоғамдық өмір мен экономикада не болып жатқанын түсінген дұрыс. Қазіргі таңда қоғамдық дамудың басты факторы ғылыми-техникалық прогресс емес, адам сапасы болып отыр. Әлемдік жүйедегі болашақтың орны мен рөлі адам капиталының сапасына байланысты. Адам капиталы мәнінің өсу концепциясы адамды басты мақсат ретінде қарайды, мұның мәні қоғамдағы позитивтік өзгерістер мен экономикалық көрсеткіштердің өсуі адамдардың негізгі қажеттіктерін қамтамасыз етуге әсер етуі керек және еркіндік беріп, ерікті таңдауға мүмкіндік ашуы керек. Адам да өз әлемін басқаруда өзін-өзі басқару мүмкіндігі мен ынтажігерін дамытуға негізгі күштің бәрі бағытталуы қажет. Адам капиталын респонденттер қалай түсінеді, соған тоқталайық (4-кесте).

4-кесте – Сіз адам капиталын қалай түсінесіз

	Адам капиталы – ол тек білім	Адам капиталы – интеллект, денсаулық, білім	Адам капиталы – сапалы әрі тұтынушы еңбек	Адам капиталы – ақша мен сапалы өмір	Жауап беруге қиналамын
Ер	6	39	7	3	0
Әйел	6	110	11	9	7
Жалпы саны	12	149	18	12	7

Кестеден көрсетілгендей, респонденттердің жауаптары бойынша адам капиталы – интеллект, денсаулық және білім. Ер адамдар арасынан – 39 респондент, әйел адамдар арасынан – 110 респондент осы оймен келісетіндігін көрсетті. Сұралушылардың 18-і адам капиталын сапалы әрі тұтынушы еңбек десе, 12-сі тек білім, ақша мен сапалы өмір дейді. Шынында, капитал – ақша, жер, активтегі мүліктер. Дегенмен, өткен ғасырдың елуінші жылдарында АҚШ-та адам капиталы деген термин пайда болып, соның теориясын жасаған екі оқымысты Нобель сыйлығының иегері атанды.

Адам капиталы деген сөздің ең қысқаша ұғымы – интеллект, денсаулық, білім және өнімді еңбек пен өмір сүру сапасы. Бұл ұғым бірінші кезекте адамның бойындағы талант пен мүмкіндіктерді, денінің сау болуы мен еңбекке жарамдылығын меңзейді.

Респонденттердің адам капиталын дұрыс түсінуі интеллектуалды әлеуеттің дұрыс қалыптасуында дегенмен тең. Интеллектуалды ұлттың қалыптасуына зияткерлік капиталдың әсері осы адам капиталын басты орынға қоюдан бастау алады. Сәйкесінше, адам капиталы дамыған сайын, өзінің шыңына жеткен сайын, елімізде интеллектуалды ұлттың қалыптасуы деңгейі жоғарылайды, немесе интеллектісі жоғары адамдар саны көбейеді. Қазіргі таңда біздің елімізде респонденттердің ойынша адам капиталының дамуы қандай дәрежеде екендігін оларға қойылған «Қазақстанда адам капиталының дамуына қандай баға бересіз?» сұрағының жауаптарынан көруге болады (5-кесте).

5-кесте – Қазақстанда адам капиталының дамуына қандай баға бересіз?

	Саны	Пайызы	Жуық пайызы
Өте жоғары	4	2,0	2,0
Жоғары	26	12,9	13,0
Орта	116	57,4	58,0
Төмен	43	21,3	21,5
Өте төмен	10	5,0	5,0
Жалпы саны	200	99,0	100,0

Респонденттердің пікірінше елімізде адам капиталының даму деңгейі орта деңгейде – 57,4%. Алайда, 21,3% респонденттер – төмен деп ойласа, 12,9% сұралушылар жоғары деп ойлайды.

Сауалнаманың келесі сұрағы: «Сіз интеллектуалды фондтардың халыққа қол жетімділігі қандай дәрежеде деп ойлайсыз?». Бұл сұрақ елімізде интеллектуалды ұлтты қалыптастыруда басты көрсеткіштердің бірі интеллектуалды фондтардың қолжетімділік деңгейін анықтауға бағытталған (6-кесте).

6-кесте – Сіз интеллектуалды фондтардың халыққа қол жетімділігі қандай дәрежеде деп ойлайсыз?

	Саны	Пайызы	Жуық пайызы
Қол жетімсіз, себебі көп қаражатты қажет етеді	41	20,3	20,5
Барлық адамға қол жетімді, себебі мемлекет мұндай фондтардың санын көбейтіп, демеуші болуда	56	27,7	28,0
Материалдық жағдайы жақсы отбасыларға ғана қолжетімді	51	25,2	25,5
Жастарға ғана қолжетімді	10	5,0	5,0
Жауап беруге қиналамын	33	16,3	16,5
Басқа	9	4,5	4,5
Жалпы саны	200	99,0	100,0

Интеллектуалды фондтардың халыққа қолжетімділігін анықтауда респонденттердің жауаптары әртүрлі болды. Респонденттердің 27,7% – барлық адамға қол жетімді, себебі мемлекет мұндай фондтардың санын көбейтіп, демеуші болуда десе, 25,2% – материалдық жағдайы жақсы отбасыларға ғана қолжетімді, 20,3% – қол жетімсіз, себебі көп қаражатты қажет етеді деген жауап берді. Бұл жауаптарды талдар болсақ, елімізде мұндай фондтар қолжетімді. Адам өз білімін шыңдаймын десе елімізде бәріне жол ашық. Интеллектуалды ұлтты қалыптастыруда білім басты рөлді алады, сол себепті, мұндай фондтардың қолжетімді болуы маңызды. Сонымен бірге, елімізде БАҚ құралдарының интеллектуалды әлеует жайында хабар беруі, осыған орай еліміздегі «Интеллектуалды ұлт – 2020» бағдарламасы жайында халықты хабарландыру да маңызды аспектілердің бірі. Осыған орай сұралушылардан «Сіз интеллектуалды ұлт қалыптастыру жолында бұқаралық ақпарат құралдарының ақпараттық саясатын қалай бағалайсыз?» деген сұрақ қойылды. Жоғары оқу орындарының магистранттары бұл сұраққа өз пікірлерін білдірді, олардың пікірлерінде айырмашылық үлкен. Жастардың басым көпшілігінің пайымдауларынша интеллектуалды ұлт құру сөздері БАҚ тарататын ақпараттардың ішінде соңғы жылдары азайып, Елбасының «Болашаққа бағдар, рухани жаңғыру» атты бағдарламасын үгіттеу жұмыстары басымдылықпен алдыға шықты. Бұл бағдарламаның негізінде болашақты интеллектуалды бағытқа бағыттап, адам капиталына аса мән беруге байланысты жұмыстардың атқарылуына атсалысу керектігі баяндалған. Алайда, халықтың пікірі БАҚ арқылы қалыптасқандықтан бұл бағдарлама аясындағы жұмыстардың басым көпшілігі интеллектуалды ұлт болуға бағыттамайтынын жастар өкінішпен айтты.

Респонденттерге «Сіз халықтың интеллектуалды әлеуетін арттыру үшін қалай үлес қосар едіңіз» деген сауал қойылды. Бұл сауалға олар өздерінің пікірлерін пайыздық көрсеткіш бойынша көрсету керек. 11 жауап нұсқасы берілген, сол жауаптардың біріншісі «білімім арқылы», яғни елімізде де интеллектуалды ұлт құруда білімнің рөлі респонденттердің пікірінше жоғары.

Респонденттердің 67%-ы өздерінің білімдері арқылы интеллектуалды ұлт болып қалыптасуға үлес қосамыз деп ойлайды. Бұл көрсеткіш біздің интеллектуалды ұлт болуымызда білімнің басты орын алатындығын теріске шығармайды. Интеллектуалды ұлт болып қалыптасу үшін ең бірінші білім көрсеткіші жоғары болу керек. Екіншіден, ақыл да басты негіздерге кіретін көрсеткіш.

5-диаграммадан көріп тұрғандай 56 респондент, яғни, сұралушылардың 27,7% – 100% өздерінің ақылы арқылы үлес қосатындығына сенімді.

Интеллектуалды ұлт, әлеует болу үшін еңбек ету керек, көп еңбек ету интеллектуалды мәдениетте шыңға жетумен тең, респонденттердің пікірі бойынша еңбек ету арқылы үлес қосу – 29,2%. Бұл көрсеткіштерді талдай отырып, 50%-дан жоғары көрсеткіш таңдаған респонденттер саны – 80% құрайды, яғни респонденттер интеллектуалды әлеуетке еңбектің қажеттілігі басым дейді. Сонымен бірге, интеллектуалды қоғам үшін рух, сындарлы ой, отансүйгіштік, намысшылдық, отан сүйгіштік, адамгершілік қасиеттердің де рөлі бар екендігіне сұрау барысында көз жеткіздік. Алайда елімізде «эгоизм» қасиеті төмен дәрежеде бағаланады. Респонденттердің пікірінше эгоизм мен діни сенім интеллектуалды ұлттың қалыптасуында аз рөл ойнайды.

Қорытынды

Егемен Қазақстан жаңа мемлекеттіліктің қалыптасуының, ішкі келісімнің қоғамдық тұрақтылығының, экономикалық және саяси тұрақты дамудың әсерлі бейнесін көрсете білді. бұл барша қазақстандықтардың қолдауына ие болып отырған Елбасымыздың көрегендігін, ғылыми ойлампаздығын, сарабдал саясатын дәлелдейтін факт болып табылады.

Интеллектуалды қоғамның қалыптасуы мәселесі зерттеушінің алдына жаңа міндеттер қойды. Ол қоғамның рухани дамуы мақсатында әлеуметтік-гуманитарлық, қоғамдық-саяси ғылымдар арасындағы біріккен зерттеулер жүргізу қажеттілігінде жатыр.

Жоғарыда аталғандарды ескере отырып, келесі қорытындылар жасауға болады:

Бірінші, қазіргі жастар болашақ интеллектуалды ұлт негізінде қазақстандық білім алған адамдар тұрады деп санайды. Бұл білім алу бір елмен шектеліп қалуы тиіс деген сөз емес, алайда ол сол елдің гүлденуіне бағытталуы тиіс. Интеллектуалды ұлт моделі міндетті түрде патриоттық аспектілерді қамтуы тиіс – адамдар өз тілдері мен мәдениеттерін жақсы білуі керек. Бұл талаптар әсіресе, аймақтарда жүргізілген фокус топтарда айқын көрініс берді. Жастар туған өңірінің рухани байлығын егжей-тегжейлі зерттеп, зерделеуге уақыт мен күшін аямайды.

Екінші, интеллектуалды ұлттың ұлттық моделі әлемдік ғылыми және білім үрдістеріне кірігуді де талап етеді. Яғни, интеллектуалды ұлт өкілі бір ел аумағымен шектеліп қалуы тиіс емес. Интеллектуалды әлеуетті құру үшін әлемдегі әлеуметтік-экономикалық және мәдени дағдарысты жағдайларды ескерумен шетелдік барлық оң тәжірибе пайдаланылуы тиіс. Нақ осы жерде экономикалық және әлеуметтік салалардың барлық сағаларын қамтумен ақпараттық және коммуникациялық технологиялар жұмыс жасауы тиіс. Ақпараттық қоғамның негізгі құраушылары болып табылатын ақпараттың, білім мен технологиялардың рөлі қарқынды түрде өсуі тиіс. Халықтың басым бөлігі үшін ақпараттық қызметтердің қолжетімділігі артуы тиіс, бұл адамзат капиталының дамуына оң әсерін тигізіп, Қазақстанның бәсекеге қабілеттілігінің артуына ықпал етеді.

Үшінші, интеллектуалды қоғам моделі міндетті түрде ғылымның және ғылыми зерттеу мекемелерінің дамуын қамтуы тиіс. Заманауи ғылымның дамуынсыз, ғылыми мектептерінің қалыптасуынсыз интеллектуалды ұлт құру мүмкін емес.

Аталмыш ұстанымдар аясындағы әрекеттерді ұйымдастыру мемлекеттің ақпараттық саясатының дамуына ықпалын тигізетін кешенді шараларды үйлестіруді, азаматтардың ақпараттарға теңдей қолжетімділігін, биліктің халықпен тұрақты диалогының қалыптасуын, бұқаралық коммуникация құралдарының кәсіби дамуын қарастырады.

Сондай-ақ осы жобаның авторлары жүргізген зерттеулер қазақстандықтардың интеллектуалды ұлт құруға әзірлігін және осы тарихи таңдаудың қажеттілігін нақтылады. бұған жастардың сапалы білім алып, дамуға, өз істерінің кәсіби шебері болуға, өз Отанына адал қызмет етуге деген ұмтылыстары дәлел бола алады.

Қазіргі кезде коммуникациялық экспансия әлемнің барлық мәдениетіне терең ықпал етіп, медианың діни және моральдық қарым-қатынастарға, саяси және әлеуметтік салаларға, тәрбиеге ықпалы болмайтын жері кемде-кем. Тіршілік туралы білімдер мен түсініктердің медиаға белгілі бір дәрежеде тәуелділігін білдіретін әдеттегі «ақпараттық қоғам», «медиялық мәдениет», «медиялық ұрпақ» ұғымдарына «медиялық тәжірибе» ұғымы қосылды.

Үдемелі технологиялық ілгерілеулер «ескі» медианың эволюцияға ұшырап, «жаңа медиалардың» пайда болуына, олардың бірігіп

коммуникацияның «жаңа тілдерін» игеруіне, сол арқылы жаңа коммуникациялық мәдениеттің қалыптасуына ықпал етеді. Ыңғайы азаматтық қоғам үшін толық өркениеттік мағынасындағы сөз бостандығы аса қажет. Азаматтық қоғамның қалыптасуының ешбір кезеңінде сөз бостандығы бақ кәсіби қызметіндегі жөнсіз еркіндік пен жауапсыздықты білдірген емес. Кәсіби шектелу сезімі демократиялық елдердің басым бөліктеріндегі көптеген әлеуметтік төңкерістердің алдын алды.

Зияткерлік капиталы – бұл әр мемлекеттің байлығы, бүгінгі таңда интеллектуалды ұлт құрып отырған ұлт – рухани, әлеуметтік-экономикалық, мәдени-саяси байланыстармен тарихи қалыптасып, біріккен халық. Ұлттық интеллектіні қалыптастыру үшін бізге халықаралық дәрежедегі эрудициялы және бәсекеге қабілетті азаматтар қажет. Бұл жерде БАҚ-тың рөлі зор болмақ.

Мақалада әлеуметтік дамудың әртүрлі салаларында жан-жақты зерттеулер қарастырылған. Әрбір қазақстандыққа қатысты осындай өзекті мәселелердің бірі – интеллектуалды ұлттың қалыптасуы мен дамуы – мемлекетіміздің тірегі, еліміздің одан әрі дамуы мен өркендеуінің негізі. Бұл проблема жан-жақты, ол Қазақстанда зияткерлік қоғамның қалыптасуы, халықтың зияткерлік әлеуетін арттыру, ең бай зияткерлік ұлт қалыптастыруда медиа-ақпараттық саясатты тереңдету және өз елінің зияткерлік азаматын қалыптастыру сияқты көптеген салаларды қамтиды.

Бүгінгі таңда Қазақстан өз дамуының жаңа кезеңіне аяқ басқан кезде, әлеуметтік дамудың әртүрлі салаларында жан-жақты зерттеулер жүргізу өте маңызды. Әрбір қазақстандыққа қатысты осындай өзекті мәселелердің бірі – интеллектуалды ұлттың қалыптасуы мен дамуы – мемлекетіміздің тірегі, еліміздің одан әрі дамуы мен өркендеуінің негізі. Бұл проблема жан-жақты, ол Қазақстанда зияткерлік қоғамның қалыптасуы, халықтың зияткерлік әлеуетін арттыру, ең бай зияткерлік ұлт қалыптастыруда медиа-ақпараттық саясатты тереңдету және өз елінің зияткерлік азаматын қалыптастыру сияқты көптеген салаларды қамтиды.

Егеменді Қазақстан жаңа мемлекеттіліктің, ішкі келісімнің әлеуметтік тұрақтылығының, экономика мен саяси жүйенің тұрақты дамуының әсерлі мысалдарын көрсетті. Бұл барлық қазақстандықтар қолдап отырған Президенттің саяси бағытының ғылыми дәлдігін, көрегендігі мен үздіксіз жетістігін растайтын даусыз факт.

Әлеуметтік өзгерісті түсіну және түсіну қажеттілігін барлық әлеуметтік ғалымдар қатты сезінеді. Әлеуметтік өзгерістердің қазіргі кезеңінің маңызды белгілері – қарқынды жаһандану, техногендік, табиғи және социогендік қауіп-қатерлердің өсуі – макро-социологиялық теорияның оның жалпы функциясының – әлеуметтік процестердің заңдылықтарын орнатуына кедергі келтіреді. Кең ауқымды эмпирикалық зерттеулердің нәтижелері көп қабатты қазақстандық қоғамның трансформациясы тұжырымдамаларын және қазіргі заманғы тарихи процесті реттеудің прагматикалық технологияларын құруға негіз болады. Бұл билік шеңберлерінде және жалпы жұртшылық арасында әлеуметтік білімнің беделін арттыруға негіз болып табылады.

Әдебиеттер

Amit R., Schoemaker P. (1993) Strategic Assets and Organizational Rent. Strategic Management Journal, no 14, no 1, pp. 33-46 // https://doi.org/10.1002/smj.4250140105

Aryanto R., Fontana A., Afiff A. (2015) Strategic Human Resource Management, Innovation Capability and Performance: An Empirical Study in Indonesia Software Industry. Procedia Social and Behavioral Sciences, no 211, no 9, pp. 874-879 // https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.115

Banco Central del Ecuador. (2015) Exportaciones por actividad económica // https://www.bce.fin.ec/

Barney J. (1991) Firm Resources and Sustained Competitive Advantage. Journal of Management, vol. 17, no 1, pp. 99-120 // https://doi.org/10.1177/014920639101700108

Clausen T., Pohjola M., Sapprasert K..,Verspagen B. (2011) Innovation strategies as a source of persistent innovation. Industrial and Corporate Change, vol. 21, no 3, pp. 553-585 // https://doi.org/10.1093/icc/dtr051

Formulation. California Management Review, vol. 33, no 3, pp. 114-135 // https://doi.org/10.2307/41166664

Grant R. (1991) The Resource-Based Theory of Competitive Advantage: Implications for Strategy

Nahapiet J., Ghoshal S. (1998) Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage. Academy of Management Review, vol. 23, no 2, pp.242-266 // https://doi.org/10.5465/AMR.1998.533225

Petty R., Guthrie J. (2000) Intellectual capital literature review. Journal of Intellectual Capital, vol. 1, no 2, pp.155-176. [Online]:https://doi.org/10.1108/14691930010348731

Porter M. (1980) Industry Structure and Competitive Strategy: Keys to Profitability. Financial Analysts Journal, vol. 36, no 4, pp. 30-41 // https://doi.org/10.2469/faj.v36.n4.30

Smith A. (1790) A Scottish political economist and social philosopher, laid the intellectual framework that explained the free market. The magnum opus he published in 1776, The Wealth of Nations, is considered the first modern work of economics.

Stewart T. (1997) Intellectual capital: the new wealth of organizations. Currency Doubleday Ulrich D Intellectual capital = competence × commitment. Sloan Management Review, vol. 39, no 2, pp.15–26

Велитченко С. Культурно-коммуникативные функции СМИ // Вестник КазНУ, серия «Журналистика». – Алматы, 2011. – № 2.

Назарбаев Н. А. Казахстан в посткризисном мире: интеллектуальный прорыв в будущее: Лекция в КазНУ им. аль-Фараби. – Алматы, 2009.

Назарбаев Н.А. Национальный проект «Интеллектуальная нация – 2020» // https://studopedia.net/4_31386_prezidentskaya-programma-intellektualnaya-natsiya--i-ee-znachenie.html

References

Amit R., Schoemaker P. (1993) Strategic Assets and Organizational Rent. Strategic Management Journal, vol. 14, no 1, pp. 33-46 // https://doi.org/10.1002/smj.4250140105

Aryanto R., Fontana A., Afiff A. (2015) Strategic Human Resource Management, Innovation Capability and Performance: An Empirical Study in Indonesia Software Industry. Procedia Social and Behavioral Sciences, vol. 211, no 9, pp. 874-879 // https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.115

Banco Central del Ecuador. (2015) Exportaciones por actividad económica // https://www.bce.fin.ec/

Barney J. (1991) Firm Resources and Sustained Competitive Advantage. Journal of Management, vol. 17, no 1, pp. 99-120 // https://doi.org/10.1177/014920639101700108

Clausen T., Pohjola M., Sapprasert K..,Verspagen B. (2011) Innovation strategies as a source of persistent innovation. Industrial and Corporate Change, vol. 21, no 3, pp. 553-585 // https://doi.org/10.1093/icc/dtr051

Formulation. California Management Review, vol. 33, no 3, pp. 114-135 // https://doi.org/10.2307/41166664

Grant R. (1991) The Resource-Based Theory of Competitive Advantage: Implications for Strategy

Nahapiet J., Ghoshal S. (1998) Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage. Academy of Management Review, vol. 23, no 2, pp.242-266 // https://doi.org/10.5465/AMR.1998.533225

Petty R., Guthrie J. (2000) Intellectual capital literature review. Journal of Intellectual Capital, vol. 1, no 2, pp.155-176 // https://doi.org/10.1108/14691930010348731

Porter M. (1980) Industry Structure and Competitive Strategy: Keys to Profitability. Financial Analysts Journal, vol. 36, no 4, pp. 30-41 // https://doi.org/10.2469/faj.v36.n4.30

Smith A. (1790) A Scottish political economist and social philosopher, laid the intellectual framework that explained the free market. The magnum opus he published in 1776, The Wealth of Nations, is considered the first modern work of economics.

Stewart T. (1997) Intellectual capital: the new wealth of organizations. Currency Doubleday Ulrich D Intellectual capital = competence × commitment. Sloan Management Review, vol. 39, no 2, pp.15–26

Velitchenko S. (2011) Kulturno-kommunikativnyie funktsii SMI [Cultural and communicative functions of the media]. Vestnik KazNU, «Journalism», vol. 2.

Nazarbaev N. A. (2009) Kazahstan v postkrizisnom mire: intellektualnyiy proryiv v buduschee [Kazakhstan in the post-crisis world: an intellectual breakthrough into the future]. Lectures in al-Farabi KazNU, Almaty

Nazarbaev N.A. Natsionalnyiy proekt «Intellektualnaya natsiya – 2020» [Intelligent nation – 2020]. // https://studopedia.net/4_31386_prezidentskaya-programma-intellektualnaya-natsiya--i-ee-znachenie.html

3-бөлім

ШЕТЕЛДІК ӘРІПТЕСТЕРДІҢ МАҚАЛАЛАРЫ

Section 3

ARTICLES OF FOREIGN COLLEAGUES

Раздел 3

СТАТЬИ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

МРНТИ 15.21.51 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.19

М.Б. Ерденова[1], А.Т. Камзанова [1], И.И. Ахметов[2], Е.В. Валеева[3], Г.А. Бегимова[4], А.М. Кустубаева [1]

[1]Центр Когнитивной Нейронауки, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: meruert_beken@mail.ru, e-mail: kamzanova.altyngul@kaznu.kz, e-mail: almkust@gmail.com
[2]Ливерпульский университет имени Джона Мурса, Великобритания, г. Ливерпуль, e-mail: genoterra@mail.ru
[3]Казанский государственный медицинский университет, Россия, г. Казань, e-mail: vevaleeva@ya.ru
[4] Центр «Alemgenius», Казахстан, г. Алматы, e-mail: gulmira_sem@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ И ИНТЕЛЛЕКТА С ГЕНЕТИЧЕСКИМИ МАРКЕРАМИ

Генетические исследования способностей дают понимание механизмов, лежащих в основе индивидуальных различий когнитивных функций человека. Актуальность подобных исследований связана с возможностью прогнозирования траектории онтогенетического развития способностей и предпочтительного выбора направления целенаправленных усилий на более ранних этапах созревания личности. Целью данной статьи было исследование взаимосвязи полиморфизмов генов с когнитивными способностями и личностными характеристиками участников в возрасте от 7 до 18 лет, проживающих в Казахстане. Представлены первичные результаты комплексного психометрического измерения интеллекта и личностных характеристик и молекулярно-генетического исследования. Проведена оценка взаимосвязи полиморфизмов 50 генов, распределения частот аллелей изученных полиморфных локусов с показателями вербального и невербального интеллекта и 14 факторами личностных характеристик у 27 обследуемых. Результаты исследования подтверждают некоторые ранее описанные в литературе взаимосвязи между преобладанием определенных аллелей с показателями интеллекта и личностными факторами. Необходимо отметить, что данное исследование впервые проводилось в Казахстане и в перспективе возможно получение особенностей подобных взаимосвязей, характерных только для казахстанской популяции. В связи с этим, мы планируем продолжение исследования с увеличением выборки в различных возрастных группах и дополнительно включением когнитивной задачи на экзекутивный контроль.

Ключевые слова: психогенетика, полиморфизм генов, интеллект, способности, личностные характеристики.

M.B. Yerdenova [1], A.T. Kamzanova[1], I.I. Ahmetov [2], E.V. Valeeva [3], G.A. Begimova[4], Kustubayeva A.M.[1]

[1]Center for Cognitive Neuroscience, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: meruert_beken@mail.ru, e-mail: kamzanova.altyngul@kaznu.kz, e-mail: almkust@gmail.com
[2]Liverpool John Moores University, United Kingdom, Liverpool, e-mail: genoterra@mail.ru
[3]Kazan State Medical University, Russia, Kazan, e-mail: vevaleeva@ya.ru
[4]«Alemgenius» center, Kazakhstan, Almaty, e-mail: gulmira_sem@mail.ru

Relationship of personal qualities with genetic markers

Genetic studies of abilities provide an understanding of the mechanisms that underlie individual differences in cognitive functions and personality. The predictive nature of psychogenetic studies relates to early findings of genetic markers of personality and cognitive abilities in order to concentrate efforts on goal-directed development. The aim of this article is to investigate the relationship between gene polymorphisms and personality&intelligence among participants 7-18 years-old who live in Kazakhstan. The first preliminary data of the complex psychometric measurements of intelligence and personality along with molecular-genetic research is presented in this article. Polymorphisms of 50 genes and distributions of their alleles were correlated with verbal and nonverbal intelligence and 14 factors of personality in 27 participants. The results confirm findings previously described in the literature. It is necessary to mention that this is the first genetic study conducted for the local Kazakhstan population. We plan to continue this research to increase sample size for different age groups and include cognitive task performance to study executive control in our experiment.

Key words: psychogenetics, gene polymorphism, intelligence, abilities, personality characteristics, test.

 © 2020 Al-Farabi Kazakh National University

М.Б. Ерденова[1], А.Т. Камзанова [1], И.И. Ахметов[2],
Е.В. Валеева[3], Г.А. Бегимова[4], А.М. Кустубаева[1]

[1]«Когнитивті нейроғылым» орталығы, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: meruert_beken@mail.ru, e-mail: kamzanova.altyngul@kaznu.kz, e-mail: almkust@gmail.com
[2]Ливерпульдегі Джон Мур университеті, Ұлыбритания, Ливерпуль қ., e-mail: genoterra@mail.ru
[3]Қазан мемлекеттік медицина университеті, Ресей, Қазан қ., e-mail: vevaleeva@ya.ru
[4]«Alemgenius» орталығы, Қазақстан, Алматы қ., e-mail gulmira_sem@mail.ru

Генетикалық маркерлермен тұлғалық қасиеттердің және интеллектінің өзара байланысы

Қабілеттіліктің генетикалық зерттеулері адамның танымдық функцияларындағы жеке айырмашылықтардың негізін құрайтын механизмдер туралы түсінік береді. Мұндай зерттеулердің өзектілігі қабілеттердің онтогенетикалық даму жолын болжау мүмкіндігімен және тұлғаның жетілуінің алдыңғы кезеңдерінде бағытталған күш-жігердің бағытын таңдаумен байланысты. Бұл мақаланың мақсаты Қазақстанда тұратын 7 жастан 18 жасқа дейінгі қатысушылардың гендік полиморфизмдерінің танымдық қабілеттерімен және тұлғалық ерекшеліктерімен байланысын зерттеу болды. Интеллект пен тұлғалық қасиеттерді кешенді психометриялық өлшеу мен молекулалық-генетикалық зерттеудің алғашқы нәтижелері ұсынылды. 50 геннің полиморфизмінің өзара байланысы, зерттелген полиморфты аллельдердің жиіліктік таралуының вербальды және вербальды емес интеллект көрсеткіштерімен және 27 сыналушының тұлғалық ерекшеліктерінің 14 факторымен байланысын бағалау жүргізілді. Зерттеу нәтижелері әдебиеттерде бұрын сипатталған белгілі аллельдердің интеллект көрсеткіштерімен және тұлғалық факторлармен басым болуы арасындағы кейбір өзара байланыстарды растайды. Айта кету керек, бұл зерттеу Қазақстанда алғаш рет жүргізілді және болашақта тек қазақстандықтарға тән мұндай өзара байланыстардың белгілерін алуға болады. Осыған байланысты біз әр түрлі жастағы топтардағы үлгіні көбейтумен және одан әрі экзекутивті бақылауды анықтайтын когнитивтік тапсырманы қосумен зерттеуді жалғастыруды жоспарлап отырмыз.

Түйін сөздер: психогенетика, гендік полиморфизм, интеллект, қабілеттер, тұлғалық ерекшеліктер.

Введение

Исследования генетических детерминант психологических особенностей человека является одним из актуальных и стремительно развивающихся направлений психогенетики. Основное внимание специалистами в области психогенетики уделяют изучению взаимосвязи генотипов с когнитивной и личностной сфер человека. Версии о генетической детерминации индивидуальных особенностей психики человека подтверждены в некоторых психогенетических исследованиях (Ушаков, 2003; Равич-Щербо, 2000; Vanderberg, 1962; Plomin, 1987; McGueetal, 1993; Thompson, 1993; Johnson, 2007).

Согласно современным научным открытиям в области генетики считается, что индивидуальные различия человека во многом обусловлены вариациями ДНК-полиморфизма. Последовательность ДНК и паттерн экспрессии генов являются уникальными для каждого индивида ввиду исключительности генотип-средового взаимодействия в онтогенезе (Малых, 2012). При относительно однообразном наборе генов у всех индивидов существуют так называемые аллели, отличающиеся между собой одиночными заменами нуклеотидов-полиморфизмов или числом повторяющихся фрагментов ДНК. Разные гены могут быть представлены различными вариациями аллелей, которые могут быть часто или редко встречающимися в популяции. Индивидуальные полиморфизмы могут являться биологической основой психологических признаков, формирующих личность (Малых, 2012).

Одной из концепций, поясняющей генетические основы индивидуальных особенностей личности и различных патологий личности, является концепция “локусов количественных черт” (Quantitative trait loci, QTLs), получившая широкое распространение. Так, обзорная статья A.Reif и K.-P. Lesch, посвященная эпидемиологическим исследованиям влияния генетических факторов на индивидуальные различия, подчеркивает научную обоснованность в пояснении этих взаимоотношений. Данная концепция идентифицирует специфичные генетические коды, которые определяют компоненты серотонинергических и дофаминергических нейромодуляторных систем, которые в свою очередь влияют на индивидуальные особенности и когнитивные способности (Reif, 2003). Так, например, гены катехол-О-метилтрансферазы (*COMT*) и 7-повторного аллеля гена *DRD4,* относящиеся к семейству генов дофаминергической систе-

мы, играют ключевую роль в распаде дофамина в префронтальной коре мозга. В эмпирических исследованиях было выявлено, что некоторые нуклеотидные перестройки гена *COMT и DRD4* ассоциируется с темпераментом и экзекутивным контролем (Posner, 2018). Кроме того, эти гены показали взаимосвязь с дивергентным мышлением, рабочей памятью (Söderqvist, 2014). В то же время были обнаружены гены, влияющие на активность серотонинергической нейромедиаторной системы. Особенности полиморфиза гена *SLC6A4*, определяющие интенсификацию переноса серотонина из синаптической щели в пресинапс, ассоциировались с высоким уровнем интеллектуального развития и творческими (музыкальными, танцевальными) способностями (Ukkola, 2009; Oikkonen, 2016).

Широко распространенный метод исследования моно- и гетерозиготных близнецов, позволил в определенной степени оценить влияние среды и генетики на показатели интеллекта и личностных характеристик. Известным примером являются исследования раннего развития близнецов (“Twins Early Development Study” http://www.teds.ac.uk), начатые в 1994 году, под руководством Роберта Пломина, которые согласно позиции авторов определяют степень влияния генетики и окружающей среды на способности и особенности характера (Plomin, 2012; Kovas, 2007; 2013). В частности, Pietiläinen с соавторами обнаружил, что полиморфизм rs1130214 гена *AKT1* ассоциирован с когнитивными признаками, связанными с вербальным обучением и памятью (Pietiläinen, 2009).

R. Plomin и I. Deary предложили первую количественную генетическую технологию (Genome-wide Complex Trait Analisis, GCTA) для оценки генетических влияний с использованием «genome-wide» генотипов на широкой популяции неродственных индивидов (Plomin, 2015). Результаты новых экспериментов с применением GCTA метода были сопоставлены с предыдущими данными с использованием метода близнецов. В частности, гены *MMP7, GRIK1* и *DNAH5* показали взаимосвязь с математическими способностями (Docherty, 2010). Носители T аллеля полиморфизма rs17070145 гена *KIBRA* имели лучшие показатели рабочей и кратковременной памяти и быстрее усваивали информацию по сравнению с носителями генотипа CC (Papassotiropoulos, 2006).

Кроме того, эмпирические исследования выявили взаимосвязь полиморфизма rs1800497 гена *ANKK1* (McAllister, 2008; Zhang, 2007), rs11186856 гена *CPEB3* (Vogler, 2009), полиморфизма rs4908449 гена *CAMTA1* человека (Huentelman, 2007) и гена rs2300390 гена *PTRPO* с обучением и памятью (LeBlanc, 2012). Ассоциированный с синаптосомами белка 25 гена *SNAP25* показал тесное взаимодействие с когнитивными способностями (Gosso, 2006).

Необходимо отметить, что A. Reif и K.-P. Lesch в своей обзорной статье указывают на то, что индивидуальные характеристики личности и способности являются сложным комплексом, и не могут относиться к одному гену. Те же авторы придерживаются мнения, что в большей степени научные исследования носят скорее вероятностный характер, чем детерминистический (Reif, 2003). Другая группа ученых в своей обзорной статье при обсуждении теории «локусов количественных черт» на примере многочисленных ассоциаций нейромодуляторных систем со свойствами темперамента, подчеркнула противоречивость в результатах и не воспроизводимость при повторных измерениях (Казанцева, 2008).

Основываясь на многолетние исследования, британские психогенетики R. Plomin и I. Deary в своей статье «Genetics and intelligence differences: five special findings» сформировали «три закона генетики»: 1) все индивидуальные характеристики выявляют достоверное генетическое влияние; 2) нет индивидуальных характеристик, которые были бы 100-процентно генетически обусловлены; 3) генетическая наследуемость обусловлена суммарным вкладом «small effect» множества генов (Plomin, 2015).

В действительности, генетические эффекты претерпевают модификации в онтогенетическом процессе и зависят от воздействия внешней среды. Согласно мнению некоторых ученых, данная структура генотип-средового взаимодействия имеет два варианта: 1) «статическое взаимодействие»; 2) «генотип-средовая ковариация» (Ковас, 2011; Малых, 2015). Второй вариант взаимоотношений свидетельствует о неравномерности распределения генотипов в зависимости от средовых условий. Средовые условия могут быть тесно связаны с возрастными особенностями и социокультурной средой (Малых, 2015).

В связи с вышеизложенным, психогенетические исследования должны иметь комплексный характер и учитывать как генетические, психологические и социокультурные особенности индивидуального развития. Несмотря на существование достаточного количества исследований взаимосвязи генотипа со способностями и индивидуальными характеристиками, данная

проблема остается актуальной и многообещающей для возможности прогнозирования траектории онтогенетического развития способностей и предпочтительного выбора направления усилий на более ранних этапах созревания личности. Особенно важно и необходимо проведение подобных экспериментальных исследований в различных социокультурных средах. В виду этого мы запланировали проведение подобного исследования впервые на казахстанской популяции.

Целью настоящей работы было выявление взаимосвязи генетических и психометрических показателей когнитивных способностей и личностных характеристик детей.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

1. Измерение интеллекта и личностных особенностей обследуемых детей.

2. Измерение показателей полиморфных вариантов 50 генов.

3. Статистический анализ ассоциаций исследуемых генов с показателями интеллекта и личностными характеристиками детей.

Для выполнения этих целей и задач мы использовали измерение интеллектуальных способностей с помощью теста Векслера (Панасюк, 1973; 1982) и индивидуальных особенностей с помощью многофакторного личностного опросника Кеттела (Шмелев, 2002) наряду с проведением сбора генетических данных и последующим анализом генотипов.

Методика

Участники исследования

В исследовании приняли участие 27 обследуемых в возрасте от 7-18 лет (15 мальчиков, 12 девочек, средний возраст 12,73 SD=3,19). Данное исследование было одобрено Локальным Этическим Комитетом Факультета медицины и здравоохранения КазНУ имени аль-Фараби. Исследуемые привлекались посредством рекламы в социальных сетях. Критерием отбора для участия в исследовании было: 1) возраст от 7-18 лет; 2) отсутствие в анамнезе неврологических и психических заболеваний; 3) отсутствие применения психоактивных лекарств; 4) коррекция зрения при наличии проблем со зрением (корректирующие очки, линзы). Каждый испытуемый и его родитель (опекун) были ознакомлены с целями и задачами исследования и подписали информированное согласие на участие в исследовании. В случае нарушения участником инструкций исследования участие прекращалось. Также каждый обследуемый имел право на добровольный отказ от участия в исследовании на любом из его этапов.

Около 70 % добровольцев были представителями школ г. Алматы и г. Нур-Султан и около 30 % являлись учащимися Центра «Alemgenius», на базе которого проводилось исследование.

Генетические методы исследования

Сбор генетических данных был проведен с помощью неинвазивного метода забора эпителия клеток ротовой полости. Последующее выделение ДНК из эпителия и ее генотипирование проводилось с использованием метода полимеразно-цепной реакции (ПЦР) в реальном времени в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт химической биологии и фундаментальной медицины Сибирского отделения Российской академии наук (ИХБФМ СО РАН)» (г. Новосибирск, Россия). Дальнейшая обработка генетических данных проводилась специалистами Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) молекулярной генетики при Казанском государственном медицинском университете (г.Казань, Россия).

В данное исследование были включены и проанализированы полиморфизмы 50 генов, которые, исходя из обзора научной литературы, являются генетическими маркерами способностей человека и представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Полиморфизмы генов, анализируемые в данном исследовании

Ген	Полиморфизм	Признак	Источники
AKT1	rs1130214 A/C	Общая память, вербальная память, обучаемость, научная деятельность	Pietiläinen, 2009
CAMTA1	rs4908449 T/C	Общая память, эпизодическая память	Huentelman, 2007
COMT	rs4680 A/G	Когнитивные способности, общая память, эмоциональный интеллект, внимательность, стрессоустойчивость	Posner, 2018 Söderqvist, 2014

CPEB3	rs11186856 A/G	Общая память, эпизодическая память	Vogler, 2009
CRTC3	rs12915189 A/G	Скорость обработки информации	Papassotiropoulos, 2006
CSMD1	rs4242493 T/C	Способность к сочинению музыки	Oikkonen, 2016
ANKK1	rs1800497 A/G	Обучаемость, моторная обучаемость, эмоциональный интеллект, научная деятельность	McAllister, 2008 Zhang, 2007
DRD4	rs1800955 T/C	Общая память, поиск новизны, внимательность	Posner, 2018 Söderqvist, 2014
GRIK1	rs363449 C/G	Общая память, математические способности	Docherty, Kovas, Plomin et.al., 2010
KIBRA	rs17070145 C/T	Общая память, эпизодическая память, научная деятельность	Papassotiropoulos, 2006
HMP19	rs10475598 T/C	Скорость обработки информации	
LOC100506393	rs2728554 T/G	Способность к музыкальной аранжировке	Nakajima, 2014
MMP7	rs11225308 T/G	Общая память, математические способности	Docherty, Kovas, Plomin et.al., 2010
PTRPO	rs2300290 G/A	Общая память, обучаемость	LeBlanc, 2012
SLC6A4	5-HTTLPR L/S	Танцевальные способности	Ukkola,2009 Oikkonen, 2016
SLC6A4	rs25531 T/C	Общая память, рабочая память, вокальные способности, научная деятельность, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость, нейротизм, агрессивность	Ukkola,2009 Oikkonen, 2016
SNAP25	rs363050 A/G	Когнитивные способности, абстрактное мышление, научная деятельность	Gosso, 2006
SNORD38	rs9397906 A/G	Научная деятельность	Ibrahim-Verbaas, 2016
TRIB3	rs6051520 T/G	Скорость обработки информации	Lusiano, 2011
UNC5C	rs1085691T/C	Способность к сочинению музыки	Ukkola,2009 Oikkonen, 2016

Психометрические методы

Измерение интеллекта производилось с помощью теста Векслера, включающего в себя 11 отдельных субтестов, разделенных на две группы: 6 вербальных и 5 невербальных компонентов. В исследовании были использованы два варианта теста Векслера для двух возрастных категорий испытуемых:

А) 6,5-16,5 лет: тест Векслера (Wechsler Intelligence Scale for Children, WISC) - для тестирования детей и подростков (от 6,5 до 16,5 лет). Детская версия данного теста была адаптирована и стандартизирована А. Ю. Панасюк (Панасюк, 1973).

Б) 16-64 лет: тест Векслера (Wechsler Adult Intelligence Scale, WAIS), предназначенный для тестирования взрослых (от 16 до 64 лет). Данная версия была адаптирована и стандартизирована А. Ю. Панасюк, дополнена и исправлена Ю. И. Филимоненко и В. И. Тимофеевым при Государственном предприятии «Иматон» г. Санкт-Петербург (Панасюк и др., 1992).

К вербальным субтестам относятся задания, выявляющие общую осведомленность, общую понятливость, способности, нахождение сходства, воспроизведения цифровых рядов и т.д. К невербальным субтестам относятся следующие: шифровка, нахождение недостающих деталей в картине, определение последовательности картин, сложение фигур. Выполнение каждого субтеста оценивают в баллах с их последующим переводом в унифицированные шкальные оценки, позволяющие анализировать разброс. На основе анализа выполнения каждого задания рассчитывается вербальный и невербальный интеллект, общий интеллектуальный коэффициент (IQ). Количественная и качественная оценки выполнения испытуемым заданий дают возможность

установить степень развития различных сторон интеллектуальной деятельности.

Для измерения личностных особенностей использовался факторный личностный опросник Кеттелла. Определяемые факторы Кетелла представлены в таблице 2. В зависимости от возраста испытуемых были проведены следующие версии данного личностного опросника:

А) от 8-12 лет: адаптированный Э.М. Александровской и И.Н. Гильяшевой детский 12-факторный опросник (12PF/CPQ) для возрастной группы от 8-12 лет (Александровская, 1993);

Б) адаптированный Санкт-Петербургским Государственным университетом подростковый 14-факторный вариант опросника для диагностики школьников в возрасте от 13-15 лет (www.testpsy.net)

В) адаптированный вариант В. И. Похилько, А. С. Соловейчиком, А.Г. Шмелевым многофакторный личностный опросник Кеттелла 16PF (форма В) для контингента испытуемых от 16 лет и старше (Шмелев, 2002).

Таблица 2 - Факторы Кеттела

Фактор	Черта
Фактор A	замкнутость-открытость
Фактор B	низкий интеллект-высокий интеллект
Фактор C	неуверенность-уверенность
Фактор E	подчиненность-доминантность
Фактор F	сдержанность-экспрессивность
Фактор G	безответственность-ответственность
Фактор H	робость-смелость
Фактор I	чувственность-твёрдость
Фактор L	подозрительность-доверчивость
Фактор M	мечтательность-практичность
Фактор N	утончённость-простота
Фактор O	беспечность-тревожность
Фактор Q1	низкий самоконтроль-высокий самоконтроль
Фактор Q2	самостоятельность-зависимость от группы
Фактор Q3	низкий самоконтроль-высокий самоконтроль
Фактор Q4	расслабленность-собранность

Статистический анализ

Статистический анализ полученных данных проводился с помощью статистической программы SPSS Inc. Released 2007. SPSS for Windows, Version 16.0. Chicago, SPSS Inc.

С целью выявления взаимосвязи когнитивных и личностных особенностей испытуемых проводился корреляционный анализ с применением критерия Пирсона.

Для определения взаимосвязи полиморфизмов генов с когнитивными и личностными способностями проводилась кодировка генетических данных с последующей корреляцией с применением критерия Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Результаты психометрического исследования.

Результаты значения по факторам Кеттела

Средние значения личностных характеристик по опроснику Кеттелла представлены в таблице 3 и могут быть предварительными нормативными значениями для изучаемой популяции.

Таблица 3 – Средние значения по факторам Кеттелла в обследуемой группе

Факторы	Значения	Стандартные отклонения
(A) замкнутость – открытость	2,07	20,33
(B) низкий интеллект – высокий интеллект	6,56	1,55
(C) неуверенность – уверенность	6,00	1,75
(E) подчиненность – доминантность	6,26	2,14
(F) сдержанность – экспрессивность	5,70	2,07
(G) безответственность – ответственность	5,00	2,29
(H) робость – смелость	5,78	1,97
(I) чувственность – твёрдость	6,22	1,78
(O) беспечность – тревожность	5,22	1,60
(Q3) низкий самоконтроль – высокий самоконтроль	5,48	1,78
(Q4) расслабленность – собранность	5,33	1,82

Результаты шкал Векслера

В таблице 4 представлены средние значения шкал Векслера в обследуемой группе, которые имеют средненормативный характер.

Таблица 4 – Средние значения по шкалам Векслера в обследуемой группе

	Значения	Стандартные отклонения
Вербальный интеллект	72,59	10,33
Невербальный интеллект	68,74	12,02
Общая оценка	138,44	21,11
IQ	115,22	

Взаимосвязь показателей опросника Кеттелла и шкал Векслера

Достоверно значимые результаты корреляционного анализа показателей опросника Кеттелла и шкал Векслера представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Значения корреляций показателей опросника Кеттелла и шкал Векслера

	Невербальный интеллект	Общий интеллект
(B) ригидность мышления	- 0,472(*)	
(E) подчиненность	- 0,437(*)	- 0,451(*)
(G) ответственность	0,505(**)	

Примечания
*1 * - значимо на уровне p<0,05; ** - значимо на уровне p<0,01;*

Согласно таблице 5 показатель невербального интеллекта отрицательно коррелирует с фактором «ригидность мышления» и фактором «подчиненность», тогда как положительно кор-

релирует с фактором «ответственность» (таблица 5). Выявлена также отрицательная корреляция фактора «подчиненность» с общим уровнем развития интеллекта.

Таким образом, полученные результаты корреляционного анализа указывают на значимость индивидуальных различий в большей степени для уровня невербального интеллекта (таблица 5).

2. Взаимосвязь показателей опросника Кеттелла с результатами генетического анализа.

В результате корреляционного анализа данных опросника Кеттелла и генетических данных были получены следующие результаты:

1. Отрицательные корреляции с фактором A свидетельствуют о преобладании аллелей T полиморфизма rs10475598 гена *HMP29* (p=-0,411), полиморфизма rs2728554 гена *LOC100506393* (p=-0,454), полиморфизмом rs363050 гена *SNAP25* (p-0,438) у участников, которые характеризуются большей открытостью.

2. Положительная корреляция с фактором B говорит о том, что носители генотипа GG полиморфизма rs4680 гена *COMT* (p=0,482*),* полиморфизма rs11186856 гена *CPEB3* (p=0,382), полиморфизма rs1800497 гена *ANKK1* (p=0,426*),* и полиморфизма rs6051520 гена *TRIB3* (p=0,402) ассоциируется с более высоким показателем интеллекта. Отрицательная корреляция с полиморфизмом rs25531 гена *SLC6A4* (p=-0,428) возможно свидетельствует о том, что участники с носителем генотипа TT характеризуются низким значением интеллекта.

3. Фактор C показал положительную корреляцию с полиморфизмом rs11186856 гена *CPEB3* (p=0,400), что возможно ассоциируется с уверенностью носителей аллеля G. Кроме того, отрицательная корреляция с полиморфизмом rs2728554 гена *LOC100506393*(p=-0,421) свидетельствует о том, что носители генотипа TG отличаются неуверенностью.

4. Отрицательная корреляция фактора E с полиморфизмом rs363449 гена *GRIK1*(p=-0,407), полиморфизмом rs11225308 гена *MMP7* (p=0,408), полиморфизмом 5-HTTLPR гена *SLC6A4* (p=-0,524) и полиморфизмом rs25531 гена *SLC6A4* (p=-0,439) свидетельствует о том, что обладатели аллеля C гена *GRIK1,* аллеля T гена *MMP7,* аллеля L гена *SLC6A4 и* аллеля C гена *SLC6A4* характеризуются более высоким значением подчиненности.

5. Положительная корреляция фактора F с полиморфизмом rs1130214 гена *AKT1* (p=0,403) свидетельствует о том, что носители генотипа CC гена *AKT1* и GG полиморфизма rs2300290 гена *PTRPO* (p=0,385) характеризуются более высоким значением личностной экспрессивности. Тогда как отрицательная корреляция с полиморфизмом rs12915189 гена*CRTC3* (p=-0,424), полиморфизмом rs1800955 гена *DRD4* (p=-0,418), полиморфизмом rs363449 гена *GRIK1* (p=-0,392), полиморфизма rs25531 гена *SLC6A4* (p=-0,559) возможно свидетельствует о том, что носители генотипа GG полиморфизма rs12915189 гена *CRTC3,* генотипа CC полиморфизма rs1800955 гена *DRD4,* генотипа CC полиморфизма rs363449 гена *GRIK1* и генотипа CC полиморфизма rs25531 гена *SLC6A4* более сдержанны.

6. Фактор G показал положительную корреляцию с полиморфизмом rs363449 гена *GRIK1* (p=0,456) и полиморфизма rs363050 гена *SNAP25* (p=0,399), что возможно свидетельствует о том, что обладатели аллеля C и аллеля G данных полиморфизмов более ответственны.

7. Отрицательная корреляция фактора H с полиморфизмом rs2728554 гена *LOC100506393* (p=-0,392) и полиморфизмом rs25531 гена *SLC6A4* (p=-0,448) свидетельствует о том, что участники с преобладанием аллеля C и G данных полиморфизмов отличаются робостью.

8. Фактор O отрицательно скоррелировал с полиморфизмом rs4242493 гена *CSMD2* (p=-0,382) и полиморфизмом rs1085691r гена *UNC5C* (p=-0,392), что дает возможность предположить, что носители аллеля C полиморфизма rs4242493 гена *CSMD2* и аллеля C полиморфизма rs1085691r гена *UNC5C* более беспечны. В свою очередь, положительная корреляция с полиморфизмом rs6051520 гена *TRIB3* (p=0,416) свидетельствует о том, что носители аллеля G данного гена ассоциируются с тревожностью.

9. Положительная корреляция фактора Q3 с полиморфизмом rs4242493 гена *CSMD1* (p=0,419) и полиморфизма rs363449 гена *GRIK1* (p=0,399) свидетельствует о том, что носители аллелей C данных полиморфизмов генов обладают более высоким самоконтролем.

10. Положительная корреляция фактора Q4 с полиморфизмом rs9397906 гена *SNORD38* (p=0,463) и полиморфизмом rs6051520 гена *TRIB3* (p=0,391) показывает, что носители аллелей G данных полиморфизмов генов более собранны. Отрицательная корреляция данного фактора с полиморфизма rs4242493 гена *CSMD1* (p=-0,477) и аллеля T полиморфизма rs1085691r гена *UNC5C* (p=0,392) возможно свидетельствует о том, что носители аллеля T гена *CSMD1* и аллеля T гена *UNC5C* более расслабленны.

Взаимосвязь показателей шкал Векслера с результатами генетического анализа. Результаты корреляционного анализа генетических данных с показателями интеллекта представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Показатели шкал Векслера в соотношении с результатами генетического анализа

	Сумма вербальных оценок	Сумма невербальных оценок	Общая оценка по Векслеру
CAMTA1 rs4908449 T/C	0,460(*)		
CPEB3 rs11186856 A/G		-0,421(*)	
GRIK1 rs363449 C/G		0,409(*)	0,462(*)
KIBRA rs17070145 T/C	0,382(*)		
SLC6A4 5-HTTLPR L/S		0,385(*)	
SLC6A4 rs25531 T/C		0,452(*)	

Согласно таблице 6, вербальный интеллект по Векслеру положительно коррелирует с полиморфизмом rs4908449 гена *CAMTA1* (p=0,460) и полиморфизмом rs17070145 гена *KIBRA* (p=0,382). Можно предположить, что носители аллелей C данных полиморфизмов генов обладают более высоким потенциалом вербального интеллекта.

Невербальный интеллект положительно коррелирует с полиморфизмом rs363449 гена *GRIK1* (p=0,409), полиморфизмом 5-HTTLPR гена *SLC6A4* (p=0,385) и полиморфизмом rs25531 гена *SLC6A4* (p=0,452). Можно предположить, что носители аллеля G полиморфизма rs363449 гена *GRIK1*, аллеля S полиморфизма 5-HTTLPR гена *SLC6A4* и аллеля C полиморфизма rs25531 гена *SLC6A4* обладают более высоким потенциалом невербального интеллекта. Отрицательная корреляция невербального интеллекта с полиморфизмом rs11186856 гена *CPEB3* (p=-0,421) возможно свидетельствует о том, что носители аллеля G данного полиморфизма гена обладают более низким показателем невербального интеллекта.

Кроме того, положительная корреляция общего интеллекта с полиморфизмом rs363449 гена *GRIK1* (p=0,462) возможно свидетельствует о том, что носители аллеля G обладают более высоким потенциалом общего интеллекта также.

В результате проведенного исследования нами были выявлены взаимосвязи между носителями некоторых генотипов с личностными особенностями и показателями вербального и невербального интеллекта. Необходимо помнить, что это первичные результаты на относительно небольшой выборке. Ввиду того, что первичные результаты в большей степени соответствуют предыдущим исследованиям на других выборках, мы предполагаем, что текущий эксперимент идет в правильном направлении. Полученные новые корреляции необходимо считать предварительными, и мы надеемся подтвердить на более широкой выборке.

Приведенные результаты исследования свидетельствуют о возможностях психогенетики в прогнозировании способностей, что в свою очередь определяет вероятность предпочтительного выбора направления целенаправленных усилий в траектории онтогенетического развития на более ранних этапах созревания личности в условиях казахстанской среды.

Выводы

Изучение взаимосвязи интеллекта и личностных особенностей указывает на значимость индивидуальных различий в большей степени для уровня невербального интеллекта.

В результате проведенного исследования нами были выявлены множество взаимосвязей между носителями некоторых генотипов с личностными особенностями детей и показателями интеллекта, которые согласуются с литературными данными. Обнаруженные новые ассоциации между полиморфизмом некоторых генов с изучаемыми показателями могут свидетельствовать об особенностях взаимосвязей для казахстанской популяции при дальнейшем подтверждении на более широкой выборке обследуемых.

Литература

Александровская Э.М., Гильяшева И.Н. Адаптированный модифицированный вариант детского личностного опросника Р. Кеттелла: Методические рекомендации // Научно-методическая серия «Психодиагностика детей и подростков). – М.: Фолиум, 1993. – С. 40 – 65.

Ковас Ю.В., Тихомирова Т.Н., Малых С.Б. Проблема стабильности и изменчивости общих способностей в психогенетике // Вопросы психологии. – 2011. № 6. – С. 44–54.

Казанцева, А.В. Гайсина Д.А., Малых С.Б., Хуснутдинова Э.К. Роль генетических факторов в формировании свойств личности и темперамента // Медицинская генетика. – 2008. – №3. – С. 3–13.

Малых С.Б., Тихомирова Т.Н., Ковас Ю.В. Индивидуальные различия в способностях к обучению: возможности и перспективы психогенетических исследований // Вопросы образования. – 2012. – №4. – С. 186-199.

Малых С.Б., Тихомирова Т.Н. Личностные черты и интеллект: взаимосвязи и их природа // Вопросы психологии. – 2015. – №2. – С. 147–160.

Панасюк А.Ю. Адаптированный вариант методики Д. Векслера (WISC). – М.: Институт гигиены детей и подростков Министерства здравоохранения СССР, 1973. – 80 с.

Панасюк А., Филимоненко Ю., Тимофеев В. Руководство к методике исследования интеллекта у детей Д.Векслера (Государственым предприятием “ИМАТОН”). – СПб, 1992.

Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л. Психогенетика: Уч. для ВУЗов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 447 с.

Ушаков Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория. – М.: ИП РАН, 2003. – 263 с.

Шмелев А.Г. Психодиагностика черт личности /А.Г. Шмелев. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.

Docherty S.J., Kovas Y., Petrill S.A., Plomin R. Generalist genes analysis of DNA markers associated with mathematical ability and disability reveals shared influence across ages and abilities // BMC genetics. – 2010. – №11(1). – P. 61-70.

Gosso M.F., De Geus E.J.C., Van Belzen M.J., Polderman T.J.C., Heutink P., Boomsma D.I., &Posthuma D. The SNAP-25 gene is associated with cognitive ability: evidence from a family-based study in two independent Dutch cohorts // Molecular psychiatry. – 2006. – №11(9). – P. 878-886.

Huentelman M.J., Papassotiropoulos A., Craig D.W., et al. Calmodulin-binding transcription activator 1 (CAMTA1) alleles predispose human episodic memory performance // Hum Mol Genet. – 2007. – №16(12). – P. 469–477.

Ibrahim-Verbaas C.A., Bressler J., Debette S., Schuur M., SmithA.V., Bis, J. C., ... & Chibnik, L. B. GWAS for executive function and processing speed suggests involvement of the CADM2 gene // Molecular psychiatry. – 2016. – №21(2). – P. 189-205.

Johnson W., Thomas J., Bouchard Jr., Matt McGue, Nancy L. Segal, Auke Tellegen, Margaret Keyes, Irving I. Gottesman Genetic and environmental in uences on the Verbal-Perceptual-Image Rotation (VPR) model of the structure of mental abilities in the Minnesota study of twins reared apart // Intelligence. – 2007. – № 35. – P. 542-562.

Kovas Y., Plomin R. Literacy and Numeracy Are More Heritable Than Intelligence in Primary School // Psychol Sci. – 2013. – № 24(10). – P. 2048–2056.

Kovas Y., Plomin R. Learning abilities and disabilities: Generalist genes, specialist environments // Current Directions in Psychological Science. – 2007. – №16. – P. 284–288.

LeBlanc M., Kulle B., Sundet K., Agartz I., Melle I., Djurovic S., Andreassen O.A. Genome-wide study identifies PTPRO and WDR72 and FOXQ1-SUMO1P1 interaction associated with neurocognitive function // Journal of psychiatric research. – 2012. – №46(2). – P. 271-278.

Lusiano M., Hansell N.K., Lahti J., Davies G., Medland S. E., Raikonnen K., Tenesa A., Widen E., McGhee K.A., Palotie A., Liewald D., Porteous D.J., Starr J.M., Montgomery G.W., Martin N.G., Eriksson J.G., Wright M.J., Deary I.J. Whole Genome Association Scan for Genetic polimorphisms Influencing information processing speed // Biol Psychol. – 2011. – №86 (3). – P.193-202.

McAllister T.W., Flashman L.A., Harker Rhodes C., Tyler A.L., Moore J.H., Saykin A.J. Tsongalis G.J. Single nucleotide polymorphisms in ANKK1 and the dopamine D2 receptor gene affect cognitive outcome shortly after traumatic brain injury: a replication and extension study // Brain Injury. – 2008. – №22(9). – P. 705-714.

Nakajima M., Tsuji T., Takahashi A., Karasugi T. A genome-wide association study identifies susceptibility loci for ossification of the posterior longitudinal ligament of the spine // Research Gate – Nature Genetics. – 2014. – №9. – P.201-210.

Oikkonen J., Kuusi T., Peltonen P., Raijas P., Ukkola-Vuoti L., Karma K., Järvelä I. Creative activities in music–a genome-wide linkage analysis // PLoS One. – 2016. – №11(2). – P. 230-244.

Plomin R., Daniels D. Children in the same family are very different from each other, but why? // Behavioral and Brain Sciences. – 1987. – №10. – P. 44-54.

Plomin R., DeFries J.C., Knopik V.S., Neiderhiser J.M. // Behavioral genetics. – N.Y.: Worth, 2012. – №6th ed.

Plomin R., Deary I.J. Genetics and intelligence differences: five special findings // Mol Psychiatr. – 2015. – №20(1). – P. 98-108.

Posner M.I., Rothbart M.K. Parenting and human brain development. In M.R. Sanders A. Morawska (eds) Handbook of Parenting and Child Development Across the Lifespan // N.Y.: Springer, 2018.

Papassotiropoulos A., Stephan D., Huentelman MJ. Common Kibra alleles are associated with human memory performance // Science. – 2006. – №314(5798). – P. 475–478.

Pietiläinen O.P., Paunio T., Loukola A., Tuulio-Henriksson A., Kieseppä T., Thompson P., Hennah W. Association of AKT1 with verbal learning, verbal memory, and regional cortical gray matter density in twins // American Journal of Medical Genetics Part B: Neuropsychiatric Genetics. – 2009. – №150(5). – P. 683-692.

Reif A. Toward a molecular architecture of personality // Behav. Brain Res. – 2003. – №139. – P. 1-20.

Söderqvist S., Matsson H., Peyrard-Janvid M., Kere J., &Klingberg T. Polymorphisms in the dopamine receptor 2 gene region influence improvements during working memory training in children and adolescents // Journal of Cognitive Neuroscience. – 2014. – №26(1). – P. 54-62.

Thompson L.A. Genetic contributions to intellectual development in infancy and childhood // Vernon P.A. (ed.) Biological approaches to the study of human intelligence. – Norwood, NJ: ablex. – 1993. – P. 95-138.

Ukkola L.T., Onkamo P., Raijas P., Karma K., & Järvelä I. Musical aptitude is associated with AVPR1A-haplotypes // PLoS One. – 2009. – №4(5). – P. 134-149.

Vandenberg S. The hereditary abilities study: hereditary components in a psychological test battery // American Journal of Human Genetics. – 1962. – № 14. – P. 220-237.

Vogler C., Spalek K., Aerni A., Demougin P., Müller A., Huynh K.D., De Quervain D.J. CPEB3 is associated with human episodic memory // Frontiers in behavioral neuroscience. – 2009. – №3, 4. – P. 267-289.

Zhang Y., Bertolino A., Fazio L., Blasi G., Rampino A., Romano R., Sadée W. Polymorphisms in human dopamine D2 receptor gene affect gene expression, splicing, and neuronal activity during working memory // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2007. – №104(51). – P. 176-188.

References

Aleksandrovskaya E.M., Gilyasheva, I.N. (1993) Adaptirovannyi modificirovannyi variant detskogo lichnostnogo oprosnica R. Kettela [Adapted modified version of Kettell's child personality questionaries']. (Scientific –methodical series «Psychodiagnostics of children and adolescents»). M.: Folium, pp. 40 – 65.

Docherty S. J., Kovas, Y., Petrill, S. A., Plomin, R. (2010) Generalist genes analysis of DNA markers associated with mathematical ability and disability reveals shared influence across ages and abilities. BMC genetics, no 11(1), pp. 61-70.

Gosso M.F., De Geus, E. J. C., Van Belzen, M. J., Polderman, T. J. C., Heutink, P., Boomsma, D. I., & Posthuma, D. (2006) The SNAP-25 gene is associated with cognitive ability: evidence from a family-based study in two independent Dutch cohorts. Molecular psychiatry, no 11(9), pp. 878-886.

Huentelman M.J., Papassotiropoulos A., Craig D.W., et al. (2007) Calmodulin-binding transcription activator 1 (CAMTA1) alleles predispose human episodic memory performance. Hum Mol Genet, no 16(12), pp. 469–477.

Ibrahim-Verbaas C.A., Bressler J., Debette S., Schuur M., Smith A.V., Bis, J. C., ... & Chibnik, L. B. (2016.) GWAS for executive function and processing speed suggests involvement of the CADM2 gene. Molecular psychiatry, no 21(2), pp. 189-205.

Johnson W., Thomas J., Bouchard Jr., Matt McGue, Nancy L. Segal, Auke Auke TellegenTellegen, Margaret Keyes, Irving I. (2007) Gottesman Genetic and environmental in uences on the Verbal-Perceptual-Image Rotation (VPR) model of the structure of mental abilities in the Minnesota study of twins reared apart. Intelligence, no 35, pp. 542-562.

Kazantseva A., Gaisina D., Malyh S., Khusnutdinova E. (2008) Rol geneticheskih factorov v formirovanii svoistv lichosti [The role of genetic factors in the formation of personality traits and temperament] Medical Genetics, no 3, pp. 3-13.

Kovas Y., Plomin R. (2007) Learning abilities and disabilities: Generalist genes, specialist environments. Current Directions in Psychological Science, no 16, pp. 284–288.

Kovas Y., Plomin R. (2013) Literacy and Numeracy Are More Heritable Than Intelligence in Primary School. Psychol Sci., no 24.(N10), pp. 2048–2056.

Kovas Y., Tihomirova T., Malyh S. (2011) Problema stabilnosty i izmenchivosty obshih sposobnostei v psihogenetike [The problem of stability and variability of general abilities in psychogenetics] Psychology Issues. – no 6, pp. 44–54.

LeBlanc M., Kulle, B., Sundet, K., Agartz, I., Melle, I., Djurovic, S. Andreassen, O. A. (2012) Genome-wide study identifies PTPRO and WDR72 and FOXQ1-SUMO1P1 interaction associated with neurocognitive function. Journal of psychiatric research, no 46(2), pp. 271-278.

Lusiano M., Hansell N.K., Lahti J., Davies G., Medland S. E., Raikonnen K., Tenesa A., Widen E., McGhee K.A., Palotie A., Liewald D., Porteous D.J., Starr J.M., Montgomery G.W., Martin N.G., Eriksson J.G., Wright M.J., Deary I.J. (2011) Whole Genome Association Scan for Genetic polimorphisms Influencing information processing speed. Biol Psychol, no 86 (3), pp.193-202.

Malyh S., Tihomirova T. (2015) Lichostnye cherty i intellect: vzaimosvyazi i ih priroda [Personal traits and intelligence: relationships and their nature]. Psychology Issues, Pedagogy Publishing House: Moscow., no 2, pp. 147-160.

Malyh S., Tihomirova T., Kovas Y. (2012) Individualnye razlichiya v sposobnostyah r obucheniu: vozmozhnosti i perspektivy psyhogeneticheskih issledovanyi [Individual differences in learning abilities: opportunities and prospects of psychogenetic research]. Education Issues, no 4, pp.186-199.

McAllister T. W., Flashman, L. A., Harker Rhodes, C., Tyler, A. L., Moore, J. H., Saykin, A. J. Tsongalis, G. J. (2008) Single nucleotide polymorphisms in ANKK1 and the dopamine D2 receptor gene affect cognitive outcome shortly after traumatic brain injury: a replication and extension study. Brain Injury, no 22(9), pp. 705-714.

Nakajima M., Tsuji T., Takahashi A., Karasugi T. A. (2014) Genome-wide association study identifies susceptibility loci for ossification of the posterior longitudinal ligament of the spine. Research Gate – Nature Genetics, no 9, pp. 201-210.

Oikkonen J., Kuusi, T., Peltonen, P., Raijas, P., Ukkola-Vuoti, L., Karma, K., Järvelä, I. (2016) Creative activities in music–a genome-wide linkage analysis. PLoS One, no 11(2), pp. 230-244.

Panasyk A. (1973) Adaptirovannyi variant metodiki D. Vekslera (WISC) [Adapted version of the methodology of D. Veksler (WISC)]. Moscow.: Institute of Hygiene of Children and Adolescents of the USSR Ministry of Health, pp. 80.

Panasyk A., Filimonenko Y., Timofeev V. (1992) Rukovodstvo k metodike issledovaniya intellekta u detei D. Veksler. [Guide to the methodology of the study of intelligence in children by D. Wexler]. State Enterprise “IMATON”, St. Petersburg.

Papassotiropoulos A., Stephan D.A., Huentelman M.J. (2006) Common Kibra alleles are associated with human memory performance. Science, no 314(5798), pp. 475–478.

Pietiläinen O. P., Paunio, T., Loukola, A., Tuulio-□Henriksson, A., Kieseppä, T., Thompson, P., Hennah, W. (2009) Association of AKT1 with verbal learning, verbal memory, and regional cortical gray matter density in twins. American Journal of Medical Genetics Part B: Neuropsychiatric Genetics, no 150(5), pp. 683-692.

Plomin R., Daniels D. (1987) Children in the same family are very different from each other, but why? Behavioral and Brain Sciences, no 10, pp. 44-54.

Plomin R., Deary I.J. (2015) Genetics and intelligence differences: five special findings. Mol Psychiatr, no 20(1), pp. 98-108.

Plomin R., DeFries J.C., Knopik V.S., Neiderhiser J.M. (2012) Behavioral genetics. N. Y.: Worth, 6th ed.

Posner M.I., Rothbart, M.K. (2018) Parenting and human brain development. In M.R. Sanders, A. Morawska (eds) Handbook of Parenting and Child Development Across the Lifespan. New York: Springer.

Ravich-Sherbo I., Marytina T., Grigorenco E. (2000) Psyhogenetica [Psychogenetics]: Uch. for high schools. M.: “Aspect Press”, pp. 447.

Reif A. (2003) Toward a molecular architecture of personality. Behav. Brain Res, no 139, N 1-2, pp. 1-20.

Söderqvist S., Matsson, H., Peyrard-Janvid, M., Kere, J., &Klingberg, T. (2014) Polymorphisms in the dopamine receptor 2 gene region influence improvements during working memory training in children and adolescents. Journal of Cognitive Neuroscience, no 26(1), pp. 54-62.

Shmelev A. (2002) Psihidiagnostika chert lichnosti [Psychodiagnostics of personality traits]/ Speech. SPb.:, pp. 480.

Thompson L.A. (1993) Genetic contributions to intellectual development in infancy and childhood. Vernon P.A. (ed.) Biological approaches to the study of human intelligence, Norwood, NJ: ablex, pp. 95-138.

Ukkola L. T., Onkamo, P., Raijas, P., Karma, K., Järvelä, I. (2009) Musical aptitude is associated with AVPR1A-haplotypes. PLoS One, no 4(5), pp. 134-149.

Ushakov D. (2003) Intellect: strukturno-dinamicheskaya teoriya. [Intelligence: structural-dynamic theory]. M.: IP RAS, pp. 263.

Vandenberg S. (1962) The hereditary abilities study: hereditary components in a psychological test battery. American Journal of Human Genetics, no 14, pp. 220-237.

Vogler C., Spalek, K., Aerni, A., Demougin, P., Müller, A., Huynh, K. D., De Quervain, D. J. (2009) CPEB3 is associated with human episodic memory. Frontiers in behavioral neuroscience, no 3, 4, pp. 267-289.

Zhang Y., Bertolino, A., Fazio, L., Blasi, G., Rampino, A., Romano, R., Sadée, W. (2007) Polymorphisms in human dopamine D2 receptor gene affect gene expression, splicing, and neuronal activity during working memory. Proceedings of the National Academy of Sciences, no 104(51), pp. 176-188.

IRSTI 159.9.072 https://doi.org/10.26577/JPsS.2020.v73.i2.20

Zh.A. Beisenbayeva[1], O.S. Sangilbayev[1], T. Mustafa[2]

[1]Kazakh National Pedagogical University after named Abai, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: psiholog_jaina@mail.ru , e-mail: ospan_seidulla@mail.ru
[2]Niğde Omer Halisdemir University, Turkey, Nığde, e-mail: mtalas44@gmail.com

THE IMPORTANCE OF VOCATIONAL GUIDANCE FOR ADOLESCENTS IN CHOOSING A PROFESSION

The article deals with the most important features of professional orientation of adolescents in pedagogical and psychological terms.

Today, the problem of adaptation and proper orientation of adolescents to the choice of a profession through self-knowledge arises. An educator-psychologist plays an important role in revealing all the abilities and capabilities of a person, teaching them a healthy lifestyle, and creating a culture of communication, they must provide the necessary assistance to adolescents in a conscious choice of a future profession, taking into account the peculiarities of their psychological development.

Vocational guidance is an activity aimed at preparing adolescents for the choice of profession, taking into account their individual inclinations, interests, professional hobbies and society's requests for personnel of various levels and qualifications.

The essence of professional orientation as a social problem is the professional desire of adolescents to overcome contradictions, the demand of society in personnel. In solving this contradiction, a key role is played by the actions and activities of the teaching staff, teachers, psychologists responsible for labor and vocational training of students. On its basis, the level of theoretical development, the principles of professional orientation and methodological problems are formed.

Thus, adolescents should be open in choosing a profession, more consciously understand what is necessary in their future life, use all the opportunities for a conscious and correct choice of a future profession.

Key words: teenager, professional orientation, psychophysiological questionnaires, motivation, training, cognitive principle, education, activity.

Ж.А. Бейсенбаева[1], О.С. Сангильбаев[1], Мұстафа Талас[2]

[1]Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: psiholog_jaina@mail.ru, e-mail:ospan_seidulla@mail.ru
[2]Нийде Омер Халисдемир университеті, Түркия, Нийде қ., e-mail: mtalas44@gmail.com

Жасөспірімдерге мамандық таңдауда кәсіби бағдар берудің маңыздылығы

Мақалада жасөспірімдерге педагогикалық және психологиялық тұрғыда кәсіби бағдар берудің маңызды ерекшеліктері қарастырылған. Бүгінгі күні жасөспірімдердің өзін-өзі тануы арқылы мамандық таңдауда дұрыс бағыт алуы және оған бейімделу мәселесі туындауда. Жеке тұлғаның барлық қабілеттері мен мүмкіндіктерін ашып, салауатты өмір салтына үйретіп және қарым-қатынас мәдениетін қалыптастыру үшін жасөспірімдердің психологиялық даму ерекшеліктерін ескере отырып, олардың болашақ мамандығын саналы түрде таңдап алуына педагог-психолог мамандар көмек көрсетуі керек.

Кәсіптік бағдар дегеніміздің өзі – бұл мамандық таңдаудағы жеке икемділіктерінің, қызығушылығының, кәсіптік ынтасына және қоғамның әр түрлі деңгейдегі біліктілігі және әр түрлі мамандық кадрларына сұранысымен жасөспірімдерді дайындаудағы бағытталған іс-әрекет. Кәсіптік бағдардың қоғамдық мәселесі оқушылардың еңбектік және кәсіптік дайындығына жауаптылардың іс-әрекеттері басты роль атқарады. Соның негізінде теориялық даму деңгейі, кәсіби бағдар беру принциптері мен әдіснамалық мәселелер де қалыптасады. Осы арқылы жасөспірімдердің мамандық таңдауда көздері ашық болып, өздерінің болашақ өміріне не қажет екендіктерін біршама ұғынып, өз қалауымен әрі саналы түрде таңдау жасай алуына дұрыс мүмкіндіктер береді.

Түйін сөздер: жасөспірім, кәсіби бағдар, психофизиологиялық сауалнамалар, мотивация, тренинг, танымдық принцип, даму, іс-әрекет т.б.

 © 2020 Al-Farabi Kazakh National University

Ж.А. Бейсенбаева[1], О.С. Сангильбаев[1], Мұстафа Талас[2]
[1]Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: psiholog_jaina@mail.ru, e-mail:ospan_seidulla@mail.ru
[2]Университет Нийде Омер Халисдемир, Турция, г. Нийде, e-mail: mtalas44@gmail.com

Значимость профессиональной ориентации подростков в выборе профессии

В статье рассмотрены важнейшие особенности профессиональной ориентации подростков в педагогическом и психологическом плане. На сегодняшний день возникает проблема адаптации и правильной ориентации подростков к выбору профессии посредством самопознания. Для раскрытия всех способностей и возможностей личности, научения их здоровому образу жизни и формирования культуры общения важную роль играет педагог-психолог, который должен оказывать необходимую помощь подросткам в осознанном выборе будущей профессии с учетом особенностей их психологического развития.

Профессиональная ориентация – это деятельность, направленная на подготовку подростков к выбору профессии с учетом их индивидуальных склонностей, интересов, профессиональных увлечений и запросов общества к кадрам различных уровней и квалификации. Суть профессиональной ориентации как общественной проблемы заключается в профессиональном стремлении подростков к преодолению противоречий, спроса общества в кадрах. В решении этого противоречия ключевую роль играют действия и деятельность педагогического коллектива, учителей, психологов, ответственных за трудовую и профессиональную подготовку учащихся. На ее основе формируются уровень теоретического развития, принципы профессиональной ориентации и методологические проблемы.

Таким образом, подростки должны быть открытыми в выборе профессии, более осознанно понимать, что необходимо в их будущей жизни, использовать все возможности для осознанного и правильного выбора будущей профессии.

Ключевые слова: подросток, профессиональная ориентация, психофизиологические опросники, мотивация, тренинг, познавательный принцип, развитие, деятельность и т.д.

Introduction

Today, the professional orientation of adolescents depends on the socio-economic development of society. And also family makes an important influence on the professional evaluation of students.

The system of professional orientation is aimed at increasing the creativity of the individual, managing social processes and coordinating individual interests of young people with the needs of a developing society, and the professional orientation is a focused work that promotes interest in the profession and a conscious choice of future profession taking into account the abilities and aptitudes of each student in accordance with the requirements of the society (Zholmuhan Turkpenuly, 1995). Career guidance work allows young generation to consciously choose the future profession without mistakes. In particular, nowadays specialized personnel come to schools and carry out various propaganda works for admission to several higher educational institutions.

Thus, graduates have the opportunity to choose their own higher education institution. But there are many students who do not attach importance to the chosen profession. Therefore, we believe that the introduction of the school subjects “Professional direction” or “Professional counseling”, as an elective, will help students to choose the right profession, close to the heart and the existing abilities of the individual (Gorbacheva, 2015).

Organizers of up-bringing work in the school, classroom teachers, as well as parents must participate in the work on career guidance of adolescent students. Many parents give professional orientation in choosing the future profession of their children without taking into account the knowledge, interests of the child or the demand in the labor market of the chosen profession. Therefore, in terms of the school’s work with parents, there should be various educational activities on career guidance. With the help of various motivational trainings, social, psychophysiological questionnaires, conversations and lectures held at parents’ meetings, it is possible to influence the views and attitudes of parents in the matter of professional orientation of children. In this regard, the scientist Zh.Aimauytov in his work “The System of the Soul and the Choice of Art”, based on his practice, says. Choosing a profession, a person should take into account his innate characteristics, should analyze what kind of activity he is inclined to. Such career guidance work should be carried out for adolescents in school in two stages: in the first stage for grades 5-9 with a focus on the profession, in the second-in grades 10-11 with training in the profession (Conley, 2002). In the process of learning,

new technological knowledge is practical in nature, contribute to the active participation of students in socially useful, productive work.

One of the main tasks is to determine the main criteria for professional orientation, the main areas of work, the organization of offices, as well as the creation of group councils. Therefore, the content of professional orientation, defining its goals and effective ways, the creation of forms is an important issue.

The main feature of adolescence is the desire to build their life plans. On the one hand, the life plan involves the fulfillment of the goals of the individual and the achievement of transitional goals. On the other hand, there is a process of detailing and differentiation of goals and motives. Gradually from a possible dream and an abstract idea, sometimes from an unacceptable model, a plan of action is developed based on some reality (Klimov, 1996).

In adolescence, such questions as "who to be" (definition of oneself in the profession) and "what to be" (definition of oneself in the moral aspect) are not considered. I.S. Kohn singled out the definition of professional orientation of students in age psychology in several stages: The first stage is a children's game, in the course of the game, the child due to his character features shows separate elements, different professional roles.

The second stage is a teenage fantasy, a teenager dreams about what he likes, feels like a representative of this profession;

The third stage is the choice of profession by teenagers. A teenager first evaluates the names of professions in terms of interests, and then he considers his abilities, in terms of the evaluation system;

The fourth stage – making practical decisions on the choice of the profession, including 2 main components; determines the level of qualification, the volume and duration of preparation for future work and the choice of a particular profession (Kroger, 2007).

All teenagers say that the life plan is blurred directions and dreams that do not correspond to practical reality. But a lot of these plans for study come down to the fact that everyone wants to do interesting work in the future, find loyal friends and travel a lot. Most often, teenagers want to perform important, socially significant things, but in most cases everything remains at the level of dreams. The choice of profession for teenagers is only an important question at a certain level. A certain profession includes the ability, flexibility and self-realization of the individual. A student in a professionally oriented attitude is still nobody, a blank slate. He can become a teacher, a doctor, a journalist, a lawyer and others. In this context, psychologist E.Lepesheva says that the program of oriented training should be developed based on four basic rules In this context, psychologist E.Lepesheva says that the program of oriented training should be developed on the basis of four basic rules.

First, choosing a profession is a personal step. Until each person deeply knows himself, he will not be able to choose a conscious way of life, will not be able to choose a profession. Therefore, you should talk with the students about how the profession can affect the life of a person.

Secondly: the basis of self-expression – everyone understands himself as an individual. "I want, I can, need to choose" these questions should not be on the same level, "I want" should be above, the other two points rank below (Kunnen, 2011).

Third: a more in-depth and flexible approach to informing about specialties is needed.

Fourth: active implementation of the created choice.

Choosing profession and making practical decisions involves two main components. Determination of the level of qualification of future work and the duration of the period of preparation for it, the choice of profession.The alternation of these two options may be different.Thus, adolescents should be open in choosing a profession, more consciously understand what is necessary in their future life, use all the opportunities for a conscious and correct choice of a future profession. Girls often choose the field of work or vice versa, the first level then the profession itself (I would go to higher education, but do not know what specialty). Most often, teenagers in this period want to combine work and education. In the matter of choosing a future profession, as well as the implementation of life plans by high school students, the level of transfer of education by parents and social requirements are fruitful (Rottinghaus, Jenkins, Jantzer, 2009). I. e. if all parents watched the process of teaching their children, helped to assimilate the material well, do homework carefully, motivated them with words of edification, enriched with wisdom, then children would try to justify the work of their parents, strengthen their knowledge and enter a profession close to their heart.

Search of profession is not only a social problem; it also creates a big psychological issue. Psychological pressure from parents (when, determine who will you be. When I was your age...) on the contrary can lead to increased anxiety, in some cases to the rejection

of self-determination and the disappearance of the desire for something. The problem is that graduates can't choose the profession they need. Since the object of professional orientation activity is a social and professional process in the knowledge of the person, we, first, collect fundamental groups. In this regard, we combine the principles of professional orientation in the following way:

Cognitive principle. In employment, the desire to satisfy not only one's own interests, but also to benefit society is clearly expressed in the choice of profession. Awareness of the choice of profession, in demand in modern agriculture, indicates the development of knowledge of the individual.

Compliance principle. Satisfaction of the social demand of personnel in the profession as well as one's own as desire, interests, skills and abilities and directly the choice of profession. As it is impossible to live in society absolutely free, so when choosing a profession, one can't choose a profession only by personal interests without taking into account the needs of society. Violation of the principle of compliance with the needs of the individual and society leads to an imbalance in the professional structure of personnel.

The principle of activity. It describes the type of activity of the person in the process of self-knowledge in choosing a profession. Everyone should actively seek a profession. Here the key role in the process of labor and professional training of students is played by practical tests, parental advice and their professional experience, search and reading of literature (in the specialty of interest), work in various circles, participation in courses, work practice and much more.

The last principle in this group is the principle of development. This principle is expressed in the development of personal competence, wage growth due to the growth of experience and the growth of professional practice, active participation in social work, meeting the cultural needs of the individual, the need for housing, recreation, etc. Therefore, the range of forms and methods of career guidance in various areas of work is determined. This includes conversations and consultations about professional orientation, excursions to enterprises, questionnaires, methods and techniques for determining the level of professional orientation (for the diagnosis of professional skills), essays, writing research projects by adolescents, conducting various brainstorming games with them (round tables, conferences, discussions, etc.) (Skorikov, Vondracek, 2007).

In addition, it is possible to develop the capabilities of adolescents through the influence of various factors of educational and professional interest. For example, it is necessary to be based on the analysis of the data obtained in the study of characteristics and personal data of students. The main thing is to combine the collected data, separating randomness from a constantly recurring method. Independent characterization is obtained through interviews, questioning, and information about the participation of the individual in various activities. The interview should take place in a planned manner in a certain direction. Its effectiveness depends on the teacher's pedagogical experience. The conversation can be conducted not only individually, but also as a group. When preparing for a conversation with a group, it is necessary to indicate its purpose, scale, place. It is necessary to analyze the questions asked by the students. Information obtained during the interview must be recorded after the event. A questionnaire is used to obtain comprehensive information. It is better if there are not many questions, they should also be short and clear. The answers are examined and the data obtained are compared with the data obtained on the basis of other types of work.

Laboratory and natural experiments are used to study adolescent students. The purpose of the natural experiment is to organize a specially organized situation to verify the reliability of the data obtained during the study of personality. Natural experiment, conducted in the conditions of professional training, can be carried out in the form of solving given problems.

If you use different methods in the study of adolescents, the data obtained will be versatile and complete. Masters of industrial training and group leaders make the necessary adjustments to the educational work and implement them, after a full examination of all the collected data.

The main forms of professional orientation of students include: training, lectures, travel, subject classes and technical circles, professional orientation literature, film and stage productions, courses, educational and industrial practice, conferences, competitions, theme nights, debates, organization of meetings with the owners of various specialties, meetings with parents of students, school graduates, socially useful work, various nominal and festive meetings, office of career guidance or corner. The multifaceted areas of professional guidance methods can be divided into two groups. The first group includes activities in the educational process – industrial practice at the enterprise, and the second group – extracurricular activities.

Below are the main pedagogical technologies of career guidance, compiled in accordance with the

previously identified main goals of career guidance assistance to high school students.

Activities aimed at vocational guidance for students:

days and weeks of open doors, field trips to enterprises and organizations;

organization of thematic competitions, the winners of which receive grants for training;

specialized circles and clubs ("Young Ecologist", "Young Accountant", "Young Economist", "Young Manager", Laboratory for the Journalist's Creative Activities, Anthropological Circle, etc.);

pre-vocational training classes (profile classes with the involvement of teachers of a higher or special educational institution), additional training programs;

pre-University centers and preparatory courses based on specialized educational institutions;

"labor tests" (practical introduction of high school students to the profession);

promotion of temporary employment during the holidays;

projects of social partnership of educational professional institutions with enterprises;

master classes from experts;

trainings, seminars and other forms of practical training;

competitions of professional skills of students (mandatory invitation of high school students);

organization of professional competitions "Best profession" among students;

thematic online contests and quizzes for high school students;

participation in the celebration of Russian professional holidays;

"open lessons", speeches at "class hours" and parent-teacher meetings in schools, meetings of specialists of local enterprises and organizations with students;

presentations of educational institutions in schools, at specialized exhibitions, trade fairs (in conjunction with Employment Centers);

agitation campaigns in schools to recruit students to vocational education institutions ("Find a student").

In this context, as part of the professional orientation of the personality of adolescents, it is necessary to distinguish through professional orientation emotional-volitional and cognitive spheres, which, in addition to the motivational sphere, are important areas of orientation of adolescents. In order to effectively guide the choice of vocational guidance for young students, certain indicators must be used as a basis. These indicators are:

• Informing students with messages, knowledge of educational institutions for studying the chosen specialty, knowledge of its professional content, the availability of demand for specialists corresponding to the country's economy;

• In professional selection, students choose the necessary specialty with public significance for the state;

• Choosing a specialty based on professional interests;

• Special abilities for a specific specialty (Natural Sciences, Social Sciences, Social Sciences, Art, Sports, etc.)

• Work experience in the chosen specialty (clubs, attendance of elective courses));

• Specific level of professional flexibility etc.

The emotional-volitional component of professional orientation of teenagers is shown, first of all, in their emotional attitude to the future profession, in satisfaction with the profession, preparation for the specialty.

The cognitive component of professional orientation depends on the orientation of the object of activity, a conscious understanding of the significance and necessity of their future professional and educational activities. Professional interests are included in the group of personal properties, their main properties are a function that contributes to the activation of educational, cognitive and professional work activities of the individual. The emergence and development of professional interests along with cognitive methods indicates the presence of emotional and volitional processes of the individual. In other words, professional interests should have an emotional connotation of the student's academic and extracurricular activities. This is explained as follows: if there is a complete correspondence between the personal needs, motives for professional self-determination of adolescents and their concepts of the content and nature of future professional activity, then adolescents form a strong position in choosing a specialty.A significant factor in the formation of professional orientation of adolescents is their understanding of their professional interests, motivating a conscious choice of profession, setting a conscious goal and planning actions for purposeful implementation of professional activities. All the above facts are scientific concepts and research developed as a result of many years of hard work of domestic scientists. Thus, as a result of career guidance, students have a professional choice. Therefore, we can note that the management of professional orientation is carried out only through the development of professional choice of the individual.

If the school teacher does not systematically develop these abilities, he will not be able to orient teenagers to the future profession. Correctly chosen profession increases satisfaction with the labor process and its results, allows showing creativity, improving emotional mood, implementing their life plans. Thus, the introduction of information technology in the field of private development in the selection of promising specialty will significantly improve the effectiveness of career guidance.

In conclusion, the formation of professional competence is closely related to the development of the personality of adolescents. Here only on the basis of the above the concept of professional orientation of pupils is defined. Therefore, it is impossible to separate the professional orientation of students from their professional self-determination.

I want to summarize this article with the words of a prominent Kazakh writer of Zh. Aimautov: "There is no bad profession, but any of them need flexibility, which requires a lot of skill. The one who goes his professional way, brings great benefits to himself and society. The work done by the person who is intended for it will always be of high quality and fruitful."

References

Bedareva T, Gretsov A. (2009) 100 populyarnykh professiy. Psikhologiya uspeshnoy kar'yery dlya starsheklassnikov i studentov [100 popular professions. Psychology of a successful career for high school students and students]. – SPb. (in Russ). -272 p.

Bendyukov M.A. (2006) Stupeni kar'yery: Azbuka proforiyentatsii [Career Steps: The ABC of Career Guidance]. – Sankt-Peterburg.: Rech'. –236 p. (in Russ.)

Conley D.T. (2002). Preparing students for life after high school. //Educational leadership, no 7, pp. 123-129

Bohndick, C., Kohlmeyer, S. & Buhl, H.M. (2017). Competencies and career choice motives: characteristics of high school students interested in teacher education programmes. //Journal of Education for Teaching, no 43(5), pp.1-8.

Chekmeneva O.Yu. (2016) Aktualizatsiya problemy professional'noy oriyentatsii kak sotsial'no-pedagogicheskogo yavleniya [Actualization of the problem of vocational guidance as a socio-pedagogical phenomenon]. //Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyy aspekt, T. 8. – №2 (32). – pp.198-216. (in Russ.)

Creed, P. A., and Patton, W. (2003). Predicting two components of career maturity in school based adolescents. //Journal of Career Development. – no 29(4), – Pp.277–290.

Feldman, D. (2003). The antecedents and consequences of early career indecision among young adults. //Human Resource Management Review.– no 13(3), – Pp.499-531.

Gati, I., and Asulin-Peretz, L. (2011). Internet-based self-help career assessments and interventions: challenges and implications for evidence-based career counseling. //Journal of Career Assessment. – no 19(3), – Pp.259–279.10.

Germeijs, V., and Verschueren, K. (2007). High school students' career decision-making process: consequences for choice implementation in higher education. //Journal of Vocational Behavior. – no 70(2), – Pp.223-241.

Gorbacheva S.M, Strizhko I.I. (2015) Professional'naya oriyentatsiya uchashchikhsya. [Professional orientation of students] // Molodoy uchenyy, №21. – pp. 778-781. (in Russ)

Kimongo Kemboi, R. J., Kindiki, N. & Misigo, B. (2016). Relationship between personality types and career choices of undergraduate students: a case of Moi University, Kenya. //Journal of Education and Practice, no 7(3), pp.102-112.

Klimov Ye.A. (1996) Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya. [Psychology of professional self-determination] – Rostov-na-Donu, RF.: Feniks, – 304 p. (in Russ.)

Kroger, J. (2006). Identity Development: Adolescence through Adulthood. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 305 p.

Kunnen, E. S. (2009). A Dynamic Systems Approach to Adolescent Development. London: Psychology Press. –Pp .3-14

Luyckx, K., Schwartz, S., Goossens, L., and Pollock, S. (2008). Employment, sense of coherence, and identity formation: contextual and psychology ical processes on the pathway to sense of adulthood //Journal of Adolescence Research. no 23, pp.566–591.

Rottinghaus, P. J., Jenkins, N., and Jantzer, A. M. (2009). Relation of depression and affectivity to career decision status and self-efficacy in college students. //Journal of Career Assessment, no 17, pp.271–285.

Skorikov, V. B., and Vondracek, F. W. (2007). Positive career orientation as an inhibitor of adolescent problem behaviour. // Journal of Adolescence, no 30, pp.131-146.

Turkpenuly Zh. (1995) Professional'naya oriyentatsiya [Vocational guidance]. – Almaty: Sanat. – 145 p. (in Russ.)

Tyushev Yu. V. (2009) Vybor professii: trening dlya podrostkov [Choosing a profession: training for adolescents]. – SPb.– 160 p. (in Russ).

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім
Психология

Section 1
Psychology

Раздел 1
Психология

Тажина Г.О., Таирова К.Т.
Карьерные ориентации как предикторы организационной лояльности преподавателей университетов. 4

Тургумбаева А.М., Аймаганбетова О.Х., Адилова Э. Т., Сейтнур Ж.
Влияние культурных ценностей на проявления особенностей профессиональной мотивации преподавателей высших учебных заведений 18

Issakozha B.Zh., Sadykova N.M.
The Influence of gender on professional identity 26

Рахымбаев У.
Социально-психологический анализ религиозности с позиции конфессиональной принадлежности.....32

Rizulla A.R., Tashimova F.S., Kabakova M.P.
The analyses of the stress resilience concepts' in the world psychology.....41

Шакимова Л.С.
Особенности преступного поведения современной молодежи с точки зрения криминальной психологии 48

Kalymbetova E.K., Kassen G.A., Mukhatayeva D.I., Bekaidar A.B.
Studying and prevention of bullying in the school environment: results of a mini research.....55

Алимбаева Р.Т., Капбасова Г.Б., Жансерикова Д.А., Лазарева Е.А., Джумагельдинов М.Н.
Взаимоотношения супругов после рождения первого ребенка.....67

Kupeyev A.R., Aimaganbetova O. Kh.
Research of the quality of life and stress level of people with hemophilia in Kazakhstan.....80

2-бөлім
Социология

Section 2
Sociology

Раздел 2
Социология

Абдирайымова Г.С., Бурханова Д.К., Тулебаев Н.
Значение и усиление имиджа социальной работы в общественном восприятии.....86

Turegeldieva A.S., Amitov S.A.
The social aspect of the diagnosis and clinical picture of postnatal depression in women. 101

Puzikova S. M.
Peculiarities of the development of subject-subject interaction in urban and rural schools of Kazakhstan: findings of sociological research of pedagogical problem.....108

Касымова А.А., Омарова А.Т., Дүйсенова С.М.
Ағза донорлығы туралы әлеуметтік түсініктердің теориялық-методологиялық негізі.....118

Kamal A. M., Shnarbekova. K.
Designing youth consumption style in social media.....127

Байжанова Г. А.
Пространственная самоорганизация населения мегаполиса: социокультурный аспект 134

Ақмади М.А.
Инициатива «Один пояс, Один путь» в странах Центральной Азии.....141

Мусин А.
Кросс-платформенные пересечения измерений в трансмедиа комиксов.....149

Сарсенбеков Ж.А., Сыздық М.Н., Есіркепова Г.К.
Зияткерлік капитал – интеллектуалды ұлттың жемісі: әлеуметтанулық талдау.....160

3-бөлім Шетелдік әріптестердің мақалалары	Section 3 Articles of foreign colleagues	Раздел 3 Статьи зарубежных коллег

Ерденова М.Б., Камзанова А.Т., Ахметов И.И., Валеева Е.В., Бегимова Г.А., Кустубаева А.М.
Взаимосвязь личностных качеств и интеллекта с генетическими маркерами 172

Beisenbayeva Zh.A., Sangilbayev O.S., Mustafa T.
The importance of vocational guidance for adolescents in choosing a profession.....184